НЁМАН

6/2016
ИЮНЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Заместитель директора – главный редактор
Алексей Иванович ЧЕРОТА

Адрес редакции

Юридический адрес: Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Б. Хмельницкого, 10а.
e-mail: info@zvyazda.minsk.by

Почтовый адрес: Республика Беларусь, 220034, Минск, ул. Захарова, 19.
Тел.: главного редактора — 284-85-25, заместителя главного редактора — 284-79-85;
отделов прозы, поэзии, публицистики, критики, зарубежной литературы — 284-80-91.
e-mail: neman-lim@mail.ru

Подписные индексы:

*74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.*

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
№ 11 от 10.12.2012, выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель
Редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Директор – главный редактор
Александр Николаевич КАРЛЮКЕВИЧ

Технический редактор, компьютерная верстка: *С. И. Староверова*
Компьютерный набор: *Е. Г. Кахновская*
Стильредактор: *Н. А. Пархимович*

Подписано в печать 20.06.2016. Формат 70 ×108 $^1/_{16}$. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,60. Уч.-изд. л. 20,34 . Тираж 1636. Заказ .

Цена номера в розницу 24 700 руб. (2 р. 47 к.)

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,

ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, Минск, Республика Беларусь.

К сведению авторов

*Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.*

Геннадий АВЛАСЕНКО

Унесенные временем[*]

Фантастическая повесть

Глава 8

В той, прошлой своей жизни, Санька редко ездила на «лошадиной тяге», да и то лишь исключительно в качестве праздной пассажирки.

Иван, он мог и коня запрячь, и весьма лихо им править, а вот сама Санька ни с чем подобным даже не сталкивалась. Знала теоретически, что «управление» лошадьми с помощью вожжей следующим образом происходит: натягиваешь нужную вожжу — и конь послушно в эту же сторону и поворачивает…

В теории это звучало довольно-таки неплохо, но вот на практике оказалось совсем худо. Да так худо, что дальше некуда!..

Вообще-то, самым первым Санькиным поползновением после того, как всадники подались прочь и оставили ее в покое, было — бежать! Бежать со всех ног и куда глаза глядят, лишь бы подальше от страшного этого места, от висельника, мерно покачивающегося под порывами ветра совсем неподалеку от нее, от второго мертвеца со стрелой в спине, лежащего у самой, считай, брички. И Санька, напрочь позабыв о своих израненных ногах, даже соскочила, чтобы…

И сразу же поняла, что бежать в данный момент она, увы, не в состоянии. Ковылять… это еще кое-как…

И она, подобрав с земли вожжи, вновь вскарабкалась на бричку. Но уже не на заднее мягкое сидение — а на переднее, деревянное. Уселась там поудобнее, встряхнула вожжами.

— Но! — неуверенно крикнула она. — Пошли!

Кони даже не шелохнулись. Как стояли, лениво пощипывая редкую придорожную травку, так и остались стоять.

— Пошли, давай! — со слезами в голосе крикнула Санька, повторно встряхивая вожжами. — Ну же!

И вновь никакого эффекта.

И Санька вспомнила про кнут. Где-то тут он валялся… вот только где? Ага, вот же… прямо под ногами!

— Добром не хотите! — пробормотала Санька, неумело взмахивая кнутом. — А ну, вперед!

Эффект на этот раз превзошел все ее ожидания.

Кони рванули с места так, что Санька кувыркнулась с переднего сиденья на заднее. Вернее, в промежуток между передним и задним сиденьями, да так и застряла там с прижатыми к голове коленками.

---

[*] Окончание. Начало в № 5 за 2016 год.

А кони все набирали и набирали скорость.

— Стойте! — испуганно завопила Санька, отчаянно, но тщетно пытаясь выбраться из той неудобной позиции, в которую сама же себя и посадила. — Да стойте же вы!

Лошади, конечно же, не послушались. Вряд ли они даже расслышать смогли тонкий срывающийся Санькин голос в сплошном грохоте и лязге, издаваемом подпрыгивающей на ухабах бричкой. Они мчались изо всех сил, а лязг и грохот, раздающиеся позади, казалось, только придавал им прыти…

Лошади, что называется, понесли. И Санька, выбравшаяся, наконец, из-под сидения, воочию смогла в этом убедиться.

Как и в том, что положение у нее незавидное. И это еще мягко сказано.

Вожжи она потеряла, вернее, волочились они по земле и были теперь совершенно недоступными, а значит, бесполезными. Кнут, который валялся рядом с Санькой, был еще более бесполезным, ибо кнутом можно подогнать лошадей, но никак их не остановить.

Оставалось одно: прыгать!

Или ожидать, когда бричка, не выдержав, наконец, бешеной этой скорости, сама перевернется или развалится.

И то и другое почти одинаково страшило Саньку, но на прыжок надо было решиться, а вот решимости у Саньки явно не хватало. И поэтому она, уцепившись обеими руками за боковой поручень, все оттягивала и оттягивала неизбежное…

А потом сквозь лязг и грохот, издаваемые подпрыгивающей на ухабах бричкой, до ее ушей донесся внезапно какой-то посторонний звук. Еще не совсем понимая, что это такое может быть, Санька чуть повернула голову влево и… увидела всадника. Подгоняя лошадь, он мчался теперь совсем рядом с Санькой. Он был молод, даже очень. Наверное, немногим лишь старше ее самой.

Но несмотря на молодость, юноша был уже воином. Об этом свидетельствовали сабля на поясе и рукоять ручницы, торчащая из кожаной кобуры, притороченной к седлу. Богатый, расшитый золотыми узорами кафтан указывал на принадлежность к дворянскому (а может, даже боярскому) сословию, а значит, был этот молодой всадник из числа царских ратников, но никак не из восставших крестьян.

Впрочем, сейчас уже Санька и сама не знала, кого из них следует больше опасаться.

— Помогите! — испуганно пискнула она, с мольбой глядя на юношу.

— Сейчас пособлю! — звучным юношеским тенором крикнул юноша, пришпоривая лошадь. — А ты, это… ты пока крепче держись!

Санька и так держалась из последних сил. А юноша, не обращая больше на Саньку никакого внимания, обогнал бричку и почти уже поравнялся с бешено несущимися лошадями упряжки. Некоторое время просто скакал рядом с ними, как бы примериваясь, а потом неожиданно для Саньки оказался вдруг на спине ближайшей из упряжных лошадей. Как это ему удалось, Санька так и не смогла понять.

— Тр-р-р! — все так же звучно закричал юноша, чуть откидываясь назад. — Ишь, понеслись!

Наверное, он еще и сделал там что-то, потому как лошади сначала просто перешли с галопа на рысь, а потом и вовсе пошли шагом, шумно фыркая и широко раздувая мокрые от пота бока. А юноша внезапно обернулся и подмигнул Саньке.

— Испугался, малец?

Не имея ни сил, ни голоса, Санька просто кивнула.

— Я тоже испугался! — сказал юноша, останавливая, наконец, лошадей и спрыгивая на землю. — За тебя, малец, испугался. А ты что, так один и странствуешь?

Не зная, что и ответить на этот вопрос, Санька не сказала ничего. Да юноша и не ждал ответа.

— Это не твоего ли отца повесили царские ратники? — спросил он участливо. — Видел я, там, у дороги…

И вновь Санька ничего ему не ответила. А вместо этого лишь разрыдалась в голос.

— Ну, прости! — виновато пробормотал юноша, по-своему поняв ее слезы. — Спросил не подумавши.

Он подошел к бричке, некоторое время молча смотрел на безутешно рыдающую Саньку. А она все пыталась объяснить, что повешенный — никакой ей не отец. И что он убил Феофана… и правильно его повесили соратники этого симпатичного юноши, за дело повесили, душегуба окаянного…

Пыталась все это объяснить, но рыдания мешали.

А потом оказалось, что рыдания помешали Саньке сморозить очередную глупость.

— Собаки царские! — внезапно процедил юноша сквозь зубы. — Чуть что — сразу в петлю! Ну, ничего… они тоже свое получат! Наш воевода еще в Москве будет править, а их боярский царь — на дыбе корчиться!

Санька поняла, что ошиблась, приняв его за одного из царских ратников. Юноша был из восставших, может, даже из тех дворян, что остались до конца верными Болотникову. Таких, если верить учебнику истории, тоже оказалось немало.

Или, может, просто приоделся, ограбив кого-то из богатеньких?

А юноша вдруг свистнул, да так оглушительно, что Санька даже вздрогнула и недоумевающее на него уставилась. А потом услышала недалекое лошадиное ржание и поняла, что таким своеобразным способом юноша подзывает свою лошадь.

Лошадь эта и вправду почти сразу же прибежала на свист: высокий вороной жеребец с красиво изогнутой, почти лебединой шеей. Остановившись возле юноши, жеребец доверчиво ткнулся влажными губами в его плечо.

— Ах ты, морда! — с укоризной проговорил юноша, одной рукой ероша густую спутанную гриву жеребца, а другой ласково поглаживая его по шее. — Сбежать от меня хотел, да?

Вряд ли жеребец хотел сбежать от своего хозяина, да и сам хозяин вряд ли всерьез его обвинял. Он еще раз провел ладонью по шее лошади, потом вновь обернулся к Саньке.

— Куда ехали с отцом? — спросил он. — В Тулу?

Санька молча кивнула, решив со всем соглашаться. В Тулу так в Тулу… ей теперь как-то все равно было…

— К нам в стан? — задал юноша следующий вопрос. — Или так, в город, по торговым делам?

Тут уже кивка было недостаточно, нужно было что-либо ответить.

— По торговым делам, — сказала Санька, потом вспомнила о пропавшем Иване и добавила торопливо: — Вообще-то, мы брата моего искали, старшего. Вот, в Туле решили посмотреть…

— Ну, тогда нам по пути! — усмехнулся юноша.

И привязав своего жеребца к заднему выступу брички, он поднял с земли вожжи. Потом, легко вскочив в бричку, уселся рядом с Санькой.

— Но, родимые! — крикнул он, слегка встряхивая вожжами. — Пошли!

И лошади сразу же его послушались. И послушно побежали рысцой, держась середины дороги, так что даже править ими не было особой нужды.

Юноша и не правил, просто держал вожжи в левой руке. Правую же свободную руку положил на изогнутую рукоятку ручницы, которую предварительно вытащил из седельной кобуры и просто засунул за пояс.

Так они и ехали некоторое время в полном и абсолютном молчании.

— Как звать тебя, малец? — неожиданно спросил юноша, даже не глядя в Санькину сторону. — Меня — Андреем!

— А меня — Александрой! — бездумно отозвалась Санька и тут же добавила, спохватившись: — Александром, то есть… Санькой…

— Санькой… — повторил Андрей, внимательно следя за дорогой и в то же время искоса поглядывая в Санькину сторону. — И сколько же тебе лет, Санька?

«Пятнадцать!» — чуть не ляпнула Санька, но вовремя спохватилась.

— Двенадцать годков мне, — проговорила она жалобно, потом подумала немного и еще более жалобно добавила: — Тринадцатый вот пошел…

— И уже без отца… — вздохнув, добавил Андрей. — В Туле есть кто знакомый?

И тут только Санька вспомнила о Феофане. А что, если он остался жив после того рокового выстрела? Лежит теперь раненый в придорожной пыли… и, может, ему еще можно хоть как-то помочь?

— Поворачивай! — взволнованно закричала она, хватая Андрея за рукав. — Мне назад надо!

И заметив недоуменный взгляд юноши, пояснила торопливо:

— Там Феофан… ранило его сильно… а потом…

Не договорив, она замолчала, поняв вдруг, что рассказать этому симпатичному юноше все, что случилось потом, будет не так-то и просто.

Но Андрей, ни о чем больше не расспрашивая, ловко развернул повозку с помощью одних только вожжей. Правда, после этого соскочил на землю и принялся отвязывать своего скакуна.

— Ты извини, Санька! — сказал он почти виновато. — Пособил бы тебе с радостью, но времени нет! С донесением скачу, так что…

Он замолчал, не договорив, с некоторым сомнением взглянул на Саньку.

— Один с лошадьми управишься?

Санька неуверенно кивнула.

— А что это? — внезапно спросил Андрей и, засунув руку куда-то между тюков, вытащил оттуда на удивление знакомый предмет. — Что это?

«Мобильник!» — едва не ляпнула Санька, но вовремя сдержалась. Машинально провела рукой по карману. Когда же он выпасть успел? Наверное, когда лошади мчались галопом, а сама Санька в это время беспомощно среди тюков кувыркалась.

— Это твое? — с нескрываемым любопытством проговорил Андрей, внимательно рассматривая находку. — Твое, да?

— Первый раз вижу! — неожиданно даже для себя самой сказала Санька. — Отец, наверное, выменял где-то, диковинку заморскую!

— Заморская, это точно! — согласился Андрей, вертя мобильник в руках. — Никогда ничего подобного… Вот черт! — вскрикнул вдруг он испуганно, роняя мобильник.

Санька не сразу уразумела причину его испуга, и только взглянув на мобильник, лежащий на земле, поняла, что же смогло так напугать этого бесстрашного парня.

Экран мобильника светился, наверное, Андрей, сам того не желая, нажал на соответствующую кнопку. Впрочем, продолжалось это недолго… экран вновь погас…

— Черт! — повторил Андрей, с опаской поглядывая на мобильник у своих ног. — Дьявольское отродье! Чур меня, чур!

И он широко и размашисто перекрестился.

«Сейчас вновь меня ведьмой объявят!» — борясь с подступающей паникой, подумала Санька.

А Андрей со всего размаху врезал ногой, обутой в расписной щегольской сапог, по мобильнику, и тот, отлетев метров на десять, еще и развалился при этом на составные части: питание отдельно, сим-карта — сама по себе…

— Первый раз видишь, говоришь? — как-то недобро прищурившись, спросил Андрей Саньку. — Врешь, поди, малец?!

— Правду говорю! — со слезами в голосе выкрикнула Санька. — Не видывал я этой штуковины, не показывал мне ее батя! Никогда не показывал!

Ничего на это не отвечая, Андрей подошел к разбросанным частям мобильника, осторожно сгреб их в широкую ладонь.

— Ну и ладно тогда, — забрасывая остатки мобильника в седельную сумку, уже спокойно проговорил Андрей. — Немчине нашему покажу, Фидлеру! Он человек бывалый, может, что-либо подобное видывал в многостранствиях своих!

«Отдай!» — едва не крикнула Санька, но вовремя сдержалась. В самом деле, какое право имеет она претендовать на находку, ежели только что вторично объявила о полной к ней непричастности?

— Ну, прощевай, что ли, Алексашка! — крикнул Андрей, вскакивая в седло и сразу же бросая лошадь в галоп. — В Туле встретимся!

Юноша ускакал, а Санька некоторое время лишь грустно смотрела ему вслед. Не потому, что жалко было бесполезного этого мобильника, потому, скорее, что страшновато было вновь одной оставаться. Потом она вздохнула и с замиранием сердца встряхнула вожжами.

— Но! — крикнула вполсилы. — Пошли!

И кони, что удивительно, пошли. Точнее, побежали неторопливой размашистой рысью. Именно неторопливой… и Санька, почти успокоившись, уселась поудобнее на жестком сидении и принялась править. Впрочем, править почти не пришлось, умные животные сами выбирали для себя наиболее удобный маршрут.

Проезжая мимо дерева с висельником, Санька крепко зажмурилась и решилась вновь открыть глаза лишь когда страшное дерево осталось далеко позади. Теперь ей следовало глядеть в оба, ибо неподалеку был уже и тот участок дороги, где раненый Феофан свалился с повозки. Именно раненый, а не убитый… Санька очень на это надеялась…

Замедлив ход лошадей, Санька, привстав на сидении, принялась внимательно осматривать окрестности дороги. Феофан свалился на левую сторону, это Санька хорошо даже запомнила. Но обследовала она обе стороны: как левую, так и правую…

И безо всякого видимого результата.

Феофана нигде не было видно: ни живого, ни убитого. И, проехав безрезультатно еще пару километров, Санька наконец-таки остановила лошадей и задумалась.

В том, что она уже давно миновала место падения Феофана, у Саньки не оставалось никаких даже сомнений. Более того, она узнала вдруг местность, на которой в этот момент находилась: именно тут они с Феофаном пережидали нашествие войск и именно тут повстречали бричку с жутким этим разбойником…

И что из этого следовало?

Пропустить и не заметить лежащее у дороги тело монаха Санька никак не могла: придорожная трава на протяжении всего этого участка шляха была невысокой и довольно редкой. Значит, либо Феофана кто-то подобрал, либо он, раненый, сам ушел (уполз?) в сторону леса, подальше от опасного шляха…

И где его, в таком случае, искать? И как, скажите, сие осуществить? Кричать, звать? Почему-то Саньке очень не хотелось этого делать.

Потом она вспомнила о слепом бандуристе с мальчиком-поводырем по имени Иван. Надежда на то, что поводырем этим вполне мог оказаться ее Иван, все еще не угасала в душе Саньки… впрочем, надеяться ей больше было совершенно не на что. Особенно теперь, после вынужденной разлуки с Феофаном.

А значит, надобно во что бы то ни стало разыскать этого бандуриста. Вот только где его искать теперь: в Туле или все же в Калуге?

Санька выбрала Тулу.

Развернув лошадей (Санька и сама удивилась, как лихо это у нее получилось на довольно-таки узкой дороге), она встряхнула вожжами, и лошади вновь покорно потрусили в сторону Тулы. А Санька, крепко сжав зубы, чтобы не разреветься (этого еще не хватало!), все продолжала и продолжала внимательно осматриваться по сторонам.

И, как оказалось, не зря.

Что-то знакомое мелькнуло вдруг у нее перед глазами, мелькнуло и осталось было позади… но тут Саньку словно осенило.

— Тр-р-р! — закричала она, туго натягивая вожжи, и лошади послушно остановились. А Санька, даже не дожидаясь полной их остановки, соскочила с облучка и, прихрамывая, бросилась в ту сторону, где и заметила мимоходом что-то знакомое. Или просто почудилось ей?

Оказалось, не почудилось.

В густой придорожной траве лежал посох Феофана. А чуть поодаль — его котомка. Самого монаха нигде не было видно.

— Феофан! — крикнула Санька вполголоса. Крикнула и прислушалась.

Ответом ей была лишь тишина, чуть разбавленная отдаленным шумом березовой рощи, что тянулась вдоль «шляха». Возможно, Феофан уполз в ту сторону? Или ушел, ежели сил хватило? Впрочем, в таком случае он бы посох с котомкой ни за что не оставил…

Следопыт из Саньки был аховый, но даже ее незначительных навыков в этой области хватило, чтобы осознать: в сторону рощи никто не полз и даже не шел. Вот тут, между посохом и котомкой, трава основательно примята, и даже кровавые пятна на ней хорошо различимы… а дальше — густой и совершенно нехоженый травостой.

Живой ли, мертвый ли, но Феофан как сквозь землю провалился.

Осознав этот непреложный факт, Санька вздохнула и заковыляла обратно к лошадям. Потом, правда, вновь вернулась и некоторое время молча вглядывалась вдаль.

— Феофан! — закричала она изо всех сил. — Феофан!

И вновь лишь тишина, чуть разбавленная шумом берез, была ей ответом. И Санька, постояв еще немного, печально вздохнула и, вернувшись к бричке, вновь забралась на облучок. Подобрав вожжи, решительно ими встряхнула.

— Но!

И вновь лошади послушались ее сразу, кажется, признав наконец-таки за хозяйку. А какая ж он хозяйка, ежели даже распрячь их самостоятельно не сможет, не говоря уже о том, что домашних животных еще и кормить-поить надобно? В общем, смех, а не хозяйка!

Уже отъехав от места таинственного исчезновения Феофана на довольно приличное расстояние, Санька запоздало вспомнила о посохе и котомке, так и оставшихся лежать на обочине. Вообще-то, посох был ей ни к чему, а вот котомку можно было и захватить.

Но не возвращаться же из-за этого вторично! Да и что там, в котомке, могло быть важного такого? Вон у нее в бричке целая куча тючков… интересно, что в них там? Может, съестное что, а то есть ужас как хочется.

Можно было, конечно, просто остановиться и поискать это самое съестное, но лошади бежали бодро и не особенно быстро, и Саньке не хотелось их останавливать. Ведь кто знает, а вдруг они вновь заупрямятся или, что еще хуже, рванут вразнос, как тогда?

А вот и дерево с висельником (никак этот мертвец Саньку в покое оставить не желает!), и, проезжая мимо него, Санька крепко зажмурилась. Господи, дальше-то что ей делать в этом страшном мире?!

«Искать Ивана! — приказала себе Санька. — Он ведь тут где-то… и ему тоже страшно и одиноко! И просто здорово было бы, ежели поводырем того слепого бандуриста оказался именно Иван!»

Саньке очень хотелось в это верить. Как и в то, что бандурист с поводырем направились именно в эту сторону.

А ведь могли и в прямо противоположную!..

Или не могли, ведь войско, которое наблюдали Санька с Феофаном, двигалось именно в сторону Тулы. И, скорее всего, бандурист примкнул к войску: где много народу, там и подзаработать легче…

Вспомнив про войско, Санька принялась встревоженно вглядываться вдаль. А не нагоняет ли она его часом? А ежели все же нагонит, то чем это для нее самой обернуться может?

Да ничем хорошим! — немного поразмыслив, решила Санька. — И лошадей отнимут, это как пить дать, да и с самой чего угодно сотворить могут! И не важно, чье это было войско: отступающие отряды Болотникова или ратники Шуйского, их преследующие! Все они одним миром мазаны и от всех следует подальше держаться!

Впрочем, это было легче сказать, чем сделать, тем более, ежели хочет она как можно скорее Ивана отыскать. Значит, как ни крути, а войско нагонять придется.

Лошади все продолжали и продолжали неторопливый свой бег, и Санька их не понукала и не сдерживала, положившись на волю случая. И даже когда клубящееся далеко впереди облако пыли подсказало Саньке, что она и в самом деле приближается к ратникам, и тогда Санька не стала останавливать лошадей. Будь что будет!

В это время до ее ушей донесся странный грохот, хорошо различимый даже сквозь непрерывное дребезжание брички. Грохот доносился спереди, а еще Санька смогла разглядеть далеко впереди белесые клубы дыма и мечущиеся в беспорядке человеческие фигурки. Впрочем, определенный порядок в этом их метании, кажется, присутствовал…

Там, впереди, шел бой, в этом не было никаких сомнений!

— Тр-р-р! — закричала Санька, туго натягивая поводья.

В душе она опасалась, что лошади, не послушавшись, вновь понесут, но что удивительно, они почти сразу же остановились, всхрапывая и встревоженно поводя ушами.

Это хорошо, но вот что ей делать дальше?

Может, бросить бричку и продолжить путь в пешем порядке? Правда, стертые ноги беспокоят, ну да ладно! Зато пешему спрятаться легче: в траве затаиться, тем более, вон какая вымахала высоченная справа от дороги. А слева сосновый бор… там тоже переждать можно. Не вечно же там, впереди, сражаться будут… кто-то ведь и победителем оказаться должен…

Но жалко было Саньке с бричкой и лошадьми расставаться. Ну, бричка — ладно, а вот с лошадьми как быть? Умела бы распрячь — на волю бы отпустила, но как тут распряжешь, ежели она к этим резвым лошадкам даже приблизиться боится, не то чтобы распрягать...

И тут Санька с ужасом обнаружила, что сражение медленно, но неуклонно перемещается в ее сторону! Вот уже хорошо различимы стали бегущие в панике люди: кто пеший, кто конный. Впрочем, нет! Это пешие бежали в панике, а те, что на конях, догоняли их и… рубили! Саблями или мечами… и со всего размаха!

И вот-вот общая человеческая масса убегающих и преследователей окажется здесь, рядом с Санькой…

В полной растерянности Санька попыталась развернуть лошадей, но ничего у нее из этого не получилось. Вернее, получилось, но как-то наполовину: бричка, встав поперек, плотно загородила собой дорогу, а лошади, вынужденные из-за этого сойти в неглубокий придорожный кювет, сразу же принялись жадно щипать густую высокую траву.

— Но! — в отчаянье закричала Санька, замахиваясь на них кнутом и едва не плача. — Но!

Кони рванули, образовав с бричкой почти прямой угол, и бричка, естественно, такого неестественного положения выдержать никак не могла. Тоже скатываясь в кювет, она одновременно с этим так резко и внезапно накренилась, что никак не ожидавшая подобной подлости Санька попросту вывалилась из нее, больно ударившись лбом о придорожный камень. А мгновение спустя и сама бричка опрокинулась, да прямо на Саньку, плотно придавив ее к земле в области поясницы, да еще и забросав сверху хоть и мягкими, но довольно увесистыми тюками.

— Черт! — со слезами в голосе выкрикнула Санька, упорно, но безуспешно пытаясь выкарабкаться. — Вот же черт!

Но бричка, издалека выглядевшая такой легковесной и даже, можно сказать, ажурной, на деле оказалась весьма тяжеленной конструкцией. Во всяком случае, несмотря на все старания Саньки, высвободиться не удалось. Уж она и так, и этак старалась, и ужом выкручивалась… а все без толку.

— Но! — поняв всю тщетность своих усилий, прикрикнула Санька на лошадей, решив прибегнуть к их помощи. — Но, пошли!

Лошади приказ временной своей хозяйки попросту проигнорировали и, скорее всего, своим бездействием спасли Саньку от крупных неприятностей, кои могла причинить ей, волочась вслед за лошадьми, лежащая на боку бричка. Напополам бы не перерезала, но внутренние органы повредить могла, это как пить дать!

В это время позади, со стороны дороги, послышались возбужденные возгласы, топот множества ног… и Санька поняла, что остатки разбитого воинства уже совсем рядом. Кем бы ни были эти беглецы, сподвижниками ли Болотникова, царскими ли ратниками, ничего хорошего от встречи с ними Саньке ожидать не приходилось. И потому не нашла она для себя ничего лучшего, как притвориться убитой, тем более что каких-то особенных неудобств от лежания под бричкой пока не испытывала. Так получилось, что на земле в этом месте оказалась довольно глубокая выбоина, в нее-то Санька и угодила. Выбраться самостоятельно не могла, но и особого давления на поясницу не было.

Закрыв глаза и раскинув в стороны руки, Санька замерла неподвижно, хоть неподвижность эта ох как нелегко ей далась. Сердце стучало до того оглушительно, что, казалось, едва не выскакивало из груди, и дыхание вдруг сделалось каким-то излишне частым и шумным. И только на то была надежда, что не станут в спешке отступающие вояки обращать особое внимание на какого-то мертвеца у дороги.

Так оно поначалу и было. Люди поодиночке и целыми ватагами просто пробегали мимо, бранясь и чертыхаясь, потом проскакало несколько десятков всадников (Санька определила это по характерному топоту копыт), вновь пошли пешие. А потом…

— Кони, братцы! — хриплым басом выкрикнул кто-то, и сразу несколько человек бросились к опрокинутой бричке. — И мануфактура!

— А ну, разбирай товар купеческий! — вторил ему второй, не менее хриплый голос.

Люди топтались вокруг Саньки, кто-то второпях наступил ей на руку, впрочем, не очень больно… и, чуть приоткрыв глаза, Санька обнаружила вокруг себя не менее десятка ног в грязных истрепанных лаптях. Тогда что же выходит: болотниковцы это?

Представить себе царских ратников, обутых в лапти, Санька никак не могла.

— Робята, да тут малец забитый! — выкрикнул кто-то, вторично наступая Саньке на руку. — Вытащить его, что ли?

«Сейчас поймут, что я притворяюсь! — в панике подумала Санька. — И что они тогда со мной сотворят?!»

— Так что с мальцом делать-то?

— Да бес с ним, он, что, тебе заминает! Ты мануфактуру давай хватай!

В это время впереди, там, где несколько человек толкались возле лошадей, выпрягая их, вспыхнула ссора. Да иначе и быть не могло, ибо лошадей-то всего две и было…

— А ну отойди! — послышался низкий озлобленный рев кого-то из мародеров. — Отойди, говорю! Мой конь, я первый узрел! Ишь, ловкий какой!

— Небось, половчее тебя буду! — вторил ему голос повыше, но не менее озлобленный. — А конь мой!

— Ах ты!

Послышался хлесткий звук удара, болезненный вскрик, звяканье металла о металл. Все стоявшие вокруг брички бросились в сторону стычки, то ли чтобы совместно в ней поучаствовать, то ли просто разнимать драчунов.

— Это еще что такое? — послышался вдруг со стороны дороги чей-то властный и, кажется, совершенно не терпящий возражений голос. — А ну прочь, тати безродные!

Шум, топот копыт, испуганные вскрики… и вот уже вокруг Саньки вновь тишина, хоть со стороны дороги по-прежнему доносится ровный гул от сотен

бредущих ног. Не бегущих, а именно бредущих, спокойно, уверенно. И вот еще кто-то спускается сюда, к ней…

«Болотниковцы! — невольно подумалось Саньке. — А может, Шуйского ратники? Господи, когда же все это кончится?!»

Затекли шея, руки… и Санька, немного осмелев, изменила положение головы и рук. Потом чуть приоткрыла глаза.

И тут же радостно вскрикнула, ибо неподалеку от себя узрела все того же юношу Андрея.

— Руки-ноги целы? — озабоченно проговорил он, склонившись над беспомощно распростертым Санькиным телом. — Как же это тебя угораздило, пацан?

Санька ничего не ответила, да и что было отвечать. Крепко сжав зубы, чтобы не разрыдаться (этого еще не хватало!), она лишь умоляюще смотрела на Андрея. И тот, правильно уразумев ее умоляющий взгляд, ухватился обеими руками за край брички и одним мощным рывком поставил ее на колеса. Потом с еще большей легкостью поставил на ноги и саму Саньку.

— Ничего не ушиб, Алексашка? — заботливо проговорил Андрей и, опустившись на колени, принялся тщательно ощупывать ее ноги, начиная с лодыжек и поднимаясь все выше и выше. — Да стой спокойно, чего ты?!

Но стоять спокойно Санька, естественно, не пожелала и мгновенно отпрянула в сторону.

— Ну чего ты, в самом деле? — повторил удивленно Андрей, поднимаясь на ноги и отряхиваясь. — Я просто проверить хотел, все ли в порядке у тебя…

— Все у меня в порядке! — торопливо проговорила Санька, невольно краснея и опуская глаза. — В полном!

— Ну и ладушки тогда! Дальше что делать думаешь?

Этого Санька не знала, ибо лошадок кто-то все же успел умыкнуть. И пока она раздумывала, как же теперь быть, сверху вновь донесся все тот же властный голос.

— Отходим! — прогремел он, и Санька, повернув голову, увидела, как проскакал мимо всадник в кольчуге, алом плаще и позолоченном остроконечном шлеме с белыми перьями. За всадником, стараясь не отстать, промчалось в том же направлении еще не менее сотни воинов, тоже весьма хорошо экипированных и вооруженных. Затем торопливым ходом потянулись пешие ратники, вооруженные в основном копьями, бердышами или простыми топорами на удлиненных рукоятках.

— Кто это? — спросила Санька Андрея, имея, конечно же, в виду всадника в алом плаще. — Начальник ваш?

— Начальник! — насмешливо хмыкнул Андрей. — Слово какое дивное у тебя выговорилось: начальник! Да это воевода наш заглавный! — с какой-то особой теплотой и гордостью добавил он. — Болотников это, Иван Исаевич!

— Болотников? — восторженно и вместе с тем недоверчиво проговорила Санька, провожая жадным взглядом быстро удаляющихся всадников. — Сам Болотников?

Не отвечая, Андрей лишь молча кивнул, а Санька все смотрела и смотрела в ту сторону, где медленно оседала пыль от промчавшейся кавалькады и молча брели в этой пыли угрюмые вооруженные мужики.

Болотников, легендарный вождь восставших крестьян, кумир ее детских грез, только что промчался мимо, а Санька даже лица его толком рассмотреть не успела. Только и заметила бороду да шлем, на глаза самые надвинутый…

— Ну, так что? — вернул Саньку к действительности голос Андрея. — Куда сейчас, Алексашка, двигать думаешь? В Тулу?

Санька ничего не ответила, да и что было отвечать. Лошадок увели, выходит, что бричка эта полностью теперь бесполезной для Саньки сделалась. А пешком…

Вообще-то, ногам ее было уже не так больно, как раньше, но все равно пешочком до самой Тулы…

Интересно, а сколько до нее отсюда километров? Впрочем, в то их время в километрах расстояние еще не высчитывали. В верстах, кажется…

— Одежка на тебе дивная, — задумчиво проговорил Андрей. — И обувка тоже не в наших местах изготовлена. И мнится мне, что встречал я недавно весьма схожую. Только вот где и на ком — этого никак не припомню…

Сердце Саньки радостно забилось.

— Слепой бандурист с мальчонкой-поводырем? — напомнила она дрожащим от волнения голосом, и даже дыхание затаила в ожидании ответа. Господи, хоть бы это так было… скажи, что это так… что это они…

— Точно, бандурист! — удовлетворенно кивнул Андрей. — И мальчонка при нем, тебя старше немного. Пришли утречком сегодня в наш стан, так портки на мальчонке такие же, как твои! И обувка, вроде, такая же…

— Это же брат мой! — не проговорила даже, прокричала Санька, взволнованно хватая Андрея за руку. — Брат мой Иван, я потеряла… потерял его и теперь ищу…

Впрочем, опомнившись, она тотчас же отдернула руку, а Андрей как-то странно на Саньку посмотрел.

— Ну, тогда тебе тем более в сторону Тулы подаваться надобно, — сказал он. — Вот только бричка твоя теперь безлошадная. И товар весь, ироды, разорили… Жалко, поди, добра-то?

Вместо ответа Санька лишь безразлично пожала плечами. Лошадок ей было жалко, а вот тючки эти… Да пропади они пропадом… Впрочем, они и так уже пропали…

— Ты верхом без седла, Санька, ездить умеешь? — спросил Андрей и очень удивился, когда Санька отрицательно мотнула головой. — Вот те на! А в седле?

Санька вновь мотнула головой.

— Что ж ты за сын купеческий, коль до сих пор верхом ездить не выучился? Или ты и не сын вовсе? — внезапно добавил он, понизив голос почти до шепота. — Дочка ты купеческая переодетая, что, угадал ведь?

Санька так и обмерла вся.

Вот и Андрей легко ее раскусил! И что он предпримет, и не взбредет ли в голову ему что-то нехорошее, тем более что Санька теперь в полной его власти? И заступиться некому, и некому даже пожаловаться в случае чего. Нет у них тут никакой власти и никакой правовой основы, пусть даже самой жестокой и неправедной. Одно лишь право тут имеется: право сильного! Кто сильный — тот и прав, у кого оружие — у того и власть!

А Андрей все смотрел и смотрел на Саньку странным, задумчиво-затуманенным каким-то взглядом… и чем дольше он этак смотрел, тем более Саньке не по себе становилось.

— Красивая ты! — задумчиво проговорил Андрей, наконец-таки отводя взгляд. — Звать то тебя как? Санькой?

Не отвечая, Санька лишь молча кивнула, стараясь при этом не встречаться с Андреем взглядом.

— Тебе б, Санька, сарафан ситцевый с вышивкой да косу по пояс — от женихов отбоя не было бы! И знаешь, — добавил он, немного помолчав, — я бы и сам одним из первых был! Не вру, вот те крест! Ты чего?

А Санька, разрыдавшись во весь голос, опустилась обессиленно на редкую придорожную траву и закрыла лицо руками.

— Ну, чего ты? — встревоженно повторил Андрей, садясь рядом с Санькой и осторожно дотрагиваясь пальцами до ее запястья. — Кожа у тебя нежная какая… прямо как у дочери боярской или даже у княжны…

— Пожалуйста! — давясь рыданиями, проговорила Санька, борясь с желанием немедленно отдернуть руку и не решаясь этого сделать из боязни рассердить Андрея. — Не делайте со мной ничего плохого, пожалуйста! Я девочка еще… мне это рано… ты лучше просто убей меня… просто убей лучше, чем что-либо такое…

— Да ты что, Санька! — возмущенно и одновременно с некоторым смущением воскликнул Андрей, отпуская Санькину руку и вскакивая. — И в мыслях ничего такого не было! Вот чем хочешь могу поклясться!

— Правда? — проговорила Санька, все еще всхлипывая и не отрывая ладоней от лица.

— Да вот те крест! А ежели что-то не то ляпнул — ты уж прости, не обижайся зазря! И про то, что ты девица, — никому не скажу! Только ты глаза вытри, негоже парню нюни распускать! Вот тебе утирка, она чистая…

— Спасибо!

— Не за что!

Поднявшись на ноги и тщательно вытирая лицо куском полотняной материи, Санька постепенно успокоилась.

— Это ты меня извини, — проговорила, вернее, прошептала она все еще дрожащим от недавних слез голосом. — За то, что так плохо о тебе подумала!

— А сейчас и подводу тебе организуем! — не отвечая, радостно воскликнул Андрей. — Эй, Силантий! Подвезешь парнишку до нашего стана?

— Подвезу, отчего не подвезти, — послышался со стороны шляха чуть дребезжащий стариковский голос.

Обернувшись, Санька увидела простую телегу, которой правил пожилой мужчина необычно уродливой внешности. Впрочем, Саньке уже все равно было, на чем ехать и с кем. Не трогали бы, с расспросами не приставали, и ладно.

А мысль о том, что в скором времени она все же встретится с Иваном, согревала душу.

— Ну, бывай, Санька! — крикнул Андрей, дождавшись пока Санька взберется на прелую пахучую солому, разбросанную по всей телеге, и лишь после этого птицей взлетая на гнедого своего жеребца. — В стане встретимся!

Глава 9

Воинский стан буквально поразил воображение Саньки. И даже не огромными своими размерами, а скорее той суетой и неразберихой, которая здесь царила. Она все же представляла себе военный лагерь (пусть даже и стихийно восставших крестьян) как-то иначе…

Может, потому, что фильмов исторических насмотрелась?

Огромные толпы конных и пеших людей (большей частью вооруженных), шум, гам, угрожающие выкрики вперемежку с лошадиным ржанием… все это подействовало на Саньку крайне угнетающе.

Вот слева от нее двое здоровенных мужиков, только что мирно беседовавших, вдруг с диким ревом бросились друг на друга, ожесточенно молотя кулаками. Драчунов тотчас же окружила толпа, подбадривающая их восторженными криками… впрочем, окончания сего поединка Санька не дождалась. Телега, хоть и не быстро, но все же продвигалась вперед… а Санька все вглядывалась и вглядывалась в бушующее человеческое море вокруг.

Где-то тут, среди прочих, должен был находиться Иван со своим слепым бандуристом, но сколько Санька ни вглядывалась, так нигде и не смогла их обнаружить.

Вместо этого с ужасом увидела справа от себя два столба с перекладиной, на которой мерно покачивались пятеро повешенных, двое из которых были совершенно без одежды.

— За что их, дяденька? — дрожащим голосом поинтересовалась она у Силантия.

— Знамо за что! — не оборачиваясь, буркнул тот. — За шею! Таперича это у нас быстро делается…

В том, что суд и расправа вершатся в жестокое это время в ускоренном темпе, Санька смогла убедиться и ранее, когда царские ратники на ее глазах быстренько осудили и тотчас же приговорили к повешению убийцу Феофана. Но оказалось, что восставшие крестьяне тоже не особо церемонятся.

— Все, приехали, малец! — объявил Силантий, туго натягивая вожжи. — Тебе кудой надобно?

Не отвечая, Санька проворно соскользнула с телеги и тотчас же затерялась в галдящей и двигающейся толпе неряшливо и разнообразно одетых и дурно пахнущих мужчин. Не верилось даже, что это идейные борцы за светлое будущее человечества, а не некое случайное скопище бомжей или нищих…

Впрочем, не все из этих вояк были одеты столь бедно и неряшливо. Встречались среди них и в одежке побогаче, а некоторые и вообще щеголяли какой-то особо подчеркнутой, излишней даже роскошью. Сразу видно было, что это так называемые дети боярские, иными словами — дворяне…

Лавируя среди всей этой разношерстной толпы, точнее, двигаясь в одном с ней направлении, Санька неожиданно оказалась на обширной площади, до отказа заполненной народом. И народ этот никуда не спешил: плотной толпой обступив кого-то, пока Саньке невидимого. И этот кто-то пел среди толпы высоким, надтреснутым и довольно-таки неприятным голосом.

Слов песни было не разобрать (так, сплошное тягучее песнопение), но и без этого Санька поняла, что настигла, наконец, тех, кого столь долго разыскивала. Слепой бандурист (а это он, скорее всего, пел сейчас) находился посреди собравшейся толпы, а значит, и его мальчонка-поводырь тоже должен быть где-то неподалеку!

Оставалось лишь как-то пробраться сквозь плотный человеческий строй, что было делом далеко не простым и даже, чего греха таить, страшноватым.

И все же Санька решилась, вернее, отчаянье и жгучее желание узреть, наконец-таки, Ивана придали ей заряд дополнительной смелости.

Санька принялась медленно протискиваться в сторону певца, поминутно толкая кого-либо, наступая на чьи-то ноги, невнятно бормоча извинения и получая в ответ лишь недовольное ворчание, ругань, а то и тычки с подзатыльниками. Но, не отвечая и не отвлекаясь, Санька упорно продвигалась к заветной цели, голос певца слышался все отчетливее, хотя ни одного словечка из заунывной этой песни Санька так и не смогла толком разобрать.

А потом она довольно неожиданно оказалась в самом первом ряду слушателей, а совсем неподалеку от Саньки находился и сам певец, пожилой, но еще не старый мужчина невысокого роста, внешне ничем не примечательный. Глаза мужчины были крепко зажмурены, тонкие узловатые пальцы перебирали струны какого-то дивного музыкального инструмента, отдаленно напоминающего то ли бас-гитару, то ли, скорее, какую-то гигантскую, причудливо изогнутую мандолину. Наверное, именно так и выглядела бандура…

Но никакого поводыря возле певца не было и в помине, и у Саньки тотчас тревожно екнуло сердце. Она бросила быстрый взгляд вправо, влево и… едва не закричала от радости.

Она наконец увидела Ивана.

Стоя спиной к Саньке, он в это время обходил слушателей, держа в руках круглую войлочную шапку. На Иване почему-то была серая рубаха навыпуск, подпоясанная кожаным ремешком, но это, несомненно, был он, ибо Санька тотчас же признала линялые джинсы друга и его потрепанные кроссовки фирмы «Адидас», которые Иван упорно предпочитал всем иным видам обуви.

— Ваня! — закричала она, бросаясь вперед. — Ванечка! Наконец-то я тебя…

Поводырь обернулся, и последние слова застряли у Саньки в горле. Это был не Иван, точнее, не тот Иван, которого она разыскивала.

Впрочем, какое-то отдаленное сходство с ее Иваном у этого подростка имелось, но не более того. А острые скулы, косой разрез глаз и почти сросшиеся на переносице брови придавали юному поводырю слепого бандуриста не просто угрюмый и диковатый, но весьма даже угрожающий вид.

Некоторое время этот «чужой» Иван и Санька внимательно смотрели друг дружке в глаза, а бандурист, прервав на полуслове тягучее свое песнопение, тоже обернулся в сторону Саньки, встревоженно прислушиваясь (а Саньке вдруг показалось, что даже и приглядываясь) к происходящему.

Всеобщее молчание продолжалось довольно-таки долго, и первым его нарушил поводырь.

— Ну, чего уставился? — неприязненно проговорил он ломающимся юношеским голосом. — Спросить чего хочешь? Так спрашивай и убирайся, нечего тут столпом торчать!

Тут взгляд Саньки вновь упал на джинсы, вернее, на косую заплатку на правом колене. Она бы узнала эту заплатку из тысячи подобных, ибо сама, собственными руками пришивала ее. И случилось это совсем недавно, после очередной Ванюшиной потасовки аж с тремя парнями из соседней деревни. И обувка, столь неуместная в данной обстановке… это были именно Ивановы кроссовки и ничьими больше они быть не могли.

— Ну, чего тебе? — повторил поводырь еще более неприязненно. — Чего молчишь, как истукан? Язык в задницу втянуло?

— Ты — Иван? — дрожащим голосом проговорила Санька.

— Ну, Иван! — угрюмо и даже задиристо произнес поводырь. — И что с того?

— Эти брюки… портки эти, — тут же поправилась Санька, — откуда они у тебя? Обувку эту откудова взял?

— Тебе что за дело? — с явной угрозой проговорил поводырь, сжимая кулаки и делая шаг навстречу Саньке. — Где надо, там и взял! Лучше иди отсюда, пока в рыло не получил!

— Дай ему раза! — весело крикнули из толпы. — Ну, чего ждешь?! Давай, лупи!

Поводырь и в самом деле замахнулся на Саньку, но ударить почему-то не решился. Он был значительно выше Саньки и явно сильнее, тем более что она и драться толком не умела. Так, посещала некоторое время школьную секцию дзюдо (пока не надоело), но в настоящей драке участвовать не приходилось. Ей бы испугаться и отступить, но, взглянув еще раз на такие знакомые джинсы, Санька вдруг осознала, что с Иваном что-то случилось. Весьма нехорошее что-то, иначе каким образом его джинсы и кроссовки оказались на этом угрюмом подростке. Иван бы их так просто не отдал…

— Ты убил его! — завопила Санька, первой бросаясь на поводыря. — Это ты его убил, сволочь!

Размахнувшись (довольно неумело) Санька изо всей силы врезала своему противнику кулаком в лицо и, что удивительно, попала прямо по носу. Не ожидавший этого поводырь пошатнулся, из носа у него хлынула кровь, шапка с мелкими монетками выпала из рук, и монетки эти, звеня, покатились во все стороны. И, кажется, это последнее обстоятельство разъярило Санькиного противника куда больше, нежели поврежденный нос.

— Ах ты! — прошипел он сквозь плотно сжатые зубы. — Ну, держись!

И поводырь пошел на Саньку, размахивая кулаками, а толпа вокруг восторженно взревела.

— Давай, бей! Лупи его! Еще врежь! — послышались весело-возбужденные голоса, но Санька так и не смогла разобрать, кого именно из двух бойцов так рьяно поддерживают собравшиеся. А потом она получила удар кулаком в ухо, и удар этот был такой силы, что Санька с трудом смогла на ногах устоять.

Странно, но удар этот не только не привел Саньку в смятенное состояние, но, кажется, даже придал ей дополнительные силы. Увернувшись от следующего, еще более сокрушительного удара, Санька рванулась вперед и, ухватив поводыря левой рукой за рукав рубахи, а правой за тонкий кожаный поясок, мгновенно провела бросок через бедро с захватом и одновременной подсечкой ноги, единственный борцовский прием, который смогла освоить за период недолгого своего посещения спортивной секции.

Правда, бросок этот освоила Санька великолепно. А так как страховать своего противника, придерживая его в падении за рукав, она даже и не подумала, вошел тот в соприкосновение с землей довольно-таки чувствительно. И зрители, плотно обступившие импровизированную эту арену, прямо-таки взвыли от восторга, и лишь слепой бандурист беспомощно топтался на месте, тревожно поводя из стороны в сторону лысоватой башкой.

— Давай, лупи! — кричали Саньке со всех сторон. — Сверху навались и по мордасам, по мордасам ему!

Но ничего такого Санька делать даже не собиралась. Она стояла над поверженным противником и молча смотрела на него, а поводырь тоже смотрел ей прямо в глаза со злобой и испугом, но вставать, кажется, не собирался. Лицо парня было густо измазано кровью, которая все еще продолжала сочиться из разбитого носа, а вид был до того жалкий и пришибленный, что весь гнев Саньки мгновенно куда-то улетучился. Ведь кто знает, возможно, зря она про поводыря этого так плохо подумала, ведь Иван мог просто обменяться с ним одеждой и обувью. Специально, чтобы не слишком выделяться среди местного населения.

— Вставай! — проговорила она, наклоняясь над поводырем и протягивая ему руку. — Не бойся, не трону, ответь только: откуда у тебя эти портки и обувка?

В это время что-то твердое и тяжелое ударило Саньку по затылку, и она грохнулась в дорожную пыль рядом с поводырем. Резко перевернулась на спину и увидела нависшего над ней бандуриста, который уже занес свою громоздкую музыкальную штуковину, явно примеряясь для следующего удара. И взгляд его из-под полузакрытых век никак не мог быть взглядом беспомощного слепца, и была в этом взгляде такая злоба и ненависть, что Санька аж похолодела от ужаса.

— Не надо, дяденька! — отчаянно завопила она… и в это самое время чей-то высокий силуэт возник внезапно совсем рядом с бандуристом. Послышался хлесткий звук удара, и бандурист, выронив инструмент и обхватив обеими руками голову, молча осел наземь. А тот, кто ударил его, схватил Саньку за руку и одним сильным рывком поставил на ноги. Только теперь Санька узнала наконец-таки своего неожиданного спасителя.

— Спасибо, Андрей! — глотая невольные слезы, еле слышно проговорила, вернее, прошептала Санька. — Спасибо огромное!

— Не за что!

И повернувшись к толпе, весьма недовольной столь быстрым окончанием увлекательного зрелища, молодой воин обвиняющим жестом указал на бандуриста у своих ног.

— А ведь он не слепой!

— Точно, не слепой! — послышался из толпы чей-то негодующе-удивленный возглас. — Нешто слепец смог бы пацаненка этого так метко с ног сшибить?

— Лазутчик он, от Шуйского к нам засланный! — выкрикнул еще кто-то. — Соглядатай царский!

Ухватив мнимого слепца за шиворот, Андрей мигом поставил его на ноги. Встряхнул хорошенько.

— Ну, что скажешь на это, гнида московская?

— Не убивайте, люди добрые! — заполошно взвыл бандурист, беспомощно извиваясь в сильных руках молодого воина. — Каюсь, слепцом прикидывался, дабы пропитание себе и сынишке своему добыть! А больше нет за мной никаких провинностей, чист я перед людьми и Богом!

— Батя! — истошно завопил поводырь, вскакивая на ноги и бросаясь к бандуристу. — Это из-за меня все… это я виноват…

И расплакавшись в голос, уткнулся лицом ему в плечо.

— Ну что ты, сынок, что ты? — заговорил бандурист, неловко обнимая сына одной рукой. — Нет твоей вины… ты даже об этом не думай! Чтобы со мной ни сотворили сейчас, себя не вини!..

И выкрикнул, обводя собравшихся затравленно-умоляющим взором:

— Сынишку моего хоть не казните, люди добрые! Он-то в чем пред вами провинился?!

— Отпусти их! — обращаясь к Андрею, прошептала Санька. — Обоих отпусти! Пожалуйста!

— Что? — Андрей с некоторым даже недоумением взглянул на Саньку. — Вот так взять и отпустить, когда он тебя едва жизни не лишил?

— Все равно отпусти!

— Ладно, — проговорил Андрей, выпуская из рук сильно засаленный ворот бандуриста и брезгливо обтирая о край плаща обе ладони. — Верю, что вы не лазутчики! Просто прохиндеи, на жалости людской нажиться решившие! А теперь пошли вон отсюда! Оба!

Подхватив бандуру и держась за руку сына, бывший слепой принялся

торопливо удаляться мелкой прихрамывающей походкой. Санька опасалась, что собравшиеся все же не отпустят мнимого слепца без хорошей выволочки, уж больно угрожающие возгласы то и дело летели из толпы в его адрес. Но все как-то само собой обошлось. Обстановка постепенно разрядилась, люди стали расходиться кто куда.

И тут Санька вспомнила, что так и не выяснила, каким все-таки образом смогла оказаться у поводыря по имени Иван одежда ее Ивана.

— Стойте! — закричала она, бросаясь следом за бандуристом. — Подождите!

Возглас этот не только не остановил бандуриста, но, казалось, придал ему дополнительные силы, так что Саньке пришлось, несмотря на стертые ступни, не только перейти на бег, но и приложить немало усилий, прежде чем ей удалось настичь беглецов.

— Стойте! — морщась от боли и задыхаясь от быстрого бега, проговорила она, хватая за рукав бандуриста. — Да подождите же вы!

Остановившись, наконец-таки, бандурист обернулся к Саньке с таким затравленно-угрожающим видом, что ей даже не по себе стало. А ну как вновь врежет ей по голове, если и не тяжелым своим инструментом, то кулаком, тоже достаточно увесистым.

Но тут разъяренная физиономия лжеслепца разом преобразилась, расплывшись в угодливо-льстивой улыбке. И Санька, даже не оборачиваясь, поняла: Андрей вновь вовремя подоспел!

И точно, подойдя к Саньке вплотную, молодой воин положил ей руку на талию, и Санька, немного поразмыслив, решила принять это за простой дружеский жест. Без всяких там откровенных намеков.

— Откуда? — ткнув рукой в джинсы поводыря, спросила она. — Только не врать!

— А не то… — многозначительно проговорил Андрей и как бы невзначай поправил саблю на поясе.

— Скажу, все как на духу скажу! — забормотал бандурист, одновременно с этим быстренько и как бы невзначай заслоняя собой сына. — В монастыре недавно заночевать пришлось, а портки у Ванюшки моего от ветхости совсем в негодное состояние пришли, из обувки — лишь лапотки самодельные, и даже без оборок. Вот монах один — он, кажись, одним из заглавных во всем монастыре был — и пожалел сынишку мово. Зазвал нас в свою келью, сундук тяжеленный приоткрыл и вынул оттудова портки эти заморские и обувку, тоже весьма дивную. На, — говорит, — носи! Что ей без толку в сундуке валяться! Так и было, истинный крест!

И бандурист, замолчав, торопливо и размашисто перекрестился.

— Ты ему веришь? — не глядя на Саньку, осведомился Андрей. — Мне почему-то кажется, не врет он…

— Мне тоже, — сказала Санька и, обратившись к бандуристу, добавила: — Где этот монастырь, далеко отсюда?

— Не то чтобы слишком далеко, — тотчас же отозвался бандурист, — но и не близко. Возле Каширы-городка, на Оке…

Название города Санька, естественно, слышала и припомнила даже, что в самом деле имеется там монастырь. Женский, кажется…

Впрочем, за столько веков…

— Знаю я этот монастырь, — проговорил задумчиво Андрей. — Белопесоцким он называется… бывал я там прошлой осенью, когда с боями на Москву шли…

— Точно, Белопесецкий! — обрадованно закивал бандурист и, помолчав немного, добавил жалобно: — Отпустили бы вы нас, люди добрые! Век Бога за вас молить будем!

— Так уж и век! — усмехнулся Андрей. — Ладно, идите, и побыстрее! Или ты, может, снять с него хочешь портки и обувку брательника своего? — обратился он к Саньке.

Ничего не отвечая, Санька лишь отрицательно мотнула головой. Ничего она уже не хотела, точнее, хотела лишь одного: каким-то волшебным образом перенестись мгновенно в этот Белопесецкий монастырь. А вдруг Иван там, среди монахов, остался? Послушником, или как их еще называют? И одежду свою мирскую сменил на монашеское одеяние…

Впрочем, все это было так непохоже на Ивана, что Санька тут же отбросила монашескую версию. Возможно, просто переоделся, чтобы подозрений излишних не вызывать, а одежду свою, как ненужную, в монастыре оставил?

Так или иначе, но Саньке теперь просто необходимо было оказаться в этом монастыре. Лишь там могла она получить все необходимые сведения об Иване.

— О чем задумалась, Санька? — наклонившись к девушке и осторожно касаясь губами ее шеи, прошептал Андрей.

Санька ничего не ответила, она словно оцепенела, сама не понимая истинной причины внезапного своего оцепенения.

Это странное ощущение юношеских обветренных губ на своей шее, непередаваемо сладостное ощущение…

И сразу же так горячо стало где-то внизу живота, и непонятный озноб или, скорее, мурашки по коже…

Никогда еще Санька не ощущала ничего подобного!

И тут, опомнившись от странного этого наваждения, она разозлилась. И на себя, и на этого молодого воина, который вообразил себе невесть что…

— Перестань! — сбросив руку Андрея со своей талии и одновременно с этим отпрянув в сторону, выкрикнула Санька. — Не делай этого больше, понял? Никогда так больше не делай!

— Извини! — быстренько, но без особого раскаяния пробормотал Андрей, помолчал немного и добавил: — Так все же, о чем думала только что?

«Во всяком случае, не о тебе!» — мысленно выкрикнула Санька. Вслух же сказала совершенно иное.

— Думала, как сподручнее отсюда до Белопесецкого монастыря добраться.

Она не стала объяснять Андрею, почему ей так нужно в этот монастырь, но юноша и сам обо всем догадался.

— Думаешь, он там теперь, брательник твой?

— Надеюсь!

Санька вздохнула и посмотрела на Андрея почти умоляюще.

— Ты ведь поможешь мне?

Ничего на это не отвечая, Андрей лишь как-то неопределенно пожал плечами, что Саньку совсем даже не удовлетворило.

— Поможешь, да?

— Как? — вопросом на вопрос отозвался Андрей. — Там ведь теперь рати царские! Вот только если… — проговорил он задумчиво после недолгого молчания, — ежели только…

— Ежели что?

— Ежели мы завтра Шуйского одолеем и вновь на Москву двинем! Тогда Кашира да и монастырь этот как раз на нашем пути окажутся…

Андрей говорил это вполне искренне и сам верил в то, о чем говорил. Беда в том лишь, что Санька, в отличие от этого молодого воина, отлично знала будущее, в котором никакого повторного наступления восставших на Москву, увы, даже не предвиделось. И вообще, восстание это подходило, кажется, к своему неизбежному и весьма трагическому для многих его участников финалу…

Конечно же, объяснять все это Андрею было не только бесполезно или глупо, но и довольно-таки опрометчиво. И Санька, печально вздохнув, лишь молча кивнула головой, как бы в знак полного согласия со своим собеседником.

А потом ее вдруг словно осенило. Ведь если эти двое мошенников за столь короткий срок смогли достичь воинского стана восставших, то Иван, покинувший монастырь ранее, еще с большей легкостью мог это сделать. И кто знает, возможно, он тоже здесь, среди восставших?

О том, что Иван, ее Иван, мог примкнуть к царским войскам, — об этом Саньке даже думать не хотелось.

— Скажи, — обратилась она к Андрею, — а тут, среди воинов, есть подростки?

— Кто? — не понял Андрей.

— Ну, отроки, — поправилась Санька. — Недоросли, другим словом… ну, что-то наподобие сынишки этого бандуриста фальшивого…

— Недоросли имеются, — кивнул головой Андрей. — Не то чтобы шибко много, но есть. Что ж, возможно, братишка твой тоже среди них где-то…

— И что? — Санька даже задохнулась от волнения. — Найти его как?

Андрей пожал плечами.

— Подумать надо. Но это утром уже. Утро, как говорится, вечера мудренее…

А вокруг и в самом деле уже постепенно вечерело, и Санька с ужасом поняла, что остановиться на ночлег ей в этом сплошь мужском столпотворении практически негде. Да тут и построек как таковых почти не имелось: сплошные шатры, повозки, навесы какие-то из жердей или вообще полотняные…

А еще ей очень хотелось есть.

— Куда ж тебя на ночь определить, Санька? — словно прочитав тревожные мысли девушки, задумчиво проговорил Андрей. — Стан тут у нас временный, многие просто у костров ночлежничают. Хорошо еще, ночи теплые и дождей нет…

— И я у костра могу… — начала было Санька, но Андрей лишь протестующее махнул рукой.

— В обозе тебя устрою! — сказал он решительно. — Там, на телеге, и переночуешь.

— А ты? — спросила Санька.

— А что я? — не понял Андрей.

— Ты где ночевать думаешь?

— Да найду место! — засмеялся Андрей. — А хочешь, с тобой останусь?

— Хочу! — невольно вырвалось у Саньки. Потом она немного помолчала и, ощущая на себе пристальный взгляд Андрея, добавила почти шепотом: — Просто мне спокойнее будет, ежели ты рядом…

— Понятное дело, — проговорил Андрей несколько разочарованно и тут же удивленно воскликнул: — Смотри, воевода сам!

И вновь Санька чуть запоздала. Успела разглядеть только, как поодаль проскакало около десятка всадников, но разобрать в полумраке, кто из них Болотников, она так и не смогла. Впрочем, на одном из всадников был, кажется, длинный развевающийся плащ.

— Интересно, куда это он? — задумчиво проговорил Андрей.

— Ты у меня спрашиваешь? — удивилась Санька.

— Да нет, это я так. Размышляю вслух. Ну что, пойдем, что ли?

И они пошли. Мимо костров, уже ярко горевших, мимо палаток, шатров. Впереди неожиданно блеснула довольно широкая речушка.

— Вороньей эта речка называется, — объяснил Саньке Андрей. — Почему — не знаю, но ворон тут хватает. Этот берег наш, а на том уже вражья сила. Тоже к ночлегу приготавливаются! А завтра… завтра жди боя!

И действительно, вдалеке, на противоположном берегу реки виднелись многочисленные костры.

— А ночью они не нападут? — озабоченно поинтересовалась Санька, но Андрей лишь беспечно махнул рукой.

— Тут берега топкие. Ниже по течению, где места посуше, имеется такая опасность, но там у нас специальные засеки, да и команды оставлены сторожевые. В общем, не сунутся, а сунутся — свое получат!

Так, разговаривая, они вновь повернули в сторону от реки и наконец вышли к множеству почти впритык стоявших телег и повозок. Впрочем, почти на каждой из них хоть кто-нибудь да находился…

— Ничего, Санька! — бодро проговорил Андрей, ловко лавируя в узких проходах между повозками (Санька с трудом за ним поспевала). — Сейчас организуем тебе ночлег! Хотя бы вот в этой кибитке!

И он, подойдя к отдельно стоящей повозке с крытым полотняным верхом, довольно бесцеремонно приподнял полог и заглянул внутрь.

— Эй, Матрена! Гостей принимаешь?

— Пошли прочь, охальники! — раздался из повозки (а точнее, из кибитки) сердитый и одновременно задорный женский голос. И тотчас же, после недолгого молчания: — Андрей, ты, что ли?

— Я, Матрена, я! — засмеялся Андрей. — Али кого другого ждала?

В кибитке послышалось шевеление, потом из-под полога показалась растрепанная голова отнюдь не старой и довольно привлекательной женщины. Впрочем, в вопросах женской привлекательности Санька разбиралась слабо, точнее, они (вопросы эти) всегда ставили ее в тупик. Вот, кажется, уродина из уродин — а от парней отбоя нет! А другая вроде и красивая (с Санькиной точки зрения), а парни на нее, как говорится, ноль внимания…

Себя Санька тоже относила к категории «уродин», несмотря на все заверения Ивана в обратном. А вот недавно и Андрей ее красивой назвал. В шутку, наверное?

— Ну, признавайся: ждала ведь кого-то? — повторил Андрей, заслоняя собой Саньку и все еще смеясь. — Или никого сегодня не ждала?

— Так я ведь и тебя, красавчик, не ждала! — ответно засмеялась женщина по имени Матрена. — Но раз пришел — залезай!

И тут только она сумела разглядеть, что Андрей не один.

— Это кто еще с тобой? — резко оборвав смех, спросила она недовольно.

— Это приятель мой! — крепко сжав руку Саньке (молчи, мол!), отозвался Андрей. — Алексашкой зовут.

— А мне какая разница, как его там зовут! — недовольно буркнула Матрена. — И на кой ты его припер сюда?

— Ночевать негде, — вздохнул Андрей. — Вот я и подумал…

— Ах, ты подумал! — перебила его Матрена, и голос у нее прозвучал еще более недовольно. — А меня ты спросил, прежде чем подумать? Эй, парень, ты куда?!

Это она к тому, что Санька повернулась и быстро пошла прочь.

— Обиделся, что ли?

Санька ничего не ответила. И не остановилась. Но тут ее догнал Андрей и крепко ухватил за руку.

— Не дури!

— Пусти! — прошептала Санька, но руку вырывать не стала. — Не хочу я у нее ночевать!

— Ну и зря! — не отпуская Санькиной руки, Андрей еще и за другую ее взял. — Матрена, она добрая, бескорыстная даже… язык, правда, у нее длинный…

— Ну и целуйся со своей Матреной, раз она такая добрая! — не сдержавшись, выкрикнула Санька, и голос ее предательски задрожал и сорвался. — А я… а мне…

— Тише, ты же сейчас себя выдашь! — тревожно оглядываясь в сторону кибитки, прошептал Андрей.

— Ну и выдам, тебе-то что? — еще громче крикнула Санька. — Тебе же на меня наплевать! И мне на тебя тоже наплевать, понял?

И не выдержав, расплакалась. Точнее, разревелась в голос, сама не понимая истинной причины своих слез.

— Ну, тише, тише, чего ты? — крепко прижав Саньку к себе, зашептал ей в самое ухо Андрей. — Ты самая лучшая, и никого кроме тебя мне не надобно! Не вру, вот те крест святой!

Он все продолжал и продолжал шептать что-то, совершенно уже бессвязное, а потом, обхватив голову Саньки ладонями, принялся покрывать бесчисленными поцелуями заплаканное ее лицо. А Санька вместо того, чтобы с возмущением оттолкнуть от себя этого нахала, невольно принялась отвечать на его поцелуи. И злилась на себя из-за этого, и негодовала… и ничего не могла с собой поделать.

А потом она краем глаза заметила, что Матрена, стоя неподалеку, с любопытством за ними наблюдает.

— Пусти! — прошептала она. — Хватит.

И Андрей повиновался, скорее всего, из-за того, что тоже понял: они тут не одни. Но повиновался в том лишь смысле, что Саньку целовать перестал. От себя он ее так и не отпустил… да Санька на этом особо и не настаивала…

— Приятель, говоришь? — насмешливо поинтересовалась Матрена, подходя чуть ближе. — Да нечто ж приятеля, пусть даже задушевного самого, так лобзают страстно?

Ни Андрей, ни Санька ничего ей не ответили. Они продолжали стоять рядышком, руки Андрея крепко обнимали талию девушки, и тут Санька с удивлением обнаружила, что и ее собственные руки тоже совершают нечто подобное. И, вконец на себя рассердившись, немедленно убрала руки и попыталась оттолкнуть от себя Андрея. Даже не оттолкнуть, а мягко, но настойчиво отстранить…

Это ей в конец концов удалось, но опять-таки, лишь частично. Убрав руки с талии девушки, Андрей тут же вновь беспрепятственно завладел обеими ее ладонями.

— Переночевать нам надо, — по-прежнему глядя на Саньку и только на Саньку, произнес он, обращаясь, естественно, к Матрене. — И еще поесть. У тебя найдется чего съестного?

— Найдется, отчего не найтись, — отозвалась Матрена, и голос женщины был теперь настолько мягким и благожелательным, что Санька даже удивилась столь неожиданной перемене. — Пошли, что ли, Александра… или тебя иначе кличут?

— Александра она! — опередив Саньку, сказал Андрей. — Иди, Санька, с Матреной, не бойся! А я…

— А ты? — встревожилась Санька.

— А я скоро вернусь! Коня вот только сюда переведу, Орлика моего. Чую: заскучал он без хозяина…

Глава 10

Андрея не было долго. Так долго, что Санька даже беспокоиться начала…

А перед этим Матрена досыта ее накормила. И еда была невероятно вкусной (вареная курица и добрый ломоть пирога с начинкой из печени), а еще у Матрены оказался кислый шипучий квас в глиняном узкогорлом кувшине. И едой, и квасом она щедро делилась со своей незваной гостьей… прав был Андрей, назвав хозяйку кибитки доброй и бескорыстной.

После ужина Матрена еще и соорудила для Саньки шикарную постель, основательно взбив для этого сухую солому и накинув на нее сверху кусок какого-то полотна.

— Давай, ложись! — сказала она, покончив со всеми этими приготовлениями. — Устала, чай, до смерти? Глаза слипаются?

У Саньки и в самом деле слипались глаза (уж слишком долгим и утомительным выдался сегодняшний денек), но она пересилила себя и отрицательно мотнула головой.

— Я Андрея ждать буду!

— Ну, жди! — без малейшего даже намека на ревность проговорила Матрена. — Красивый парень, верно? — Помолчала и добавила все тем же спокойным и даже чуть покровительственным тоном: — Ты тоже красивая…

Не желая углубляться в непростую эту тему, Санька просто промолчала. Но сама Матрена, видимо, не считала тему законченной.

— Ты, Санька, не подумай чего лишнего, — сказала она, на ощупь нашаривая в темноте Санькину руку и осторожно ее поглаживая. — Между нами нет ничего. И не было. Молод он для меня, да и не из таковских, чтобы на каждую бросаться. Вот почему я удивилась даже, когда он тебя целовать принялся…

Матрена замолчала, и Санька тоже молчала и ждала продолжения.

— Лет ему сколько? — спросила она, поняв, что продолжать Матрена явно не намерена.

— Это Андрею-то? Точно не ведаю, но молод он весьма!

Это Санька и без нее понимала.

— А как вы с ним познакомились?

Вопрос этот почему-то очень интересовал Саньку.

— Да случайно вышло! — Слышно было, как Матрена тяжело вздохнула, или это только показалось Саньке. — Просто однажды он меня из большой беды вызволить смог… вот так и познакомились…

Что за беда была, Матрена распространяться не стала, а Санька расспрашивать ее более подробно не решилась, опасаясь услышать что-то весьма неприятное, а возможно, даже страшное.

А потом полог кибитки откинулся, и в нее легко запрыгнул Андрей с увесистой сумкой в руке.

— Ну, как вы тут? — спросил он с некоторой тревогой.

— Нормально! — опередив Матрену, заверила юношу Санька. — За тебя, правда, волновались…

— Это она волновалась! — засмеялась Матрена. — А мне чего волноваться? А что это у тебя там в суме?

— Да так, одежка запасная… — почему-то смутился Андрей. — Ну и кое-что по мелочи. Да, вот это еще…

Пошарив в сумке, он вытащил оттуда какую-то странную плоскую бутылку.

— Хлебного вина полуштоф, — протягивая бутылку Матрене, пояснил Андрей. — Тебе!

— Это дело! — обрадовалась Матрена. — Выпью за твое здоровье, отчего ж не выпить!

Замолчав, она пристально посмотрела на Саньку.

— И за твое тоже выпью, красна девица! Да вот в чем беда: одной пить несподручно, да и непривыкшая я пить в одиночестве. Андрей, знаю, не пьет зелья этого грешного… а ты как, Санька?

— Тоже не пью! — поспешно сказала Санька.

— Ну, тогда оставайтесь тут вдвоем, а я…

Не договорив, Матрена грузно сползла на землю.

— Куда ты? — спросил Андрей. Вроде и с тревогой спросил, но одновременно с явным облегчением.

— Пойду поищу компанию повеселее!

Держа бутылку в левой руке, Матрена двинулась было прочь от кибитки, но отойдя всего несколько шагов, вновь остановилась и, обернувшись, шутливо погрозила Андрею пальцем.

— У, хитрец! Насквозь тебя вижу!

После этого пошла дальше, а Санька с Андреем остались вдвоем.

Вдвоем!

У Саньки вдруг оглушительно забилось-заколотилось сердце… и вновь эти неугомонные мурашки по коже, вновь этот странный жар внизу живота. Она все ждала, когда же Андрей, пододвинувшись ближе, крепко обнимет ее, начнет целовать, но молодой воин явно не спешил этого делать. А может, и не собирался вовсе…

Сидел неподвижно, словно истукан, лишь изредка бросая в сторону Саньки короткие взгляды. И хоть в кромешной темноте кибитки трудно было хоть что-либо разглядеть, ей вдруг показалось, что Андрей хочет что-то сообщить, тревожное что-то. Хочет и не решается…

— Случилось что? — первой нарушила Санька затянувшееся молчание.

— Даже не знаю, — отозвался из темноты Андрей. — Просто передали мне сейчас, что воевода наш тебя по всему стану разыскивает…

— Болотников?! — Голос Саньки прозвучал почти восторженно. — Сам Болотников?!

— Не к добру это! — вернул Саньку к действительности встревоженный голос Андрея. — Может, зря я Фидлеру отдал ту штуковину дивную, что в бричке твоей обнаружил…

Санька поняла, что Андрей имеет в виду мобильник, так напугавший тогда этого бесстрашного парня.

— И что? — спросила она, поневоле заражаясь тревогой молодого воина. — Что Фидлер сказал, когда ты ему отдал моб… штуковину эту?

— Ничего не сказал, — вздохнул Андрей. — В карман безразлично сунул, а после о тебе принялся расспрашивать, подробно так…

— А ты?

— А я ему все рассказал! Я ведь не знал тогда, что ты, это… что не парнишка ты вовсе…

Он умолк, и некоторое время в кибитке царило полное и абсолютное молчание.

— Зачем я ему? — первой нарушила затянувшееся молчание Санька. Она имела в виду воеводу Болотникова, и Андрей правильно ее понял.

— Не знаю, — сказал он угрюмо. — Потому и не нравится мне это!

— Мне тоже, — сказала Санька вполне искренне. — Тоже не очень нравится.

— И всего лучше, если б вовсе не нашли тебя слуги воеводы. Для тебя лучше, да и для меня… — тут Андрей замолчал на мгновение, — для меня тоже. Ведь если с тобой что-либо случится…

И вновь Андрей замолчал, не договорив, но Санька отлично поняла, чего так опасался молодой воин.

— Может, облачиться тебе в женское, — продолжал размышлять он вслух. — Я тут прихватил кое-что, должно подойти…

Он замолчал, думая о чем-то своем, но Санька тоже молчала. И все ждала, ждала чего-то…

— Или не стоит тебе переодеваться? — вновь заговорил Андрей. — Так за парнишку сойти сможешь, а в женском одеянии…

Не договорив, он лишь тяжело вздохнул и отшвырнул куда-то в сторону сумку, которую до этого в раздумьи долго перебрасывал из руки в руку.

— Ничего, Санька, все хорошо будет! Завтра мы с тобой… или ты спишь уже?

— Поцелуй меня! — прошептала Санька тихо. Так тихо, что Андрей вряд ли даже расслышал ее торопливый шепот.

Но, оказалось, расслышал, потому как, нашарив на ощупь руку девушки, Андрей поднес ее к своим губам и принялся осторожно целовать: сначала ладонь, потом все пальцы по очереди.

Это было приятно, очень даже приятно, но вовсе не то, чего с таким нетерпением ожидала Санька. Потому она в сердцах отдернула руку.

— Ты чего? — удивился Андрей.

— А ты чего?!— сердито и, одновременно, жалобно выкрикнула Санька, сбрасывая с себя курточку. Потом, почти без промедления, стащила через голову тенниску, сразу же оказавшись обнаженной по пояс. — Иди ко мне, слышишь? Ну, что медлишь, раздумываешь?! Просто иди и все… и не думай, ни о чем вовсе не думай! Ведь, может… может, это у нас последняя ночь такая, может, завтра уже…

Но Андрей даже не шелохнулся, а Санька вдруг почувствовала себя полной идиоткой. Вот же дура, до чего докатилась: сама себя парню почти незнакомому предлагать вздумала! А тут еще комары…

Казалось, не было их тут вовсе (или Санька просто не замечала прежде комариного присутствия), и вот уже целый рой над головой звенит-изгаляется.

И тенниска куда-то подевалась… и сколько Санька ни шарила руками вокруг себя, все никак не могла и не могла нащупать распроклятую эту тенниску…

А потом на ее голые плечи легло вдруг что-то теплое, большое, такое, что Санька смогла укутаться в это «что-то» почти целиком. И лишь после сообразила, что Андрей накинул ей на плечи свою суконную свитку. Да еще и крепко обхватил девушку обеими руками, не давая ей скинуть с плеч свитку, хоть такая попытка со стороны Саньки действительно имела место.

— Пусти! — прошептала она, с трудом сдерживая слезы. — Видеть тебя не желаю!

— Единственная моя! — вдруг зашептал ей на ухо Андрей. — Если б ты ведала только, что ты для меня значишь!

— Ничего не значу! — со слезами выкрикнула Санька, вновь предпринимая безуспешную попытку высвободиться из Андреевых объятий. — И ты для меня ничего не значишь, понял?!

— Неправда, значу! — продолжал шептать Андрей, осторожно прикасаясь губами к Санькиной шее. — А ты для меня все значишь, мне за тебя и жизнь отдать не жалко!

— Так почему же тогда… — начала было Санька и тут же замолчала, потому что в этот самый момент губы Андрея соприкоснулись с ее губами и слились с ними в страстном поцелуе. И Санька тут же простила Андрею все, ибо это было такое блаженство: вновь ощущать на своих губах прикосновение сухих и обветренных юношеских губ… и Санька желала сейчас лишь одного: чтобы мгновения эти, непередаваемо сладостные мгновения, длились как можно дольше, чтобы они длились целую вечность и еще немножко…

— Потому что нельзя нам так! — неожиданно прервав поцелуй, прошептал Андрей. — Неправильно это, понимаешь?

— Понимаю, — ответно прошептала Санька. — А как правильно?

— Свадьба у нас должна быть, венчание… — продолжал шептать Андрей Саньке на ухо. — И потом лишь, после всего этого… У тебя ведь еще не было никого? В том смысле, что… ну, ты поняла, о чем я?

— Поняла, — прошептала Санька. — Не было у меня никого!

— И у меня не было! И разве плохо это, что я у тебя первым буду и ты у меня первой? Разве плохо?

— Хорошо!

— Ну, вот видишь! А теперь давай спать, глупышка!

Глава 11

Санька проснулась рано, вернее, ее, сам того не желая, разбудил Андрей, внезапно усевшись на их импровизированном ложе.

— Куда ты? — сонно пробормотала Санька, дрожа от предутренней прохлады и поэтому еще тщательнее кутаясь в теплую свитку. — Сбежать от меня хочешь?

— Ну что ты придумала такое? — с ласковой укоризной прошептал Андрей, осторожно поглаживая ладонью взлохмаченные Санькины волосы. — Вернусь скоро, коня только на водопой свожу, Орлика моего…

— Ну, своди, своди! — милостиво разрешила Санька. — Только возвращайся поскорее!

Поцеловав Саньку напоследок в теплый висок, Андрей осторожно выбрался из кибитки. Слышно было, как он о чем-то задушевно разго-

варивает с конем… потом раздался удаляющийся стук копыт и вновь все смолкло.

Казалось бы, спать Саньке еще да спать, но сон почему-то так к ней и не воротился. Может, потому, что тревожно на душе было и очень неуютно без Андрея. Скорее бы он появился, что ли…

А пока Санька, решительно откинула свитку и, поеживаясь от холода, принялась одеваться. Натянула тенниску (теперь, несмотря на царивший в кибитке полумрак, вредная эта тенниска отыскалась почти мгновенно), потом курточку поверх накинула. Подумала немного и тоже решила выбраться из кибитки. Кое-какие дела совершить… да и умыться не помешало бы, хоть и росой. А может, и к реке сбегать, ежели не очень далеко она от кибитки. Кстати, там же и Андрей где-то, у реки…

Но когда Санька выбралась из кибитки, она сразу же остановилась в полной растерянности.

Вокруг был туман, и туман этот был такой плотности, что казался почти осязаемым. С одной стороны это неплохо (скрывал от всяческих посторонних глаз), с другой же…

Из-за тумана Санька потеряла всякую пространственную ориентацию и даже приблизительно не представляла не только расстояние до Вороньей реки, но и в какой стороне она находится…

Впрочем, роса и вокруг кибитки выпала в изобилии, так что Санька смогла основательно ею умыть и руки, и лицо. Потом она вновь забралась в кибитку и, юркнув с удовольствием под свитку, еще хранящую тепло двух человеческих тел, вторично попыталась уснуть.

И вновь без всякого результата. Да и спать Саньке уже не хотелось, и тогда она принялась размышлять…

А поразмышлять Саньке было о чем!

О том хотя бы, что всего за несколько дней пребывания в этом далеком прошлом она словно на несколько лет повзрослеть успела. Дома себя все ребенком считала, просто убеждена в этом была, да и мать всячески поддерживала Саньку в уютном этом заблуждении. А вчера вечером чего отчебучила-то? Вернее, едва не отчебучила… и хорошо еще, что Андрей в непростой этой ситуации повел себя более чем достойно.

Это казалось весьма необычным для жестокого и кровавого времени (Смутного, как назовут его позже историки), в котором Санька столь неожиданно очутилась. Иная тут существовала мораль, иные нравы были среди населения… или Санька все-таки ошибается, и во все времена имелись в сердцах человеческих и доброта, и милосердие, и высокие моральные принципы? Не во всех, разумеется, сердцах… ну, так ведь и в Санькином настоящем отморозков и моральных уродов тоже предостаточно развелось, разве что возможности вершить чудовищные свои злодеяния у нелюдей все же чуточку поменьше стало…

И тут Саньке подумалось, что Смутное время начинает, наподобие вязкой болотной трясины, затягивать ее все глубже и все основательнее. И чем дольше длиться будет пребывание в прошлом, чем глубже завязнет в нем Санька, тем труднее будет отсюда вырваться. Да и захочется ли… вон ведь вчера на полном серьезе воспринимала она искренние слова Андрея о возможном венчании, о счастливой совместной жизни…

Санька и сама еще не совсем понимала, что с ней происходит. Жизнь без Андрея казалась теперь совершенно пустой и даже бессмысленной, она и в мыслях допустить не могла своего с ним расставания… но это с одной стороны…

С другой же — Саньке по-прежнему страстно хотелось вернуться в свое собственное настоящее… и как же она будет там одна, без Андрея?

С собой его захватить, что ли?

Мысль эта, внезапно пришедшая в голову, до такой степени овладела Санькой, что некоторое время она почти верила в ее реальную осуществимость. Но потом, вспомнив про отсутствие машины времени, без которой возвращение, увы, совершенно невозможно, Санька вновь приуныла.

Значит, прежде чем строить столь далеко идущие планы, следует сначала отыскать исчезнувший аппарат. А чтобы отыскать его, нужно, в первую очередь, найти Ивана. А для этого Саньке жизненно необходимо попасть в монастырь возле Каширы… И Андрей просто обязан ей в этом помочь, если и в самом деле желает…

Желает чего? Обвенчаться с ней тут или все же рискнуть и отправиться во время, чуждое ему еще более, нежели Саньке это кровавое столетие?

И тут мысли Саньки перекинулись к Ивану. Где он сейчас, что делает? Пытается ли отыскать Саньку, или, уразумев весьма малую вероятность сего, начинает как-то приспосабливаться к окружающей действительности? И Санька даже не сомневалась в том, что у Ивана, в отличие от нее самой, все непременно должно получиться.

А может…

Нет, не может такого быть, совершенно исключено даже!

Мысль о том, что Иван, возможно, имея при себе машину времени, в одиночку попытается ее использовать… самую мысль эту Санька с негодованием отвергла. Не такой он человек, чтобы бросить Саньку в беде, тем более, что она так много для него значит…

А он для нее?

Раньше Санька об этом как-то не задумывалась. Ей просто хорошо было с Иваном, надежно, уютно. Как с братом, которого у Саньки никогда не было.

Мысль о том, что она нравится Ивану, и нравится не как сестра, не особенно доходила до сознания Саньки. Приятно было, разумеется, понимать, но не более…

С Андреем же все совершенно по-другому произошло. Как пожар, внезапно вспыхнувший в душе и мгновенно охвативший всю ее без остатка. Санька и сама не думала раньше, что такое возможно… или все это не от любви вовсе, а просто от отчаянья и ощущения полнейшей безысходности?

Санька глубоко задумалась над непростыми этими вопросами, не сразу и поняла, что вот уже некоторое время доносятся до ее ушей пронзительные человеческие вопли и хорошо различимые хлопки ружейных или орудийных выстрелов. А поняв, тревожно вскинула голову, прислушиваясь.

В это время полог кибитки широко распахнулся, в образовавшемся просвете возникло искаженное жуткой гримасой лицо Матрены.

— Тикать надо! — не проговорила даже, тяжело выдохнула она. — Разбили нас рати царские! Вдребезги разнесли!

— Куда тикать? — еще не в полной мере осознавая серьезность ситуации, прошептала испуганно Санька.

— Туда, куда все тикают! В кремль тульский! — Матрена окинула быстрым взглядом пустую кибитку. — Андрей твой где?

— Коня повел поить.

— Нашел же время!

И, помолчав мгновение, протянула Саньке руку.

— Пошли!

— Нет! — отчаянно замотала головой Санька. — Я… я Андрея ждать буду!

— Да не дождешься ты его тут! — закричала Матрена с яростью. — Другого чего дождешься, такого, что сама потом не рада будешь! А Андрей сам тебя разыщет, ежели… — тут она размашисто перекрестилась, — ежели, Бог даст, живой воротится! Ну, так что, идешь со мной али как?

— Нет! — вновь мотнула головой Санька. — Не могу я!

— Ну и пропадай, дура!

Махнув безнадежно рукой, Матрена метнулась прочь.

А Санька осталась. Не потому, что излишне смелой была: единственно из боязни разминуться с Андреем и потом никогда больше его не встретить.

Впрочем, из кибитки она выскочила почти сразу.

Туман вокруг был все таким же густым и непроницаемым, а вопли и хлопки выстрелов раздавались уже со всех сторон. И возможно, Андрей тоже сражается сейчас где-то, а может… может, его уже и вправду в живых…

— Нет! — прошептала Санька, отчаянно тряся головой. — Не хочу!

А вопли и выстрелы раздавались уже совсем неподалеку.

— Андрей! — закричала Санька, содрогаясь от ужаса. — Андрей!

— Да здесь я!

Внезапно вынырнув из тумана, он обхватил Саньку за плечи, крепко прижал к себе.

— Тише, Санька, тише! Как ты, в порядке?

— Никогда… — слова давались Саньке с трудом, она словно выталкивала их из себя, медленно, по одному. — Никогда… так… больше… не… делай! Никогда… не… оставляй… меня… больше… одну… понял?!

— Понял, понял! — пробормотал Андрей, осторожно поглаживая Санькины взлохмаченные волосы и одновременно тревожно озираясь по сторонам. — Уходить нам надо. Санька… да вот только некуда нам уходить…

— Почему некуда? — вскинув голову, Санька испуганно посмотрела на Андрея и тут только заметила на голове у него белую повязку с ярко-алым пятном в центре. — Ты… ты ранен?

— Да так, царапина… — отмахнулся Андрей. — А некуда потому, что обошла нас уже сила вражья. Считай, возле самой Тулы бой идет, неужто не слышишь?

Крики и стрельба и в самом деле постепенно отдалялись… во всяком случае, тут, возле повозок не осталось, кажется, ни души. Впрочем, из-за тумана разглядеть хоть что-либо дальше собственной вытянутой руки было довольно трудно.

— Это хорошо, что туман… — прошептала Санька, крепко держась за руку Андрея. — Туман нас сейчас ото всех скрывает!

— Из-за тумана ратники царские и смогли близко к стану нашему подобраться! — процедил сквозь зубы Андрей. — И сторожа хороши… проворонили врага на Вороньей реке… дрыхли все поголовно, вот и вырезали сонных…

Он вздохнул горестно и еще раз внимательно осмотрелся по сторонам.

— Тут нам нельзя оставаться, Санька! И к Туле двигать нельзя, не пробиться нам сейчас в крепость…

— И что же делать? — жалобно проговорила Санька. — Куда идти?

— К реке, — принял, наконец, решение Андрей. — А там видно будет!

И он не пошел даже, побежал, лавируя между повозок и таща за собой Саньку, крепко ухватив ее за руку. Впрочем, Санька и не думала сопротивляться…

— А конь твой? — внезапно вспомнила она. — Орлик твой где?

— Убили Орлика, — не оборачиваясь, бросил Андрей. — Спас он меня напоследок, пулю, мне предназначенную, в грудь себе принял!

Не зная, что и ответить на это, Санька замолчала. Так они бежали некоторое время молча, потом повозки внезапно окончились…

— А если… — Санька даже приостановилась, — если на царских ратников невзначай наткнемся?

— И что? — Андрей, обернувшись, усмехнулся невесело, пожал плечами. — По одежке и прочему убранству я средь них вполне за своего сойти смогу. Вроде ранили меня тати мятежные, а ты, мой братишка младшенький, из боя выводишь…

Тут он замолчал, окинув критическим взглядом Санькину одежду.

— А может, лучше тебя холопом моим представить?

— Еще чего? — возмутилась Санька, впрочем, тут же опомнившись, согласно кивнула головой. — Ладно, холопом так холопом… Надеюсь, ты меня не продашь потом с аукциона?

— Чего? — не понял Андрей.

Ответить Санька не успела, ибо сразу несколько конных вылетело наметом из тумана им наперерез.

— А ну стой! — крикнул один из них, широкоплечий, плотно сбитый бородач. Круто повернув лошадь, он осадил ее почти перед самым носом Андрея, выхватил из ножен саблю. — Кем будете?!

— Молчи! — встревоженно шепнул Саньке Андрей. — Я сам! — И тут же произнес: — Свои мы, не видно разве? Бердышом вот голову слегка зацепило, выводит из боя меня казачок дворовый…

Ничего на это не отвечая, всадник окинул внимательным взглядом Андрея.

— А ты из какого полка? — спокойнее, но все еще с недоверием проговорил бородач, вкладывая саблю в ножны. — Не Истомы ли Пашкова ратник?

— Его! — помедлив, сказал Андрей.

— Из дворян? — поинтересовался кто-то из всадников.

Не отвечая, Андрей лишь молча кивнул.

— Каширских или велевских?

— Из тульских, — сказал Андрей. — Соседями мы были с Истомой, деревеньки наши совсем рядом…

— А вот мы сейчас самого Истому о том и спросим! — усмехнулся в бороду передний всадник. — Потому как казачок твой дворовый — девка переодетая! Мы ведьму эту намедни вздернуть хотели рядом с дружком ее, татем поганым, да Истома почему-то разрешение на то не дал!

Говоря это, бородач в упор посмотрел на Саньку, а она, похолодев от ужаса, тоже на него смотрела. И мгновенно узнала: ведь это он тогда настойчиво предлагал ее казнить…

— Что тут у вас? — донесся из тумана властный и такой знакомый голос, приведший Саньку в состояния не ужаса даже, а самой полной прострации. — Чего застряли?

— Да вот, человека подозрительного остановили! — оборачиваясь на голос, зычно крикнул бородач. — Бает, что из полка нашего, а я его впервой вижу. Да еще с ним девка переодетая, та самая, которую мы вчера на дороге изловили…

В это время из тумана выехало еще несколько всадников, а впереди тот самый предводитель, который сначала избивал Феофана плетью, а затем велел повесить его убийцу.

А теперь выяснилось, что это и есть Истома Пашков, один из тех дворянских сынков, в решающий момент изменивших Болотникову и предательски переметнувшихся на сторону Шуйского!

— А, это ты, дочь купеческая! — насмешливо приветствовал он Саньку, как старую знакомую. — Далеко же ты забрести успела!

Голос Истомы звучал хоть и насмешливо, но совершенно беззлобно… впрочем, это ни о чем не говорило. Таким же беззлобным (а по существу безразличным) голосом он мгновение спустя может отправить ее на костер, в петлю или прямо под топор палача, отправить и тут же забыть о подобной пустяковине…

— Говорит, соседями вы были, — нерешительно доложил Истоме бородач. — Мол, деревеньки рядом… ну, и все такое прочее…

— Так и есть, — проговорил Истома, соскакивая с лошади. — Были соседями, потом воевали вместе. Из-под Кром до самой Москвы разом шли, царевича Дмитрия сопровождая… — И добавил, обращаясь уже лично к бородачу: — То, что бдительность проявил, Пахом, за это хвалю! А теперь езжайте себе дальше, а я догоню вас вскорости…

— Так ведь… — нерешительно начал бородач по имени Пахом, — девица эта ведь…

— А что девица? — с прежней насмешливостью перебил его Истома. — Для молодца красна девица — первейшее дело! А что в портках она, так баба и в портках все равно бабой остается, разве не так? А портки… их и стянуть недолго…

Всадники дружно загоготали и, поворотив коней, начали исчезать в тумане. Истома, оставшись один, все продолжал внимательно глядеть на Андрея… а Санька между тем внимательно глядела на Истому.

Это был враг, подлый предатель правого дела, и за это лишь Санька должна была относиться к нему с презрением и ненавистью. Но ни того, ни другого не было в душе Саньки… и вообще, не было сейчас в ее душе ничего, кроме пустоты и отчаянья…

— Ну, здравствуй, Андрей! — проговорил между тем Истома, подходя к молодому воину почти вплотную. — Не думал, что вновь свидеться нам придется… тем более так…

— И я не думал, Филипп, — глухо и даже с какой-то внутренней болью отозвался Андрей. — Иначе хотелось бы мне с тобой свидеться, совсем иначе…

— В бою, один на один! — закончил фразу Истома, которого Андрей почему-то назвал Филиппом. — Так ведь и теперь у тебя сабелька на боку! А я один, как видишь… воинов своих специально прочь отослал! Что мешает?

— Нет! — закричала Санька, завидев, как рука Андрея метнулась к сабельной рукояти. — Не надо! У тебя кровь из раны не остановилась еще!

Повязка на голове Андрея и в самом деле почти полностью окрасилась в алый цвет. Но, тем не менее, Андрей выхватил саблю из ножен и мягко, но настойчиво отстранил от себя Саньку. Истома тоже обнажил клинок.

На нем были шлем и кольчуга, но нападать первым он явно не торопился. Пока, во всяком случае. Просто стоял и смотрел на Андрея… и странным был пристальный его взгляд. Ни гнева, ни ненависти не было в нем, разве что сожаление. И очень много какой-то внутренней боли…

— А ведь мы с тобой, Андрюха, закадычными друзьями были, — опуская саблю, проговорил Истома. — Побратимами даже… а потом ты предал меня!

— Это не я, это ты предал! — крикнул Андрей, и голос его задрожал от гнева. — Дело наше общее предал, Дмитрия-царя… Болотникова, главного воеводу его…

— Да нет никакого Дмитрия-царя! — ответно выкрикнул Истома. — Служили мы царю Дмитрию, оба служили, а потом убили царя… вот уже год с лишним с той поры миновал! Ты тогда не был в Москве, а я был! И сам видел мертвое его тело: и как землей обезображенный труп забрасывали, и как вновь из могилы вытаскивали, дабы сжечь и пушку зарядить пеплом — все на моих глазах происходило! И если шел я с Болотниковым, то не потому, что в царя Дмитрия воскресшего верил! Ненавистен мне был царь Василий, с крыльца боярами подло выкрикнутый, — вот и хотелось скинуть его!

— Что же ты переметнулся к царю этому ненавистному? — спросил Андрей, тоже опуская саблю. — И теперь верой и правдой служишь, чин дворянского головы получил! — И добавил насмешливо: — Небось, жалеешь, что промедлил чуток и братья Ляпуновы с Самбуловым в предательстве тебя опередили? Вон Прокофия Шуйский думным бояриним сделал… а тебе, как Иуде Искариоту, швырнули полковничий чин: на, мол, подавись!

Санька с замиранием сердца ожидала, что после таких оскорбительных слов Истома, конечно же, бросится на Андрея, но тот даже не шелохнулся. А когда заговорил, в голосе его чуткое ухо Саньки уловило не гнев, не обиду… одно лишь сожаление.

— Дурак ты, Андрюха, ежели и в самом деле так обо мне мыслишь! Ведь ты как никто другой знать меня должен, и то, что плевать мне всегда было на чины и звания! Я просто Москву пожалел, жителей ее…

— Пожалел он… — начал было Андрей, но Истома тут же его перебил:

— Ты вспомни, как мы с тобой на Москву шли, и на реке Лопасне князя Кольцова-Мосальского вдребезги разбили! — возвысил он голос. — Когда Серпухов заняли, а строжайше запретил воинам жителей разорять… а что Болотников с Коломной сотворил, когда приступом ее взяли?! Хуже татарвы люди его в городе лютовали! Вот и задумался я: а ежели рати эти разбойничьи в стольный град ворвутся? Вспомни письма подметные, черни московской предназначенные, с воззваниями к убийствам и разграблениям всеобщим!

Он замолчал, и Андрей тоже молчал, не спуская с Истомы ненавидящего взгляда.

— Не хочу я с тобой сабли скрещивать, ибо ты для меня хоть бывший, но побратим! — вновь заговорил Истома. — Тем более, раненый ты… да и кольчуги на тебе нет. Так что давай уходи! Отпускаю я тебя…

— И правда, пойдем! — обрадованно зашептала Санька, хватая Андрея за руку. — Пошли, пока он не передумал!

— А девку свою мне оставь! — добавил вдруг Истома, внимательно глядя на Саньку. — Ай, хороша девка, как это я вчера не рассмотрел! И ей со мной сподручнее будет… да ты и сам это понимать должен…

Андрей ничего не ответил, а Санька, отпустив его руку, испуганно глядела в глаза молодому воину. Неужто он раздумывает, колеблется, просчитывает варианты?

— Ну что ты ей можешь предложить в будущем? — продолжал между тем Истома. — Деревеньку свою на пятнадцать дворов? Так ее в казну заберут за измену твою, и ты, ежели не повесят тебя вскорости за воровство, все равно гол как сокол останешься! Ни кола ни двора у тебя, Андрюшка… а крестьянствовать ты не умеешь, да и не станешь! И только два у тебя выхода: в боевые холопы к вельможе какому-либо податься али к казакам бежать в

Дикое поле… так ведь с девкой и тут, и там несподручно тебе будет! А потому бросишь ты ее вскорости, может, даже на сносях… и будет она весь век маяться в нищете и тяготах, и будет проклинать тебя вечно за жизнь свою напрасно погубленную…

— Нет! — закричала Санька, вновь крепко ухватив Андрея за руку. — Не слушай его, Андрей! Не надо его слушать!

— А ведь прав он, Санька! — проговорил Андрей, крепко сжимая холодные Санькины пальцы. — Проиграно дело наше, и вряд ли ты со мной счастлива будешь…

— Ты… ты меня бросаешь? — не веря своим ушам, прошептала Санька. — Ты хочешь отдать меня… этому?

— Ну что ты, глупенькая! — почти испуганно воскликнул Андрей, привлекая к себе девушку. — Я только хочу, чтобы у тебя выбор был, чтоб ты счастлива потом была! Уйдешь от меня — пойму и слова обидного вслед не брошу! Со мной остаться решишь…

— С тобой! — запальчиво выкрикнула Санька. — Никто другой мне не нужен!

— Тогда…

Мягко, но настойчиво, Андрей отстранил от себя Саньку и чуть приподнял саблю.

— Тогда мне убить тебя придется! — недобро и как-то совсем невесело усмехаясь, произнес Истома, тоже принимая боевую позицию. — Ну что, начнем?

— Нет! — закричала Санька, пытаясь заслонить собой Андрея и умоляюще глядя на Истому. — Не убивайте его, пожалуйста!

— Что же ты, Андрей? — издевательски расхохотался Истома. — Девкой от боя прикрыться решил?

— Санька, отойди! — крикнул Андрей, отшвырнув девушку в сторону.

Не удержавшись, Санька упала, и в это самое время слева от нее звякнули, скрестившись, клинки.

— Прости, Санька! — глухо, как сквозь вату, расслышала она голос Андрея. — Выхода другого у меня нет… не оставил он мне никакого выхода!

Вторично звякнула сталь о сталь, потом снова и снова, но Санька ничего этого не видела, она боялась смотреть. Она бы и уши заткнула, чтобы не слышать ужасных этих звуков, но руки словно онемели и не желали слушаться. А поединок все продолжался, поединок равных соперников… впрочем, не совсем равных, ибо лишь у одного из них имелись кольчуга и шлем. А второй был, к тому же, еще и ранен…

И вдруг там, слева, все стихло. А потом послышался характерный звук падающего тела.

«Господи, только бы не Андрей! — крепко, до боли, зажмурившись, мысленно взмолилась Санька. — Не хочу его терять, Господи… не дай мне его потерять!»

— Санька!

Это был голос Андрея, и Санька наконец решилась открыть глаза. И, радостно вскрикнув, вскочила на ноги.

Андрей стоял вполоборота к ней с окровавленной саблей в руке, а у ног его, лицом вниз, неподвижно лежал Истома.

— Санька! — повторил Андрей и вдруг покачнулся. — Маленькая моя… прости…

Он выронил саблю, сделал шаг в сторону Саньки и вновь остановился. Левая рука Андрея была в крови и бессильно повисла, на рубахе с левой стороны тоже виднелись кровавые пятна.

— Андрей! — прошептала Санька, и в это время Андрей тяжело рухнул на землю. — Андрей!

Бросившись к юноше, Санька упала на колени подле его неподвижного тела. Некоторое время с ужасом и надеждой всматривалась в мертвенно-бледное, враз изменившееся лицо юноши, умом понимая, что произошло нечто необратимо-страшное, но упрямо не желая поверить в это.

— Андрей! — не крик даже, дикий звериный вопль сам по себе вырвался из груди Саньки. — Очнись! Да очнись же ты!

Схватив Андрея за окровавленные отвороты рубахи, Санька принялась изо всех сил его трясти. Била по щекам, неистово целовала в быстро холодеющие губы…

— Убиенного не оживить, девка! — послышался вдруг позади Саньки хриплый срывающийся голос. — Убегай лучше сама!

Вздрогнув, Санька обернулась.

Истома Пашков, чуть приподняв голову, смотрел на нее в упор. По уголку рта у него стекала вниз тонкая струйка крови.

— Да ты, видно, и впрямь ведьма! — прохрипел Истома, давясь и сплевывая на измятую траву темные кровавые сгустки. — Одежка на тебе дивная, лик красоты невиданной, да и смерть за тобой по пятам, словно привороженная, ходит…

Он замолчал, а Санька, опомнившись, вскочила на ноги и, наклонившись, ухватила с земли окровавленную саблю Андрея. Впрочем, ухватить ухватила, да почти сразу и выронила, уж больно тяжелой оказалась она для тонких Санькиных рук.

— Добить меня решила? — вновь прохрипел Истома, кашляя кровью. — Так ведь я и так уже мертвый, на суд Божий иду… Андрей меня там ждет… побратим мой и враг мой лютый…

Замолчав, Истома обессиленно ткнулся лицом в землю, но вновь с трудом приподнял перекошенное от нестерпимой боли лицо.

— Беги, девка! — прохрипел он тихо, еле слышно. — Ведьма ты или не ведьма, Бог тебе судья! Беги… ежели мои люди тебя схватят…

— Истома! — послышался из тумана чей-то встревоженный крик. — Чего у тебя там?

— Беги, дура! — повторил Истома.

И Санька побежала. Сама не ведая куда, она просто мчалась сквозь поредевший туман, прочь от страшного места. А позади уже грохотали копыта, и разве убежать пешему от конных…

— Вон она! — послышалось за спиной у Саньки. — К реке, к реке оттесняй ведьму!

Впереди, в просветах тумана и в самом деле тускло сверкнула река, но это не улучшило, наоборот, значительно ухудшило Санькино положение. Подступы к воде были топкими настолько, что Санька тотчас же провалилась почти по колено в мутную жижу. А топот копыт слышался все ближе, вот-вот всадники должны ее настигнуть…

Но тут что-то изменилось за спиной Саньки, что-то непонятное начало происходить там. Грянули почти одновременно два выстрела, дико заржала лошадь. А потом вновь послышались эти ужасные звуки, когда сабля ударяет о саблю…

Там, позади, шел бой, в этом не было ни малейших сомнений.

С трудом вызволив ноги из болотной топи, Санька обернулась и сквозь редкие клочья тумана смогла разглядеть, как сгрудилось на небольшом клочке земли несколько десятков всадников, как взлетают над головами сражающихся блестящие сабельные клинки. Несколько человеческих тел уже лежало неподвижно на земле да билась, качаясь по траве и судорожно дрыгая ногами, подраненная лошадь…

Ожидать окончания боя Санька не стала. Кто бы там с кем ни сражался, ничего хорошего со стороны возможных победителей ее не ждало, а потому, выбравшись на сравнительно сухую поверхность, Санька задала такого стрекача, что ветер в ушах засвистел.

— Стой, ведьма! — послышался вдруг позади хрипловатый торжествующий крик, и, обернувшись на бегу, Санька увидела все того же бородача по имени Пахом. Вырвавшись из схватки, он мчался теперь вслед за беглянкой и в правой руке его тускло поблескивал окровавленный клинок. — Стой, ведьма, не уйдешь! — продолжал вопить Пахом, уже отводя руку и примериваясь для удара.

И еще один всадник с обнаженной саблей мчался вслед за Санькой чуть позади первого… впрочем, на Саньку и одного Пахома было более чем достаточно.

Но тут случилось нечто невероятное. Настигнув Пахома, второй всадник взмахнул саблей и… Пахом оказался без головы. Голова его покатилась куда-то в траву, а тело еще продолжало по инерции мчаться на бешено храпящей лошади прямо на Саньку, и рука безголового мертвеца все еще сжимала саблю….

Вскрикнув от ужаса, Санька даже присела… и в этот момент на нее рухнул с лошади обезглавленный труп Пахома, опрокинул в траву, поливая липкой горячей кровью.

— А-а-а! — завизжала Санька, пытаясь сбросить с себя мертвеца… но тут второй всадник, соскочив с лошади почти на полном ее скаку и отшвырнув ногой в сторону мертвое тело, наклонился и подхватил Саньку на руки.

Был он высокий, широкоплечий и, по всему видно, невероятно сильный, ибо держал Саньку в руках так легко и небрежно, словно она вообще невесомой была. А по алому плащу, свисающему с плеч почти до самой земли, по позолоченному шлему с белыми перьями Санька узнала Болотникова. Точнее, поняла, что это он…

Опущенное забрало шлема Болотникова скрывало верхнюю часть лица, так что Саньке видны были лишь темные с проседью усы да коротко подстриженная бородка прославленного воеводы. Да еще глаза сквозь прорези, внимательно и с каким-то даже недоумением смотревшие на Саньку.

А потом она потеряла сознание. Резко и разом, будто сорвалась мгновенно в черную бездонную пропасть…

Глава 12

Открыв глаза, Санька не сразу поняла, где она и что с ней произошло. Лежала на чем-то мягком, заботливо была укрыта. Над головой деревянный потолок, потемневший от времени, и стена напротив тоже деревянная, из грубо отесанных, толстых бревен. Окошко в стене одно, вроде и небольшое, а стеклышек в нем множество. Да и не стеклышки это (уж слишком мутные), слюда скорее…

— Очнулась? Ну и слава тебе, Господи!

Вздрогнув, Санька повернула голову и увидела Матрену, сидящую рядом на короткой деревянной скамье и глядящую на нее с жалостью и одновременно с тревожным любопытством.

И сразу же вернулась память…

— Андрея убили! — прошептала Санька и заплакала.

— Поплачь, милая, поплачь!— сказала Матрена и вновь замолчала.

Санька плакала долго и безутешно, а Матрена все так же молча сидела рядом. Потом она наклонилась к Саньке и проговорила решительно и почти грубо:

— Ну, поплакала и будет! Слезами горю не поможешь…

— Где мы? — все еще всхлипывая, спросила Санька.

— В крепости тульской. Давай я тебе лучше слезки вытру, негоже красавице такой заплаканной быть…

Проговорив это, вроде и почтительно, но и с какой-то непонятной насмешкой, Матрена принялась утирать заплаканное Санькино лицо куском белой ткани.

— Вот видишь, уже лучше! Только глазоньки твои слишком блестят… ну да это ничего! Это ему даже понравиться должно…

— Кому — ему? — выхватив из рук Матрены белую эту утирку, Санька швырнула ее на пол. — О ком это ты?

— О воеводе нашем, о ком же еще! — нараспев проговорила Матрена (и вновь слова ее прозвучали и почтительно, и с насмешкой). — Это он тебя сюда доставил, а мне велел всячески за тобой присматривать. А как очнешься — о том скорехонько ему доложить…

— Зачем?

Вместо ответа Матрена лишь усмехнулась многозначительно.

— Зачем? — повторила Санька, и сердце у нее тревожно забилось. — Что ему от меня надо?

— Да нечто ты не знаешь, чего мужику от красной девицы завсегда надобно?

— Что?!

Сбросив покрывало, Санька вскочила на ноги и тотчас же, испуганно вскрикнув, вновь юркнула в постель.

Она была абсолютно голой. Ничего из одежды, даже трусиков…

— Где?.. — закричала Санька, как можно плотнее закутываясь в покрывало. — Одежда моя где? И кто меня раздевал, ты?

— Я, милая, я! — зашептала Матрена, торопливо кивая головой. — И раздевала, и обмывала… а одежка твоя полностью в негодность пришла из-за крови да грязи болотной. После новое убранство тебе справят, а пока… Да ты и без одежки хороша… понимаешь, о чем я толкую?

В это время натужно заскрипела отворяемая дверь и в комнату не вошел, а скорее втиснулся боком высокий широкоплечий мужчина. Возле двери он остановился, и Санька тотчас же признала своего спасителя, хоть ни плаща, ни шлема на нем, естественно, не было. Да и кольчуги тоже…

— Как она? — спросил мужчина, обращаясь к Матрене, которая, вскочив с места, принялась почтительно ему кланяться. — Очнулась?

— Очнулась, батюшка! — медленно, нараспев ответствовала Матрена, не переставая кланяться. — И уж как ждала твою милость!

— Оставь нас! — отрывисто бросил мужчина, и Матрена, поклонившись в последний раз, опрометью выбежала из комнаты, плотно затворив за собой

дверь. А мужчина, подойдя чуть ближе, вновь остановился, внимательно глядя на Саньку. И она тоже смотрела на него испуганными, широко раскрытыми глазами.

Это был Болотников, человек из легенды, кумир Санькиных детских лет, но теперь, глядя на него, ничего, кроме ужаса и отвращения, Санька не испытывала.

Впрочем, ничего уродливого или отталкивающего в лице Болотникова не было. Мужественное и даже привлекательное лицо зрелого, не старого еще человека. Лет сорока, от силы сорока пяти, никак не больше…

Но от одной только мысли, что сейчас этот человек примется стаскивать с себя одежду, потом, откинув в сторону покрывало, уставится на ее обнаженное тело… от одной только мысли об этом Саньке стало не по себе. А о том, что должно произойти после, она и вообще не думала. И в то же время хорошо понимала, что выбора у нее нет и через все это, увы, придется пройти. Через отвращение, унижение, боль…

И Санька решила покориться неизбежному. А потом умереть. Как можно скорее и по возможности безболезненно. Яду у кого-нибудь попросить быстродействующего? А ежели не дадут яду, тогда…

Тогда — в петлю! Или кинжалом по горлу…

Но Болотников явно не собирался торопить события (удовольствие максимально растягивал или еще по какой причине?). Правда, подойдя вплотную к постели, он опустился на скамью, на которой раньше сидела Матрена (Санька тотчас отпрянула к стенке, крепко зажмурилась да еще и испуганно съежилась под покрывалом), но этим пока дело и ограничилось. А потом…

— Ну, здравствуй, Санька! — произнес вдруг Болотников. Помолчал немного и добавил: — Долго же мне пришлось тебя разыскивать! Без малого тридцать лет…

Это прозвучало настолько странно и даже невероятно в устах знаменитого полководца, что Санька не поверила своим ушам. А может… может, она просто ослышалась?

— Ты все еще не узнаешь меня? — не проговорил даже, прошептал Болотников.

Догадка, настолько невероятная, что никак не могла быть правдой, слепящей молнией озарила на мгновение мозг Саньки.

— Иван?!

Словно со стороны услышала Санька собственный свой голос, чужой и совершенно даже ей незнакомый. Почувствовала странное оцепенение, охватившее всю ее без остатка… и удивительное ощущение полуяви-полусна…

Так не бывает, так просто не должно быть!

Впрочем, то, что очутилась она внезапно во времени, на четыреста с лишним лет отстоящем от собственного рождения, ведь это тоже из разряда событий невероятных…

И все же такое смогло произойти!

— Это… это ты, Иван?

Болотников ничего не ответил, а Санька, наконец, осмелилась открыть глаза. И жадно принялась искать такие знакомые черты на суровом огрубевшем лице Болотникова.

— Трудно меня узнать, правда? — словно прочитав потаенные мысли Саньки, Болотников усмехнулся невесело и добавил: — А ведь я искал тебя тогда. Долго искал…

— Я тоже искала! — прошептала Санька. — Я думала, что ты… что ты где-то неподалеку от меня очутился…

— Так и случилось, — вздохнул Болотников. — Совсем неподалеку! Правда, с разницей в тридцать лет…

И вскочив, он вдруг с такой силой ударил ногой по скамье, на которой только что сидел, что та разлетелась вдребезги.

— Проклятая штуковина! — И добавил, искоса взглянув на враз побледневшую Саньку и виновато при этом улыбаясь: — Напугал тебя, извини!

Санька ничего не ответила, да и что было отвечать. Она отыскала Ивана, но разве это был Иван?! Разве такой представляла она свою с ним встречу?

Пусто было на душе и тоскливо. И надежды вернуться в привычный свой мир уже не оставалось, ни малейшего даже проблеска надежды.

Поглощенная тягостными раздумьями, Санька не сразу обратила внимание на то, что Иван, усевшись осторожно на самый краешек постели, что-то ей говорит, точнее, рассказывает о чем-то.

—…а потом в монастырь меня занесло, — вполголоса говорил Иван. — Тут неподалеку, возле Каширы. Монахи меня приютили, накормили, предлагали в обители навсегда остаться, только я все еще тебя отыскать надеялся. И тогда один монах, молодой, ненамного меня старше, посоветовал одежку сменить: выдал кафтан, портки, сапоги юфтевые, а мою одежку в сундук запрятал. Пускай, говорит, полежит пока одеяние твое диковинное. А в то время возьми да и заверни в монастырь князь Андрей Телятевский со свитой…

— Андрей?! — вздрогнув, прошептала Санька.

— Князь Андрей Телятевский по прозвищу Хрипун. Монах тот меня ему и представил как сироту-недоросля из дворянского рода Болотниковых. Есть, оказывается, в этих местах такой обедневший род, так монах мне фамилию немного удлинил, а имя и отчество прежними оставил. А князю я чем-то приглянулся, и предложил он мне в боевые холопы к нему податься…

— В холопы? — вновь прошептала Санька, думая о своем.

— В боевые холопы, — поправил ее Иван. — Это вроде дружины княжеской. А потом…

— Потом к казакам на Дон… — тихо продолжила Санька, — татарский плен, турецкая галера. Венецианцы освободили, мог в Европе остаться, да потянуло на родину…

— Постой, откуда ты… — вскочив, Иван с изумлением уставился на Саньку. — Впрочем, чему я удивляюсь, — проговорил он, вздохнув, — ты и должна все это знать! — И добавил глухо и почти невнятно, глядя куда-то себе под ноги: — Ты ведь и то, как и когда мне умереть предстоит, знать должна…

Санька ничего не ответила. Врать не хотелось, сказать же правду… О поражении, вынужденной сдаче в плен, подлом вероломстве Шуйского… О том, как ослепили, как в прорубь тайно спихнули… Ивана?! Ее Ивана?!

— И правильно, и не говори ничего!

— Ваня! Ванечка!

Вскинувшись на постели, Санька схватила Болотникова за руки и уткнулась мокрым от слез лицом в его широкие твердые ладони. Покрывало при этом сползло почти до пояса, обнажив грудь, но Санька, казалось, этого даже не заметила.

И она уже не боялась Болотникова, ведь это был Иван, Ваня, Ванечка! Иван, который так любил ее когда-то и которого так любила она сама!

Как брата, которого у нее никогда не было…

— Санечка! Девочка моя единственная!

Опустившись на колени, Иван чуть наклонил голову и осторожно дотронулся губами до взъерошенной Санькиной макушки. Его борода при этом щекотала ей шею, но это было нисколечко не противно, немного непривычно, и только…

— Девочка моя! — шептал Иван, продолжая и продолжая целовать спутанные пряди Санькиных волос. — Я ведь уже всякую надежду потерял тебя отыскать! Да и понимал, что не один я старею. Даже бояться стал с тобой встречи, хотел, чтобы ты осталась в сердце моем молодой. И услышал Господь молитвы мои…

В это время с треском распахнулась входная дверь и Санька увидела троих вооруженных людей, один за другим вбежавших в комнату. У нее тотчас испуганно екнуло сердце, но все трое почтительно остановились у входа.

— Воевода!

— Ну, что еще? — вскакивая на ноги и хмурясь, обернулся к вошедшим Болотников. При этом он постарался, как мог, заслонить собой Саньку, а она, опомнившись, вновь юркнула под покрывало, натянув его до самого подбородка. — Что врываетесь, как тати полуночные? Случилось что?

— Вои царские на приступ было пошли, но отбиты с большим для себя уроном! — весело доложил один из вошедших, молодой курчавый паренек с белозубой усмешкой и выпуклыми ласково-маслянистыми глазами. Он, кстати, как вошел, так и вперился в Саньку откровенным, нагло-ласкающим взглядом.

— Многих убитыми потеряли, еще более раненых с собой уволокли, — угрюмо добавил сосед паренька, седой, длиннобородый, с плохо зажившим шрамом через всю щеку. — А у нас потерь, почитай, и не было никаких!

— Отбили приступ — это молодцы! — сказал Болотников нетерпеливо и искоса взглянул на Саньку. — За это хвалю! Или еще о чем доложить хотели?!

Вошедшие помялись немного, переглянулись нерешительно.

— Тут вот какое дело… — запинаясь, проговорил длиннобородый. — Князья Шаховский и Телятевский напомнить повелели…

— Повелели? — наливаясь кровью, рявкнул Болотников. — Они мною повелевать смеют?

— Нам повелели, — тут же поправился длиннобородый. — Напомнить повелели твоей милости, что военный совет ты им назначил сегодня после полудня! И царевич Петр о том же просил тебе напомнить…

— Помню я о совете! — буркнул Болотников и вновь покосился на Саньку. Потом перевел взгляд на наглого паренька, по-прежнему не спускающего с Саньки откровенно жаждущего взгляда. Нахмурился… и паренек, почуяв неладное, быстренько отвел глаза.

— Так что передать князьям и царевичу? — спросил длиннобородый.

— Передайте им… — Болотников замолчал на мгновение, задумался. — Передайте, что совет сей на завтрашнее утро перенести надобно! Занят я весьма, понятно?

— Понятно, — вразнобой отозвались вошедшие и, многозначительно при этом переглянувшись, вышли гуськом. А Болотников, выглянув следом, зычно крикнул кому-то (охране своей, скорее всего):

— Не впускать никого! Головы оторву!

Вернувшись и плотно затворив за собой дверь, он вновь подошел к постели, опустился на самый ее краешек.

— Такие вот дела, Санька! — проговорил он, глядя себе под ноги. — Одолели нас рати царские, в кремле тульском крепко заперли! А тут еще провианта маловато, ну да ничего! Посланы гонцы в Литву, к Дмитрию, дабы на выручку шел! Или… — запнувшись на мгновение, Иван в упор посмотрел на Саньку, — или не придет к нам помощь? Только это скажи!

— Я домой хочу! — вместо ответа, жалобно пролепетала Санька. — К маме хочу! Мне рано еще умирать! И жить тут мне страшно!

И уткнувшись лицом в подушку, она расплакалась. Горько, навзрыд.

— Девочка моя! Если б я знал, как… если бы я только мог тебе помочь в этом…

Вновь опустившись на колени и отвернув в сторону край покрывала, Иван принялся покрывать бесчисленными поцелуями Санькины волосы, шею, обнаженные плечи…

— Санька, Санечка! — бормотал он, и голос его был полон горечи. — Ты же самой судьбой предназначена мне была, самой судьбой! И что ж она сделала с нами, судьба-судьбинушка? Как же разнесла она нас с тобой во времени, подлая!

Иван целовал ее долго, руки его постепенно отодвигали в сторону покрывало… и вот уже Санька ощутила щекотание его усов и бороды у себя на спине, потом еще ниже, и это было довольно неприятно. Зарывшись лицом в подушку и крепко сжав зубы, Санька пыталась вернуть то мимолетное ощущение, когда сквозь огрубевшие черты взрослого и много повидавшего в жизни мужчины вдруг взглянуло на нее такое знакомое и такое юное лицо Ванюши… но ощущение это, увы, не пожелало вновь воротиться. Те трое, так некстати ворвавшиеся в комнату, спугнули его, порушили что-то, пусть неосязаемое и необъяснимое, но весьма и весьма важное…

А тут еще так некстати вспомнилось об Андрее…

— Не надо! — Оттолкнув от себя Ивана, Санька вновь по самую шею закуталась в покрывало. — Зачем это сейчас?

— Вот именно, незачем!

И Санька, и Иван почти одновременно обернулись на голос.

— Фидлер? — голос Болотникова задрожал от гнева. — Тебе что тут надо?

Невысокий плотный человечек средних лет и весьма ординарной наружности ничего на это не ответил, лишь устало и одновременно с явным облегчением усмехнулся. В руке человечек держал какой-то довольно объемный сверток.

— Да вот, шел мимо…

— Вон пошел!

Иван вскочил на ноги, рука его привычным жестом метнулась к поясу… впрочем, там не было сейчас ни сабли, ни даже кинжала.

Тогда Болотников, сделав стремительный шаг вперед, ухватил человечка за отвороты кафтана, крепко встряхнул и даже приподнял чуть над полом.

— Не переходи межу, лекарь! Я тебя ценю, ты то ведаешь… но всему есть межа!

— Не надо горячиться, Ванюша! — проговорил, а вернее, прохрипел полузадушенно человечек по имени Фидлер, и голос его с явственно различимым акцентом был на удивление спокоен и даже невозмутим: — Ты ведь тоже хочешь, чтобы Александра, любовь твоя первая и единственная, в собственное свое время беспрепятственно воротиться смогла?

— Что?! — растерянно и как-то по-детски проговорил Иван, опуская Фидлера на пол. — Откуда ты… да кто ты на самом деле?

— Кто это? — закричала Санька, вскидываясь в постели. Придерживая покрывало у груди, с ужасом смотрела она на незнакомца. С ужасом и невнятной еще надеждой. — Скажи, кто это?

— Фидлер это, — медленно, словно через силу, проговорил Иван.

— Фидлер? — переспросила Санька. — А кто это, Фидлер?

Она уже слышала ранее эту фамилию, вот только никак не могла вспомнить: где и когда…

— Лекарь он… — сказал Иван, переводя взгляд с Фидлера на Саньку. — Лекарь иноземный. В Калуге подослал его Шуйский, дабы меня отравил, страшную клятву в том взял с лекаря. Но прибыв ко мне, сразу же Фидлер открылся чистосердечно, на нашу сторону перешел. И вот с той поры…

— Он сказал, что может… — Санька даже задохнулась от волнения, — что может вернуть…

— Об этом чуть позже! — Повернувшись к Саньке, Фидлер почтительно и в то же время насмешливо ей поклонился. — А покамест держи одежку свою!

И он бросил сверток на постель, прямо к ногам Саньки.

— Одевайся, а мы отвернемся пока. Оба, и я, и Ванюша!

Иван, что удивительно, протестовать против столь вольного к себе обращения не стал, и они действительно отвернулись почти одновременно. А Санька трясущимися руками принялась разворачивать сверток. Джинсы, курточка, тенниска, кроссовки… носочки, трусики даже… все ее, личное…

Или не совсем ее?! Уж больно новой и даже неношеной выглядит одежда, да и кроссовки тоже…

— Все правильно, Александра! — словно прочитав ее мысли, сказал, не оборачиваясь, Фидлер. — Не твое это, но в точности каким твое было, когда вы с Иваном к сараю тому злосчастному шли. А вот телефон в кармашке твой собственный… впрочем, не стоит его пока доставать, бесполезен он в данной конкретной ситуации…

— Кто ты? — повторил Иван, глядя в упор на Фидлера.

— После все объясню! — сказал Фидлер все так же невозмутимо. — Ты как, оделась уже, Александра? — добавил он, обращаясь к Саньке. — Оборачиваться можно?

И не дожидаясь разрешения, повернулся в сторону Саньки. Впрочем, она, вполне одетая, в этот момент натягивала на ноги кроссовки.

— Ну что ж, — Фидлер удовлетворенно кивнул головой. — Все в порядке, а я боялся с размерами не угадать. Пошли тогда.

— Куда? — хмуро поинтересовался Иван, не сводя при этом с Саньки печальных глаз.

— В каморку одну, — пояснил Фидлер, первым выходя из комнаты.

Иван, чуть помедлив, двинулся было следом, но у самого выхода остановился и пропустил вперед Саньку.

А потом они долго шли по темным и донельзя запутанным коридорам, два раза спускались куда-то вниз по узким деревянным лестницам, которые не только ужасно скрипели, но еще и шатались под их шагами.

И везде толпились и о чем-то переговаривались хмурые вооруженные люди. Впрочем, завидев Болотникова, они тотчас же замолкали и почтительно расступались.

— Сюда! — сказал Фидлер, останавливаясь у одной, почти неприметной двери и отворяя ее. — Прошу в мои пенаты! Впрочем, они не совсем мои…

Комната за дверью оказалась не слишком большой и к тому же полутемной, освещаемой лишь небольшим оконцем, расположенным у самого потол-

ка. И мебели тут не было совершенно, одни лишь широкие деревянные лавы, тянущиеся вдоль стен. А на одной из лав сидел кто-то в темном одеянии и, кажется, дремал, низко опустив голову.

— Прошу! — повторил Фидлер. — Барышня, вы первая!

Чуть поколебавшись, Санька вошла в комнату, Иван за ней. Последним вошел Фидлер и не просто затворил за собой дверь, но еще и запер ее, с усилием задвинул толстый деревянный засов.

— Зачем это? — глядя на засов, отрывисто бросил Иван. — Боишься кого?

— Не то чтобы боюсь, Ваня! — мотнул головой Фидлер. — Просто гости непрошеные нам ни к чему сейчас, потому как…

— Феофан! — перебивая Фидлера, пронзительно вскрикнула Санька, до этого внимательно пытавшаясь рассмотреть сидящего на лаве. — Феофан!

Она бросилась к Феофану (а это и в самом деле оказался он!), ухватила за обе руки, сильно встряхнула. — Давай же, просыпайся!

Некоторое время внимательно смотрела в неподвижно-застывшее лицо монаха, потом резко повернулась к Фидлеру.

— Почему?

— Хороший вопрос, — сказал Фидлер, глядя на Саньку все с той же непонятной насмешкой. — А еще ты должна спросить, откуда он тут вообще взялся. Или тебе это неинтересно?

— Кто это, Феофан? — хмуро поинтересовался Иван, с откровенной неприязнью вглядываясь в сгорбленно-неподвижную фигуру монаха.

— Тоже хороший вопрос, — одобрительно кивнул головой Фидлер. — И я сперва именно на него отвечу.

Он подошел к Феофану, деликатно, но настойчиво отстранив в сторону Саньку.

— Вообще-то, у этого человека несколько имен. Одно из них, Гай Ювентал, ничего вам обоим не скажет, потому не буду на нем пока останавливаться. Второе имя, Феофан, хорошо известно Александре (тут Фидлер, прервав на мгновение свою речь, сделал учтивый полупоклон в сторону Саньки, на что она не среагировала), но совершенно неизвестно Ивану, так что пока и это имя оставим в покое. А вот третье имя, вместе с фамилией и отчеством, Иван тоже должен был слышать когда-то, в далекой юности… а уж тем более ты, Александра. Орлов Николай Петрович… тебе это о чем-либо говорит?

— Орлов Николай Петрович… — послушно повторила Санька. — Это моего папу так зва…

Не договорив, она замолчала, растерянно и даже несколько испуганно разглядывая неподвижную фигуру Феофана.

— Это… это… это и есть…

— Совершенно верно! — вновь склонился в полупоклоне Фидлер. — Другими словами: именно так!

— Разбудите его! — закричала Санька, умоляюще глядя на Фидлера. — Пожалуйста, разбудите его!

— Зачем?

Фидлер задал этот вопрос с таким откровенным равнодушием, что Санька даже растерялась.

— Затем, что… — проговорила она, запинаясь, — …что мне очень многое нужно ему сказать, о многом спросить, если только… — Тут она вновь запнулась и, помолчав немного, добавила почти жалобно: — Если это и в самом деле мой отец…

— Это и в самом деле твой отец, — проговорил Фидлер. — Даже не сомневайся в этом.

— Но почему тогда… — Санька взглянула на Феофана настороженно и почти враждебно. — Почему он тогда…

Не договорив, Санька замолчала.

— Знаешь, в твоем незаконченном вопросе сразу несколько «почему», — улыбнулся Фидлер. Впрочем, улыбнулся одним только ртом, глаза его оставались прежними: холодными и совершенно равнодушными. — Первое — почему он бросил вас тогда и сбежал еще далее в прошлое? Второе — почему не признал тебя при первой же вашей встрече? Не в том смысле, что не признал в тебе свою дочь, а в том, что так и не понял, из какого ты времени сюда заявилась. Кстати, отсюда возникает и третье «почему»: как получилось, что самым первым человеком, которого ты встретила в прошлом, оказался человек, тоже не принадлежащий к этому времени, к тому же еще — твой отец? Видишь, сколько вопросов сразу ты мне задала?

Ничего на это не отвечая, Санька лишь молча смотрела на Фидлера.

— Хочешь услышать ответы на свои вопросы? — проговорил Фидлер, кладя Саньке руку на плечо.

— Хочу! — сказала Санька.

— Убери руку! — внезапно рявкнул Иван из-за спины Саньки, да так, что она даже вздрогнула от неожиданности.

— Ну вот, опять девочку напугал! — сказал Фидлер, укоризненно качая головой. Руку с Санькиного плеча он, впрочем, убрал. — Ох уж мне эти военачальники! Все бы им орать да командовать! Ну да ты привык к этому за столько лет, да, Ванюша?

— Я тебе — не Ванюша! — не проговорил даже, прорычал Иван, с откровенной ненавистью глядя на Фидлера. — Я для тебя — Иван Исаевич, запомни это, пес иноземный!

Фидлер, ничего не отвечая, лишь склонил голову в полупоклоне, который при желании можно было счесть и почтительным, и издевательским. Впрочем, Иван, словно опомнившись, решил не обострять обстановку.

— Дурацкая ситуация! — уже почти спокойно проговорил он, нервно расхаживая взад-вперед по комнате. — Дураком полным себя чувствую… или, скорее, лишним тут…

— А ты и есть лишний тут, Ваня!

Фидлер вскинул правую руку, в которой что-то вдруг ярко блеснуло… и Иван, покачнувшись, медленно осел на пол.

— Иван!

Санька бросилась было к Болотникову, но Фидлер ухватил ее за руку.

— Пустите! — закричала Санька, тщетно пытаясь высвободить руку. — Отпустите сейчас же!

— Ты хочешь вернуться домой или нет?! — отпуская руку Саньки, заорал вдруг Фидлер ей прямо в лицо. — Маму свою хочешь увидеть?!

— Хочу! — прошептала Санька, не трогаясь с места.

— Тогда стой спокойно и ни во что не вмешивайся!

Фидлер подошел к Болотникову, наклонился над ним.

— Это сон, — сказал он, внимательно глядя на Саньку. — Просто сон и ничего кроме. Так надо, понимаешь?

— Понимаю, — прошептала Санька, хоть понимала далеко не все.

— А теперь слушай внимательно. И не перебивай!

Проговорив это, Фидлер замолчал, но Санька тоже молчала.

— Твой отец, Орлов Николай Петрович… — вытянутой рукой Фидлер указал на Феофана, — есть дезертир Гай Ювентал, комендор третьего разряда второго защитного пояса Земли, тайно покинувший свой пост и решивший сбежать в прошлое. А дабы мы не смогли проследить траекторию его побега по биотокам мозга, Гай применил так называемое стирание собственной памяти, установив соответствующий прибор в аппарате временного скольжения…

— В машине времени… — не сдержавшись, прошептала Санька, но Фидлер нисколько не рассердился.

— Что ж, можно и так назвать этот аппарат! — равнодушно кивнул он головой. — Кстати, вам с Иваном крупно повезло в том смысле, что перемещались во времени вы, находясь подле аппарата, а не внутри него. Иначе вам тоже основательно память замутило бы…

Фидлер замолчал, и Санька тоже молчала, ожидая продолжения.

— Но вернемся вновь к твоему отцу, Александра. Удирая в прошлое, допустил он все же одну промашку… впрочем, и промашкой это назвать нельзя, скорее неразрешимой дилеммой. Ему бы по прибытии аппарат уничтожить, да как сделаешь это при стертой памяти? Не до аппарата ему было… взглянул на него отрешенным взором да и побрел себе куда глаза глядят. А аппарат пожужжал-пожужжал и вновь в свое времечко воротился. Дабы нам путь указать, где искать беглеца…

Проговорив это на одном дыхании, Фидлер вновь замолчал, внимательно глядя на Саньку.

— Понятно излагаю?

— Вполне, — сказала Санька. — Но почему тогда…

Не договорив, она замолчала.

— Почему тогда мы несколько лет твоего папу не трогали, если с самого начала знали о его точном местонахождении? — закончил за нее Фидлер. — Почему дали тебе на свет появиться? Ты ведь об этом спросить хотела?

Санька ничего не ответила.

— Впрочем, если бы мамы ваши тогда не поссорились, — задумчиво проговорил Фидлер, — вряд ли у Клавдии, подруги маминой закадычной, роман этот нелепый случился с шабашником заезжим. И тогда… Что тогда, Санька?

И вновь Санька ничего не ответила.

— Ивана бы не было, друга твоего, — ответил сам на свой вопрос Фидлер. — А еще кого не было бы?

«Болотникова! — промелькнуло в голове у Саньки. — И его не было бы, ведь Болотников — это и есть Иван!»

— Правильно мыслишь! — одобрительно кивнул Фидлер. — Действительно, прославленного воеводы Болотникова тоже не было бы совсем в истории российской, так, что ли?

Ничего на это не отвечая, Санька лишь молча кивнула.

— Видишь, как интересно получается! — улыбнулся (и вновь одним только ртом, без участия глаз) Фидлер. — И династия Шуйских удержалась бы на российском престоле, а после смерти престарелого Василия царем стал бы, не будучи отравленным, племянник его дальний, Михаил Скопин-Шуйский, молодой и талантливый, весьма укрепивший державу и значительно расширивший ее границы. И правили бы Шуйские, а не Романовы, кстати, куда дольше правили бы… такая вот альтернативная история исподволь вырисовывается…

— Почему альтернативная? — прошептала Санька, потрясенно глядя на Фидлера. — Эта и должна была быть основной историей, если бы мой папа… если бы он…

Не договорив, она замолчала и с еще большим потрясением взглянула на спящего Феофана.

— Вот именно, должна была быть! — подхватил Фидлер. — Но почему же тогда история пошла именно так, как пошла? Болотников… Смутное время… Романовы… события 1917 года… рождение твое и Ивана в начале двадцать первого столетия… рождение Гая в далеком будущем… Наши ученые мужи, специалисты по альтернативным вариантам развития человечества, провели тщательное исследование, дабы выяснить сей парадокс…

— Выяснили? — спросила Санька, хоть ей на самом деле все это совершенно безразлично было. Домой бы поскорее, к маме…

Но торопить Фидлера она боялась. А ну как рассердится да и оставит ее здесь.

— Ничего не выяснили, — вздохнул Фидлер. — Лишь то доказать удалось, что прошлое влияет на будущее не столь прямым, сколь таким вот опосредованным образом. И вспыхнувшее в начале семнадцатого столетия бунтарское движение просто обязало комендора Гая Ювентала из далекого двадцать восьмого столетия дезертировать в прошлое и сделаться составной его частью. И когда мы поняли это, то решили не мешать событиям вершиться так, как то природой и задумано было. И аппарат вновь в ваше время направили. Чтобы у твоего отца при виде его память начала восстанавливаться и он, испугавшись за вас с матерью, не стал дожидаться патруля — которого, кстати, никто и не собирался за ним высылать, — а рванул еще дальше в прошлое. А потом…

В это время в дверь забарабанили, и Фидлер, замолчал, оглянувшись.

— Воевода у тебя, лекарь? — послышалось из-за двери.

— Нет его тут! — крикнул Фидлер, подходя к двери вплотную. — Ушел!

— Понятно!

Когда за дверью все стихло, Фидлер вновь вернулся к лаве с Феофаном.

— Времени мало! — проговорил он озабоченно. — Или ты что-то еще спросить хочешь?

Санька хотела спросить, как могло получиться, что самым первым встречным оказался именно ее отец. То, что он не распознал в ней человека из будущего, — это вполне объяснимо: вновь память начисто потерял, и она к нему так и не возвратилась. Но вот то, что она встретила именно его… или это Фидлер специально так подстроил?

Но спросить об этом она немного опоздала. Что-то сверкнуло перед глазами, вспышка какая-то зеленоватая… и вот уже посреди комнаты…

Нет, это была совершенно другая машина времени, побольше. Такая же дырчатая, с такими же темными стеклами, но выше значительно и раза в три шире. Да и то, нескольких пассажиров она должна будет отсюда увести: ее, Фидлера, Феофана…

А как же Иван?

Санька подошла к Ивану, опустилась подле него на колени.

— Ванечка! — прошептала она, гладя Ивана по густым волосам, изрядно тронутым сединой. — Как же я там без тебя буду? И что я тете Клаве скажу?

— А вот об этом не беспокойся! — послышался у нее за спиной голос Фидлера. — Ничего тебе говорить не придется.

— Почему? — Санька обернулась и увидела, что Фидлер уже успел загрузить в аппарат беспамятного Феофана. — Почему не придется?

— Потом объясню! — нетерпеливо проговорил Фидлер. — А теперь залезай!

— А Иван? Что с ним дальше будет?

— А ты разве не знаешь, что случится потом с Болотниковым? — спросил Фидлер все тем же равнодушным тоном.

«Ослепят его, потом слепого в проруби утопят», — молнией пронеслось в голове у Саньки.

— Ваня! Ванечка!

Захлебнувшись слезами, Санька обхватила бесчувственное тело Ивана обеими руками, прижала к себе.

— Я с тобой останусь! Не брошу тебя одного, Ванечка! Я все тебе расскажу о будущем… спасу тебя, постараюсь спасти…

— А вот это как раз то, чего я никак допустить не могу! — раздался голос Фидлера, ровный и равнодушный, как всегда. — Изменение прошлого… да ты и сама понимаешь…

— Что? — обернувшись, Санька уже безо всякого страха и даже с вызовом посмотрела на лжелекаря. — Что я должна понимать?

Зеленая вспышка ударила Саньку по глазам, и она сразу же словно провалилась куда-то. Как и тогда, когда Иван спас ее на берегу реки Вороньей… впрочем, никакой вспышки тогда не было, а был самый обыкновенный обморок…

Эпилог

— Ну, просыпайся, просыпайся!

— Что?

Санька открыла глаза и первое, что увидела, это лицо Фидлера, низко над ней склонившееся. И удивилась тому, что Фидлер не стоял и не сидел, а просто парил в пространстве. Впрочем, ни стоять, ни сидеть тут было не на чем — вокруг, куда ни взгляни, простиралась зеленоватая мерцающая пустота. А когда Санька посмотрела себе под ноги, то поняла, что и она тоже парит невесомо в странной этой пустоте. И Феофан тоже в ней неподвижно висел… и лишь теперь Санька отчетливо смогла разглядеть не совсем еще затянувшийся, рваный шрам у него над правым ухом.

Раньше этого шрама не было…

— Где мы? — спросила Санька, обращаясь, естественно, к Фидлеру.

— Хороший вопрос, — в привычной своей манере отозвался тот. — Жаль только, что ответа на него, увы, не существует. Мы теперь как бы вне времени и пространства…

— Вне времени и пространства… — машинально повторила Санька, но тут новая тревожная мысль неожиданно пришла ей в голову. — А как же мы тут без воздуха? Чем мы дышим сейчас? Или тут есть кислород? И долго мы так висеть будем?

— Знаешь, Александра… — произнес задумчиво Фидлер, — это вовсе не те вопросы, которые тебя должны в данный момент волновать. И еще…

Он замолчал, словно раздумывая о чем-то своем.

— Я ведь мог и не приводить тебя в чувство сейчас, — сказал он после недолгого молчания. — Очнулась бы у себя дома, и дело с концом. Но поче-

му-то захотелось еще немного поболтать с тобой напоследок. Не бойся, приставать к тебе, как некоторые другие, я не собираюсь!

— А я и не боюсь! — немного запоздало встревожилась Санька и, переведя взгляд на неподвижное тело Феофана (она так и не смогла заставить себя называть его иначе), спросила: — А с ним что будет?

— С твоим отцом? — Фидлер вновь задумался на мгновение. — Да ничего особенного! Даже не накажут. Совершат омоложение, память восстановят в полном объеме… и вновь в строй! Хорошие комендоры нужны, а он был одним из лучших!

— Вы ему расскажете обо мне? — Санька посмотрела на Фидлера почти умоляюще. — О том, что я его дочь?

— Зачем? — Фидлер пожал плечами. — Чтобы он вновь попытался в прошлое улизнуть, дабы с семьей воссоединиться? И потом… неужто ты думаешь, что мы именно эту часть его памяти будем восстанавливать? Не было у него никакой семьи, никогда не было! Ни тебя, ни матери твоей… и даже этих лет монашеских! Все это начисто у него из головы вычистят…

— Папа!

Санька попыталась приблизиться к неподвижному телу Феофана, но ничего у нее не получилось. Она даже с места сдвинуться не смогла.

— Папочка!

Вытянув руку, Санька кончиками пальцев почти коснулась мертвенно бледной щеки Феофана.

— Папочка, если ты меня слышишь сейчас, знай, что мама все эти годы только о тебе и думала! И все время ждала… и сейчас еще ждет! И очень тебя любит! А может…

Повернув голову к Фидлеру, Санька посмотрела на него умоляюще.

— Нет, Александра! — опередив ее так и не заданный вопрос, проговорил Фидлер. — Извини, что прочитал твои мысли…

— Но почему? — воскликнула с горячностью Санька. — Мы приспособимся там, у вас! Мама — хороший медработник, я… — тут она замялась на мгновение, — я тоже пригожусь, вот увидите!

Она замолчала в ожидании, но Фидлер так ничего и не ответил. И тогда Санька добавила с еще большей горячностью:

— Просто я не смогу в нашем времени без Ивана! И на тетю Клаву как мне сейчас смотреть?

— Понимаешь, Александра, — проговорил Фидлер медленно, словно обдумывая каждое слово. — Несколько причин имеются для того, чтобы я отказал тебе. Но я лишь одну из них назову. А для начала скажи, как тебе тот мир показался, который ты только что покинула? Хотелось бы тебе в нем навсегда остаться?

— Нет! — Санька резко мотнула головой. — Никогда бы я там не смогла жить! Страшный мир! Жестокий и безжалостный!

— Жестокий и безжалостный… — повторил Фидлер задумчиво. — Что ж, возможно, ты и права, с жалостью и милосердием там явный дефицит. И все же, поверь мне на слово, Александра, год, что я провел там, показался мне годом райского блаженство! И это так и есть по сравнению с тем кошмаром, в который я вынужден теперь возвращаться и в который ты так неосмотрительно мечтаешь попасть…

— Кошмаром? — Санька смотрела на Фидлера с явным недоверием, и это еще мягко сказано. — Ваше будущее, оно… — проговорив это, Санька запнулась. — Оно что, пострашнее Смутного времени?

— Именно так! — кивнул головой Фидлер. — Но более подробно я тебе ничего объяснять не буду. Во-первых, не поймешь, во-вторых… ни к чему это сейчас! Тем более, что ты, очнувшись, ничего так и не вспомнишь. Ни нашего с тобой разговора, ни своего удивительного путешествия в прошлое…

— Как это? — голос Саньки задрожал и сорвался. — Почему это — ничего не вспомню?

— Почему? — Фидлер вдруг улыбнулся Саньке. В первый раз он так улыбнулся: искренне, дружелюбно и с каким-то даже непонятным сочувствием. — Да потому, что нельзя иначе! Ты уж извини, но я…

— Нет! — что было силы, закричала Санька. — Я не хочу! Это нечестно!

Зеленая вспышка вновь ударила болезненно Саньку по глазам, и она снова провалилась в привычное уже черное безмолвие.

* * *

Открыв глаза, Санька некоторое время лишь удивленно осматривалась по сторонам.

Что это с ней? Уснула, что ли?

За окнами уже темнело, а когда она прибежала от Ивана и, бухнувшись в кровать, неожиданно разревелась, день был еще в полном разгаре. И вот плакала, плакала… и уснула…

В коридоре послышались шаги, и в комнату вошла мать.

— Проснулась, доча? — спросила она ласково. — А я пришла, смотрю: спишь. Не стала будить…

— Иван не заходил? — спросила Санька, ощутив вдруг неясную тревогу в душе.

— Не видела, — сказала мать. Потом помолчала немного и добавила: — Тетя Клава заходила. Спрашивала: не у нас ли Иван?

— Давно заходила?

Тревога в душе росла, неясная какая-то тревога, непонятная…

— Да еще… — мать посмотрела в окно, — еще светло было! Теперь, наверное, уже дома Иван твой…

— Наверное… — сказала Санька и, легко соскочив с кровати, подошла к письменному столу. — Уроки делать надо. А то скоро Иван прибежит списывать, а у меня еще ничего не готово.

— Балуешь ты его, своего Ванюшку! — улыбнулась мать. — Ладно, не буду мешать!

Мать вышла, а Санька, усевшись поудобнее, раскрыла учебник физики. Стала читать условие первой задачи, и это привычное действо легко и быстро вытеснило из головы Саньки все лишнее, в том числе и непонятную тревогу. Ну подумаешь, с Иваном немножко поссорилась, накричала на него сгоряча. Ничего страшного… странно только, что Иван до сих пор не пришел мириться.

Он всегда приходил мириться первым, несмотря на то, что именно Санька первой его обижала…

Ирина БОГДАНОВИЧ

Проговорить судьбу свою — стихами

Вот мы идем, как близкие чужие…

Вот мы идем, как близкие чужие…
Как мотылька далекий свет ночной,
Слова нас манят, но слова другие,
Не те, что предназначены судьбой.

О чем-то мелком наши разговоры,
Их смысл неясен ни тебе, ни мне.
А звезд над нами! Затихают споры…
Ночь странствует на вороном коне.

И лишь одно заветное желанье:
Молчать и слушать, слушать и молчать,
Чтоб осознать: любой из нас избранник
На том пути, что дважды не начать.

Голоса фресок

Мы — фрески на стене собора.
Раздав цвета седым векам,
Глядим с надеждой и укором
Не в лица, прямо в души вам.
Мы — фрески. Потускнели блики
С тех незапамятных часов.
И наши выцветшие лики,
И шепот ваших голосов
Объединяет стен прохлада…
Услышьте в глубине души,
Как где-то близко, где-то рядом
Звон пробуждается в тиши.
То на соборной колокольне
Проснулись вдруг колокола,
И звуки издают невольно
Их тускло-медные тела.
Мы — фрески, стражники портала,
За веком доживаем век.
О, как же нас осталось мало

В твоих объятьях, человек!
Нет, мы не жаждем поклоненья —
Хотя б желание понять.
Чтоб люди новых поколений
Смогли нас тоже увидать.

* * *

Разлука. После — миг короткой встречи…
Ты тот же? Ну, а я?.. — Молчи!.. — Все та же?..
Недаром говорят, что время лечит:
Но не вернется вновь любви пропажа.

Лишь поцелуй, короткий и холодный,
Щеки коснется и отпрянет снова.
И я, и ты — давно идем поодаль,
Меж кратких слов:
«Привет» и… «будь здорова»…

Просто проговорить

Не думать о том,
кому предназначена слава,
кому забвение…

Не думать о том,
чья лира все громче звучит,
а чья затихает…

А просто
благодарить Жизнь
за каждое ее мгновение!

Просто проговорить
свою судьбу —
стихами…

Детский дом

1

— Вот мама! Это ж моя мама!
Девчушка крикнула в окне.
— Моя, моя! — наперебой
Другие дети закричали.
Я пробегала вдоль окон
И думала, что этот детский сад
Какой-то странный…
Я не была так близко никогда
Перед судом тоскливых глаз ребячьих.

2

В душе ребенка места нет обману.
Что мне сказать на искреннее:
— Ма-ма?!
Хотелось шаг ускорить, побежать,
Чтобы в привычной жизни очутиться.
Но невозможно просто так глаза поднять,
В окне увидев маленькие лица,
На мир устроенного бытия
И на свою судьбу
(Где часто плачу…).
Себя я виноватой ощутила за женщин всех,
Как будто это я…
Есть страшный суд тоскливых глаз ребячьих…

* * *

Наплакаться вдосталь
за все и за всех,
просить отпустить
прегрешенья у Бога…

И быть благодарной
за каждый успех,
за малую толику
счастья земного…

Новое имя

Больше не зови меня
любимою,
слов фальшивых
не дари мне,
рыцарь…

Есть краса,
краса
неповторимая,
в новом имени моем —
пани-сестрица…

Уроки белорусского языка

ага

(урок белорусского языка 1)

нашлось наконец-то
слово мое дорогое
АГА

потерялось
в привычных соседских
даканье и *таканье*
в широком по смыслу
але
спасибо тебе
добрый мудрый
дяденька Носович
за то
что в твоем Словаре
только это слово
АГА
подчеркивает нашу
белорусскую
неповторимость

Васпан

(урок белорусского языка 2)

потерялось шляхетное слово
замерзло в ветрах пролетарских
на перекрестках событий
и в искажениях смысла

выбросили его
как молью изъеденный кунтуш
как побитую ржавчиной
саблю

на свалку
вместе с «панами»
и гербами
их родовыми

побежденное «товарищем»
а потом «мужчиной»
и «женщиной»
оно печалится там

где честь а также достоинство
от судеб народа отрезаны
пустынею пересохшей
теперешнего безъязычия

и крикну я в небо
ВАСПА-А-А-Н…
а эхо ответит
ВАСПА-А-А-НИ…

Перевод с белорусского Геннадия АВЛАСЕНКО.

Сергей КЛИМКОВИЧ

Служба — медом

Нескучные военные рассказы

Автомат

Ирочка Дубровская хорошо знала морзянку, но слабо разбиралась в жизни. Может, поэтому и не замечали ее парни. Ну сидит себе и сидит маленькая телеграфистка в наушниках сутки через двое. Ни слова лишнего не скажет, ни взгляда ласкового не бросит, не пококетничает по-девичьи. Ирочка и сама это понимала, но ничего поделать не могла.

Выучилась в училище на продавщицу, помаялась по рынкам и ларькам пару лет и затосковала. Но тут вмешался дядя — военный. Как-то посмотрел хитро на племянницу и предложил пойти служить в армию. «А что? — весело говорил он ее удивленным родителям. — Призовем через военкомат. Устрою ее на узел связи. Форму выдадут, всем военным премудростям научат. Все ж лучше, чем на рынке-то, да и деньги не помеха. Опять же — коллектив!» На последнем слове он многозначительно поднял палец.

Ирочка не возражала. И через несколько месяцев оказалась на узле связи одной из воинских частей.

Училась она легко и с удовольствием. Схватывала на лету знаки морзянки, правила радиообмена быстро усвоила. Наушники позволяли ей отгородиться от мира, а таинственная для нее самой работа вокруг давала возможность чувствовать себя нужной. Упорство и интерес вскоре сделали ее лучшей радиотелеграфисткой в радиобюро. Она могла точно и быстро передать радиограмму хоть на датчике, хоть ключом, расслышать сигнал среди таких помех, что дежурные по связи только диву давались и очень радовались, когда Ирочка заступала с ними в одну смену. Единственное, что ее беспокоило, так это различные занятия, проводимые в части, отвертеться от которых она, военнослужащая, никак не могла.

Во-первых, самым большим разочарованием были полковые построения. Ирочка с трудом научилась ходить в ногу, реагировать на команды правильно, не вызывая смеха даже у того, кто эти команды подавал. Женщины, прослужившие на узле связи много лет, привыкли к этим странным мужским играм на плацу, а ей все это казалось ужасно глупым. Впрочем, вскоре она увидела, что вся их «женская когорта» относилась к строевым занятиям довольно легкомысленно, и когда все «коробки» подразделений, состоявшие из мужчин, старались отбивать чеканный шаг на плацу, то у женщин это получалось несколько… по-женски — легко и непринужденно. У некоторых иногда даже «от бедра». Командиры морщились, фыркали, вздыхали, матерились про себя. А что сделаешь со слабым полом?

Во-вторых, Ирочке выдали ужасный противогаз и не менее ужасный ОЗК[1], которые, по уверениям разработчиков, должны были спасти жизнь тем, кому понесчастилось оказаться в зоне радиационного или бактериологическо-

[1] ОЗК — общевойсковой защитный комплект.

го заражения. Юная радиотелеграфистка сильно сомневалась в том, что все эти немодные резиновые штуки от чего-то такого могли спасти. Но раз уж все были в этом уверены…

А во время принятия присяги ей вручили автомат. Она, конечно, держала его и раньше в руках на строевых занятиях, но всерьез не думала, что вот эту грозную железяку вверят ей и даже определят место в специальном шкафу, где будет наклеена бирка с ее фамилией. Несколько таких шкафов запирались в решетчатой комнате и опечатывались серьезным крепким парнем, совсем недавно назначенным на должность старшины батальона связи. Когда Ирочка стояла вместе с другими женщинами в очереди на сдачу автомата в ружейную комнату после построений или занятий, она ловила себя на мысли, что засматривается на него — ладного, добротно скроенного, с уверенным взглядом и сильными руками. Она им даже немного любовалась. Как дети любуются через витрину магазина на дорогие и потому недоступные игрушки.

Старшину звали Саша. И это только возвышало его в глазах Ирочки. Она в своем торговом училище была когда-то влюблена. И того мальчика тоже звали Александром. Но та влюбленность не шла ни в какое сравнение с этими новыми ощущениями... Однако старшина никого не выделял из общей камуфлированной и говорливой массы женщин, служивших на узле связи. Он так же, как и у всех, быстрым движением принимал Ирочкин автомат, диктовал номер сержанту, сидевшему за столом, и укладывал оружие в ячейку.

Чтобы привлечь его внимание, при сдаче иногда она нарочно ослабляла ремень, чтобы тот не держался, как полагалось, в натянутом положении на рукоятке автомата. Старшина, не глядя на нее, быстрым движением поправлял ремень — и маленькая уловка Ирочки пропадала даром. Потом она пробовала не до конца вставлять шомпол, но и это немедленно и с полным равнодушием исправлялось. Он по-прежнему не смотрел на нее, ничего не говорил. И вообще казался таким же, как эти автоматы в пирамидах, — красивым и холодным.

В строю она иногда поглядывала на него. Искоса, украдкой. Чтоб никто не заметил.

Однажды, после очередной смены, дежурный по радиобюро сказал ей:

— Дубровская! Ирка, тут тебя чего-то старшина просил подъехать в полк. Что-то срочное.

Ирочка словно ожидала такого поворота событий.

…Старшина был в каптерке. Перед ним на столе лежал автомат. Она догадывалась, что автомат этот принадлежал именно ей.

— Дубровская? — хмуро поинтересовался старшина Саша.

Ирочка кивнула.

— Это что? — с той же неумолимой строгостью спросил он.

— Автомат, — пожала она плечами и добавила с улыбкой: — АК семьдесят четыре.

— Это я и без тебя знаю! А вот это что?...

Под его руками оружие в несколько секунд разлетелось по столу на запчасти. Из них старшина выбрал пружину, поднял ее со стола и показал Ирочке.

— Дубровская, это возвратная пружина. Видишь? Внутри нее две специальные спицы, которые позволяют пружине сжиматься и разжиматься, когда автомат стреляет. А чтобы пружина не слетела, на крайней спице умные люди придумали специальную металлическую штучку, которая ее удерживает. Ты эту штучку тут видишь? Нет? И я тоже не вижу. А она махонькая, вот такая…

Я снял ее с другого автомата, — голос Саши становился все мягче и теплее, потому что на глазах Ирочки заблестели слезы. — И куда же она делась?

Ирочка снова пожала плечами, со скорбью взирая на свой разобранный автомат.

— Как же так? Может, потеряла эту штуку, когда чистила? А? Когда последний раз были стрельбы?

— В прошлый четверг, — всхлипнула Ирочка, закусив губу.

— Ну? Автомат же чистила?

— Чистила.

— И как же ты его обратно собирала и не заметила? — уже совсем ласково поинтересовался старшина Саша. — Дубровская, это же твой автомат. На первой же проверке нас по головке не погладят, когда заметят оружие в таком разукомплектованном состоянии. Это ж подсудное дело. Ну, ты это… возьми вот воды выпей, что ли…

Какое-то время они томительно молчали. Саше вдруг стало страшно жалко эту девчонку, которой иногда хотелось дать сзади по шапке за то, что она во время прохождения торжественным маршем перед командирской трибуной все время путала ногу и сбивала всех остальных… Но дать так, слегка.

— Ну и что ж теперь нам делать? — спросил старшина Саша, но как бы самого себя. — Хотя… черт его знает, может, на складе такой выдали, а я просмотрел. Вот, блин, влипли! Мне за эту фиговину точно оторвут… голову. Я тут поинтересовался стороной у знакомых прапоров, так у них запасной нету. Если проверяющие обнаружат пропажу, начнут жилы тянуть… Что да почему… Так как быть, Ира? А? На наших станках убитых, что на ПТО[1] стоят, такую штуку не выточишь. Тут спец нужен. Токарь.

— Так у меня… тетя на заводе машиностроительном работает. В бюро пропусков. Она может помочь.

В глазах Саши появилась легкая надежда.

— Да? А там смогут?

— Правда, завод в другом городе…

— Ну, другой город — это не беда. Главное, чтобы не на Луне. На Луну я, пожалуй, не слетаю. А в другой город можно и съездить.

Старшина не привык бросать слова на ветер. Командир роты, осведомленный о пропаже и тоже не желавший неприятностей, отпустил обоих на один день.

— Ты, Филипчук, там побыстрее управься. Из-под земли эту штуку достань, иначе нас тут всех… ну, ты в курсе. А меня — первого.

Они встретились на вокзале и отправились к Ириной тетке в другой город. Сначала молчали, потом разговорились. И Саша вдруг почувствовал необходимость опекать эту молчаливую маленькую девчонку.

Конечно, говоря начистоту, виду она была неказистого — носик пуговкой, ротик, как у ребенка, глазки серенькие.

Саша смотрел на нее и не мог решить — действительно она такая дурочка, какой кажется, или это обычные девичьи уловки? Странно и непонятно. Но присмотрелся, попривык за долгую дорогу в электричке. Если б слушала невнимательно или равнодушно, пропало бы желание рассказывать, а тут уставилась и прямо ест глазищами, смотрит восхищенно. Приятно, что ни говори.

Оба ехали в военной форме. И если Саша смотрелся в ней нормально, то Ирочка, камуфлированный бушлат на которой был на два размера больше,

[1] ПТО — пункт технического обслуживания.

выглядела довольно забавно. Бушлат этот она несколько раз пыталась поменять, но начальник склада, ушлый говорливый старший прапорщик Шпак, каким-то чудом всякий раз убеждал ее, что бушлат вполне подходящего размерчика. «Ну, рукава немного большие, так это ничего! Рукам теплее будет! Ага! А что в груди великоват, ну и распрекрасно! Жэншынам так положено… чтоб движений никаких не стеснял! Иди, иди, красавица! Не мешай работать!» — и Шпак немедленно скрывался среди высоких стеллажей. Вырвать что-то у этого начальника склада было делом почти безнадежным.

Завод раскинул свои корпуса на окраине города. Тетку нашли сразу. Та обрадовалась, заохала, глядя на Иркин туалет. После чего в переговоры вступил Саша. Тетка рассмотрела детальку сквозь очки и нахмурилась.

— Знаете, это надо у Михалыча спросить — сделает он такую штуку или нет. Он у нас токарь такой, что днем с огнем искать надо — не сыщешь. Может, он возьмется.

Через полчаса отыскали в цеху токаря Михалыча. Тот покрутил железку в заскорузлых и, казалось, неловких пальцах, после чего безмолвно кивнул.

— Сделаете? — обрадовался Саша.

— Можно попробовать. Приходите через часок-другой.

Когда они вышли на улицу, Сашу было не узнать. Улыбка у него была открытой и яркой. И он совсем не напоминал автомат.

Они гуляли по городу, пообедали в каком-то темном и пустом кафе, смеялись, играли в снежки, как школьники.

Ира была счастлива, несмотря на уродовавший ее бушлат.

Через два часа они снова подошли к заводской проходной. Иркина тетка вынесла им в промасленной бумажке выточенные детальки, точь-в-точь повторявшие Сашин образец.

Вечером Ира и ее спутник были уже в части.

…Иногда, оставаясь в одиночестве, Ирочка вытаскивала из шкатулки с бижутерией невзрачную маленькую железку. Если бы муж Саша ее увидел, он сразу узнал бы ту самую пропавшую деталь от автомата.

Замок

Назначение старшиной не было для Ромы неожиданностью. Комбат предупредил за месяц до этого события. Хотя не так: назначение было *вместо* батальонного старшины, который собрался в отпуск.

Накануне они со старшим прапорщиком Беленьким весь день пересчитывали имущество батальона, за которое теперь должен был отвечать Ромка. Хотя нет, не так… Врио старшины 2-го батальона прапорщик Роман Голуб.

Имущества оказалось много. Особенно мелкого. Тут тебе и новенькое белье для выдачи молодому пополнению, солдатские вещмешки, комплекты ОЗК, тапочки казарменные, бушлаты, рукавицы, простыни, наволочки, полотенца, фурнитура, утюги, подменное обмундирование для работ… И это не считая того, что носит на себе солдат и что находится в казарме. Ромка служил техником на приемном центре и с подобным грузом материальной ответственности еще не сталкивался.

Старший прапорщик Беленький с такой легкостью подмахнул акт приема-передачи этого самого имущества во временное Ромкино распоряжение, что новоиспеченному старшине стало не по себе.

— Ну, голубь мой сизокрылый, рули на здоровье! — вытирая потную лысину, сказал напоследок Беленький. — Только смотри, у меня вот в том шкафчике струмент лежит — плоскогубцы, отвертки, всяко-разно… Так ты

никому не давай, это мой струмент, за свои гроши купленный. Сам бери, а давать кому-то — ни-ни! В тумбочке, вот тут, стоит банка краски, так ты оружейные пирамиды обнови через недельку, ежели комбат вспомнит. Ежели не вспомнит, так и не надо. На батальоне три наряда по столовой в месяц — все твои. Наряд, по батальону заступающий, инструктируй сам… смотри, чтоб обязанности от зубов отлетали. Пыкает-мыкает — отправляй зубрить! Бельишко для молодежи не вздумай трогать! А то у нас из «дембелей» есть любители подкатить: мол, поменяйте мне на новенькое. Плащ-палатки у меня три лишние, так ежели проверка, ты их потихоньку спрячь — лишнего имущества быть в каптерке не должно. Тумбочки проверяй! Чтоб там, кроме мыльно-рыльных, тетрадей, подворотничков и такого прочего, ничего не было. А то на прошлой неделе у одного солдатика трехлитровую банку варенья там нашел. Съестное пусть в столовой лопают, а не в тумбочках хранят. Так… В вещевых мешках, ты сам видел, полный комплект. Ежели чего-то не хватит… котелка там, кружки… ну, ты понимаешь, без поллитры не выкрутишься. Тапки казарменные смотри не профукай — они у меня все клейменные: 2-й бат. А то наши архаровцы имеют обыкновение ходить по этажам… потом ищи-свищи. Хэбэшки на полугодичников не забудь проклеймить, как получишь. Там месяц, год получения и номер военного билета надо ставить. Клейма и мастика черная — в верхней шуфлядке. Так, что еще?... А! Баня у нас по средам. Я обычно приезжаю к пяти утра…

— Как к пяти? — опешил Ромка, любивший поспать и с трудом поднимавшийся на службу. От хронических опозданий его спасали уборщица общежития тетка Лена и удачная дислокация самого общежития, размещавшегося в 100 метрах от строевого плаца, где проходили утренние построения полка.

— А вот так, — кивнул Беленький. — Поднимаешь, значит, личный состав, пересчитываешь и ведешь в баню. А там осматриваешь.

— Зачем осматривать? — нахмурился Рома.

— Чтоб синяков не было и беспорядку какого. А потом оставишь двоих для уборки. Вот журнал выдачи мыла. Хотя они свое покупают, но ты все равно выдавай. Положено! Мыло на складе получай и накладные вот в эту папочку складывай. Утречком подходи в казарму прямо к зарядке, чтоб, значит, уборщики воду по полу не разливали и не филонили, а нормально убирались. Ну, ПХД[1] по субботам на тебе. Белье в стирку собираешь во вторник. Каптер у меня Мишка Догилев. Сержантик толковый. Но ты сам следи все же. Вечно пару полотенец недосчитываюсь. Едят они их, что ли… И в этом месяце у нас стрельбы. Ты ответственный за получение боеприпасов. Составишь списки, напишешь заявку, придешь на оружейный склад и получишь патроны. Только, голубь мой, нету у меня переносного железного ящика, в котором патроны на полигон поедут. Так ты попроси в третьем батальоне. У них, я знаю, один лишний имеется.

Ромка слушал и озадаченно чесал затылок.

— Ну, кажись, все! — поднялся старший прапорщик Беленький. Лицо его выражало крайнее удовольствие. А вот Ромка чувствовал, что старшинство легло на его плечи непосильным грузом.

…Спустя минуту прапорщик Голуб остался в каптерке один. Справа и слева от его маленького стола располагались огромные, до потолка, шкафы, наполненные батальонным имуществом. Из всех бесед со старшиной, ушедшим в отпуск, Рома сделал один удручавший его вывод — все, буквально все в их полку будут пытаться что-то стащить, урвать, стырить, отщипнуть,

---

[1] ПХД — парково-хозяйственный день, обычно в войсках это суббота.

откусить от всего этого имущества, словно голодные волки. К тому же, судя по многочисленным обязанностям, ему вряд ли удастся выбраться из казармы в свое общежитие. Не говоря уж о вояже в город.

В дверь каптерки постучали, после чего в щель сунулся сержант.

— Товарищ старшина, вас комбат зовет!

Ромка вздохнул, запер каптерку и пошел «на ковер».

Старшинство началось.

* * *

Все оказалось не так страшно, как представлялось. Ромка с горем пополам научился вставать пораньше, особенно после того как комбат пару раз пришел проводить зарядку с солдатами и не застал в казарме старшину.

Но чем дальше, тем больше Рома понимал, что работа старшины — не для него. Мелкие неприятности начались сразу, и казалось, им не будет конца.

При первом же пересчете белья, предназначенного для сдачи в стирку, выявилась недостача двух полотенец и трех простыней. Потом комбат отодрал его за то, что оружие в пирамидах недостаточно чистое. Дальше случилась неприятность с засорившимся туалетом. А на первом же строевом смотре и вовсе разразилась катастрофа. Командир полка не разглядел на обмундировании его солдат клейм. Ну и как их можно было разглядеть, скажите на милость, когда свою форму они носят постоянно, да еще стирают время от времени? Вот клейма и стерлись немного... Из-за плохого зрения командира полка Рома получил разнос, а для всех подразделений был назначен новый строевой смотр.

Весь вечер батальон, пачкаясь в черной мастике, заново клеймил камуфляж, фуражки, поясные и брючные ремни. Первые результаты показали, что мастика безбожно расплывается. Тогда Ромка сообразил «выдуть» из стержней шариковых ручек вязкую краску и клеймить ею. Вышло очень даже неплохо.

…Не ладилось у прапорщика Голуба со старшинством. К тому же все вдруг стали приставлять к его фамилии мягкий знак. И получалось как-то не совсем серьезно… Хотя фамилия старого старшины — Беленький — никого не вызывала на вольности в обращении.

Наверное, все дело было в уважении. Да и побаивались старшину Беленького, державшего батальон в крепких руках. Даже в мелочах. Дежурившие по батальону сержанты, к примеру, любили после того, как весь личный состав отправлялся на зарядку, заваливаться на кровать и дремать. Но если Беленький появлялся на горизонте, по казарме шел скорый шепоток: «Старшина, старшина идет!» Сержант тут же вскакивал и со страхом бежал разглядывать себя в зеркало: не выглядит ли рожа слишком заспанной?

В руках старшего прапорщика Беленького все три роты были послушны… как шарики в руках жонглера. Он знал все солдатские «нычки» в казарме, знал все их хитрости, уловки, способы увильнуть от наряда или работы.

К Роме же солдаты приглядывались какое-то время — и стали замечать, что его не очень-то волнует, вытряхиваются прикроватные коврики или нет, хорошо ли заправлены в рундуках шинели, убраны в бытовой комнате нитки или валяются по всем углам, вычищены до лучистого сияния краники в умывальной комнате или покрыты патиной, убраны ли «бычки» в курилке... Одним словом, прапорщик Голуб не показался им «страшным». Голубь и есть Голубь!

С солдатами Рома не панибратствовал, старался держаться строго, однако его беззлобный характер и наивное незнание нюансов солдатского житья-бытья быстро раскусили.

А сам Ромка барахтался в своих новых обязанностях, не замечая, что иной «дембель», словно от полноты дружеских чувств, порой и на «ты» к нему мог обратиться.

Не способствовала авторитету и Ромина рассеянность, из-за которой он страдал и вне службы. То захлопнет дверь комнаты в общежитии, а ключи внутри забудет. То время перепутает и придет на совещание к комбату, когда все разойдутся. А однажды в наряде по столовой заперся изнутри и лег спать. Утром повара попытались проникнуть в столовую, но тяжелая дверь была наглухо закрыта, а сам дежурный по столовой дрых где-то в недрах огромного здания без задних ног. Чтобы не оставить полк без завтрака, пришлось разбить окно... Одним словом, Ромка на старшинстве своем страдал, однако не признался бы в этом никогда.

Но самое ужасное случилось две недели спустя.

Раз в месяц батальон выходил на стрельбище. Рому назначили начальником пункта боепитания. А сие значило, что он должен был получить запаянные в прямоугольных банках патроны и привезти их на стрельбище в закрытом на замóк и опечатанном железном ящике. Этот ящик, как и советовал старшина Беленький, Рома выпросил в третьем батальоне.

Ящик тот имел по бокам две ручки для удобства переноски и должен был закрываться навесным замком. В местном хозяйственном магазине Рома купил сам замок — не китайского, а самого что ни на есть отечественного производства. Причем изготовленный во времена (судя по дате в немудреной промасленной инструкции), когда родная страна явно опережала крупные капиталистические державы по производству чугуна и стали. Это изделие, вероятно, спасло бы Трою, запирай оно собою городские ворота, или погубило бы «Титаник», попадись ему вместо айсберга!.. Как только замок занял свое место на ящике, сам ящик стал выглядеть менее надежно, нежели замок.

Проверив, что «сейф» закрыт и опечатан как положено, старшина Голуб приказал солдатам отнести его в машину, и сам отправился следом.

Ехать до стрельбища — минут пятнадцать. Ромка немного расслабился и погрузился в приятные мысли о том, что если останутся лишние патроны, можно будет вволю пострелять из «калаша» — давняя привилегия тех, кто обеспечивал проведение стрельб... Но вдруг другая мысль — тревожная, паническая — бросила Рому в пот, когда он взглянул на ящик с патронами.

Он точно помнил, как нажал на дужку замка, защелкнув его на ящике. А где же ключи?

— Стой! — крикнул он водителю машины, после чего с надеждой стал хлопать себя по карманам. Нашлись ключи от каптерки, канцелярии, кладовой и комнаты родного общежития. А вот трех новеньких ключиков на чуть замасленном кольце не было! И куда они девались, Рома никак не мог вспомнить. Хоть убей! Помнил, как вытаскивал замок из серой помятой коробки, как осматривал и оттирал его от масла… Помнил и ключи эти проклятые, выскользнувшие… кажется, прямо в железный ящик.

— Блиииииин! — поморщившись, процедил Рома сквозь зубы.

Мысленно он увидел свой батальон, приближающийся к стрельбищу, и комбата, посматривающего на часы, потому что начальник пункта боепитания уже должен быть на месте и распаковывать плотные коробочки с патронами.

— Чего такое, товарищ прапорщик? — спросил водитель, удивленно глядя на Ромку.

— Я ключи внутри оставил. Вроде…

— Какие ключи? — не понял водила.

— От замка этого! — взорвался Голуб, пнув ящик. — Они там, внутри! В ящике этом! А других нету.

— Ого! — присвистнул солдат. — И чего делать будете теперь?

— Фигли-мигли, так-растак! Чего делать, чего делать… Ехать на стрельбище нельзя. Смысл? Там его точно не откроешь. Надо в полк возвращаться. Там хоть инструмент какой найти можно… Вот, блин, влип! Комбат мне все наизнанку вывернет… Поехали обратно!

Делать нечего, помчались обратно.

Помощник дежурного по полку лейтенант по фамилии Капитан, удивленный возвращением машины с боекомплектом, вышел из дежурки узнать, что случилось. Ему был продемонстрирован наглухо запертый ящик. Замок впечатлял совершенной банковской неприступностью.

— Ты-ты, Го-голубь, нашел на-на ссссвою за-задницу оф-ффигительное ппп-риключение, — осмотрев ящик и выслушав всю печальную историю с ключами, хохотнул лейтенант. Обычно заикающихся в армию не призывали, но Володьке Капитану выпала судьба отдать два года родной армии после гражданского вуза, где была военная кафедра. — К-кстати, твой ка-ка-комбат уже ддва раза звонил со сссстрельбища и уг-угрожал те-тебе в се-сексуальном смысле, если не-не появишься та-там через пять ми-минут.

Ромка хмуро молчал. Комбат, конечно, преувеличивал и не пошел бы настолько далеко в своих угрозах. Впрочем, это не приносило облегчения, потому что у отцов-командиров есть масса других способов наказать нерадивого подчиненного.

Голуб не мог получить еще одну партию патронов. Потому что тогда надо было искать новый ящик и объяснять, что случилось с прежним. Не мог он и ехать на стрельбище с закрытым ящиком. В любом случае драгоценное время убегало. Батальон уже, вероятно, дотопал до стрельбища и, развалившись под кустиками, ждал начальника пункта боепитания, который в эту минуту тупо смотрел на ненавистный замок и ничего не мог с ним поделать.

— Ты, Го-голубь, думай! — подбодрил его помдеж. — Со-сорвешь стрельбы — ко-командир по-полка из того, что у те-тебя в шта-штанах болтается, яичницу приго-готовит и ссссъесть заставит. Я до-докладывать полковнику пока не бу-буду, а ты по-поскорее решай проблему.

— Точно, товарищ прапорщик, — поддакнул водитель с видом человека сочувствующего, конечно, но очень довольного тем, что такое несчастье прошло мимо него лично. — Полкан наш — зверь! Залетите на гауптвахту как пить дать!

— Накаркай мне тут еще! — обозлился Ромка. — Лучше принеси кувалду… Только бегом!

Вместе с кувалдой явилась еще парочка старослужащих. Каждый с бескорыстным энтузиазмом (ломать — не строить!) попробовал кувалду в действии. Рома в отчаянии наблюдал за тем, как проклятый замок болтается от ударов, но не поддается. Что ни говори, а замки в Союзе делать умели!

— Ду-дурачьё! — вдруг сказал лейтенант. — А вам не ппп-риходило в го-головы ва-ваши пустые, что па-патроны мо-могут сдетонировать внутри?!

Прапорщик Голуб немедленно отнял кувалду у солдат.

Постояли над ящиком в траурном молчании. Ромка потел и подумывал о том, что было бы совсем неплохо найти у себя какую-нибудь смертельно опасную болезнь и, пока суд да дело, отлежаться в санчасти.

— Д-а-а-а, — осматривая замок, пробормотал один из солдат. — Тогда только пилить. Ножовкой по металлу. Иначе никак.

— И сколько ты ее пилить будешь? — вмешался другой. — Смотри, какая дужка! До вечера, не меньше, возиться будешь.

Голубу показалось, что ему за шиворот влили кипяток. До вечера, не до вечера, а пилить придется как минимум до обеда. В любом случае стрельбы для всего батальона он сорвал…

В это время к их компании, размышлявшей над запертым ящиком с патронами, присоединился старшина третьего батальона старший прапорщик Дудок. Спустя пять минут он уже знал всю предысторию и стал недобро ухмыляться в усы.

— Голубь, тебе повезло, что в полку свой оркестр есть! — начал Дудок потихоньку пристреливаться. — Родичам на музыку скидываться не надо будет!

Солдаты не выдержали и стали прятать рвущийся из души смех.

— Некролог замполит напишет, а комполка наш торжественно зачитает! Суши весла, свисток! Ты приплыл.

— Ну тебя, Саныч! — отмахивался Рома с тоской. — Тут и ты ничего не сделал бы! Разве нет?

— Я-то? — закуривая, прищурился хитрован Дудок. После чего присел на корточки и еще раз внимательно осмотрел ящик. Попыхтев дымом, сказал: — А хошь, я тебе ключи эти достану? На спор.

Все с удивлением уставились на старого прапора.

— Изнутри? — недоверчиво переспросил Ромка.

— Ага.

— На что спорим?

— Есть у старшины вашего комплект инструментов для работы. Немецкий. В ящичке. Добрый инструмент. Давно себе такой хочу. Там и плоскогубцы, и отвертки, и насадки, и молоточек…

— Н-е-е-е, Саныч! — замотал головой Ромка. — Беленький меня живьем съест за них. Я ж не рассчитаюсь с ним!

— А! Ну тогда покедова!.. — Дудок сделал попытку уйти, но был удержан.

— Стой! Погоди… Точно ключи вытащишь? Из закрытого ящика?!

— Вытащу, — самодовольно ухмылялся Дудок.

— Как?! — чуть не завопил Рома.

— Тащи инструмент — узнаешь.

Голуб ринулся в свою каптерку на втором этаже казармы с двояким ощущением в душе. С одной стороны, его поддерживала надежда, а с другой — грызла совесть.

Старшина Беленький, когда уходил, заботливо прикрыл заветный ящичек куском старого одеяла. Ромка вздохнул, подхватил инструменты — и помчался обратно.

…Дудок выдержал артистическую паузу и закатал рукава.

— Учись, свисток, пока я жив! — с этими словами он вытащил отвертку и молоточек из ящичка. После чего подошел к «сейфу» с патронами со стороны, противоположной той, на которой висел замок. Все с изумлением следили за его манипуляциями…

Крышка была соединена с самим ящиком приваренными дверными петлями. Петли соединяли штыри, которые Дудок выбил при помощи отвертки и молоточка. Крышка «сейфа» распахнулась.

В звенящей тишине старый прапор вытащил изнутри три ключика, вогнал штыри на место, а ключи отдал опешившему Ромке. После чего сунул под мышку ящичек с инструментом и, посвистывая, отправился восвояси.

— Слышишь, Го-голубь, а ведь эта же-железная штука из его батальона, — хихикнул лейтенант. — Ну, Ду-дудок! Ну, аферюга!

Но Ромка его уже не слушал. Не до того! Успеть бы на стрельбище.

С его души словно камень упал. А с Беленьким он как-нибудь разберется…

Кастрюля

Это была любовь со второго взгляда. Старший лейтенант Копытов сначала ничего такого не заметил в новой библиотекарше, по-птичьи притаившейся за картотекой, когда пришел взять чего-нибудь почитать в наряд по автопарку — обычно книги покупал, а тут не было времени поехать в книжный. Может, потому не заметил, что Валентина Сергеевна страдала в тот момент насморком и выглядела, мягко говоря, не слишком привлекательно со своим распухшим красным носом, отеками на лице и беспорядком в прическе. Она сидела, закутавшись в серый пуховый платок, и угрюмо читала Драйзера. Двадцатипятилетний Копытов считал себя эстетом и не польстился. Даже не стал утруждать себя комплиментами новой библиотекарше. Пусть насморк, пусть Драйзер — но как же можно так себя запускать?

Игорешу Копытова в части считали парнем толковым, но с придурью. Все-то у него было как-то… сложно, не так, как у нормальных людей. Если к нему обращались с каким-то пустячным вопросом, то зря рассчитывали получить краткий ответ. Игорек умел с поразительной нудностью и обстоятельностью растолковывать собеседнику о свойствах, качествах и отличительных особенностях различных предметов и живых организмов. Да так, что его иногда хотелось задушить, лишь бы прекратить поток слов, которых ты не заказывал.

Заступая в наряд помощником дежурного по части, Игорек вынужден был ходить в солдатскую столовую снимать пробу и записывать в журнал результаты своих вкусовых исследований. И солдаты наблюдали такую душераздирающую картину. Сначала старший лейтенант Копытов доставал из кармана крахмальную салфетку, раскладывал ее на клеенке перед собой. На эту салфетку дежурный по столовой осторожно ставил тарелки с обедом… Вообще в солдатских столовых только один прибор для приема пищи — ложка, и всех это вполне удовлетворяло. Но только не старшего лейтенанта Копытова. В столовой этот отщепенец обязательно требовал в придачу к ложке еще вилку и нож! Матерясь, дежурный прапорщик отнимал ножик у одного из солдат, чистящего картошку, обтирал его о край своей белой куртки и злорадно подавал Копытову. Тот заново протирал все столовые приборы салфеточкой и только тогда приступал к трапезе.

В общаге все знали, что у Игорька нельзя выпросить ничего без обстоятельной лекции по следующим предметам: как вернуть тефлоновую сковороду чистой, почему он не может дать посмотреть диск с новым фильмом, что обычно бывает с тем несчастным, кто не отдаст вовремя книгу, и… — гвоздь программы! — как надо правильно вытирать обувь о коврик у входной двери.

Игорек обожал порядок. Церемонность и правила стали его жизненным кредо. Копытовские солдаты всегда знали, что валяние дурака с ним не пройдет. Он был безжалостен, как шлагбаум. Он не имел чувства юмора, не знал стеснения в реализации своих причуд и плевал на мнение о себе окружающих. Такой человек просто не мог влюбиться с первого взгляда уже в силу того, что взгляд этот был бы рассеянным, так как Игорек был погружен в вечное самосозерцание себя любимого.

«Ты, Копытов, в коллектив бы как-то влился, что ли… — пенял ему комбат в минуты откровенности и при этом с отвращением ощущал собственное смущение из-за совершенной копытовской индифферентности. — Чего-то ты у нас совсем как неродной…» Ничего не помогало. Более того: к досаде окружающих, Игорек взялся за изучение языков.

И первой жертвой стал французский. Копытов в любую свободную минуту прилюдно открывал маленький учебник и отрешался от действительности.

На мирный вопрос «Как дела?» он с продуманной небрежностью отвечал теперь: «Комси комса» или, уж совсем бесстыдно грассируя, «Патргггобьён». Вскоре все его солдаты знали, что вопросительное копытовское «Кэскилья?» означает «В чем дело?», а «Мёкопрёнэву?» — «Вы меня понимаете?». Затем Игорек переключился на латынь — и его несчастным подчиненным, чтобы получить увольнение, пришлось учить латинские поговорки. И горе тому, кто не знал коронной фразы начальника «Уби конкордия, иби виктория»[1].

Сказать по правде, старший лейтенант Копытов все же не был лишен воображения. Иногда он тоже мечтал. Как и любой другой человек. Однако и мечты его были несколько прямолинейны. Даже тяжеловесны, что мечтам в общем-то несвойственно.

Его облачной и тайной грёзой было, к примеру: а) подсидеть начальника штаба батальона; б) поразить проверяющих своим безупречным видом; в) выучить назубок все руководящие документы, приказы и инструкции. А еще найти серьезную, умную и красивую девушку, которая смогла бы стать матерью его детей и быть настоящей леди. От кончиков волос до педикюра — Леди! Эта мечта даже немного волновала его странное сердце.

И именно это сердце, не знавшее ни страха, ни упрека, ни особых страстей, было пронзено со второго взгляда на Валентину Сергеевну.

Детей у нее не было, а с мужем она развелась уже как год, банально застукав его колыхающиеся ягодицы между ног своей ближайшей подруги. Это происшествие оставило на лице Валентины Сергеевны маску неприступной надменности и едва уловимой печали, какая возникает у женщин, слишком многое запирающих в сердце. Оказалось еще, что новая библиотекарша обладала вкусом, шармом и умением осаживать взглядом фривольно настроенных мужчин. Когда она проходила через КПП к клубу, где размещалась ее библиотека, в шлейфе арабских духов и свете строгой красоты, солдаты сворачивали головы и долго обсуждали, кто и сколько раз смог бы с ней…

Ох уж эти юноши в сапогах!..

Это видение настолько разительно отличалось от старого серого платка и Драйзера, что старший лейтенант Копытов застыл на месте, силясь собрать мысли, никогда его до этого не подводившие. «Меа!»[2] — наконец сказал он вслух. И немедленно пошел на приступ.

Он не стал заискивать, говорить комплименты, дарить цветы и шляться в библиотеку, чтобы лишнюю минутку полюбоваться на предмет своего воздыхания. Игорек презирал и пренебрегал всем этим банальным мужским арсеналом обольщения. Он говорил языком строгим и понятным.

Они начали с обсуждения гомеровских гимнов, потом перешли к соборам Ватикана, прошлись слегка по периоду правления императора Ашоки из династии Маурьев, кольнули Чингисхана и Мамая, повосхищались на пару Древним Римом, вместе разыскали формулу этилацетата, обнаружили по звездным картам Арктур и Сириус, убедили друг друга, что фрейдизм — лженаука. Затем плавно переместились с журналами по новейшим компьютерным разработкам в общежитие, в комнату Игорька... Все его поползновения поцеловать ее она тактично пресекала, за что он стал уважать ее еще больше.

Они выпили чаю в его идеально чистой обители, посидели на узкой офицерской кроватке с обоюдным ощущением легкой неудовлетворенности и распрощались около десяти вечера. Вопреки всем джентльменским законам, Игорек провожать свою пассию не стал. Да и жила она недалеко — здесь же,

[1] Там, где согласие, там победа (*лат.*).

[2] Моя (*лат.*).

в городке. Бывший муж оставил квартиру Валентине Сергеевне и перебрался к ее лучшей подруге.

Игорек был почти счастлив. В те же выходные он был приглашен в гости на ответную чашку чая. Но в воздухе витало обещание не только чая, но и иных удовольствий, с чаем несравнимых: Валентина Сергеевна явно соскучилась по мужскому вниманию, решив навсегда забыть предательские мужнины ягодицы. Она дышала неровно, а глаза призывно блестели. Ошибиться было нельзя.

Все эти события не укрылись от сослуживцев, пораженных такой бездной романтизма со стороны старшего лейтенанта Копытова. Даже первый ненавистник Игорька прапорщик Дудок вынужден был признать, что у того есть сердце. А уж Дудка́ никто не мог заподозрить в симпатиях к Копытову. У них, к слову, произошла однажды весьма неприятная история…

Дудок всегда считал, что звание прапорщик — почти человеческое счастье. Был он нечист на руку, и даже свой брат прапорщик, увидев Дудка на горизонте, скоренько прятал от него мелкое военное имущество. У прапорщика Дудка была просто-таки поразительная способность, рассеянно, казалось бы, взяв в руки вещь, незаметно перекладывать ее в свой карман. Если его уличали, он добродушно хохотал и возвращал похищенное, строя из себя учителя жизни: мол, и на ерша щука найдется, а ты не зевай! Но если улик не было, Дудок немедленно от всего открещивался, божился и смертельно обижался.

Он, как и все прапора, ходил дежурным по столовой. Повара уж как ни следили, а кусок мяса и пакетик с крупой прапорщик Дудок домой уносил.

Однажды случилось так, что Дудок заступил в столовую, а Копытов — помощником дежурного по части. Так вот, после получения продуктов со склада Дудок, словно кот, уже присматривался к окороку. Но похитить кусок можно было лишь поздно вечером. Следует заметить, что ночью закладку продуктов в котлы должен контролировать либо дежурный по части, либо его помощник. Леноватый дежурный майор в эту ночь решил послать в столовую молодого лейтенанта. Прапорщик Дудок знал о пофигизме майора, а лейтенанта, «службы не нюхавшего», на свою беду, не опасался. Припрятанный кусочек свежайшей свинины уже дожидался в укромном месте своего часа. И дождался…

Копытов со свойственным ему педантизмом принялся выполнять возложенное на него поручение. Он сразу потребовал взвешивания всех продуктов. С лица дежурного по столовой сползла снисходительная улыбка. Такой подлой каверзы от зеленого лейтенанта он никак не ожидал.

Перепуганная повариха выволокла на весы крупы, муку и мясо. Копытов лично орудовал на весах и сверял данные с раскладкой. И все это в гробовой тишине. Дудок в это время нервно покусывал кончик обвисшего уса.

После взвешивания мяса лейтенант Копытов надолго задумался. Потом с равнодушием констатировал: «Двух кило нету». Повариха слезливо заморгала и посмотрела на дежурного по столовой. Тот ответил ей бешеным взглядом и бесстрашно выступил вперед: «Лейтенант, ты чего? Тут же без костей еще, а жилы, а обрезки?.. Вот тебе и два кило долой!» Другой бы согласился и отступил, но не Копытов, привыкший доводить дело до конца. «Что ж, будем искать», — сказал Игорек и вызвал в столовую трех свободных дневальных из казарм, справедливо не доверяя столовскому наряду под руководством Дудка.

Через пять минут в гулких залах послышались топот ног и звук гремящей посуды. Еще через пять минут Копытов заглянул под крышку небольшой невзрачной кастрюли, затаившейся в комнатке с вымытыми и поставленными

для просушки бачками. «Подливка» — гласила надпись на боку той кастрюльки, а внутри лежал двухкилограммовый на вид кусок искомой свинины.

Дудок покраснел и заулыбался гадостно. «Режьте и в котел», — приказал Копытов поварихе, наблюдавшей за всем этим ночным переполохом в полуобмороке.

С тех пор как-то так получалось, что прапорщик Дудок попадал в наряд по столовой именно тогда, когда помощником дежурного по части заступал лейтенант Копытов. И вся процедура взвешивания продуктов повторялась с обескураживающим постоянством. Дудок пытался меняться дежурствами, но поменяешься раз, другой, а потом уж собратья-прапора будут посылать куда подальше… Вся служба из-за ретивого лейтенанта пошла наперекосяк. Потому Дудок считал Копытова безжалостным и стал побаиваться.

…Самому же Копытову эти злопыхательские мнения о себе сейчас были параллельны. Он жил предстоящим свиданием.

Все заметили, что Валентина Сергеевна сделала новую прическу, на ней появились шикарные золотые украшения. Вся она была воплощенной мечтой джентльмена — интеллигентна, вежлива, неприступна и красива красотой пышущей здоровьем тридцатилетней женщины. Идя на свидание, Копытов воображал свечи, бокалы шампанского, вечернее платье и светско-интимные разговоры о вечных жизненных ценностях. Он даже разволновался, когда остановился у заветной двери с букетом цветов и коробкой конфет «Бархатный поцелуй» под мышкой.

Звонок отозвался нежной трелью и голоском: «Входите, Игорек, не заперто!», какой бывает у женщин в последние поспешные мгновения наведения марафета на лице. Квартира встретила его интимным полумраком, озаряемым неверными бликами свечей. За шторами открылся стол, накрытый по всем правилам этикета. Разве что не было старого мажордома и официанток в белых передничках. Со стороны ванны появилась и хозяйка в сверкающих украшениях и ниспадающем длинном темно-сиреневом платье, подчеркивающем соблазнительнейшие формы греческой богини. Откуда-то с горних высот лилась классическая музыка. Все было идеально, бесподобно, волшебно…

— Прошу вас, Игорек, — незнакомым глубоким голосом пригласила Валентина Сергеевна за стол. — Мы будем ужинать и беседовать.

— Конечно, — с готовностью согласился Копытов, сунув ей коробку с «Бархатным поцелуем» и букет и тут же прижав ее к себе. Она ответила на поцелуй, но отстранилась — за что снова удостоилась мысленной похвалы гостя.

Они сели по разные концы маленького стола. На их разгоряченные лица падал свет свечей.

Старший лейтенант Копытов чувствовал себя принцем крови. Он был возбужден и растревожен перспективами вечера. Брюки уже просто мешали. Но все должно было идти по плану.

— Скажите, как вы относитесь к Винченцо? — заговорила Валентина Сергеевна, поглядывая на него поверх бокала с шампанским. — Не правда ли, его библиотека Сан-Марко в Венеции великолепна? Это гениальный архитектор. Правда, он достраивал ее после Якопо Сансовино…

— Да, это в каком году? — к досаде своей ничего не слышав о Винченцо, спросил Копытов.

— Не помню точно… то ли в 1583-м, то ли позже… — вздохнула томно хозяйка.

— Раньше хорошо строили, — кивнул старлей и сел на своего конька. — Не то, что теперь. Вот одно дело — из шлакобетона или из кирпича. Опять же разница — из глины кирпич или силикатный. И марки у него разные…

От кирпичей они перешли к изобретениям Леонардо да Винчи.

Это было осуществление всех мечтаний. Копытов наблюдал за своей возлюбленной. Он буквально пожирал ее глазами, что не укрылось от ее благосклонного внимания. Блестел хрусталь, блестело золото в ушах Валентины Сергеевны, блестели глаза у обоих.

— Ой, — вдруг встрепенулась его подруга и грациозно соскользнула со стула. — У меня же еще горячее… Прошу прощения. Через мгновение вернусь, Игорек. Не скучайте…

Копытов в нетерпении заерзал. Ему стало жаль, что он не миллионер. Он почти изменил своей мечте подсидеть родного командира батальона. Блаженство плескалось в его глазах.

Но тут все рухнуло…

Валентина Сергеевна в своем великолепном вечернем платье, в немыслимой по сложности прическе, ароматная и неземная, только что рассуждавшая о Винченцо и свето-воздушных перспективах картин да Винчи, приволокла в кухонных рукавицах видавшую виды кастрюльку и радостно поставила ее на середину их романтического стола.

— Вот и картошечка подоспела, — по-домашнему проворковала она, видимо, нисколько не смущаясь от неожиданно возникшего диссонанса.

Надо сказать, что в быту Валентина Сергеевна была простой женщиной. И как только перестала стесняться гостя, отбросила всякие церемонии и стала сама собой.

— Накладывай, накладывай, Игорек. Разваристая, беленькая… С маслицем и укропчиком… Что же ты?

Свечи для Копытова померкли. В штанах все безнадежно обмякло.

Это был удар ниже пояса.

Точно не скажу, какая буря пронеслась тогда в душе старшего лейтенанта и какие мысли вызвала. То ли о том, что леди с такой пошлой кастрюлькой просто не может быть леди, то ли вспомнился ему хитрован Дудок… Старик Фрейд нашел бы всему этому объяснение. В любом случае, они распрощались стремительно и навсегда.

Валентина Сергеевна, выбросив от досады «Бархатный поцелуй», так ничего и не поняла. Она снова перестала верить мужчинам.

Лейтенант Капитан

Гражданский человек, вероятно, и не представляет, какую силу в армии имеет устав, который в таких подробностях расписывает и регламентирует всю жизнь военного человека, что ему остается только следовать уставу — и служба покажется медом.

У молодого лейтенанта по фамилии Капитан началась из-за этого самого устава настоящая война с замполитом полка подполковником Сазоновым. Надо сказать, что Володя Капитан стал военным не по призванию, а по призыву: после гражданского вуза, где имелась военная кафедра, он попал в полк на два года. Сам новоявленный лейтенант был нимало удивлен, ведь призыву не помешало даже его неисправимое заикание. Спустя время удивление сменилось стоическим смирением. Смирение перетекло в странное служебное рвение.

Почему странное? Володя оказался замечательным радиоэлектронщиком. Не ощущая в себе военной жилки, он, впрочем, был чрезвычайно амбициозен и не терпел щелчков по носу. А таких щелчков лейтенант Капитан снес от начальников в первые месяцы службы предостаточно. Особенно невзлюбил молодого лейтенанта подполковник Сазонов. Володя нарывался на его разносы почти постоянно: то за легкую небритость, то за нерасторопность, то

за возражения из строя. А на самом деле за независимый вид и отсутствие подобострастия во взгляде.

Сносить «щелчки» начальства дальше было выше его сил (все ж уже не мальчик, поди). Посему Володя начал с тщательного штудирования устава и закончил приказами заместителя министра обороны по ведению ротного хозяйства и инструкциями по «примерке и подгонке предметов военной одежды», в которые заглядывали только старшины подразделений. Порядок в службе он начал наводить для начала в собственном взводе.

Раскрыв приказ № 150, лейтенант Капитан вооружился линейкой и провел инспекцию в кладовой, где хранились вещи его солдат и сержантов. Если в сем приказе было написано: «За каждым военнослужащим закрепляется определенное место для хранения его обмундирования с помощью бирки и указанием фамилии владельца», то Володя рассчитывал найти именно это «определенное место», сверяясь для надежности с книгой вечерней поверки. Если было написано, что «размер бирки 5 х 1,5—2,5 см. Бирки в шкафах для обмундирования прикрепляются на планке шириной 1,5—2 см, которая размещается на 3—5 см выше вешалки для плечиков с верхней одеждой», то все не вписывавшееся в эти требования лейтенант Капитан безжалостно срывал.

Старшина сначала отнесся к этой причуде молодого лейтенанта довольно снисходительно, но однажды Володя устроил в роте настоящий переполох из-за этого, причем на совершенном серьезе.

На шум прибежал сначала батальонный замполит, потом и сам подполковник Сазонов. Узнав о сути и последствиях устроенной лейтенантом «инспекции», они ничего не смогли возразить. Как и не могли представить себе, в каких масштабах впоследствии проявится характер «зеленого» лейтенанта.

На следующий же день коса нашла на камень после утреннего развода. Сазонов, не уловив кардинальной перемены в командире 1-го взвода лейтенанте Капитане, подошел к нему и, щурясь от яркого солнца, сказал в своем небрежно-приказном тоне:

— Капитан… хм, ну и фамилия у тебя, лейтенант… Значит, на роду написано быть капитаном.

Когда офицеры чином пониже подполковника подобострастно отхихикали, Сазонов продолжил:

— Ты пришли мне свободного человечка. Надо в моем кабинете порядок навести.

Лейтенант, козырнув, громко и почти не заикаясь ответил: «Есть, то-товарищ подпо-полковник!»

Минут через двадцать подполковник Сазонов вошел в свой кабинет в сопровождении начальника штаба полка и нескольких батальонных замполитов и… остолбенел от представшей перед ним картины.

Лейтенант Капитан в косынке и синеньком халатике, из-под которого виднелись волосатые ноги, добросовестно размазывал мыльную воду по полу щеткой и, казалось, совершенно не замечал вошедших.

Первым опомнился начальник штаба.

— Игорь Валерьевич, это что такое? — спросил он у красного от бешенства полкового замполита. После чего окликнул Капитана: — Вы что делаете, лейтенант? Это я могу узнать?

Володя с придурковатой искоркой в глазах мигом принял стойку «смирно» и отрапортовал:

— Вы-выполняю за-задачу по-подполковника Са-сазонова! Он приказал прислать ему че-человечка для уборки ка-кабинета! Со-солдаты моего ввввзвода, то-товарищ по-подполковник, сейчас на за-занятиях. Отрывать их

от-от за-занятий я не имею права, по-поэтому вынужден бы-был выпо-полнять по-поставленную по-подполковником Саааазоновым задачу ли-лично!

Начальник штаба метнул уничтожающий взгляд на пыхтящего Сазонова.

— Это черт знает что! Прекратите этот балаган, товарищ лейтенант, и идите заниматься с личным составом! А вас, подполковник, милости прошу в мой кабинет!

Надо ли говорить, что Сазонов после этого начал точить еще больший зуб на Володьку Капитана.

— Сазан же тебе это не спустит! — хохоча в курилке, говорили взводному сослуживцы.

Капитан снисходительно улыбался.

На следующий же день подполковник Сазонов явился в расположение роты и начал с проверки солдатских тетрадей по государственно-правовой подготовке. Как водится, у половины солдат тетради оказались девственно чисты.

— Где, спрашиваю я, записи? Где темы? Покажите журналы ведения занятий! Где отметки? Где план-конспекты лекций? — орал Сазонов. — Умничаете? Дурака валять вздумалось?! Я вам устрою веселую жизнь! Завтра же ваши, лейтенант, солдаты пусть доложат мне положения устава от сих до сих! И чтобы все темы в тетрадях были! И что за вид у ваших солдат! Если не знаете, то длина волос висит в бытовой комнате! Если завтра не пострижетесь, я вас сегодня накажу! Доложить о наличии людей! Кто не все, того накажем. Если вы разгильдяй — напишите это себе на лбу, я прочту, и мне все сразу станет ясно. И стоять передо мной смирно! Я вам кто или нет?!

Лейтенант Капитан близко к сердцу принял распоряжение замполита. Он усадил солдат зубрить уставы и переписывать темы. А сам отправился в клуб…

Замечу, что ни одно построение в полку не проходило без сопровождения бравурного марша. Все марши транслировались из клуба, размещавшегося рядом с плацем. В небольшой комнатке на втором этаже стоял магнитофон с усилителем, провода от которого шли к громкоговорителям на плацу. Дежурный солдатик, следя в окно за тем, как один начальник подходит к другому для доклада, запускал магнитофон в то время, пока они шли, и останавливал во время доклада.

Отправив солдата восвояси, Володька вытащил кассету и вставил свою…

Тем же вечером подполковник Сазонов как ответственный по полку должен был проводить построение дежурной службы — новых дежурных по батальонам и дневальных — и принимать доклад дежурного по полку о готовности к заступлению.

Преисполненный сознанием своей важности, он в одиночестве топтался на краю плаца. Наконец дежурный скомандовал: «Равняйсь! Смирно! Равнение налево!»

С первыми их шагами друг к другу из громкоговорителей грянул не марш, а… голос Фредди Меркьюри и его хит «Шоу должно продолжаться!». Дежурный по полку, идя навстречу подполковнику Сазонову с приставленной к козырьку рукой, немного стушевался и затравленно взглянул на окно клуба. Сазонов же, понимая (как человек до мозга костей военный), что шоу должно продолжаться несмотря ни на что, даже пытался попасть своим строевым шагом в такт неожиданной музыке, для чего невольно сильнее выбрасывая ногу на самых сильных пассажах.

Первые ряды построившихся на плацу солдат и сержантов стали как-то странно оседать на стоявших позади товарищей. В глубине строя слышался огромным трудом подавляемый хохот.

Музыка оборвалась в тот момент, когда вспотевший ответственный по полку наконец притопал к майору Лебедеву. Принимая его доклад, Сазонов строго косился на сломавшийся строй. Они оба очень надеялись на то, что эта маленькая техническая неполадка будет исправлена после доклада, потому что должны были продолжить путь на середину плаца.

Но стоило им сделать первые шаги дальше, как незабвенный Фредди начал призывать к продолжению шоу:

The show must go on!
The show must go on!
Inside my heart is breaking
My make-up may be flaking
But my smile still stays on!

В строю кто-то рухнул на бетон, когда Сазонов снова пытался поймать левой ножкой ритм этого своеобразного «марша». Майор Лебедев, идя следом, прилагал титанические усилия для того, чтобы не засмеяться, но ему это не удалось. Он трясся, давился, закрывал рот рукой, не приставленной к козырьку…

Подполковника Сазонова ни до, ни после этого знаменитого построения не видели в таком бешенстве, с каким он ворвался на второй этаж клуба. В комнатке он застал лейтенанта, сидевшего в креслице в наушниках, с заложенными за голову руками, и наслаждавшегося музыкой. Говорили, что замполитский вопль «Смирно!» слышался даже в районе дальних складов НЗ.

Утром лейтенанту Капитану влепили выговор.

Насладившись утренней местью на полковом построении, когда лейтенанта вызвали перед строем, и полагая, что противник деморализован, раздавлен и осознает свою вину, подполковник Сазонов решил «добить» его последними ЦУ. Высунувшись из уазика, он крикнул в сторону курилки, где собрались офицеры:

— Лейтенант Капитан, ко мне!

Курилка была довольно далеко.

Сам Володя, попыхивавший сигаретой, не спеша затушил ее и отправился на зов.

— Бегом! — заорал Сазонов.

Лейтенант даже не дернулся, а продолжал идти ровным, спокойным шагом.

— Бегом!! Я сказал — бегом!!! — плевался и бесновался выскочивший из уазика замполит.

«Зеленый» лейтенант за три метра приблизился к нему тремя четкими строевыми шагами и, вскинув руку к козырьку, доложил:

— Та-таварищ по-подполковник, ле-лейтенант Ка-капитан по-по вашшшшему приказа-занию при-прибыл!

— Почему… — Сазонов хрипел и задыхался, — почему шагом?! Я что, попугай тут каркать? Я приказывал — бегом!

— То-товарищ по-подполковник, команда «Бегом» — предвааарительная. За ней по уставу до-должна ппппрозвучать «марш»! Но она не пппрозвучала!

Глаза Сазонова, казалось, выскочат из орбит. Его лицо полыхало багровым цветом.

— Капитан… — выдавил он, наконец, из себя, немного успокоившись. — В вас начинает просыпаться военный человек. И запомните: в армии многое неясно, зато все правильно!

— За-запомню, — улыбнулся лейтенант Капитан.

Пляж № 6

Лето выдалось жарким. Хотелось купаться и валять дурака. Но у младшего сержанта Кольцова это не очень-то получалось. Ротный не давал передышки, подгоняя с ремонтом двух машин, намертво застрявших на ПТО[1].

— Я тебя повешу, Кольцов, — обещал ротный и принимался сопеть во время трагической паузы, — если через неделю машины не переедут в боксы своим ходом. Повешу, сам знаешь, за какое место…

Вася Кольцов всего как два месяца имел счастье быть контрактником и очень серьезно относился к любым угрозам начальства. Даже к самым ужасным. Уволился он из армии всего год назад, помыкался «на гражданке» в поисках работы, почесал затылок — и махнул обратно в армию. Все ж какая-то уверенность в завтрашнем дне.

Но дело осложнялось тем, что Вася, мечтавший командовать на срочной, получил свои лычки только перед самым увольнением в запас. А это значило только то, что командирских навыков имел он мало. И теперь старался компенсировать их отсутствие усердием в работе и мрачностью в общении с подчиненным личным составом, что не совсем соответствовало внешности и характеру Васи — немного забавного крепыша с рыжим ершиком волос. Когда Вася забывался, напускная мрачность сходила с его лица. Она уступала место природному добродушию.

Затяжное дело с ремонтом машин ранило его в самое сердце. Чтобы ускорить ремонт, дозарезу нужны были помощники. А уж экипажам машин сам бог велел участвовать в ремонте. Однако не тут-то было. После утреннего развода он вступал в настоящую битву с ротным и старшиной за своих солдат, которых те норовили направить то в наряд, то на какие-то работы, которых в части и в казарме хватало на всех с лихвой. И если измученному разными вышестоящими указаниями ротному была простительна непоследовательность, то зловредный старшина, забирая солдат, поступал так из своих собственных исключительно хозяйственных интересов.

— Свисток, — с нежностью дыша чесноком в ухо Кольцова и обнимая его за талию, говорил старшина. — Ну куды ты торопишься? Не горит, поди… Мне вот… мотри, наряд по столовой собрать — надо? Надо! На котельную — надо? Надо! На ремонт крыши — надо? Надо! Ограду возле склада ремонтировывать — надо?.. От, Вася, и считай, что сегодня ты в пролете. Нету у меня солдатиков! Нету!

Младший сержант Кольцов с тоской заглядывал в кристально-хитрые глаза старшины и ничего не мог возразить. С перспективным прицелом Вася даже решил не обижаться на это почти отцовское обращение «свисток», но все пассивные и активные попытки вырвать у старшины солдат себе в помощь заканчивались ничем. По наивности своей Кольцов попробовал сунуться в другие батальоны, но там от него открестились, как от нечистой силы.

— Ты что, сержант, с дуба упал? — поморщился ихний старшина, быстренько пересчитывая портянки, только что привезенные из прачечной. — Откуда я тебе солдат возьму? Видишь, сам белье считаю. Один дневальный — и тот убогонькой. Иди, иди, родной. Бог подаст.

Вася, почесывая затылок, отправлялся на ПТО, где уже месяц бездвижно стояли два «Урала» с призывно открытыми капотами. На одном надо было заменить коробку передач, а второй требовал ремонта так, по мелочи…

Старлей, начальник ПТО, проносясь мимо в заляпанной маслом технической куртке, с пулеметной скоростью выдавал в адрес Васи весьма нелестные

---

[1] ПТО — пункт технического обслуживания.

соображения, которые, наверное, постеснялся бы повторить в более приличном обществе. Только беспредельная деловитость и неуемность начальника ПТО не позволяли ему остановиться перед виновником и высказать ему все в глаза. Чудные перлы глухо звучали то в яме из-под командирского уазика, то в дежурке, то в слесарной мастерской. Вася чувствовал себя провалившейся звездой экрана под обстрелом жесточайшей критики. Прописавшиеся на ПТО «Уралы» явно мешали старлею жить и нести службу. Вася Кольцов это понимал — однако что ж он мог сделать? С мелким ремонтом он давно справился, а вот с крупным…

Каждое утро Васе составлял компанию рядовой Михальцов — необычайно длинный и худой солдат, по совместительству единственный в части сварщик, а потому служивший на ПТО в полном уважении и почете. На Михальцове была промасленная подменная форма, явно маловатая ему по размеру. Скорбно заглядывая во внутренности машин, рядовой был молчалив, сосредоточен. В нем угадывалось горячее желание помочь.

— Блин! Мне бы пару бойцов! Я б за день!.. — жаловался ему Вася.

— Ага, — глубокомысленно ронял Михальцов. — Коробку снимать надо. А лебедка не работает. Мотор сдох. Только на руках. Трое, четверо нужны. Как минимум.

Катастрофа была очевидна. Коробка передач на «Урале» — дело не шутейное. Вес — ого-го! Помощников нету. А через неделю ротного будет пытать комбат — что, мол, сделано? И если не сделано, то почему виновные не висят гроздьями на реях?..

Тоска-а-а-а.

Младший сержант Кольцов снова почесал коротко остриженный рыжий затылок. Служба медом совсем не казалась. Хотелось на все махнуть рукой и смыться из части к воде. Хоть на часок — и не думать о регламенте служебного времени.

В это время в темную прохладу ПТО заглянул дневальный по штабу.

— Младший сержант Кольцов тут?

— Тута! — отозвался Вася, предчувствуя недоброе. — Чего надо?

— К дежурному по штабу!

К дежурному по штабу просто так не вызывали. Офицеры, сидевшие за аквариумным стеклом дежурки в штабе, лишь на первый взгляд влачили жалкое существование в четырех стенах. Это были неумолимые боги всех нарядов и караульных, да что там — всей жизни полка! Они озвучивали тревоги и приказы начальства, ловили ночью прикорнувших на тумбочках дневальных, первыми снимали пробу в столовой…

Вызов к дежурному всегда вызывал беспокойство.

…Вася, подавляя трепет, приблизился к стеклу.

— Кольцов, вот тебе повязка, вот временная карточка-удостоверение дежурного патрульного, — сказал резко и неприятно лейтенант, помощник дежурного. И передал кумачовую повязку с надписью белыми буквами «ПАТРУЛЬ» и засаленную картонку, обернутую скотчем, с печатью, удостоверяющей, что обладатель ее — «дежурный патрульный».

Вася подобрался и стал даже как бы выше ростом. Он знал, что на территории гарнизона нет более уважаемого лица (кроме командира, конечно), чем начальник патруля, несущий свою нелегкую службу с почетной свитой из двух здоровенных солдат. Васю не насторожило то, что обычно патруль по гарнизону возглавлял офицер или прапорщик, а не контрактник. Он совершенно забыл об этом, вознесясь в своих мыслях до армейско-эпикурейских недосягаемых высот. Перед начальником патруля солдаты либо заискивали, либо вытягивались в струнку. А уж нарушителям так совсем хана!

Тут практический ум Васи вдруг обнаружил, что будущих нарушителей формы одежды и воинской дисциплины вполне можно будет использовать ради исправления на ПТО, у злосчастных машин! С какой стороны ни посмотри — всюду выгода! О, что за день!..

— Ты слушаешь меня или нет, Кольцов? — нетерпеливо окликал его лейтенант за стеклом, что-то втолковывая и не видя ответной реакции у погруженного в счастливые мечтания Васи.

— Да, так точно, товарищ лейтенант!

— Так вот, сейчас машина едет на хлебозавод, сядешь рядом со старшим и поедешь с ним. Он тебя подбросит.

— Куда? — не понял Кольцов.

— На водохранилище! Битых пять минут объясняю! Ты чем слушаешь?

— Зачем? — искренне удивился Вася, всего час назад мечтавший смыться из части и махнуть к воде.

— Ты тупой или глухой, сержант? — поморщились за стеклом. — Будешь нашего брата военного оберегать от воды. Вот инструкция и приказ, что купаться военнослужащим запрещено. Увидишь кого в форме возле воды, представишься и вежливо попросишь… — вежливо, Кольцов! — в воду не лезть и не купаться. В случае отказа записать звание, фамилию и номер части. Ты патрульный по *водохранилищу*! Понял?

Самый оглушительный гром не мог так поразить Васю Кольцова, нежели это известие, немедленно похерившее все его блистательные планы по отлову нарушителей и окончанию ремонта. Сияющий золотом жезл власти тускнел на глазах и обращался в прах. Все пропало! Патрульный по водохранилищу! Ему даже свиты из солдат не полагалось. А если он и мог изловить кого-то у воды, так это какого-нибудь офицера, недальновидно решившего охладиться на вверенной «водному» патрулю территории. А офицера младший сержант Кольцов вряд ли смог бы заставить поработать на ПТО на благо родной роты.

Синяя птица счастья взмахнула своим вертлявым хвостом и улетела.

— Сержант, доклад по этому телефону в дежурку каждый час. Недалеко автостанция. Можешь там же и пообедать. Вечером приедешь обратно, вернешь повязку и доложишь. Ясно?

— Ага, — скуксился Вася, чем сильно удивил лейтенанта и даже заставил его смягчиться.

— Ты чего, Кольцов? Наряд — не бей лежачего! Гуляй себе на солнышке, дыши воздухом. — Потом помдеж оглянулся на комнату, где отдыхал дежурный, и понизил голос: — Я вообще часик ходил и сматывался домой. Милое дело. А у тебя лицо сейчас… как у… девушки с нежелательной беременностью. Машина подъехала, иди, Кольцов.

Вася, почесывая затылок, направился к хлебовозке, остановившейся у ворот, тяжело вздохнул и нырнул в жаркую кабину.

…Водохранилище ласковым изгибом обнимало окраину города и искрилось под лучами полуденного солнца. И хотя из-за грязной воды здесь никому не приходило в голову купаться, оно радовало глаз и облегчало жару прохладцей. Городские власти в своих потугах благоустроить зону отдыха даже поставили кое-где «грибки» и наглядную агитацию в виде щитов с призывами не купаться в пьяном виде. Но судя по всему, даже неприхотливые пьяные личности, которым, как известно, море по колено, и те брезговали водоемом. Обозримое пространство было скучно, пустынно и дышало жаром. По дорожкам плелись добросовестные молодые мамаши, прогуливавшие младенцев в колясках. Вдали у воды дремал старичок-рыболов из самых упрямых, для которых важен не столько улов, сколько сам процесс.

Во власти младшего сержанта Кольцова оказался пляж № 6, о чем свидетельствовала поржавевшая уже табличка на столбике. Вася слегка толкнул его носком берца[1]. Жестяная табличка хлопнулась на землю. Стыдливо оглянувшись, новоявленный патрульный принялся прилаживать табличку обратно. Поискал проволоку, деловито утрамбовал землю вокруг столбика. Убедившись, что все держится, почесал затылок и вздохнул. На горизонте никаких военных не наблюдалось, делать было нечего. Еще один день явно потерян для ремонта. Следовательно, он приближал катастрофу.

Слабое отчаяние и бессилие родили в мыслях возглас загнанного в угол человека: «А ну вас всех! Будь что будет! Не виноват я!» Вася решил расслабиться и, как говорится, получить удовольствие. Целый час он бродил вдоль береговой линии, неся нелегкую службу патрульного по водохранилищу. Чувство возложенной ответственности мешало ему воспользоваться служебным положением, скинуть форму и слегка охладиться в воде. Вообще-то плавать Вася не умел, однако поплескался бы с удовольствием. Но на рукаве его алела повязка «ПАТРУЛЬ», а это, как ни крути, обязывало…

Через час от его бравого вида мало что осталось. Он сел на скамейку, обмахиваясь кепкой и завидуя беспечной ребятне, с визгами барахтавшейся на мелководье. Пахло разнотравьем, водорослями и слегка машинами — за мостиком через узкий канал виднелась автостанция. Было тихо, жарко и оттого томно. Воздух обещал послеполуденную грозу, и все замерло в ее ожидании. Вася незаметно задремал на скамеечке…

Очнувшись, младший сержант Кольцов смахнул пот с утомленного лба и посмотрел на часы. Пора было бы уж и пообедать. Не снимая красной повязки, Вася двинулся к автовокзалу. Он был благодушен и серьезен одновременно. Он шел обедать с ощущением исполненного долга.

Сначала он купил у лоточницы пару беляшей, потом бутылку сладкой воды. Пройдясь вдоль площадок отправления автобусов, поразглядывал пассажиров. Бросил кусок беляша бродячему псу. Снова идти патрулировать водохранилище ему не хотелось.

Конечно, можно было бы смотаться в общагу или залечь под кустиком и подремать, но кто знает, что на уме у начальства? Вдруг приедет замполит и проверит ход патрулирования. С него станется!.. Майора этого Вася невзлюбил с первой же минуты, когда тот выложил перед ним толстую тетрадь с план-конспектами по государственно-правовой подготовке и сказал тоном, в котором таилась смутная угроза: «Вот, Кольцов, перепишешь пару тем с прошлого года и три темы этого. Понятно? Конспект даю на неделю. Потеряешь — будешь переписывать мне всю тетрадь».

Вася писать не очень-то любил, поэтому для начала загнал в комнату отдыха свободного дневального, и тот перекатал все, что приказал замполит, в новенькую тетрадку, которую Кольцов подписал все же собственноручно. Он не думал, что это роковым образом скажется на судьбе тетради. Майор оказался педантом. Проверив через неделю конспект Кольцова, ухмыльнулся, вырвал исписанные дневальным страницы и дал Васе еще три дня. Проклиная судьбу и майора, Кольцов промучился с чистописанием все эти три дня. С тех пор замполит вызывал у него что-то вроде изжоги и отрыжки, какая бывает после бигуса в солдатской столовке: неприятно, неотступно и болезненно. Воспоминания о вредном майоре несколько раздражили младшего сержанта Кольцова. Мигом нахлынули воспоминания о двух «Уралах», застрявших на ПТО... Тут на глаза Васе попался чистенький курсант с сумкой через плечо. Курсант курил, не замечая «патруль». Впрочем, владения младшего сержанта Кольцова ограничивались только водо-

[1] Берц — укороченный сапог.

хранилищем. На автовокзал юрисдикция Васи не распространялась. И он сам это понимал — но ему показалась приятной мысль подойти к курсанту и с начальственной уверенностью проверить документы, как это делает настоящий патруль.

Увидев приближающуюся красную повязку, курсант уронил сигарету, подобрался и застегнул верхнюю пуговичку. В его глазах отразились любопытство, вопрос и настороженность.

— Документики попрошу, товарищ курсант, — проговорил Вася, прищуриваясь. Он видел прежде, как так же прищуривался один из начальников патруля.

Курсант неторопливо поставил сумку у ноги, достал из кармана отпускной и военный билет. Все было в порядке. Парень ехал домой в отпуск.

— Куда едем? — с той же ленотцой поинтересовался Кольцов, тщательно проверяя документы.

— В Гомель, товарищ младший сержант.

Придраться было не к чему. Да и зачем, собственно?

— К родакам? — перешел Вася на доверительный тон, возвращая документы курсанту.

— Ага, — улыбнулся тот. — В отпуск.

— Есть закурить?

— Держи. Можешь всю пачку взять. Дома я не курю.

— Курить — здоровью вредить, — вздохнул Кольцов. — Долго еще ждать автобуса-то?

— Один рейс отменили, теперь часа полтора до следующего.

— Долго… — сочувственно покачал головой Вася. — Чего делать будешь?

— Пошарюсь тут пока.

— А, ну давай тогда. Покеда!

Васе вдруг стало немного не по себе за этот свой спектакль с проверкой документов. Хороший парень. Чего к нему прицепился?..

Кольцов поправил свою красную повязку, позвонил дежурному по части из телефона-автомата и поплелся обратно к водоему. Уже на подходе к берегу он почувствовал неладное. Услышав какие-то слабые крики и всплески воды, помчался что было силы.

В воде и в самом деле что-то барахталось. А на берегу в испуге стояли двое мальчишек.

— Что?! Что тут? — закричал Кольцов.

Оба тут же в голос завыли:

— Дяденька! Она тонет… Помогите, спасите, дяденька! Мы не хотели, она сама…

Вася судорожно стал сдирать с себя форму, разбрасывая ее как придется. Шнурки на берцах, казалось, нарочно запутались... Времени распутывать не было. Вася так и плюхнулся в воду — в штанах и в одном берце на ноге.

Вода напоминала густой теплый суп и пахла болотом. Неловко гребя перед собой руками, Вася пытался отделаться от тормозивших его водорослей и не упустить из виду девчонку, все еще шлепавшую ручками по воде где-то в невообразимой дали.

В какой-то момент Вася вдруг понял, что не доплывет. Проклятые водоросли облепили ноги и дергали вниз, вода с жуткой настойчивостью проникала в нос и рот. Дна давно не было. Тело пронзила паника — томная, сладкая до ужаса, заставлявшая легкие судорожно сжиматься.

«Неужто все? Неужто вот так?»

С рычанием он сделал новую попытку плыть. Водоросли отстали, но силы сожрал приступ страха.

Где-то послышался новый всплеск. Через минуту что-то стремительное догнало его в воде.

— Держишься? Ладно! Руками работай и ногами! Я сейчас! — голос был знакомый.

Вася почувствовал, что не один, и энергично зашевелил ногами, хотя успел порядком наглотаться воды. А тут начал возвращаться и «спасатель» — он волок кашлявшую девчонку за волосы к берегу. Еще через мгновение он снова был рядом с Васей. Это оказался знакомый курсант с автостанции.

— Станешь цепляться — дам в морду, — пообещал парень, подхватывая Васю и уверенно увлекая его к берегу.

…Дальнейшее младший сержант Кольцов помнил смутно. Его рвало водой и трясло. Приехали милиция и «скорая». Подкатил и уазик из части. Там были командир, ротный и старшина, которого Вася учуял по запаху чеснока.

Пока начальство беседовало о происшествии, старшина ласково шипел на ухо Васе:

— Эх ты, дура! Спасатель! Сам чуть не утоп! Но… молодца! Молодца! Герой! Как там говорится — «Сам погибай, а товарища выручай»?

На следующее утро старшина выделил Кольцову аж пять солдат.

Потерянный «рай»

Было в нашем полку одно удивительно приятное дежурство. Остался от советских времен в далеком лесу ЗКП, запасной командный пункт — сооружение добротное и используемое всего раз в году, когда подразделения выезжали на большие учения. Посреди дикой природы притаились небольшая, но добротная казарма, прекрасно оборудованные капониры[1] для машин связи, само здание ЗКП с боевыми постами и кабинетами для начальства. Среди сосен петляли дорожки. Имелась тут и своя артезианская скважина. Одним словом, полк довольно комфортно чувствовал себя на учениях.

Все это добро в лесу надо было как-то охранять от местных жителей, которых хлебом не корми — дай стащить с бесхозного объекта разные полезные для хозяйства вещи: кирпичи, доски, кабели, аппаратуру тонального телеграфирования… Вот командование и вынуждено было отправлять в лес двух-трех солдат и офицера или прапорщика для общего руководства. Солдаты жили на объекте почти безвыездно, а вот руководство заступало на неделю. Благодать! Особенно в сравнении с полковыми построениями, разводами, караулами и занятиями. Это ж почти отпуск, за который шла борьба не на жизнь, а на смерть! За него обещались спирт, запчасти, половая краска и иные армейские сокровища. Целая неделя на природе, где сам себе хозяин и три лба в подчинении, которые трясутся даже от грозного твоего взгляда.

Солдатикам-то возвращаться в полк категорически неохота, потому что там старшина, наряды, зарядка и вообще служба не малина. Бойцам привозили сюда на неделю продукты — и питались они неплохо, балуя себя наваристыми супами и полноценными мясными порциями, потому что не существовало никаких посредников между продуктовым складом и солдатским желудком в виде прожорливых поваров, дежурного по столовой и столовского наряда. Имелась на этом стратегическом объекте и банька, довершающая общую идиллическую картинку несомненного военного рая…

---

[1] Капонир — (от французского caponniere) — огневое оборонительное сооружение, предназначенное для ведения флангового или косоприцельного огня.

Итак, природа, удаленность от начальства, мир, покойный послеобеденный сон… Вся эта чудная пастораль закончилась в одночасье.

Выпало однажды молодому лейтенанту Степанову счастье — нежданно-негаданно приказали ехать в Лесное (так именовался ЗКП по названию близлежащего поселка). Пора стояла тихая, отпускная. Битвы за право ехать в лес поутихли. А Степанов только отпуск отгулял и не возражал против дополнительной недельки в Лесном. Был он зелен и несведущ в разных каверзах, которые иной раз преподносит служба. Потом в полку в один голос говорили, что будь на месте Степанова кто-то поопытнее, все бы обошлось, вероятно. Но…

Вальяжный от безделья прапорщик Дудок, дежуривший предыдущую неделю, проводя Степанова по объекту, пребывал в благодушном настроении, однако торопился поскорее смыться домой.

— Вот тут класс подготовки радиотелеграфистов, тут аппаратные, боевые посты… понял? Все обесточено, только на кухне плита и холодильник под напругой. Плиту бойцов заставляй выключать вечером. Вот тут у них спальное помещение. Проверяй вечерком. В поселок не пускай. Нечего. Ночью определи очередность, кто будет обходить объект… Ну, покажи себя для начала, чтобы поняли… Потом сами с собой разберутся. Ежели что, пригрози в полк отправить. Сразу как шелковые. Ну, покедова!

Дудок расписался в журнале приема-сдачи дежурства по объекту. Позвонили по полевому телефону и доложили дежурному по полку. После чего Дудок отдал связку ключей и подхватил две подозрительно тяжелые сумки, в которых что-то металлически звякнуло.

Прапор так спешил, что не рассказал об одном ключике, отпиравшем важное помещение, на двери которого обычно были нарисованы два нолика. Эти нолики предназначались для разных проверяющих начальников. Простые смертные довольствовались самодельным домиком в метрах пятидесяти от здания. Надо уделить пару строк этому сооружению, потому что именно из-за него все и случилось.

Построили его два брата-полешука[1] еще при Советской Армии. Этим богатырям старшина приволок бревна, доски, один топор на двоих и наказал выстроить сортир. Полешуки совсем не озадачились скудным набором материалов и инструментов. Это были послушные, как телята кроткие, огромные и очень сообразительные парни. В глухой полесской деревушке отец, провожая их в армию, напутствовал, хмуря белесые брови: «Слухайцесё начальства! А то прыеду ды вушы павыкручваю, калі спазнаю, што неслухі». Старшина знал, кому поручать довольно трудоемкую и неблагодарную задачу. Полешуки сняли гимнастерки, поплевали смачно на ладони и взялись за дело…

Когда старшина приехал принимать работу, он был потрясен тем, что увидел. Нужник в исполнении братьев напоминал то ли дачный домик, то ли просторный сарайчик для крупного рогатого скота. Сооружение внушало уверенность в том, что простоит лет сто. Но самое смешное, что братья «спроектировали» в этом добротном нужнике только одно очко у самой двери. Дверь, кстати, была сбита, как и все здание, из толстенных досок. За этой дверью вполне можно было выдержать нападение противника, если тому пришла бы фантазия атаковать нужник. Братья поставили его на глубочайшей яме, выкопанной непонятно каким образом, так как у них, кроме топора, ничего не было.

Сначала старшина хотел отматерить подчиненных за такой страшный перерасход материальных средств, но все же решил воздержаться, видя, с каким старанием и основательностью те поработали.

---

[1] Жители Полесья в Беларуси.

— Ну, добре, — пыхтя, усмехнулся он, принюхиваясь к пока еще уютному древесному запаху.

Изделие было принято.

…Постепенно за годы осела земля. Домик начал крениться, словно хотел упасть на спину. Вследствие этого посетитель должен был проявлять бдительность, потому что массивная дверь закрывалась теперь сама и норовила либо толкнуть по заду, либо ударить по лбу. Так как начальство домиком не пользовалось, он пришел в полное запустение, а нижние чины из лени предпочитали вырабатывать виртуозную сноровку, нежели просто поправить покосившееся от времени изделие трудолюбивых братьев-полешуков.

Солдаты показали лейтенанту Степанову нужник. Тот не удивился и подумал, что эту махину, отсыревшую и еще больше отяжелевшую от времени, можно поправить только при помощи подъемного крана или домкратов, на худой конец.

На второй день дверь все же хлопнула лейтенанта по лбу. Красный от боли Степанов чувствовал себя унизительно, разглядывая солидную шишку в зеркальном отражении. Через двадцать минут он собрал военный совет у домика.

Солдаты, стараясь не хохотать при виде шишки на лейтенантском лбу, с покорностью выслушали приказ придать домику приличное относительно земли положение. К такому приказу они были готовы. Время от времени кто-то из дежурных не проявлял необходимой реакции... Тут уже лежали подходящего диаметра колья, припасенные заранее. Удивляя Степанова расторопностью и исполнительностью, солдаты подхватили их и подступили к сортиру. Лейтенант даже помог подчиненным в тот момент, когда ему показалось, что злосчастное сооружение качнулось в нужную сторону.

…Когда сломали один за другим четыре импровизированных рычага, Степанов понял, что задача имеющимися силами невыполнима. Полешуки постарались на славу. Лейтенант дал себе слово вызвать из полка кран.

Проблема как-то поблекла и перестала быть первостепенной. Дни полетели тихие, мирные. В лесу среди заросших кустами капониров оказалось много земляники и черники. Одуряюще пахло сосновой смолой, а по вечерам — сытой землей и росой. Днем лейтенант писал конспекты и валял дурака.

Но вот накануне окончания его дежурства в комнате ожил единственный полевой телефон. Нажав тангенту[1], Степанов представился и выслушал трубку, рявкавшую командирским голосом о какой-то проверке из главного штаба, направлявшейся прямехонько к ним на ЗКП. Слегка вспотев, лейтенант кликнул своих подчиненных и сообщил невеселую новость.

Как всегда, принялись спешно наводить порядок. Начальство вообще не любило находить признаки жизни там, где этих признаков должно быть больше всего. Солдаты носились по командному пункту как ненормальные. Лейтенант со своими неуместными и исключавшими друг друга распоряжениями им даже мешал.

Наконец два уазика зарулили на залитую полуденным солнцем асфальтовую площадку перед зданием ЗКП. Из них вышли незнакомый полковник, командир полка и несколько офицеров. Лейтенант Степанов, выстроив своих орлов, доложил прибывшим о состоянии охраняемого объекта. Гости разбрелись по территории. Судя по их виду, разноса не планировалось. Степанов уже облегченно вздыхал, но тут незнакомый полковник кивнул ему, подзывая.

— Где тут у тебя, лейтенант, туалет?

[1] Клавиша включения микрофона.

Если бы прапорщик Дудок так не спешил и рассказал о комнате с двумя ноликами, устроенной по всем правилам, как в цивилизованном мире, то все обошлось бы. Но Степанов ничего о ней не знал, хотя на его связке и болтался спасительный ключ.

— Вот сюда, товарищ полковник! — позвал за собой лейтенант.

Увидев перекосившийся домик, полковник озадачился и нахмурился.

— Н-да… — произнес он, дернув уголком губ. — Я вас не задерживаю, лейтенант. Тут я как-нибудь сам.

Степанов хотел бы предупредить проверяющего полковника о коварстве двери, но, видя его недовольство, счел за лучшее ретироваться, понадеявшись на авось.

Уже выходя из леса к стоящим машинам, лейтенант с ужасом услышал характерный хлопок дерева о дерево и в сердцах рожденную неприличную словесную фигуру, выкрикнутую полковником, видимо, все же отброшенным дверью вглубь домика.

Как это происшествие повлияло на мнение проверяющих, трудно сказать, но Степанову влепили выговор, дежурство на объекте отменили, а ЗКП передали соседней бригаде связи. Так закончились безмятежные деньки в Лесном.

— А ведь какая банька была! — сокрушался потом прапорщик Дудок. — Каждый камушек вот этими руками выбирал! Эх… лучше б я тогда еще на неделю остался.

Рядовой Рыжик

Если вы когда-нибудь ночевали в армейской палатке, согласитесь: это не самое плохое место обитания в походных условиях. Летом дождик не проникает, воздух кругом свежий. А зимой, ежели печечку поставить да дровишками протопить, — благодать! Сухо, тепло, уютно.

Правда, за печкой надо следить все время. Остынет — палатку выстудит. Не дай бог, уголек вылетит — загорится. Но для таких целей существует дежурная служба. Дневальный сторожит печечку, дров подкидывает. Бдит, одним словом.

Случилось и мне ночевать в такой палатке зимой. Палатки наши были развернуты на поляне, у самой дороги, в прекрасном сосновом бору. Дни стояли ясные, морозные. В каждой палатке имелась своя печка-буржуйка, которая топилась не переставая и днем, и ночью. Дым столбом поднимался над лесом и был виден издали. Днем мы постоянно находились в кунгах связных машин, а после смен бежали в наши палатки, поэтому особо от холода не страдали.

В один из дней мороз был особенно сильным — к вечеру столбик термометра опустился до минус тридцати. На страже у нашей печурки стоял хитроватого вида веснушчатый дневальный. Уж не помню сейчас его фамилии, но называли мы его рядовой Рыжик. Благодаря его стараниям в палатке нашей после окружающего холода был просто рай земной.

— Солдат Рыжик! — грянул радостно наш ротный, потирая руки над печкой. — Благодарность тебе от лица командования! Теперь твоя задача — не заморозь родных командиров ночью. Готов?

Веснушчатая физиономия расплылась в улыбке. Солдат шмыгнул носом и в тон ротному бодро ответил:

— Будет гореть, не сомневайтесь, товарищ капитан!

— Ну, смотри!

Рыжика призвали всего как пару месяцев. Несмотря на то, что был он суетлив (а потому неловок, как многие молодые солдаты), чувствовались в

нем лукавство, бойкость и одновременно ленотца — в армии весь характер мигом обнаруживается. Ничего не скрыть, не спрятать. Было видно, что вот только попривыкнет Рыжик, освоится с армейским укладом — и… начнутся проблемы, если командир его вовремя не разглядит.

Впрочем, мы тогда думали только о том, чтобы покушать и завалиться спать. Смена оказалась тяжелая, в ушах стояли эхо непрерывных команд по громкой связи и писк морзянки.

Быстро поужинав и покончив с разговорами и личной гигиеной, мы поскорее улеглись в кровати.

В палатке было довольно тепло. Усталость сделала свое дело быстро. В палатке «затрубили» первые храпуны. За тонкими брезентовыми стенками мела поземка, слегка качая их. У печурки сидел рядовой Рыжик и изредка подбрасывал дрова в огонь. Глядя на его сгорбленную фигуру, я незаметно для себя уснул.

А посреди ночи проснулся от холода. Я совершенно явственно ощущал мороз, который ощупывал мое лицо своими ледяными пальцами. С трудом разлепив веки, бросил унылый взгляд на светящийся квадрат дверцы печки. Огонь вроде бы горел. И вполне себе так прилично. Со сна не хотелось разбираться, отчего при весело светящейся буржуйке вдруг стало так холодно. Я повернулся на другой бок, укрылся с головой и попытался уснуть.

Мне это удалось, но ненадолго. Весьма скоро я проснулся вновь. Стоял просто жуткий холод! Казалось, что мы спим на улице. Изнутри палатка сплошь покрылась инеем, а при дыхании изо рта валил густой пар. Очень хотелось встать и погреться у печурки, но мысль о том, чтобы покинуть уютную постель с остатками тепла, казалась чудовищной.

Через некоторое время стало очевидно, что проснулся не я один. В углу заскрипела койка ротного. Капитан встал, зябко и торопливо накинул на плечи бушлат и подошел к печке. Присев на корточки, с блаженством раскинул руки и, почти прижав их к округлым бокам буржуйки, попытался согреться. Я даже позавидовал ему.

Правда, дальнейшие действия ротного очень меня удивили. Неожиданно он стал прикладываться голыми руками к раскаленным бокам нашей печки.

— Что за ерунда, — прошипел ротный, уже без опаски ощупав всю буржуйку, словно делал ей обыск.

В следующий момент капитан рывком открыл дверку печурки и, пошарив в топке, вытащил оттуда... включенный армейский фонарь! На мгновение в его лучах мелькнула заспанная физиономия рядового Рыжика, нашего дневального. Но уже через секунду тот вылетел из палатки. За ним, не переставая грозно ругаться, выскочил наш ротный.

В течение минут пяти вокруг палатки не смолкал топот сапог и слышались не очень лестные отзывы о хитром солдате. Рыжик ночью, видимо, решил, что товарищи офицеры, поди, не кисейные барышни, и, когда дрова догорели, сунул в печь фонарик.

…В палатку, тяжело дыша, вошел наш капитан. Дружный взрыв хохота встретил его. А поскольку ротный был добрым и отходчивым человеком, вскоре он и сам смеялся вместе с нами.

От смеха все согрелись. Ротный сам растопил печурку, и палатка вскоре снова наполнилась теплом. Мы покурили, попили чайку, вспомнили разные веселые армейские истории.

Когда все улеглись, из-за полога палатки показалось испуганное лицо Рыжика. Его появление встретили дружным хохотом. Он же, опасливо косясь в сторону капитана, подошел к буржуйке и стал отогревать озябшие на морозе руки.

Укрощение строптивого

Всем известно, что почти любой войсковой узел связи — царство женское, своеобычное. Говоря по правде, не каждый начальник может выработать и, главное, выдержать особый тон в обращении с подчиненным слабым полом. Тут наскоком и фронтовой атакой не годится. Никак нет!.. Поярится командир, отведет наболевшую душу, а виновница возьми и расплачься. Обычно подчиненные мужского пола не плачут, просто бегут устранять недостатки. Рыдания же вносят в четкую схему субординации некоторую сумятицу и разлад. Мужское сердце не камень. А вода, как известно, точит любой одушевленный и неодушевленный предмет запросто.

— Уйду в пехоту! — цедил начальник узла подполковник Лемешев после того, как разбирал очередной скандал на телефонной станции. — Марш-броски мне дайте! Полевой выход с полной выкладкой! Только не тут, в этом… бабском батальоне! Сил нету!

И он капал дрожащей рукой что-то успокоительное в мензурку.

Женщина остается женщиной. Даже при погонах. Даже при исполнении. И создает она всегда свой особый мир. Неистребимый никем. Гармонизирующий, в общем.

Служил на узле связи старшина контрактной службы Пирогов. Служил так себе — ни шатко ни валко. Поначалу старался. А потом как-то загрустил. На телеграфе он — первый спец! И аппаратуру всякую на раз мог починить. Таких еще поискать. Уволить — дело недолгое... Но второго такого, как Коля Пирогов, — где взять на замену?

Замполит и беседовал с ним, и увещевал. Старшина Пирогов только скучал и смотрел в сторону.

Начальник узла задумался о судьбе Пирогова. Надо было срочно что-то предпринимать. Встряхнуть флегматичного старшину надо было. Но только как?

Случилось же так, что в горячую отпускную пору заболела одна из экспедиторш. В обязанность экспедиторов входили получение, регистрация и раздача различных военных телеграмм начальникам. Штаб — четыре этажа. Корреспонденции масса. Три раза в день экспедитор, перебегая рысцой от кабинета к кабинету, раздает бланки с телеграммами под роспись в журнале учета. Работа важная, а заменить заболевшую Елену Ивановну, старейшую работницу экспедиции, некому…

Начальник узла задумался. Прикинул в уме кой-чего — и вызвал старшину контрактной службы Пирогова. Были у него соображения по этому поводу.

— Вот что, старшина… Работы у тебя, я знаю, сейчас немного. Ты когда списанную технику повезешь сдавать? Вот! В следующем месяце! А нынче, друг мой ситный, поработай-ка недельку в экспедиции. Надо, надо, братец! Не морщись! Это приказ. Ясно? Подойдешь к начальнику экспедиции Рогожкиной, она тебе все расскажет и покажет. Задачу уяснил? Тогда — кругом! Исполняй!

Старшине Пирогову совсем не улыбалось просидеть неделю в экспедиции. И почему именно он?..

Но делать было нечего. Вернее, следовало исполнять приказ.

Сначала женщины в экспедиции отнеслись к новому работнику настороженно. А потом попривыкли. Принялись жить и служить, как прежде. Дело делают, телеграммки оформляют — и болта-а-а-ают! О! Тут было все! Политика, кулинария, сериалы, новая статья в глянцевом журнале, дети, внуки, чьи-то свадьбы, способы выведения пятен, достоинства и недостатки туфелек и сапожек, примерка новых колготок…

Пирогов мужественно крепился две недели. Он краснел, бледнел и при малейшем удобном случае выскакивал из женского царства подышать свежим воздухом. Тут женщины вызнали, что Пирогов не женат. А смириться с тем, что рядом обитает неокольцованное существо мужского пола, причем весьма этим довольное, женщины ну никак не могли. На борьбу с хроническим холостяком выдвинули тяжелую артиллерию — Татьяну Леонидовну. На ее совести числилось почти два десятка свадеб.

Она приступила к делу тонко. Невзначай замечала непорядок в форменной одежде старшины Пирогова и после этого немедля расписывала удивительную полезность жены в быту — она и пуговицы пришьет, и погладит… Пирогов мрачно молчал три дня. А потом ринулся к начальнику узла.

Подполковник Лемешев словно поджидал своего подчиненного.

— Товарищ подполковник… — запинаясь, произнес старшина Пирогов, — разрешите доложить?

Лемешев, покручивая усы, откинулся на спинку кресла.

— Ну как служба, сердешный?

— Товарищ подполковник, я так больше не могу! — выпалил Пирогов, покраснев. — Пожалуйста, куда угодно… только я в экспедиции больше не могу!

— Что так? — благодушно осведомился командир. — Служба непыльная, спокойная. А ты у нас совсем в последнее время заработался, лица на тебе нет.

— Да я свихнусь там, Иван Петрович! — уже совсем в отчаянии воскликнул старшина Пирогов. — Лучше я сто метров траншею пойду рыть под кабель телефонный!

— Хм, — притворно нахмурился подполковник Лемешев. — Я вот тут подумываю тебя на должность начальника экспедиции назначить. Рогожкина, понимаешь ли, на пенсию осенью уходит, так что…

Вид у старшины в этот момент был настолько трагический, что начальник узла его даже пожалел на мгновение.

— Так, значит, не хочешь начальником экспедиции?

У старшины Пирогова, судя по всему, силы оставались только на то, чтобы отрицательно покачать головой.

— Ладно, Николай. Насильно, как говорится, должность мила не будет. Иди обратно на телеграф. Но смотри! Если увижу, что не справляешься с нагрузкой, — мигом в экспедицию отправлю. Понял?

— Так точно! — рявкнул Пирогов, просияв от счастья. — Разрешите идти?

— Иди, иди, — пряча улыбку в усы, махнул рукой Лемешев.

С тех пор Пирогов не грустил на службе. И служил отлично.

Новогодний караул

Лейтенант Лебедев почти весь развод суточного наряда и караула не мог унять противной мелкой нервной дрожи. В первый раз заступал начальником караула самостоятельно, а не в качестве стажера. И не от страха дрожь: службу он знал отлично. Скорее от груза вдруг и сразу навалившейся ответственности за десятерых бойцов с оружием, за вещевые и РАВ склады, за весь ритуальный круговорот караульной жизни, которой все они будут подчинены целые сутки.

И хотя караульная команда подобралась из опытных солдат и толкового сержанта Голованова, все равно Дима Лебедев с тревогой вглядывался в их

раскрасневшиеся от декабрьского мороза лица — не подведут ли в новогоднюю ночь, все ли будет в порядке?

Слышал он истории о том, как солдаты засыпали на посту, убаюканные на вышке ночной тишиной. И совсем не горел желанием «поймать» провинившегося, что составляло отраду и радость, к примеру, для капитана Зеленцова, с которым лейтенант Лебедев ходил в караулы в качестве стажера. Наказывать подчиненных он не любил и испытывал гнев лишь потому, что кто-то вынуждал его к этому. «Цацкаешься с ними, цацкаешься, — усмехался Димкин ротный старший лейтенант Игорь Копытов, — а Воронов у тебя вечно с нечищеными сапогами и оторванными пуговицами. А дружбан его Казакевич из увольнения опаздывает! Дисциплину ты со своими соплями интеллигентскими не поднимешь!»

Все-то у Копытова «с плеча». Хрясь — и взыскание... Лейтенант Лебедев так не умел и не хотел.

Развод на плацу подходил к концу. Помощник дежурного по полку доложил майору Старикову, а тот привел весь строй в движение под барабанную дробь. Двое из караульной команды подхватили закрытый и опечатанный ящик с боеприпасами и шли сзади. Дима краем глаза понаблюдал за тем, как его бойцы выравнивают строй в четком шаге, и вскинул руку в кожаной перчатке к шапке ровно за пять шагов до Старикова, чуть вздернув бритый озябший подбородок.

Пройдя строевым, Лебедев отступил в сторону и тихо сказал своему сержанту:

— Командуйте, Голованов.

Сержант, придерживая за ремень автомат, отступил из строя в сторону и задорно, с залихватской армейской оттяжкой рявкнул:

— На месте-е-е стой! Заправиться. Имущество в караульном принимаем быстро, о недостатках докладываем сразу. Шаго-ом-марш!..

В голосе Голованова звучала та особая удаль, которая отличала человека сильного и веселого, когда даже приказы и команды, отдаваемые таким голосом, не заставляли вздрагивать, но ободряли.

Лейтенант Лебедев усмехнулся, почесав кончик замерзшего носа. Ему нравилось наблюдать за людьми, хорошо знающими свое дело, людьми без притворства, без рисовки. Дима знал, что сержант Голованов уже подал рапорт с тем, чтобы остаться на контрактную службу. Знал также и то, что рапорт ему подпишут. Командир полка на службу в полк кого ни попадя не брал. Каждого знал. До нутра. «Темных лошадок» испытывал и присматривался к таким долго.

Диме хотелось поднять край мехового воротника своей новенькой полевой камуфлированной куртки, но он сдержал этот курсантский порыв. Все же он командир. Начальник караула. Надо потерпеть до караулки. А туда еще дойти... Мимо автопарка, мимо маленькой теплицы и столовой, через продуваемое ледяным ветром стрельбище. Вроде и недалеко. Но вечером занепогодилось. С неба сыпалась острая снежная крошка, заставляя зажмуриваться слезящиеся глаза. Вдали виднелись фонари и вышки охраняемого периметра складов.

Лейтенант, идя рядом со строем, украдкой снимал перчатки и надувал в них теплого воздуха от дыхания. Но и этого тепла хватало ненадолго. Пока настоялись на плацу, намерзлись. Солдаты-то еще шапками, смешно сдвигаемыми то на одно ухо, то на другое, могли согреться украдкой, а офицер — нини. Положение обязывает!

— Шире шаг, — негромко скомандовал лейтенант, сдвигая кобуру с пистолетом так, чтобы удобнее было идти.

Сзади к нему приблизился сержант и спросил:

— Ужинать сегодня будете, товарищ лейтенант? Надо тогда сказать, чтобы и на вас пайку взяли в столовой.

— Нет, не надо, — качнул головой Дима. — Мать ссобойку положила. Сумка целая всяких салатов, жареного-пареного. Боюсь, и не управлюсь сам. Если что — поможете.

— Это мы всегда! — улыбнулся Голованов. — Новый год… Пацаны на торт скинулись. Ну, и газировки…

В голосе сержанта слышалась вполне угадываемая сдержанная просьба скромно, но все же отметить наступление Нового года.

— Я не возражаю. Только аккуратно. Дежурный по полку предупредил, что сам комполка придет проверять караул. И поздравить. Заодно. Ну, и начштаба явится. Так что… Сам понимаешь.

Сержант понимал. Понимал, что лейтенант молодой, что в карауле он в качестве начальника — впервой. Что волнуется и мандражирует. И что задергает солдат проверками, беспокойством своим — как пить дать. Пока не привыкнет за пять-шесть караулов, не успокоится, не отшлифует чутье и не проникнется тем ритмом напряженного спокойствия, которое позволяло и начальнику, и сержанту-помощнику, и разводящему, и постовым делать свое дело, не мешая друг другу и подчиняясь четкому ритуалу и законам караула.

Голованов вздохнул и в шутку сдвинул шапку на голове рядового Сальцова. Солдат втихомолку и тоже в шутку ткнул сержанта в бок свободной рукой.

Наконец новая караульная команда добралась до калитки в колючем заборе. Лейтенант помнил, как впервые в жаркую августовскую пору ступил сюда, чтобы пройти к складу для получения личного оружия. И тогда он быстрым взглядом оценил правильность расстановки вышек и ухоженность забора с колючей проволокой. Даже на песочке между двумя рядами «колючки» виднелись следы от граблей. Сейчас же почти все пространство было завалено снегом, а свет прожекторов кинжально упирался в важные точки на территории, на которую стремительно наползал вечерний мрак.

Они гуськом протопали в караульное помещение — низкое одноэтажное зданьице с зарешеченными окошками. Справа виднелись расчищенный стол и щит для разрядки оружия, затем светлый от инея плакат, призывавший бдительно нести службу.

В караулке было тепло. Даже жарковато. Бойлер запустили на полную катушку. Все помещения сразу наполнились деловитым топотом и шумом приветствовавших друг друга солдат. Лейтенант Лебедев менял капитана Зеленцова — неприятного Диме насмешника и болтуна.

— Кончайте обниматься! — с веселым ехидством дергал солдат Зеленцов. — В казарме не наобнимались! В темпе вальса, Голованов, в темпе вальса меняйтесь давайте! Мне еще до города шуровать. Хочу хоть Новый год по-человечески встретить! В кругу, так сказать, семьи! Эх, скока ж я тут на праздники отсидел — страшно подумать. Но молодежь идет на смену! Принимай эстафету, Димон! Пахать тебе, как медному чайнику! Зато сегодня сам комполка ручку придет пожать! Что тебе, Яковлевич? Чё? Оборвали шнур на бачке унитаза? И что? Я должен подпрыгнуть и найти тебе шнур? Нет? Что, ждали когда смена придет, чтобы носиться теперь, как в попу раненые олени, и устранять недостатки?..

Голос Зеленцова — скрежещущий, злой — был неприятен лейтенанту Лебедеву. Всякое упущение у капитана обнаруживалось почему-то в крайний момент — треснувшее в умывальнике зеркало, затерявшийся устав, прожженная чей-то сигаретой занавеска в комнате для приема пищи. И тогда Зеленцов срывался на нестрашный крик, возбуждавший лишь ненужную и бестолковую суету.

Лейтенант Лебедев вздохнул и притянул к себе журналы приема-сдачи караула…

Ближе к одиннадцати вечера Дима решил лично обойти все посты, несмотря на то что за полчаса до этого сержант Голованов обошел всю территорию. Надвинув на уши поглубже шапку, лейтенант вышел из караульного помещения в стылую ночь.

Снег морозно скрипел под берцами. В воздухе тихо кружились редкие снежинки. Дима чувствовал, как ему хорошо и уютно после чая, после караулки, наполненной тяжелым, густым теплом от бойлера. Но холод быстро пригасил радость. Как никогда, лейтенант Лебедев чувствовал сейчас свою совершенную оторванность от привычной жизни, от жизни большого полка в эту новогоднюю ночь. Они были одни. Как на подводной лодке.

Служба с оружием в руках накладывала свой неповторимый отпечаток на людей, наполняя их ощущением подспудной тревоги. Даже жители деревеньки, расположившейся совсем рядом со складами, старались обходить их стороной. Ни тропинки у колючего забора, ни следа.

На первом посту его окликнули как положено, а после постовой четко доложил — не придерешься. Лебедев мог бы покуражиться, порасспрашивать солдата, как гласят ключевые положения караульной службы. Но не стал. Эти ребята, ходившие порой по шесть-десять караулов в месяц, всегда отвечали бойко, даже с некоторой усталой лихостью.

Дима отправился к самому дальнему посту у цепочки складов, задами смотревших на деревеньку.

Постового рядового Догилева нигде не было видно. Никто не окликнул начальника караула. На обычном маршруте постовой отсутствовал...

Обойдя склады, Лебедев растерянно осмотрелся. Тугой комок на мгновение сковал горло, но тут Дима услышал хриплый шепот:

— Товарищ лейтенант! Товарищ лейтенант!

Догилев в своем белом полушубке, почти невидимый, лежал на небольшом пригорке, с которого открывался вид на длинный ряд колючей проволоки, терявшейся в ледяном сумраке, который не мог разогнать кинжальный свет бессонных прожекторов. Чуть дальше перемигивалась огоньками деревня.

— Сюда! — так же шепотом позвал его Догилев.

Дима приблизился и осторожно лег рядом, все еще пылая гневом.

— Ну? Ты что? В чем дело?

Несколько секунд они молчали.

— Слышите? — хрипло осведомился солдат.

Лебедев по-настоящему прислушался. И тут в самом деле расслышал тихий ритмичный звук. Как будто кто-то что-то пилил. Пилил совсем рядом, таясь, часто останавливаясь.

— Во-о-он там… Видите? — указал постовой на участок забора, не освещенный прожекторами. Лейтенант и сам увидел там движение. На снегу что-то шевелилось и ворочалось.

— Бегом и скрытно к телефону, — приказал лейтенант, ощущая, как адреналин разогревает пальцы и щеки. — Всех свободных — в ружье. Объявляю тревогу. Не шуметь. Будем брать…

…После короткой и по-военному профессиональной борьбы, которую солдаты провели тихо и слаженно, у маленькой и почти спиленной сосеночки, выросшей между двух рядов колючей проволоки, они распластали плюгавого небритого мужичка с недельным перегаром изо рта. Нарушитель поверх ватника накинул даже простыню для маскировки. Рваную, правда, и в глупых розовых цветочках.

У него отобрали плоскогубцы и старую ножовку по металлу. Мужичок кривился и утирал холодные слезы.

Нарушитель был доставлен в караулку.

Увидев его, сержант Голованов усмехнулся и сказал:

— Знаю его. Местный. Мишкой Дикуном кличут. Помогает иногда электрикам нашим и сантехникам. Нарожал пятерых. Хатка — шаром покати. Пьет. Ну, Мишка, ты чего на охраняемые объекты сунулся? А?

— Елочку… Елочку хотел. Детишкам, — не утирая соплей и обхватив голову руками, выл Дикун.

Оказалось, он давно присмотрел сосенку за запретным забором. Деревце, выросшее в неположенном месте, давно должны были срубить сами военные, но жалели за красоту и необычайную пышность. Дикун же, проспавшись после запоя и обнаружив, что скоро Новый год, решил сделать детям своим подарок. Оделся потеплее, одолжил у соседа плоскогубцы, чтобы проволоку перекусить, и ножовку по металлу. Ею-то он и попытался спилить сосенку.

Лейтенант Лебедев доложил о нарушителе дежурному по полку. Тот всполошился. Но когда узнал подробности, потерял интерес к происшествию и просто вызвал милицию.

А Мишка все плакал.

Когда приехал наряд милиции, Дима задержал их на несколько минут.

— Вот что, ребята, если не тяжело, заедьте, пожалуйста, к нему домой…

— Зачем? — поинтересовался усталый сержант милиции.

Лейтенант оглянулся на открытую дверь караулки.

— Голованов!

Сержант вынес небольшой пластиковый мешок. Бойцы, не сговариваясь, положили туда караульную елочку, украшенную празднично и ярко, и торт…

— Передайте его детям, пожалуйста, — попросил лейтенант Лебедев. — От новогоднего караула…

Посылка

Солдат Бабочкин получил извещение о посылке. На душе сразу стало както веселее. Даже забылся разнос начальника приемо-передающего центра за беспорядок в дизельной (где Володя проходил службу в должности старшего дизелиста).

В присланном накануне письме мать сообщала, что постаралась учесть все пожелания сына при сборе посылки. Ну или большую их часть, так как Вовкин список желаемого не умещался в коробку. Жила мать далеко, да и хворала часто, поэтому не могла наведываться к нему, как другие родители, и провозить домашних вкусностей тоже не имела возможностей. Разве что посылками…

Получив извещение, Бабочкин деловито и аккуратно сложил его и спрятал в бумажник. Он наивно думал, что информация о посылке — дело сугубо интимное, деловой секрет между ним и почтальоном рядовым Захаровым.

Но понял, что ошибся, встретив в курилке Щербакова из второй роты.

— Ну, Бабочка, слышал, посылка тебе пришла, — начал издалека рядовой Щербаков.

Вовка покосился на него, жестом попросил поделиться сигаретой и буркнул:

— Ну. И чего?

— Да вот я тут подумал… Я за тебя «на тумбочке» неделю назад отстоял. Значит, должок у нас с тобой образовался.

Деревенский, основательный и самолюбивый Бабочкин даже крякнул от досады. Он терпеть не мог долгов.

— Я ж сказал, что схожу за тебя.

— Не, дружбан. Меня послезавтра в учебный центр на три месяца отправляют. Так что никак. Сам понимаешь.

Бабочкин понял, что от долга не отвертеться.

— Ладно, завтра вечером подходи.

— Базара нет! Я конфеты очень уважаю. Шоколадные.

Посылка — такая возбуждающе таинственная и манящая, как учительница русского языка Валентина Георгиевна в их деревенской школе, — казалось, потеряла свою девственность из-за грубых домогательств Щербакова.

В казарме после обеда было тихо. Новый наряд по батальону уже дрых, завернувшись в одеяла с головой и потому походя на огромных куколок. Вечерняя дежурная смена на радиоцентр тихо ковырялась в бытовой комнате, наводя марафет перед отбытием на техническую зону.

Бабочкин сунулся в каптерку с целью выпросить у сержанта Добренького вещмешок для переноски драгоценной посылки.

— Вован! Друг! — встретил его Добренький, словно родного. — Как жизнь? Как настроение?

Бабочкин насторожился, потому что Добренький обычно устраивал ему выволочки за неаккуратное обращение с обмундированием и вообще недолюбливал за прижимистость и упрямство.

— Нормальное настроение, — нахмурился Вова и обреченно прислонился к косяку. — Мне бы вещмешок, Ген.

— А! Вещмешочек, значит? Зачем? — благодушно поинтересовался сержант, откинувшись на спинку стула.

Бабочкин ощутил, что с ним играют, словно кошка с мышкой.

— Принести надо кое-что.

— Что, откуда и куда? Не могу же я просто так, с бухты-барахты выдавать казенное имущество. Меня старшина за это живьем съест. И не подавится.

— Ну, посылку принести с почты.

— Посылку? Хор-р-р-рошее дело, Вован! Чудесное! Небось, сальце-то мамка прислала?

— Не знаю, — буркнул Вова. — Надо посмотреть.

— А скажи мне, Бабочка, помнишь ли ты тот солнечный день, когда ты слезно просился в наряд по столовой, чтобы не ехать на разгрузку угля? И как я за тебя словечко старшине замолвил?..

Драгоценное содержимое посылки, которой он еще даже не видел, таяло на глазах. Бабочкин делиться не любил, и все это знали. Но жить в коллективе совсем одному, совсем без чьей-то помощи — гиблое дело. Тонкое переплетение «долгов» и «услуг» казалось таким естественным, что почти никто ни о чем не напоминал. Просто оно сидело в памяти и побуждало к ответу по доброй воле.

Бабочкин видел, как другие ребята, которым приходили посылки, делили почти все съестное в столовой между собратьями-сослуживцами. И за это их не благодарили, а принимали как подарок — с радостью. Так было надо. И так было правильно. Рядовому Бабочкину это казалось глупым, хотя он и сам не отказывался от кусочка сухой колбаски, конфет, варенья, достававшихся от раздела чужой посылки.

А вот свою посылку Вове было жалко. Свое же! Кровное…

На следующее утро рядовой Бабочкин сходил на почту и получил весомую хорошо упакованную коробку, на которой материным почерком был написан адрес его воинской части. Скрепя сердце, он «отоварил» должок Щербакову и Добренькому. А потом трусцой двинулся на техзону к дизельной. Имелась

у него там «нычка» надежная, никому, как ему казалось, неизвестная — в кабельной шахте. Нашел ее сам, приладил ящичек закрывающийся. Стоило только открыть люк, нырнуть туда, нашарить крышку и достать необходимое. Здорово!..

В дизельной разморило Вовку от тепла. Пахло родной соляркой, к которой Бабочкин был привычен еще в совхозе на машинном дворе.

Поздоровавшись с салагой, которого ему следовало сменить вечером, Вовка пристроился в дежурке у окна и развернул письмо от матери.

«Дорогой сыночек мой Володенька!

Сразу хочу спросить: как здоровье твое, как кушаешь, не обижают ли тебя командиры?

Напиши еще, как дошла до тебя посылочка. Конфет «Мишки» у нас в магазине не было и «Грильяжа» тож. Купила «Аленку» и «Арахисовых». Мыла хорошего дорогого тебе прикупила и одеколону. В город даже ездила. Такого, как ты хотел, у нас не было. Зарплату нам в этом месяце хорошо насчитали, и потратила почти все. Сальце и колбаску передала тебе тетя Люба. Какое ты любишь. С тмином. Должны хорошо дойти. Не испортятся. Печенье положила и пряничков. Медку и малинового варенья уложила в старый дедов носок, чтобы не побились. Ты уж отпиши, не треснуло-то?

Тетя Люба привет тебе большой передавала. Все охает, что такой был маленький, а уж солдат…»

Дальше на двух страничках из ученической тетрадки шли мамкины всхлипывания, приветы от родственников и просьбы слушаться командиров. Читать их Вовка не стал. Все одно и то же. Перечел только список присланного в посылке. Мало ли. Почтари эти — народ ушлый. Глаз за ними да глаз... В маленьком конвертике нашел и несколько купюр, которые с удовольствием спрятал в грязный старый бумажник.

Из экономии Бабочкин даже не покупал сигарет, предпочитая «стрелять» их у сослуживцев. Деньги все откладывал. Расписываясь в ведомости за солдатское свое немудреное жалованье, тут же сдавал старшине на хранение. В долг не любил ссужать. Если просили, молча вытаскивал бумажник и красноречиво обнажал его пустое сальное нутро — на, мол, бери, сколько найдешь. Да у него и не просили. «Жилка ты, Бабочка», — легонько корили Вовку солдаты, частенько подтрунивая над невиданной его прижимистостью. У него даже мобильного телефона не имелось. Все просил позвонить у других.

…Время к ужину подкатилось быстро. Идя в строю к столовой, Бабочкин уже представлял себе, как вечером, когда останется один на дежурстве в дизельной, вскипятит чайку, вытащит из «нычки» баночку своего любимого варенья да заточит с горбушкой белого ноздреватого столовского хлеба. Ну, может, и колбаски чуток. Самую малость. Чтобы надолго хватило. Сальце-то уже ополовинил сержант Добренький…

Войдя в столовую и получив свою порцию, Бабочкин со своим подносом хотел уже было сесть за стол, но замер.

Щербаков и Добренький, посмеиваясь, делили на всех «должок», который сами же истребовали с него утром. А на краю стола Вовка увидел… свою посылку. На коробку, которую он спрятал в дизельной днем, казалось, никто внимания не обращал. Но она бросалась в глаза так явно, так обличительно, что ярость уступила место жгучему, ядовитому стыду, которого Вовка не знал до сих пор.

— Садись, Вован! — подвинулся Добренький, похлопав по скамейке. — Классное сальце! И конфетки — самое то к чайку!..

Бабочкин медленно сел, вздохнул глубоко — и полез в коробку. На столе появились домашняя колбаска, пряники, печенье, варенье. Угощение было

встречено одобрительным ревом солдат. Вовка, красный и молчаливый, кромсал ножичком колбасу и сало, чтобы всем досталось.

…Ему не припоминали потом эту злосчастную посылку. Но сам-то Вовка Бабочкин помнил. И всякий раз смуглые его щеки горели.

Аншлаг

К Новому году в полку решили подготовиться основательно. Новый заместитель командира части решил проявить все свои пока еще скрытые от личного состава таланты и пошел по подразделениям с твердым намерением сделать всем хорошо. То есть заставить отчаянно сопротивляющихся солдат и сержантов сыграть в лично им написанной пьесе, под названием «Новогодние приключения Золушки».

Вообще подполковника Зорина всегда угнетала мысль о том, что в нем погиб талантливый драматург. И потому время от времени Зорин являл на свет божий шедевральную пьесу. Чтобы театральный мир не забывал его и ужасался потере такого дарования.

«Золушка» в интерпретации подполковника Зорина оказалась весьма фривольным попурри, в котором присутствовали герои из разных сказок, былин и голливудских блокбастеров. Этот офицер очень гордился буйством своей фантазии, которая могла свободно плескаться (к его сожалению) только в свободное от службы время. Немногочисленные праздники давали Зорину вполне законное право явить себя во всей красе.

Сценическое воплощение пьесы сразу натолкнулось на подводные камни. Если солдаты и сержанты более-менее охотно соглашались играть Деда Мороза, Лешего, Робокопа, Лесника, Короля или Принца, то женские роли они отвергали категорически. А со слабым полом в их родной воинской части было малость туговато. Ну не играть же Золушку жене командира полка Зое Петровне — даме солидной со всех сторон и необъятной, как река Волга!.. Можно было бы привлечь на эту роль полкового юриста старшего лейтенанта Людочку Киселеву, но у нее скоро намечалось прибавление в семействе, что придало бы нежелательную пикантность сценам с Принцем, в которых она должна была бы играть.

Подполковник Зорин хотел привлечь фельдшера медпункта Рогозину, но скоро отказался от этой мысли, потому что даже при всех фантастических возможностях современного макияжа она никак эту роль не потянула бы.

Оставались только упрямые солдаты… Зорин основательно подготовился к серьезному разговору с личным составом о новогодней пьесе. Сделал выписки из истории. Мол, в Англии когда-то все роли (в том числе, конечно, и женские) играли мужчины — и никто на них пальцем потом не показывал. Военнослужащие встретили эту интересную информацию гробовым молчанием. Все прятали взгляд и делали вид, что праздник, воленс-ноленс, проходит мимо. А подполковник Зорин развернул яркую картинку всеобщего новогоднего веселья, которое непременно случится, но только если пьеса «Новогодние приключения Золушки» будет поставлена на сцене их гарнизонного клуба. Восторги публики Зорин брал на себя. Как и поощрительные меры для добровольных актеров.

Будущая труппа, перед которой разворачивались такие блестящие перспективы, продолжала упорствовать. Солдаты не хотели такого счастья.

Когда стало понятно, что «пряники» не помогают, взволнованный подполковник Зорин выложил перед аудиторией новогодний план «Б». Применение его грозило превратить почти весь личный состав в настоящих, а не театральных Золушек. Одна его часть должна была отправиться в наряд по

столовой, вторая — на разгрузку угля, третья — на грандиозный ПХД в гарнизонный клуб.

Аудитория ошеломленно загудела. Никто не ожидал такого коварства от нового зама. Все сначала принимали его за чудака, неспособного и муху погубить. Теперь же, справедливо решив, что для нового начальника нет ничего святого, все решили не будить лихо упрямством.

Труппу организовали быстро. Главные роли распределились за минуту. Золушку согласился играть рядовой Родионов — худощавый, с подростковым румянцем на чистых щеках солдат, любивший рассказывать анекдоты сомнительного содержания и петь под гитару неприличные песни о любви. Роль злой Мачехи досталась сержанту Добриянцу — упитанному молодцу, работавшему «на гражданке» в кузнечном цеху. А роли дочерей Мачехи удачно распределились между солдатами-близнецами Найденовыми.

Остальные роли тоже скоренько разобрали — только бы не оказаться в наряде по столовой на Новый год. К репетициям приступили в ближайшие выходные дни.

Подполковник Зорин возложил на себя и режиссерский крест. Офицер не доверил сценическое воплощение своей пьесы рядовому Василькову, который два года учился на режиссерских курсах. Вручать бразды правления всем праздником молодому солдату было по меньшей мере недальновидно. Особенно когда автор пьесы — подполковник… Субординация в армии — первейшее дело, и пренебрегать ею не стоило. А чтобы совсем не обижать Василькова, ему была поручена роль горничной при королевском дворце.

Репетировали поначалу вяло и неохотно, надеясь на то, что подполковник Зорин разглядит в актерах необоримую бездарность. Но начальство уловку быстро раскусило и снова напомнило про план «Б».

Труппа постепенно прониклась пьесой Зорина. Золушка-Родионов освоил азы театрального травести и научился кокетничать. Мачеха во время пауз говорила басом и качала бицепсы походной штангой. Дочери-Найденовы проявили смекалку и предложили использовать в пьесе пиротехнику. Братья до армии, оказалось, торговали этим товаром и представились подполковнику-режиссеру большими специалистами в этом вопросе. Зорин одобрил. Ведь его пьесе недоставало карнавального блеска и шума. К тому же ему хотелось отвлечь внимание публики от бедных декораций, на которые офицер выделил два рулона обоев, оставшихся от ремонта квартиры, и рулон золотистой фольги, которую он реквизировал в каптерке у старшины Дудка.

С костюмами вышло удачнее. Для Золушки создали два дизайнерских платья — выходное (оно же бальное) и будничное (оно же Пните-Меня-Жалкую-Побирушку). Для Мачехи жена комполка Зоя Петровна выделила веселенький чехол от дивана с почти аристократическими кружавчиками (при ближайшем изучении он, впрочем, оказался старой ночной сорочкой). Для Короля подполковник Зорин пожертвовал свой старый китель. К кителю прикрепили фальшивые ордена, звезды и реквизированные у кого-то дембельские аксельбанты. То же самое проделали с фуражкой. Когда Король впервые облачился в театральный реквизит, он почему-то стал напоминать одного советского генсека.

По ходу репетиций неожиданно выяснилось, что Мачеха-Добриянец питает к Робокопу-Лавочкину инстинктивную неприязнь. Поэтому труппе приходилось часто разнимать их и держать подальше друг от друга.

— Я тебе потом твою гайку выкручу, — угрожала Мачеха.

— Ты сначала косынку потуже завяжи, — ехидно огрызался Робокоп.

Ближе к генеральной репетиции братьям Найденовым пришла посылка. В ней были бенгальские огни и странного вида хлопушки. Подполковник Зорин, сделав страшные глаза, пригрозил дочерям Мачехи большими непри-

ятностями в личной жизни, если хоть одна искра не туда упадет… Найденовы уверили, что дело свое знают, и попросили три дополнительных огнетушителя. На всякий случай.

Премьера началась при полном аншлаге. Публика, разогретая слухами, жаждала зрелищ и готовилась узнавать актеров. Маленький зал немедленно согрелся от дыхания любителей высокого драматического искусства.

Подполковник Зорин сидел за синтезатором — он сам подготовил и все музыкальное сопровождение пьесы. И очень переживал за то, что актеры забудут слова или уроки его режиссуры.

И вот занавес раздвинулся…

Новогодняя фантасмагорическая пьеса предполагала похищение Золушки Снежной Королевой в сговоре со злой Мачехой накануне Нового года. Вся коллизия строилась вокруг того, что Дед Мороз, Робокоп, Принц и Лесник должны были непременно выручить замороженную в хрустальном гробу Золушку, иначе миру не видать Нового года как своих ушей.

Коварный тандем Снежной Королевы и злой Мачехи всячески мешал поискам, устраивал пакости с помощью колдовства и Лешего. Особый восторг публики вызывала реплика Мачехи во втором акте, брошенная Золушке: «В гробу я тебя видала!» Колоритный сержант Добриянец, бас которого угадывался даже под женским париком и макияжем, вызывал в зале шквал оваций. Немотивированная любовь публики к вредному персонажу заставляла Золушку в досаде кусать губы и делать в адрес своей Мачехи неприличные жесты. Ну а Мачеха, игравшая мускулами, переигрывала даже Принца — признанного в окрестных селениях красавца старшего сержанта Дубовца.

Публика неистовствовала, наблюдая за развитием любовной линии. Комполка от смеха стал потихоньку покрываться лиловыми пятнами. Его супруга Зоя Петровна давно спрятала лицо в платок и там рыдала.

По ходу пьесы Снежная Королева и Мачеха время от времени бросали в других персонажей магические бомбы, которые лопались с треском и искрами. Внештатный пожарный полка сначала сидел как на иголках и в какой-то момент хотел было остановить представление, но Найденовы действительно знали свое дело — все искры гасли в воздухе.

Подполковник Зорин в душе ликовал. Праздник удался, даже несмотря на первоначальное сопротивление личного состава. Офицер еще раз утвердился в мысли, что доброе дело всегда тормозится пассивными людьми. Но любой праздник стоит затраченных усилий, если расшевелить народ.

Пьеса приближалась к концу. Вот-вот герои должны были спеть все вместе новогоднюю песенку о добре и любви… Зорин начал было облегченно вздыхать.

Но тут в дело пошли петарды братьев Найденовых. Одна из них сверкнула в воздухе — и, метнувшись вверх, подожгла по пути сверкавшую елку, ватную бороду Деда Мороза, а затем ударилась в древнюю и давно не работавшую цветомузыку. Скучный почтовый ящик, исполнявший в 1970-е годы роль цветомузыки, радостно ожил и, сверкнув напоследок всеми цветами радуги, приземлился прямо на макушку главного режиссера. Зорин охнул и сполз под синтезатор… «Убью гадов», — нехорошо подумал он про братьев Найденовых.

После того как внештатный пожарный вместе с актерами погасил начавшийся костер из елки и бороды, все стали приводить в чувство подполковника Зорина, уютно отдыхавшего на полу.

Как только он открыл глаза, зал взорвался аплодисментами. Это был лучший момент в жизни Зорина. Праздник — удался.

Новогодний сюрприз для командира

Перед самым Новым годом девушки, работавшие в штабе маленькой воинской части, решили устроить новогодний сюрприз для командира. Девушки, вообще-то, сказано громко — все замужние дамы. Одна только молоденькая начальница строевого отделения, но и та скоро обещала выйти замуж, чтобы не мозолить другим глаза счастьем беззаботной девичьей жизни.

В обед все пятеро заперлись от посторонних глаз в строевой и за чаем принялись строить командиру праздничные козни. Командир был строгим и держал подчиненных в ежовых рукавицах. Сюрприз, по мнению женской половины личного состава, всегда готовой непринужденно впасть в романтические бредни, должен был растопить холодное командирское сердце и сделать из гордеца приличного мужчину. «Или хотя б взыскание с меня снял бы!» — с надеждой поделилась сокровенным телефонистка Валя, которая всего месяц назад сподобилась опоздать на службу всего на каких-то полчаса и была немедленно упомянута в приказе.

Чаепитие и козни начались с глубокого и вдумчивого молчания. Каждая ждала, что предложит другая товарка. Блестящие идеи висели в воздухе, как смог. Но все опасались неадекватной реакции нового командира после реализации идей. Майор Голиков приехал в их городок один, без супруги, словно в командировку. Супруга его жила в столице и, судя по всему, ехать в их захолустье не захотела. Может быть, именно поэтому командир части был всегда мрачен и скор на расправу с невинными подчиненными.

— Ну что, девочки, — начала бухгалтер из тылового обеспечения Зоя Ивановна, — предлагайте!

— Да! — встрепенулась лейтенант Дымкова, заведовавшая строевой. — Надо что-то интересное придумать. Необычное! Подарим ему роскошный букет. А что? Мужчины тоже цветы любят и так смешно смущаются…

— Нет, — решительно смахнув со лба непослушную челку, сказала секретчица Анжела Викторовна, томно затягиваясь тонкой сигареткой у широко открытой форточки. — Мы же его не смущать хотим, а радовать. Мг-мг… — Она красноречиво поправила кофточку на выдающемся бюсте. — С обрадованным мужчиной, как правило, легче иметь дело. Обрадованный мужчина чуть меньше свинья, чем обычно.

Все понимающе хихикнули. Анжела Викторовна знала толк в мужчинах. Она три раза была замужем и не собиралась останавливаться на достигнутом.

— Только не начинай свои штуки, Викторовна! — поморщилась Татьяна из вещевой службы. — Хватит и той истории с молоденьким начпродом! Он же тебе в сыновья годится!

— Не годится! — покачала головой Анжела Викторовна, сняв с ярко накрашенных губ невидимую соринку. — Для сына он слишком… настойчивый.

— Ага, конечно! — вздохнула телефонистка Валентина, прихлебывая кофе. У нее у самой были виды на молоденького начпрода, посвященного в мужчины Анжелой Викторовной всего месяц назад.

Анжела подбоченилась и хотела было ринуться в психологическую атаку, но другие не дали разгореться всем известному конфликту интересов. Дамы снова начали обдумывать план поздравления командира части. Все очень жалели вынужденного холостячить майора Голикова и желали хоть как-то по-праздничному скрасить его горькое мужское одиночество.

Неожиданно для всех тихая бухгалтерша Зоя Ивановна предложила театрализованный стриптиз и танец живота. Все взглянули на Зою Ивановну

новыми глазами и поняли, что поговорка «в тихом омуте…» имеет вполне реальное воплощение. После непродолжительных раздумий этот вариант поздравления отвергли. Особенно видя живейший интерес Анжелы. И особенно после ее клятвенного обещания научиться и тому и другому за пару дней. Никто не хотел бросать на беззащитного командира Анжелу, загоревшуюся стриптизом. Анжела Викторовна вся в арабской органзе — у майорши Голиковой не было бы никаких шансов. Дамы же хотели просто поздравить майора Голикова с Новым годом, а не разрушать ячейку общества, пусть даже в вынужденной разлуке.

Телефонистка Валентина со своей стороны предложила испечь большой новогодний торт и от души накормить командира. Каждая тут же предложила свою рецептуру, в результате чего вся компания чуть не перессорилась. Зоя Ивановна тогда сказала, что слышала однажды, что их майор терпеть не может сладкого.

Анжела Викторовна, смирившись с тем, что танца живота в их гарнизоне подруги из зависти не допустят ни за что на свете, внесла коварное предложение исполнить всем вместе перед командиром танец белых лебедей. Все сначала замерли, оценивая шансы друг друга. Если лейтенант Дымкова еще была способна сойти за лебедя в пачке, а Валентина могла бы затянуть себя корсетом, то Зоя Ивановна в той же роли способна была привлечь только охотников за крупной дичью, нежели взыскательный мужской взгляд.

Татьяна в свою очередь, подумав, решила раздвинуть границы возможного, не бояться экспериментов, и внесла на рассмотрение честной компании простенькое, но оригинальное предложение: переодеться Снегурочками и спеть майору Голикову хором «В лесу родилась елочка».

Идею оценили положительно. Она никому не давала преимуществ. Была незамысловата и в то же время оригинальна и не требовала больших затрат. Песенку тут же разобрали на куплеты.

На следующий же день женский хор приступил к репетициям. Репетировали вечерами на конспиративных квартирах, то есть поочередно у каждой дома. Татьяна из вещевой службы руководила сюрпризом. Но хор никак не мог спеться. Зоя Ивановна произносила слова песни почти басом. Анжела Викторовна, желая во всем достигать совершенства, безуспешно строила из себя оперную диву. Телефонистка Валентина, манкируя своей партией, что-то пищала себе под нос. Лейтенант Дымкова, пребывая в предвкушении замужества, время от времени впадала в мечтательность и забывала вступать со своим куплетом в общую дисгармонию.

Татьяна, когда-то учившаяся в консерватории, материла хористок беспощадно, но толку добиться так и не смогла. Через три дня хор перессорился друг с другом вдрызг. Начали с обсуждения вокальных данных друг друга, а закончили поминанием таких грехов, о которых в их маленьком городке только шептали. Разгавкавшись, подруги затаили друг на друга смертельную обиду. Но… никто не забыл о конечной цели — о сюрпризе для майора Голикова.

В тот короткий предпраздничный день у командира было хорошее настроение. На выходные он собирался отправиться в столицу к семье. Чтобы подписать текущие документы и приказы, он вызвал из строевой лейтенанта Дымкову. Та не замедлила явиться. Но в каком-то странном наряде. Начальник строевой была в костюме, который по некоторым признакам должен был символизировать Снегурочку — в нежно-голубом халате своей мамы, в валенках, рукавицах и в синей лыжной шапочке с помпончиком. Снегурочка Дымкова рдела от смущения.

— Товарищ майор… Сергей Алексеевич! Поздравляю вас с наступающим Новым годом! — выпалила она, предваряя все вопросы. — Желаю вам всего-всего! Примите от меня эту новогоднюю песню:

В лесу родилась елочка,
В лесу она росла,
Зимой и летом стройная, зеленая была.
Зимой и летом стройная, зеленая была!

Майор Голиков с некоторой неловкостью выслушал песню до конца. Если бы не праздник, такая самодеятельность в его кабинете не осталась бы безнаказанной. Он оценил искренность исполнения и попросил оставить папку с документами на столе. Дымкова, гордясь своей смелостью, покинула командирский кабинет.

Через несколько минут майор Голиков был отвлечен от документов новым стуком в дверь. Не поднимая взгляда, он разрешил войти.

В дверях подозрительно зашуршало. В кабинет просочилась Зоя Ивановна, судя по всему, тоже изображавшая из себя Снегурочку. Она была в широком белом пальто, подвязанном блестящей мишурой, в сверкающем кокошнике и с неизвестно откуда явившейся длинной русой косой. Снегурочку лепила щедрая рука. На щеках Зои Ивановны горел неестественный макияжный румянец. Дышала она тяжело и взволнованно.

— Сергей Алексеевич! Дорогой! Поздравляем вас с Новым годом! Желаем, чтобы вы не скучали без своей семьи!

«Уже», — откидываясь на спинку кресла, подумал Голиков, несколько озадаченный таким наплывом Снегурочек.

— Примите от всех нас песню! — радостно сообщила Зоя Ивановна и запела странным басовитым речитативом: — В лесу родилась елочка! В лесу она росла!

Выслушав уже знакомую концовку, майор Голиков лично проводил Снегурочку до двери, поблагодарив за исполнение и сказав, что в жизни не получал такого удовольствия от новогоднего поздравления. Зоя Ивановна, шурша мишурой, уплыла, весьма собой довольная.

Командир нахмурился, тряхнул головой и снова принялся за документы. Потом сделал несколько важных звонков.

После этого раздался новый стук в дверь.

Майор Голиков вздрогнул и позволил вторгнуться.

В кабинет проникла целая делегация — трое хмурых мальчишек разбойничьего вида в маскарадных костюмах Зайчика, Мишки и Поросенка. Ими командовала Татьяна из вещевой службы. Она была в настоящем костюме Снегурочки (все же годы исполнения этой роли в городской самодеятельности не прошли даром).

Так как приволочь в командирский кабинет недовольный зверинец для сюрприза, судя по всему, было очень непросто, Татьяна была бледна и зла. Пытаясь улыбаться, она начала хорошо поставленным голосом детсадовских утренников:

— А вот и мы! Пришли из самого дремучего… Петя, не ковыряй в носу!... дремучего леса, чтобы поздравить с Новым… Дима, стой спокойно!... с Новым годом нашего дорогого Сергея Алексеевича! Правда, дет… Ой! Саша, сынок, не бери это в рот!.. Желаем нашему Сергею Алексеевичу исполнения всех его заветных желаний в новом году! Дима, не вертись, я тебе сказала!.. А теперь мы исполним для Сергея Алексеевича веселую новогоднюю песенку! И-и-и-и! — взвизгнула она, взмахнув руками.

Дети, с ненавистью глядя на ошеломленного дядю за столом, нестройно заканючили: «В лесу родилась елочка, в лесу она росла…»

Сама Татьяна вступила со второго куплета, огласив кабинет раздраженным контральто:

— Метель ей пела песенку:
«Спи, елочка, бай-бай!»
Мороз снежком укутывал:
«Смотри, не замерзай!»

Голиков съежился, не зная, как реагировать на представление.

На четвертом куплете Зайчик начал шумно хныкать, после чего разревелся. Мишка и Поросенок, глядя на него, тоже бросили пение. На их лицах читалось отчетливое желание последовать примеру рыдающего Зайца. Измученная Татьяна подхватила его и, не прощаясь, вывела всех «животных» вон. Дверь с шумом захлопнулась.

Майор Голиков потер лоб, не в силах понять, что происходит с женской половиной коллектива. Он уже хотел было вызвать начальника штаба, но в трубке кто-то шумно вздыхал. Это оказалась телефонистка Валентина.

— Что такое? — спросил Голиков, каким-то наитием догадываясь, что сейчас услышит.

— Сергей Алексеевич! Простите, это Снегурочка… От всей души… Поздравить… Вас… С Новым годом! Песня в подарок!

Трубка донесла какой-то мышиный писк, в котором все же угадывалась трагическая история елочки, родившейся не в том месте и не в то время.

— Достаточно, — процедил сквозь зубы майор Голиков, ощущая в правом глазу нервный тик. — Вы издеваетесь, товарищ ефрейтор контрактной службы?

— Никак нет, — испуганно отозвалась трубка, не ожидавшая такой реакции на сюрприз.

— Тогда занимайтесь службой!

Командир бросил трубку и посмотрел на дверь. Всего лишь на мгновение в его голове мелькнула паническая мысль о том, что неплохо бы запереть ее на ключ. Страшно было представить, кто еще постучится. Он не знал что и думать по поводу происходящего.

Еще через мгновение Голиков почти пожалел о том, что оставил дверь незапертой.

Если и был в мире сексуальный стук, то он был продемонстрирован Сергею Алексеевичу в полной мере.

— Я занят! — успел крикнуть он, но новая Снегурочка все же вошла.

Анжела Викторовна постаралась предстать перед поздравляемым во всей красе. Она готовилась к этому триумфу два дня. На ней были ажурные белые чулки, развязный, приоткрытый спереди кринолин, белые перчатки, белая песцовая шубка и диадема с кристаллами Сваровски (одолженная у торговки-подруги).

— Доброе зимнее утро, — сказала Анжела Викторовна глубоким грудным голосом. — Я — Снегурочка, которая пришла поздравить вас с Новым годом.

Снегурочка очень походила на женщину легкого поведения, но у Голикова уже не было сил бороться с очередным сказочным персонажем. Он решил расслабиться и получить очередной сюрприз.

Анжела Викторовна стала в позу и запела. Причем так, как Мэрилин Монро пела президенту Кеннеди «С днем рождения» — проникновенно и интимно. «Елочка» в исполнении очередной Снегурочки впервые в своей истории обрела оттенок квартала Красных фонарей.

— И вот она, нарядная,
На праздник к нам пришла,
И много, много радости детишкам принесла.
И много, много радости детишкам принесла, —

допела Анжела Викторовна, не ожидавшая такого ледяного приема.

— Все? — спросил Голиков.

— А что, понравилось? Могу спеть на бис, — улыбнулась Снегурочка, кокетливо играя с темным локоном.

Майор молча натянул бушлат, схватил шапку.

— Строевой смотр. Через три дня. И что б все как одна! По полной форме!

«Вот и делай после этого людям сюрприз», — подумала Анжела Викторовна, оставшись одна.

Главное — улыбочка!

Корреспондент военной газеты прибыл в бригаду связи, как всегда, невовремя. Удивительно, как некоторым журналистам удается выбрать такие моменты, чтобы задавать вопросы людям именно тогда, когда они очень заняты…

Бригада почти в полном составе засела в автопарке и готовила технику к зиме. Корреспондент, рыская алчным взглядом по окрестностям в поисках фактов, энергично отмел тактичные попытки майора Любшина увлечь себя в теплый кабинет на чашечку чая.

— Не время, не время, товарищ майор! — морщился гость, центруя объектив своего фотоаппарата на фигуре майора. — Улыбнитесь!..

Любшин робко ухмыльнулся, с тоской думая о том, как бы поскорее сбыть этого корреспондента с рук.

— Нет… Лучше не улыбайтесь, — расстроился пришелец с фотоаппаратом. И начал командовать: — Сделайте гордое лицо! Повернитесь чуть вправо… Хорошо! А теперь мне нужны ваши солдаты. Самые лучшие. Соль, так сказать, бригады.

— Так они все в автопарке, — пояснил майор Любшин. — Сегодня день технического обслуживания, они занимаются подготовкой техники к зимнему периоду эксплуатации.

— Прекрасно! Будни солдата! Нелегкий ратный труд! Твердые рабочие руки с заскорузлыми пальцами!.. — дребезжал корреспондент. — Красивые, молодые, одухотворенные лица, чумазые от смазки! С такими лицами техника будет всегда в боевом строю! Не подведут!.. Отлично, идемте в автопарк.

Майор Любшин вздохнул и повел неуемного гостя к «одухотворенным лицам». По пути он думал о том, кого конкретно можно было бы отметить в военной газете.

Ну, положим, сержанта Анатолия Орлова… Любую машину с закрытыми глазами реанимирует, факт! На него комбат буквально молится. Еще можно рядового Остапчука, отличного телеграфиста. После учений осенью у него одни благодарности от командования. В ту же команду передовиков стоит добавить, наверное, водителя-электрика Вадима Алексеенко. Тоже ас в своем деле…

«Соль» бригады была рассыпана по разным подразделениям и, соответственно, по разным боксам в автопарке. Все были при деле. Возле боксов курились уютными дымками палатки для обогрева личного состава. Туда время от времени забегали греться солдаты и прапорщики.

Чтобы быстрее найти героев будущего материала, майор Любшин захватил с собой дневального из наряда по автопарку. Тот был в обычной боевой куртке и со штык-ножом на ремне, а не в «дэдээске» со специальными свето-

отражающими полосками (в такую подменную форму были одеты все солдаты, обслуживающие технику).

Сержанта Орлова обнаружили и вытащили из-под капота «Урала» в боксе батальона связи и привязки. Корреспондент мгновенно вручил ему большой разводной ключ и заставил улыбнуться.

На лице Толика появилось выражение мучительной радости. Это выражение лица совсем не устроило военного журналиста. И вообще, сержант Орлов его чем-то неуловимо беспокоил. Оказалось, что рабочая форма одежды сержанта не отвечала эстетике великого фотографического искусства. «Чумазое от смазки» Толино лицо и разводной ключ почему-то никак не хотели вписываться в концепцию «ратных будней».

Корреспондент вертел Орлова в разные стороны — и все никак не мог удовлетвориться ракурсом.

— А! — воскликнул, наконец, гость, подняв палец и дав понять, что его посетила мысль. — Товарищ сержант, раздевайтесь! Э-э-э… В смысле, поменяйтесь куртками с товарищем дневальным. И шапочку тоже возьмите у него. Она почище будет.

Смена костюмов на сцене была произведена почти моментально.

— Отлично! Вот теперь — бравый молодец! Одет по всей форме! — обрадовался корреспондент. — Улыбка! Внимание, снимаю!..

Рядовых Алексеенко и Остапчука тоже нашли быстро. Оттерли корреспондентским платком от мазута их одухотворенные лица, переодели поочередно в чистенькую куртку дневального — и сфотографировали.

Корреспондент был доволен.

— В ближайшую среду в номер поставим! — пообещал он, потрясая руку майора Любшина на прощание. — Материал так и назовем: «Бравые ребята в автопарке». Будни солдата! Нелегкий ратный труд! Главное — улыбочка!..

Алексей КЛАКОЦКИЙ

Да взметнутся в небо мотыльки

* * *

Картины прошлого… картины давней сказки.
Сюжет и стиль — просты и ныне вряд ли в моде.
Ты был с природой обходителен и ласков,
ты отыскал в ней то, что лишь душой находят.

Ты далеко уже… судьба… года бежали…
часы спешили, не давая спать кукушке.
Мой юный друг, прошли те дни… немного жаль их…
Ты отдал мне свои мечты, стихи, веснушки.

Мне пересматривать картины дальних весен
во снах случается на каждый лунный праздник.
Я повзрослел, я ради будущего бросил
тебя, твой мир, который ныне душу дразнит.

Ну что сказать тебе? Тревожь воспоминаньем:
чернику рви, за махаоном в поле бегай…
Мой милый друг, приходят ангелы за нами
из тишины с большими крыльями из снега.

Вот так судьбой дано, так истина глаголет,
чтоб слуги времени делили жизнь на части
и чтобы нас с тобою сны сводили в поле
делить одно несуществующее счастье.

* * *

Каждый стих по-прежнему случаен,
каждый стих о чем-то дорогом.
Строки входят с первыми лучами,
а порою — темными ночами
из глубин души в тетрадный дом.

Есть свои виденья на рассвете,
под луной печальный есть рассказ:
он и в самом грустном виде светел,
как слеза, которой ты ответил
на слезу навек любимых глаз.

Не гони, не черкай слишком много,
пусть открытой будет дверь в тетрадь
для того, кого назвал ты богом,
для того, кого сюда дорога
привела твой разум врачевать.

* * *

Эх, стихи, летящие на свет,
мотыльки безумные и пестрые,
кружитесь вы там, где солнца нет,
прилетев с неведомого острова.

Я и сам уж сердце за стекло
поместил, чтоб мыслить хладнокровнее,
обо всем забыл, что отцвело
и о чем вы ныне мне напомнили.

Есть миры ребенка и юнца
на лужайках с шумными стрекозами
и вот этот город без конца,
глубиной душевной не опознанный.

Коль родился, будь готов гореть,
отцветая розой или клевером.
Есть на свете ласковая смерть,
и в судьбу неласковую верю я.

Да отхлынут волнами реки
от души нектары золотистые,
да взметнутся в небо мотыльки,
рассыпаясь солнечными искрами.

Как чудн*о* познать в расцвете лет
глубину волнующего творчества!..
Потому стихи летят на свет,
что тепла всему живому хочется.

Михаил ЛУЧИЦКИЙ

Девушка из Великого Китая

Рассказ

Сидели с дочкой перед компьютером, смотрели бои. На видео мои ученики боксировали на чемпионате страны по ушу сань-шоу.

— Ну как, понравился бой? — спросил я про схватку, в которой «мой» вырвал победу.

— Очень! — сказала доча. — А теперь давай рисовать тигра!

— Еще один бой посмотрим и нарисуем. Хорошо?

— Ну ладно! — согласилась Янка.

Поединок моего легковеса с «мухачом» из «Синь-тяо» она посмотрела позевывая.

— А этот бой тебе понравился? — поинтересовался я и получил прямой ответ:

— Нет.

Любопытно, что может понимать в сань-шоу, где используются и боксерские, и борцовские приемы, девчонка, которую я час назад привел из детского сада?

— Там тебя не показывали.

Оказывается, ей интересно ждать, когда же в кадре промелькнет отец, а не то, как двигаются, атакуют и защищаются бойцы.

— Давай самый последний бой посмотрим и пойдем рисовать, — попросил я, и доча согласилась.

Меня показывали. Вот я с умным видом шепчу в ухо спортсмену. Вот с поилочкой суечусь вокруг бойца. Вот отчаянно размахиваю полотенцем между раундами. А вот гордо стою с таким лицом, будто это я выиграл поединок.

— Папа, а почему ты не боксируешь? — спрашивает доча.

— Я-а-а… Ну… — что ответить? Мне сорок с хвостиком. Свои победы и травмы я оставил в прошлом, и надо выбирать — или боксировать, или тренировать...

— Давай я тебя научу! — говорит доча и спрыгивает с моих колен. Она принимает боевую стойку. Кулачки на макушке, как ушки у зайчика, но левая ножка разгружена от веса тела, как я и требую от спортсменов, и слегка пританцовывает носочком.

— Вот так! Вот так! — дочка показывает, как надо бить руками, и забавно выставляет ладошки вперед. Я старательно повторяю за ней, но она недовольна.

— Не так, папа!

Показывает еще раз. Я исправляюсь, но она все равно хмурится.

— Понимаешь, папочка, у настоящего боксера лицо не такое! — утверждает Яна и закидывает свои длинные светло-русые волосы за спину. И это дви-

жение у нее выходит совсем по-взрослому, женственно и грациозно. Видела бы наша мама: я не заплел ей волосы, — получили бы мы оба.

— А какое лицо должно быть у боксера? — интересуюсь я.

— Героичное! — говорит дочь.

Подрастет, я расскажу ей, как однажды я был героем. Точнее, на меня смотрели, как на героя. И даже, можно сказать, за дело.

Это случилось года за два до рождения дочи. С будущей мамой Александрой мы Яну еще не планировали. Я тренировался в Таиланде, в бойцовском лагере. Будущая жена была со мной и тоже немного тренировалась. Свободное время мы заполняли, пытаясь ухватить побольше впечатлений от этой удивительной страны. Поросячьи бега и крокодиловая ферма, жареные скорпионы и восьмидесятилетние старушки на байках, лихо газующие на красный свет. Фрукты, похожие на доисторических рыб. Рыбы, похожие на оранжерейные цветы. Ручные тигры и хулиганящие на улицах обезьяны. Девушки невероятной красоты. Правда, иногда это и не совсем девушки. Но таких легко отличить. Грудь накачивают силиконом, нижние ребра вырезают, и получается осиная талия, гормональная терапия утончает голос и избавляет от лишних волос, но мужскую лапищу не исправишь. Стоит на улице и стреляет глазками на белых туристов миниатюрная красотка в туфельках сорокового размера — скорее давайте деру.

Все как на другой планете. Переходя дорогу, надо смотреть направо, а не налево. Коллекция одежды «Осень-зима» — набор маечек и шортиков. Люди — другие: встреченному ночью незнакомцу улыбаются, а не строят хмурую рожу. Правда, атмосферу изрядно портят «наши» — бывшие соотечественники по Советскому Союзу. Если где-то основательно насвинячено — это «мы». Случается, конечно, итальянцы горлопанят. Ирландцы могут, накушавшись пива, песню заорать. Какого-нибудь скандинавского лесоруба придется обойти на почтительном расстоянии: после литра «вискаря» он желает всем выказать расположение, всех заключить в объятия. Но «наши»… «Мы» все там — «русские»: белорус, украинец, да хоть удмурт. И всей интернациональной семьей доказываем: русский медведь — это страшнее гориллы, а тупее «русского» только похмельный орангутанг.

Мы с будущей женой участие в празднике жизни «по-нашему» принимали не самое активное. Тренировки мешали.

Однажды между утренней (мешки и боксерские лапы) и вечерней (лапы и клинч) Сашка потащила меня в местный магазинчик. В магазинчике — размером с три футбольных поля и высотой семь этажей — можно прикупить сувенирного слоника, крокодиловые туфельки, небольшой двухместный самолет — недорого. Бамбуковый плот, боевой арбалет, немного брильянтов — кому очень надо. Величественный, огромный мотоцикл за сто штук баксов и невзрачную, в рамке размером с почтовый конверт, мазню какого-то художника за триста тысяч. В таком магазинчике стоит побывать. Подивиться разнообразию жизни. Но больше, чем полчаса, путешествовать по торговым рядам мне трудно. Я начал ныть. Проситься к морю или хотя бы на улицу.

Будущую жену восхождение на этот Эверест шопинга нисколько не утомляло. Наоборот. На третьем этаже километрами и тоннами висели дамские вечерние платья. Я запаниковал. Мне показалось: мы здесь навечно, и чем дальше и больше моя спутница будет примерять, оценивать, выбирать, сомневаться и восторгаться, тем неотвратимее я буду превращаться в мумию. Сначала остекленеют глаза. Потом одеревенеет тело. Затем я иссохну духовно и телесно и сделаюсь на веки веков страшным предупреждением всем девуш-

кам, затащившим в подобное место своего возлюбленного. Кстати, хороший сюжет для Стивена Кинга.

Спас меня, как ни парадоксально, охотничий азарт Александры. Где-то там впереди она узрела толпу и поняла — Самое-Главное-Платье совсем близко. Саша двинулась туда, четко понимая боевую задачу. Это не вопрос жизни и смерти. Гораздо серьезнее! Стоило ли вообще рождаться женщиной, если не завладеть Главным-платьем-всей-жизни?! Ради этого не только следовало лететь через полмира. Как мне показалось, ради этого можно было пожертвовать мной. Но толпа оказалась всего лишь очередью в комнату ужасов. На этаже с дамскими платьями?! Не удивляйтесь, точнее, удивляйтесь, конечно, это Таиланд.

Сашка расстроилась, но ненадолго. Развернулась на сто восемьдесят градусов, и перед ней вновь оказались безбрежные мили не снятых с вешалок, еще не приложенных к себе перед зеркалом, не приласканных одиноких платьев-сироток из шелка, всякой парчи, бархата и из чего там они еще бывают. Я нырять в эту пучину второй раз отказался. Я вдруг понял: всю жизнь мечтал побродить по какой-нибудь комнате ужасов. И надо же, в самом неожиданном месте, в торговом центре, в далекой стране, нашлась подходящая. И главное — вовремя. Пришлось выслушать, что я впал в детство, потерял совесть, и вообще, мог сходить «на такую же ерунду в парке Челюскинцев». Но я отвоевал час. Целый час! Оцените шестьдесят минут, представив: вас уже почти два часа таскали туда-сюда, как полудохлую гусеницу, и вы еще должны были отвечать, какое «стильнее» — серенькое или персиковое.

Очередь — длинная, закрученная, многоязычная — продвигалась быстро. Запускали компаниями по десять человек, каждые три-четыре минуты. Ничего примечательного в самой очереди не было, кроме полного отсутствия «наших». Видимо, мои соотечественники страшных и уродливых и на родине видят предостаточно.

За мной щебетала стайка китаянок. Одинаково одетые и одинаково хорошенькие. Выделялись только две. Одна держала за руку китайского парнишку, вероятно, младшего брата. Другая, похоже, осветляла волосы, и челка у нее напоминала прошлогоднюю солому.

В полутемной комнате, в которую мы зашли, по черным стенам висели портреты в измазанных красным рамах. Надо полагать, это самые известные душегубы истории и литературы. Одну маленькую подпись я прочитал. Истощенный и печальный дядечка с длинными клыками оказался — «Lord Drakula». Художник явно нечасто изображал европейцев, и граф-вампир очень напоминал переодетого во фрак рикшу. Посреди комнаты стоял гроб с куклой якобы умершего не своей смертью человека. Аниматор в одежде и гриме пирата Карибского моря что-то рассказывал нам тайской скороговоркой, но на хорошем английском. Во всяком случае, китаянки его понимали и постепенно, одна за другой, начинали мелко дрожать. Я не разбирал ни слова, но если пират обращался ко мне, на всякий случай улыбался и кивал головой, как будто я очень увлечен рассказом. Пару раз я, видимо, не угадал, кивнул «йес, йес», когда надо было «ноу, ноу», и аниматор начал подступать ко мне, говорить тайским замогильным голосом — звучит примерно как простуженная канарейка, и изображать свирепость.

Немного обидно, что заплатил деньги, чтобы тебя напугали, а сам ни черта не понимаешь. Ну да ладно, аниматор ведь старался. Я показал ему «о'кей» и «гуд», и он повернулся к китаянкам. Девчонки дружно сказали «И-и-и-и-и!», а младший брат уткнулся носом в тоненькое плечико сестры.

И тут стало ясно: я в ловушке. Совершенно очевидно: дочери Поднебесной настроились падать в обмороки и вообще всячески бояться. Нам вручили веревку, повелели всем за нее держаться, и мы двинулись вперед через распахнувшиеся деревянные ворота.

В первой комнате лабиринта ничего страшного не оказалось, кроме абсолютной темноты, доносящихся откуда-то криков групп экскурсантов, ушедших раньше нас, ну и полной неясности, куда идти. За моей спиной вновь начали раздаваться «И-и-и-и-и!» и добавились отдельные всхлипывания. Маленькая ладошка девчонки, шедшей за мной, схватила меня за руку, и я понял: надо двигаться — хоть куда-нибудь. Я ободряюще сказал китаянке: «Все нормально, сейчас выйдем, — и зачем-то добавил то немногое, что запомнил из уроков английского в школе: — Май нэйм из Миша». Девчонка ответила — возможно, тоже назвала свое имя, то ли Мяу, то ли Ляу, и мы двинулись. Я повел отряд вдоль стены. Китаянки шли медленно, но я настойчиво тащил их за собой. Я не был уверен, где выход, но в какой-то момент моя рука, скользя по стене, почувствовала пустоту — проход по лабиринту дальше.

Здесь уже смутно можно было что-то различить впереди, и я сообщил Мяу-Ляу: «Ну вот, впереди свет. Гоу вперед». Она передала дальше по цепочке, и мы пошли чуть быстрее. И тут по ногам ударила с мерзким шипением холодная струя воздуха. Я в джинсах — и то едва не подскочил, а китаянки в коротеньких юбках, с голыми тонкими ножками — уж не знаю, как они это пережили.

Потом еще много чего случилось нехорошего. С противным металлическим лязгом, едва не зацепив мою макушку, над нами пролетела гигантская летучая мышь. Полуразложившиеся мертвецы бросились на нас из склепа и в паре шагов остановили свои механические конечности. Выбежал откуда-то прямо из стены какой-то…, извините, чудак с бензопилой. Мои девчонки присели от ужаса, а я едва не врезал чудаку, но он убежал. И все-таки тот холодный обдув я поставил бы на первое место по силе воздействия.

На второе, пожалуй, яму с пузырящейся, колышащейся дрянью, над которой надо пройти по тонкому мостику. Вроде ничего сложного. Но как только я сделал шаг, мостик поехал влево, а стены и потолок начали переворачиваться вверх дном. Или с ног на голову — не знаю, как сказать. Одним словом, все закружилось, завертелось, а я едва не плюхнулся в перетекающую внизу жижу.

Китаянки идти отказались. Стали намертво. По-моему, они согласны были стоять здесь столько же, сколько простояла Великая Китайская стена. Я повернулся к моей храброй помощнице:

— Мяу, надо идти.

Попробовал объяснить жестами: когда пойдем по мостику, смотреть надо только вперед, ни в коем случае не вниз. Она поняла. Объяснила своим подругам, а потом, глядя мне в глаза, что-то отрапортовала тихим, но звонким и решительным голоском. Я улыбнулся этой отважной девушке, показал всему отряду крепче держаться за нашу веревку и пошел вперед. Китаянки за мной. Мяу скомандовала, и они запели. Какой-то гимн или марш, или песню из фильма про героев. Несложная мелодия, просто «Трям-пам-пам-пам! Трям!».

Представляю, как им было страшно. Я не видел, но чувствовал, как дрожат их плечи, зажмуриваются глаза, подгибаются колени, но — «Трям-пам-пам-пам! Трям!» — и они шли. Шаг за шагом. Шаг, еще шаг — и мы перебрались. Всем следующим после Мяу я протягивал руку и помогал пройти последние два шага.

Мы выбрались из лабиринта. Они смотрели на меня, как триарии на центуриона после победы в сражении, а я хотел сказать им: «Маленькие китаянки, вы отважные люди», но таким сложным фразам меня в школе обучить не сумели — не заставили. Теперь я об этом жалел.

Аниматоры отняли у нас веревку, и мы снова стали людьми из разных стран. От стайки китаянок подошла Мяу и стала передо мной близко-близко. В миллиардном Великом Китае это, наверно, нормально, но у меня в Минске так, почти прижавшись грудью, может стоять только возлюбленная. Другие китаянки тактично отвернулись. Или, может быть, в Китае никто не любопытствует, как двое смотрят друг на друга глаза в глаза. Она была невероятно красивая, маленькая Мяу. Даже зачем-то осветленная челка прекрасных, как черный шелк, волос, не портила, а украшала ее. Или это вместе пережитое приключение делало ее очень хорошенькой.

Я сказал ей по-английски: «Ты — герой!», на это моего английского хватило. Она никак не отреагировала. Ждала каких-то других слов. Но что я мог ей сказать? Я, наверное, старше ее в два раза, и в моей стране холодно, и никогда не научусь есть палочками. И… черт, едва не забыл: я почти женат. Я обнял мою Мяу-Ляу. Прикоснулся губами к ее щеке. И стоял так чуть дольше, чем принято в Восточной Европе. Она обняла меня — скромно, как, наверное, обнимают только у нее на родине — просто взялась за мои локти тонкими пальцами.

Прощай, девушка из Великого Китая.

А моя доча, обучив меня боксировать, решает: самое время рисовать. Тигра и дракона. Месяц назад мы много красок извели на принцесс и котов, но это в прошлом. Теперь Яна полюбила диснеевскую «Мулан», и в фаворитах драконы. И почему-то тигры, хотя в мультике ни одного полосатого нет. Порисуем и будем смотреть историю про храбрую спасительницу Китая. А доча, наверное, вновь объяснит мне, что папа у Мулан благородный и храбрый, очень любит свою маленькую девочку, но у него больная ножка, и поэтому на войну со злым Шань-Ю он пойти не может, и придется идти воевать его дочке.

— Она просто красивая девочка и очень героичная. Я, папочка, тоже буду такая!

Я, конечно, соглашаюсь, но думаю: «Лучше бы моя доча по-прежнему любила смотреть Рапунцель». И, возможно, не буду больше показывать ей боксерские схватки. «Героичными» пусть остаются мои ученики, а дочу я люблю и без этого.

Ольга ЗЛОТНИКОВА

И цвету васильком полевым я…

* * *

Я росла без отца и без матери,
как трава на коровьем лугу:
проходили по лугу мечтатели —
я их песенки берегу.

Хороша ли? Дурною ли выросла?
И к чему мое сердце лежит?
Много детского светлого вымысла,
много взрослой продуманной лжи.

Оттого и луга заливные
я люблю, что сама, как трава,
и цвету васильком полевым я —
только зелень и синева.

* * *

В детстве моем одиноком,
в светлом краю моем,
верила маме и в Бога,
в то, что мы не умрем.

Долго в кровати лежала,
мысли вплетались в ночь:
мало нам или не мало
жизни, и чья я дочь?

Мамина девочка только?
Божья ли я раба?
Олечка, Олюшка, Олька…
Прядь уберу со лба:

взрослая, взрослая тетя,
и через много лет:
— Мама, Вы не умрете?
— Нет, мой хороший, нет.

* * *

У каждого своя — не подберешься —
дозволенная мера слепоты.
Какою же змеюкою ты вьешься,
душа моя? Чего не видишь ты
за камнем придорожным, за вещами,
за словом, за значением вещей?
О, как же мы с тобою обнищали —
не в чем-то маловажном — вообще…
И что за слепотою: просто страшно
раздвинуть горизонты и взглянуть,
как сердце-часовой стоит на башне:
глядит, не промелькнет ли кто-нибудь.
Как сердцу-часовому даже выстрел
милее, чем вот эта тишина,
в которой засыпаешь слишком быстро
на все (как это страшно!)
времена.

* * *

Убегала я из школы:
лето! лето в голове!
А в некошеной траве —
тонконожки-богомолы.
Пучеглазые стрекозы
застывали в тишине,
и тогда казалось мне,
что есть главные вопросы:
почему на солнце больно,
не сощурившись, смотреть,
почему должна сидеть
целый день за партой школьной?
Ярко-желтым поцелуем —
одуванчиковый мед…

Почему листва танцует?
Почему учитель врет?

* * *

В небо смотрю — ни тучки,
в поле — ни ветерка.
А озорные ручки
лезут в бутон цветка.

«Ай-я-я-ай!» — одерну.
Плачет. В упор глядит.
Я же совсем не помню
детских своих обид.

Как же они, хороший,
прячутся между строк?
Милый сыночек, можешь
трогать рукой цветок!

* * *

Видишь, икона в ризе
старой рамы оконной,
в обрамлении занавесок,
воистину чудотворна:

с думой своей тяжелой,
как с затяжной болезнью,
встанешь пред образом чистым
в молочном тумане утра,
в сумерках голубоватых,

форточку приоткроешь —
дышится и поется
медленней и полнее.

Так постоишь с молитвой,
глубже вдохнешь и скажешь:
— Можно еще пожить!

Жан РЭЙ

Два рассказа

Жан Рэй (Жан Рэ) — широко известный за рубежом бельгийский писатель, опубликовавший множество произведений в жанре мистической («черной») фантастики. Его настоящее имя Раймон Жан-Мари де Кремер.

Писатель родился 8 июля 1887 года в старинном бельгийском городе Генте, описания извилистых средневековых улочек которого и мрачных зданий причудливой архитектуры придают почти осязаемый готический оттенок многим его произведениям.

«Угрожающе неподвижный взгляд серых глаз, прячущихся в складках век, напоминающий холодный, неумолимый взгляд фотообъектива. Вряд ли это человеческий взгляд. Не будь он столь прозрачен, он походил бы на взгляд хищной птицы. В крайнем случае, так мог бы смотреть палач или бесстрастный инквизитор. Или даже каменная химера, неожиданно очнувшаяся от своего «минерального» сна.

И вдруг вся жесткость словно растворяется, будто текучая вода омыла эти слишком прозрачные зрачки, удалив с них невыносимый блеск и придав взгляду едва ли не детскую мягкость. И взгляд, только что не имевший ничего общего с миром людей, теперь проникает в него, с любовью останавливается на окружающих его предметах, чтобы неожиданно стать нечетким, неуловимым, словно опрокинувшимся в иную неизвестность, в глубины, куда нет доступа человеку».

Так выглядит Жан Рэй со стороны, таким видит его известный французский писатель Анри Верн, друг Жана Рэя.

Официальная биография Жана Рэя весьма туманна, писатель за свою жизнь приложил немало стараний, изображая ее факты в романтических тонах, а нередко и многое добавляя. В результате возникла романтическая легенда о писателе, родившемся в семье потомственных моряков и отправившемся в морские странствия, когда ему едва исполнилось пятнадцать лет. В своей автобиографии Жан Рэй писал, что за время путешествий, продолжавшихся более двадцати лет (с перерывом на два года для учебы в университете), он проплыл под парусами сотни тысяч километров от островов Карибского моря до залива Карпентария у побережья Австралии, занимался контрабандой виски и другими не вполне законными делами. В итоге он до конца своих дней с гордостью носил титул «последнего пирата XX века»... На самом деле писатель происходит из семьи сухопутных чиновников, и весь его личный морской опыт ограничивается беседами с подвыпившими моряками в портовых тавернах. Не так давно было установлено, что в 1927 году Жан Рэй был осужден на шесть лет за какие-

то темные финансовые махинации, но провел в тюрьме только два года (вероятно, именно про эти годы Рэй потом говорил как о времени, проведенном в университете…).

Первые публикации Жана Рэя увидели свет в 1908 году — это попурри из рассказов, поэм, либретто оперетт… В 1925 году выходит его первая книга — «Сказки виски» — попытка нащупать свое призвание. В это же время Кремер поселяется в Роттердаме и посвящает себя литературной деятельности. Он пишет как на французском языке, под псевдонимом Жан Рэй, так и на фламандском, под псевдонимами Джон Фландерс, Джон Сейлор и Питер Гум (вообще-то специалисты-рэеведы обнаружили к настоящему времени более полусотни его псевдонимов). Интересно, что книги Рэя и Фландерса были написаны в таком непохожем стиле, что в некоторых справочниках вплоть до 1950 года Жан Рэй и Джон Фландерс рассматривались как два разных автора.

Книги, написанные под псевдонимами Фландерс и Сейлор, предназначались преимущественно юношеству. К ним относится, прежде всего, несколько мистико-приключенческих романов: «Блуждающие огоньки Сатаны» (1935), «Зеленый туман» (1948), «Дверь под водой» (1960) и другие. Фландерсом также опубликовано почти полторы сотни новелл, многие из которых вошли в разные сборники и антологии, вышедшие в свет преимущественно после смерти автора. Среди них наиболее известны «Ужасы и приключения» (1975), «Ночные видения» (1984), «Адские видения» (1984).

На французском языке Жан Рэй опубликовал два небольших романа: «Мальпертюи» (1943) и «Город Великого Страха» (1943), а также ряд сборников новелл и повестей: «Великий дух ночи» (1942), «Книга призраков» (1947) и ряд других.

С начала 30-х годов Жан Рэй работает в журнале «Браво». Вскоре писательское ремесло становится его основным занятием. Главным итогом десяти последующих лет явилась многотомная эпопея о приключениях Гарри Диксона.

Гарри Диксон — это американский аналог Шерлока Холмса.

Любопытна история его появления. В 1905—1914 годах в Германии печаталась серия небольших книжек, в которых неизвестный автор описывал новые похождения Шерлока Холмса. Когда редактор «Браво» решил напечатать их переводы, встал вопрос об изменении имени главного действующего лица, чтобы избежать возможных претензий со стороны наследников А. Конан-Дойля. По предложению Жана Рэя героем цикла стал американец Гарри Диксон. За девять лет появилось 178 выпусков, выходивших то дважды в месяц, то один раз в два месяца. Жан Рэй, уже в самом начале кардинально переработав крайне слабые, примитивно написанные тексты оригинала, вскоре начал переписывать их чуть ли не заново, а несколько последних написал, руководствуясь только рисунком на обложке немецкого издания.

Цикл, посвященный Гарри Диксону, насчитывает, по данным Жака ван Эрпа, авторитетного библиографа Жана Рэя, 99 коротких романов, в том числе 44 фантастических, 7 — научно-фантастических и 48 — с детективным или шпионским сюжетом, а также около четырех десятков рассказов и повестей. Этот огромный пласт творчества Жана Рэя долгое время был мало известен широкому читателю даже на французском языке, поскольку тексты, написанные в большой спешке, а затем набранные голландскими печатниками, плохо знавшими французский язык, содержали многочисленные ошибки и неточности. Поэтому для их издания потребовалась титаническая работа редакторов. Сначала

в 1966 году вышел 4-й том «полного» собрания сочинений Жана Рэя, в который вошли восемь приключений Гарри Диксона («Таинственные опыты доктора Дрюма», «Привидения-палачи», «Заколдованное кресло», «Возрождение Горгоны», «Постель дьявола» и др.); затем бельгийское издательство «Жерар и К°» выпустило 14 томов приключений Гарри Диксона и 7 томов «внесерийных» романов и рассказов Жана Рэя (конец 60-х — начало 70-х годов), а в 80-х годах издательство NEO выпустило наиболее полное на сегодня издание записок Гарри Диксона в 21-м томе.

И все же главным жанром, использовавшимся Рэем на протяжении всей жизни, был жанр небольшой новеллы. Сколько их было написано Жаном Рэем — сказать почти невозможно, так как трудно учесть все его произведения, большая часть которых не только рассеяна по малоизвестным и малотиражным газетам и журналам, но и публиковалась под самыми разными псевдонимами. К настоящему моменту зафиксировано около полутора тысяч его рассказов и повестей, а также 4500 очерков, репортажей, сценариев, аннотаций, критических статей.

Главный герой произведений Жана Рэя — это неведомое. События рассказов обычно разворачиваются на сцене, декорациями которой являются унылые, слабо освещенные едва просвечивающими сквозь туман фонарями городские улочки с грязными мостовыми под вечно моросящим дождем, бедные, заставленные нелепой мебелью комнаты в огромных мрачных зданиях, кубрики небольших парусных суденышек, портовые кабаки — любая заурядная обстановка становится ареной, на которой обыденность нашей жизни самым естественным образом переплетается с жуткими кошмарами фантасмагорических параллельных миров, заполненных мистическими тайнами, ночными ужасами и преступлениями, населенных сверхъестественными существами, кровожадными божествами древних культов, мрачными гениями зла. Эти представители демонических сил роковым образом оказываются на пути героев Жана Рэя — студентов, торговцев, бродяг, мелких служащих, моряков или добропорядочных буржуа. Течение их простой, однообразной жизни неожиданно прерывается, и они сталкиваются с необъяснимым ужасом, бросающимся на них, выпустив когти, словно хищный зверь из засады. Обстановка, в которой развертывается действие, резко меняется, и повседневные явления, обыденные предметы — трубки, книги, зеркала, лестницы — становятся зыбкими, ненадежными, опасными. Тем не менее герои Жана Рэя всегда вступают в схватку с ужасом, нередко не имея ни малейшего шанса на победу, но почти всегда побеждают, потому что люди должны побеждать страх, иначе конец надеждам, конец человечеству и всему сущему...

Поразительна эрудиция Жана Рэя, герои которого с полным знанием дела обсуждают проблемы медицины и средневековой архитектуры, спорят об истории географических открытий и оснастке парусных кораблей, прекрасно разбираются в тонкостях экипировки средневековых рыцарей и особенностях изготовления мустьерского фаянса, рассказывают о чертах облика доисторических животных и природе тропиков...

Новелла ужаса Жана Рэя — прямая наследница готического романа эпохи расцвета английского романтизма. Творчество писателя во многом перекликается с творчеством таких мистиков и символистов, как Э. По и Г. Ф. Лавкрафт («Жан Рэй — в чем-то наш Лавкрафт», — сказал о нем французский фантаст Пьер Версэн в аннотации на книгу «25 лучших черных и фантастических историй Жана Рэя»), но оно лишено туманной поэтичности первого и космически-высокопарного красноречия второго. Кроме того, если у Эдгара По обстановка тайны и ужаса возникает вокруг героя с искаженным, болезненным восприятием действительности

и читатель не всегда может сказать с уверенностью, реально ли происходящее, или оно является плодом игры воспаленного воображения, то у Жана Рэя действующим лицом всегда является обычный человек с нормальной психикой, попадающий в обстановку иррационального кошмара. В отличие от Г. Ф. Лавкрафта, Жан Рэй никогда не описывает в деталях облик представителей демонических сил — они всего лишь зловещие тени, присутствующие рядом с человеком. Пожалуй, наиболее близкие параллели с творчеством Жана Рэя можно обнаружить у таких писателей, как бельгиец Клод Сеньоль и американец Амброз Бирс.

Произведения Жана Рэя сейчас все чаще и чаще издаются как во Франции, так и во многих других странах в переводах на самые разные языки, включая японский. Его творчеству посвящаются многочисленные статьи и очерки, специальные выпуски научно-фантастических журналов и даже диссертации. По его романам снимаются кинофильмы («Мальпертюи» и «Город Великого Страха»).

На русском языке Ж. Рэй издавался довольно редко. Начиная с 1966 года, когда в газете «Неделя» были опубликованы два первых рассказа («Принцесса-тигр» и «Я убил Альфреда Хевенрока»), и до 1992 года, то есть за 25 лет, появилась всего одна-единственная новелла («Рука Геца фон Берлихингена»); только в 1992 году вышли сначала «Черное зеркало» в «мистическом» номере журнала «Иностранной литературы», а затем сборник «Город Великого Страха», в который вошли два небольших романа и около четырех десятков рассказов. И только на пороге XXI столетия появились сборники — «Точная формула кошмара» (2000) и «Пять кругов ужаса» (2000).

Как сказал друг гентского мистика и мистификатора Анри Верн, любое произведение Жана Рэя — это образец той странной литературы, читать которую — значит кидаться очертя голову в опасное приключение, полное тайн и ужасов. И никто не может быть уверен заранее, что ему удастся вернуться назад...

Умер Жан Рэй 17 сентября 1964 года в Генте.

Игорь НАЙДЕНКОВ

Ночь в Пентонвилле

Власти всегда старались скрывать загадочные обстоятельства смерти судей и палачей.

Тем не менее, нам известны имена многих судей, выносивших смертные приговоры, чей уход из жизни сопровождался кошмарами.

Катрин Гроув. The Night-Side of Nature*.

Рок Смитерсон остановился на углу Вестбурн Роад и Барбара-стрит, посмотрел на часы и с удовольствием отметил, что ему осталось добрых полчаса свободы до начала дежурства.

Сквозь дождливую ночь красным светом светилось окно бара; он подозрительно огляделся, потому что правила запрещали посещать таверны поблизости от места его ежедневных трудов.

— «Собачий нос?» — предложил трактирщик, высокий толстощекий мужчина с отвислыми усами. — Самое подходящее для такого вечера, как сегодня.

* Ночная сторона природы (*англ.*).

— Ладно, пусть будет «собачий нос», — согласился Смитерсон.

Трактирщик старательно отмерил нужное количество джина, сахара и горячей воды.

— Значит, завтра?

— В восемь часов. Информация будет в восемь десять. Таким образом мы почти на десять минут опережаем Ньюгейт.

— Хилари Чаннинг? — спросил трактирщик, плеснув себе немного неразбавленного джина.

— Да, именно так его зовут… Ну-ка, Каффи, повтори дозу. А заодно приготовь мне с собой небольшую бутылочку этой отравы. Знаю, это не по правилам, но ведь все так делают… Очень печально видеть, когда они умирают совсем молодыми.

— Ему лет двадцать? Или на один-два года больше? — спросил Каффи.

— Ты угадал, ему двадцать один. Почти столько же, сколько одному из моих парней. Понимаете, у меня сжимается сердце, ведь я совсем не злой человек. Светлые волосы цвета спелой пшеницы, глаза, как у молодой девушки. Разве можно его не пожалеть?

Каффи молча кивнул большой головой.

— И это преступление принесло ему всего фунт и два шиллинга, да еще дамские часики, которые он отдал скупщику за полкроны.

— Смерть все равно забрала бы старуху-торговку до конца года, ведь она была больна чахоткой, как писали в газетах.

— Нам то и дело твердят почетный эпитет «образцовая тюрьма», — проворчал Смитерсон, словно отвечая на свои мысли. — Будь это правдой, Джека Кетча оставили бы в другом месте, и пусть бы он болтался по тюрьмам, не считающимся образцовыми. Как не стыдно! Образцовая тюрьма… Ведь сколько бы они ни расходовали известки и карболки, наша тюрьма не становится чище и светлее, чем другие; просто она малость лучше загримирована. Тьфу!

Рок Смитерсон, заместитель главного надзирателя образцовой тюрьмы Пентонвилль ненавидел свою профессию не больше своих коллег, но жуткие дежурства перед смертной казнью заставляли его возмущаться смертью очередного бедолаги в кандалах, которому никто не мог помочь, пусть даже печальное существо, обреченное на позорную смерть, было преступником, ни в грош не ценившим человеческую жизнь.

— Господь сказал: не убий! — заключил надзиратель, которого третья порция грога с можжевеловой настойкой сделала еще более чувствительным, чем обычно.

Решительными шагами он перешел на другую сторону Бридж-стрит, поскольку время перерыва подходило к концу.

В конце улицы, где начинается Ромен Роад, возвышалась почти до небес высокая мрачная стена, лишь местами слабо освещенная фонарями на маршруте для караульных.

— О, сэр, прошу прощения, я не заметил вас, — извинился Смитерсон. Он почти столкнулся с неожиданно появившимся перед ним мужчиной в темном плаще и шляпе боливар с широкими полями.

Прохожий молча скользнул мимо него и очутился в круге света под одним из высоких электрических фонарей уличного освещения.

Рок разглядел длинное бледное лицо с тонкими чертами и черными дырами на месте больших глубоко сидящих глаз.

— Черт возьми, — проворчал он, — на редкость непривлекательная физиономия!

Он обернулся и проводил взглядом высокий силуэт, быстро пропавший в темноте.

— Интересно, — пробормотал он, — похоже, что я где-то видел это лицо, хотя тогда оно было не таким страшным.

Он подошел к двери сторожки и нажал на кнопку вызова дежурного.

Темное пятно головы привратника появилось в зарешеченном отверстии смотрового оконца.

— А, это вы, принципал[1] Смитерсон!.. Открываю!

Дежурный долго звякал ключами, потом раздался громкий лязг отодвигающихся запоров, с глухим стуком ударившихся о твердое дерево дверей.

— Добрый вечер, Кливенс. Смею заметить, я пришел за три минуты до срока. Этого более чем достаточно.

Опустив рычаг контрольных часов, Смитерсон пробил контрольную карточку и удовлетворенно вздохнул — дирекция не допускала опоздания даже на одну минуту.

— Скажите, принципал…

Кливенс, мужчина с седой шевелюрой, выглядевший тихим и робким, несмотря на мрачную строгость формы тюремщика, явно колебался.

— Какие-нибудь новости, старина?

— Вы случайно не видели… Ну, я имею в виду какого-то шутника. Он тут развлекался, нажимая на кнопку вызова, а потом рассмеялся мне в лицо, когда я выглянул в смотровое окошко.

— Нет, я никого не видел, — ответил Смитерсон. — На улице не было ни души. Впрочем, в это время здесь никогда не бывает прохожих… Постойте, постойте… Действительно, под ближайшим фонарем я едва не столкнулся с каким-то типом, которого вряд ли можно назвать вежливым…

— В большой шляпе с широкими полями…

— Точно, это был он!

Но Кливенс, кажется, все еще волновался. Он почесал подбородок с озабоченным видом.

— Он сказал мне что-то вроде: «Это ведь назавтра, не так ли, человеческий мясник?» Я захлопнул окошко у него перед носом, длинным и тонким, как лезвие ножа, но он крикнул: «Значит, в восемь часов?.. В то же время, что и меня!..»

— Ради всех святых! — буркнул Рок. — Он так и сказал?

Кливенс наклонился к нему и прошептал:

— Значит… Тогда… Принципал, а вам не показалось, что вы его узнаете?

— Нет, — пожал плечами Смитерсон. — Впрочем, если учесть всех, кого мы знаем…

Машинально скопировав жест привратника, он поскреб короткими толстыми ногтями свой подбородок.

— Действительно, его лицо кажется мне знакомым. Он мне кого-то напоминает…

— Одного из тех, кто побывал у нас, так, принципал? О, как хорошо, что я почти что ушел в отставку! Еще всего три месяца, и я смогу вернуться в Мидленд… Я же уверен, Рок Смитерсон, что они возвращаются…

— Кливенс, — обратился к нему собеседник едва ли не умоляющим тоном, — если только в дирекции узнают, что вы говорите такое…

Старик ехидно рассмеялся.

— Повторяю вам, они ничего не смогут со мной сделать; через три месяца я помашу им своим пенсионным удостоверением… Так вот, они

[1] Зд.: старший тюремщик.

возвращаются, Смитерсон, они все возвращаются! Я сорок лет ношу этот мундир. Мне пришлось напялить его, когда мне было двадцать два года, это было в тюрьме Халла. Потом я побывал в Ливерпуле, затем перебрался в Лондон, где служил сначала в Ньюгейте, потом в Рединге. В конце карьеры я попал в образцовую тюрьму Пентонвилля. Я знаю, что говорю, и все остальные тоже знают это, но они не осмеливаются говорить, потому что дирекция не любит такие разговоры. Ах, оставьте, Смитерсон, вы сами почти тридцать лет на службе. Вас никто не назовет новичком или непрофессионалом… Так что вы не можете отрицать то, о чем я говорю. Ну, скажите, они возвращаются или нет?

— Ах, Кливенс, — простонал Смитерсон, — почему вы только и твердите это? Так нельзя, это нехорошо… Никто здесь не говорит об этом… Все предпочитают молчать, и те, кто знает, и те, кто думает, что знает.

Старик протянул тощий палец к смотровому окошечку и продолжал, словно не слышал слов Смитерсона:

— Я знаю этого типа, что заглянул ко мне вечером. Я когда-то дежурил в его камере. Да, да, именно в камере 8а, где вы будете сидеть этой ночью возле Хилари Чаннинга.

— Хватит! — воскликнул Смитерсон ломающимся голосом, который он хотел сделать твердым.

— Это было семь… Нет, пожалуй, восемь лет назад, — безжалостно продолжал Кливенс. — Но разве можно иметь представление о реальном времени в этом месте, где часы отбивают только время боли, время ужаса или время смерти? Да и какая разница, семь лет или восемь? Я не могу назвать его имя, думаю, что я тогда не знал его. Они так походят друг на друга, эти бедняги, что умирают ясным утром с черным капюшоном на голове! Впрочем, у этого лицо было не таким, как у всех остальных. У него все выглядело слишком большим — рот, все лицо, глаза… Да, в особенности глаза…

Рок Смитерсон сдался. Ему трудно было говорить о вещах, о которых по молчаливому согласию никто старался даже не упоминать. Но сегодня, признав правоту старого привратника, он внезапно почувствовал, как с его плеч свалился слишком тяжелый для него груз.

— Это правда, — произнес он, — они все возвращаются, и я узнал того, что повстречался со мной сегодня.

— Это был образованный паренек, — сказал Кливенс. — Все поражались, как много он знает.

— Его имя было Браун, хотя это он сам так называл себя, — продолжал Смитерсон. — Скорее всего, это было не настоящее его имя. Судьи так и не узнали, кем он был на самом деле.

— Вы помните, что он сказал пастору Пармингтону, сопровождавшему его на протяжении последних дней? — Он сказал ему в свой последний день: «Неужели вы думаете, что на этом все кончается?»

— И он рассмеялся, — мрачно добавил Рок. — Это был жуткий смех, и его повторило эхо в коридоре, по которому его тогда вели…

— Да, он вернулся, — прошептал Кливенс. — Он возвращается каждый раз ночью перед очередной казнью. Можно подумать, что он получает приказ, не знаю чей, наверно, каких-то жутких хозяев, встретить тех, кого…

— Хватит! — закричал Смитерсон. — Достаточно об этом! Можно подумать, что такими ночами и люди, и вещи получают удовольствие, когда треплют вам нервы…

Он посмотрел на табло посещаемости и вздохнул с облегчением.

— Я вижу, что в два часа в камере 8а меня заменит надзиратель Сомс.

Так что мне не придется будить его со словами: «Будьте мужественны!» До чего же гнусная обязанность!

Он застал Чаннинга спящим глубоким сном, с легкой улыбкой на приоткрытых губах.

— Всего двадцать с небольшим лет! — пробормотал он. — Какая долгая и, думаю, замечательная жизнь ожидала бы этого паренька… Живи и радуйся! А теперь всего через несколько часов ему на лицо набросают лопатой негашеную известь… Боже мой!

Чаннинг что-то невнятно пробормотал во сне, потом тихо рассмеялся.

«Только Господь знает, какой прекрасный сон снится сейчас ему», — подумал Смитерсон.

Он так и не смог задремать в мягком кресле, предоставленном ему дирекцией, чтобы скрасить трагические часы дежурства. Когда его сменил Сомс, он почувствовал невероятное облегчение, покинув камеру Чаннинга.

Тяжелыми шагами он направился в помещение для дежурных, где были расставлены походные койки, надеясь, что сможет хоть немного отдохнуть.

Открыв дверь в это довольно уютное помещение, он с трудом сдержал раздраженный возглас.

За столом сидел толстый мужчина, приветствовавший его широкой улыбкой. Перед ним стояла большая дымящаяся чашка с чаем.

— Эй, Смитерсон, как насчет партии в карты? — предложил он, протянув вошедшему огромную волосатую лапу.

Рок пожал ему руку и тут же вытер свою о куртку, постаравшись проделать это незаметно для сидевшего.

— Что так рано сегодня, Дак? — поинтересовался он.

Мужчина засмеялся грубым смехом.

— Прошлый раз, Смитерсон, я едва не опоздал, и мне пришлось выслушать такое! Надеюсь, вы меня понимаете?

Дак, пентонвилльский палач, не в первый раз оказался его карточным партнером, но сегодня Рок с трудом переносил присутствие слуги позорной смерти; перед его глазами стоял образ Хилари Чаннинга, его розовое детское лицо, белая шея, как у юной девушки. Все с большим отвращением он смотрел на мелькавшие перед ним обезьяньи лапы Дака, перемешивающие и раздающие карты.

Одна партия за другой проходили в полном молчании, так как Дак был внимательным игроком и не любил проигрывать. Впрочем, проигрывать ему и не приходилось, поскольку небольшая стопка пенни на столе возле него постепенно росла.

Неожиданно Смитерсон спросил Дака (даже намного позднее он не переставал задавать себе вопрос, зачем это сделал):

— Дак, вы помните Брауна?

На лбу толстяка появились морщины, свидетельствовавшие о напряженной попытке вспомнить.

— Брауна?.. Если бы мне больше некого было вспоминать… Могу заметить, что эту фамилию носит много людей. Я знал одного парня из конюшни… Но, наверное, вы имеете в виду одного из наших бывших клиентов? Надо подумать…

Он отложил карты и громко хлопнул раскрытой ладонью по своей могучей ляжке.

— Да, я помню одного Брауна! Это был мой первый клиент в Пентонвилле после того, как я переехал сюда из Ливерпуля. Высокий африканец, тощий, как жердь. Я давно забыл про этого шельмеца; впрочем, я их всех

быстро забываю. Вы ведь не думаете, что я забиваю себе голову их портретами? Но почему вы о нем вспомнили?

— Просто так, — ответил Смитерсон; у него слегка дрожали губы. — Наверное, именно потому, что он был здесь вашим первым…

— Я уже девятый год в здешней тюряге, — продолжал Дак, — и жаловаться мне не приходится, потому что я никогда не оставался без работы. С этим, что намечен на сегодня, у меня будет…

Он занялся подсчетами на своих толстых плоских пальцах.

— Черт возьми, не могу вспомнить… Тридцать, тридцать два… Или тридцать три? Нет! Я вспомнил, Смитерсон! С сегодняшним их будет тридцать пять!

Он облокотился на стол и задумался.

— Тридцать пять… Значит, так… Я начал в Дублине, работы там хватало, и я отправил на тот свет сорок клиентов. Потом, в Ливерпуле, у меня их было двадцать пять. Я люблю круглые числа… Послушайте!..

Он уставился на Смитерсона вытаращенными глазами и неожиданно громко расхохотался.

— Надо же, сегодня у меня будет сотый! Подумать только — их набирается ровно сотня! Клянусь Юпитером, можно пожалеть, что здесь нет пива или джина, такой результат полагалось бы обмыть!

Его массивное тело сотрясало грубое веселье.

— Сотня! Сегодня будет сотый!.. Просто здорово!.. Надо будет рассказать об этом друзьям… Или даже газетчикам! Они опубликуют мою фотографию, и начальство наградит меня премией!..

Неожиданно Дак погрузился в задумчивость, но через минуту к нему вернулось хорошее настроение.

— Послушайте… Я вспомнил одну женщину… Когда я был в Лондоне, то как-то заглянул в Бетнал-грин[1]. Черт возьми, я давно не вспоминал об этом, но почему-то сегодня воспоминания вернулись ко мне… Это была смуглая ведьма с островов, предсказывавшая судьбу.

«Ваша работа — это смерть», — сказала она мне, раскинув карты и изучив линии моей ладони. «Еще бы, старушка! Ты точно угадала!» — ответил я. «Ты дашь смерть ровно сто раз… — сказала она и добавила: — Вернее, сотого раза не будет…» А вот здесь она попала пальцем в небо, старая карга, и я очень скоро докажу это!

Я все равно дал ей шиллинг, но она швырнула его в канаву, крикнув: «Первый заставит тебя лишиться последнего!» Конечно, я ничего не понял. — И Дак добавил задумчивым тоном: — Забавно, Смитерсон, что я со своей короткой памятью вдруг вспомнил такие пустяки из далекого прошлого…

Настенные часы тяжело пробили четыре раза.

— Пойду проверю машину, — заявил Дак. — У меня еще навалом времени, но я теперь сам налаживаю ее с тех пор, как меня заставили платить помощнику. Получается приличная экономия…

Смитерсон попытался уснуть, но безуспешно.

Из помещения для дежурных он слышал стук молотка Дака, проверявшего свое устройство в небольшом жутком помещении рядом с дежуркой. Потом раздался скрип рычагов механизма, открывавшего люк.

Пять часов.

---

[1] Знаменитый музей детства в Лондоне, коллекции которого составляют детские игрушки, игры, кукольная одежда, мебель и множество других вещей, связанных с детством. Охватывает период от XVI века и до наших времен.

Через полчаса нужно будет дать сигнал подъема для охранников; подъем заключенных из-за казни будет позже обычного.

Смитерсона немного удивило отсутствие Дака, обычно быстро справлявшегося с проверкой. Он уже решил заглянуть в помещение для казни, когда послышался глухой стук. Он вздрогнул, потому что хорошо знал: так стучал откидываемый люк, за которым следовал отвратительный мягкий удар тела, жизнь которого прервалась…

Ему показалось, что услышанные им звуки не походили на обычный стук люка во время проверки...

В зале для казни было пусто.

Люк был откинут, и натянутая веревка ныряла в темноту, слегка раскачиваясь медленным и равномерным движением маятника.

Он наклонился над омерзительным провалом.

Там висело… тело Дака.

* * *

Когда Смитерсон отшатнулся с криком ужаса, он увидел перед собой страшные глаза призрака Брауна, прислонившегося к стойке виселицы.

* * *

Благодетельный обморок вывел Смитерсона из числа немногих свидетелей последовавших затем невероятных событий.

В архивах Пентонвилля нет никаких упоминаний о случившемся, что вполне понятно; но в записях директора выявлено отсутствие полудюжины листов, кем-то вырезанных из ежедневника, тщательно и аккуратно; говорят, что они все еще хранятся в архивах Министерства внутренних дел.

Привратник Кливенс был выхвачен из состояния отупения, обычно характерного для конца ночного дежурства, отнюдь не потому, что в тюрьме воцарилась абсолютная тишина, но ощущением кошмарного ужаса, едва не вызвавшего у него тошноту.

«Наверное, это сердце, — подумал он. — Еще бы, в моем возрасте…»

Он оглянулся в коридор позади себя и увидел вереницу теней неподалеку от центральной ротонды.

«Проклятье, — подумал он. — Что здесь происходит?»

Позднее Кливенс в своих показаниях особенно настаивал на мертвой тишине, господствовавшей на всем протяжении пережитых им жутких минут, когда он оцепенел, завороженный ужасным зрелищем, лишившим его способности двигаться и говорить.

В процессии теней, сначала неясных и расплывчатых, постепенно возникали четкие пугающие фигуры.

У некоторых головы были спрятаны под черными капюшонами, у других лица были открыты, и он узнал их всех: это были заключенные, казненные за много лет на его глазах, и всегда на утренней заре.

Он мысленно называл по имени каждого из тех, кто пристраивался к шеренге с веревкой на шее: Скинслоп… Роджерс… Пьочинини… Янг-Су… Кирби… Руттермол… О'Нейл…

Потом, почему-то ничуть не удивившись, он принялся перечислять и другие имена. Это были имена живых, тех, кто с безумным взглядом и лицом, искаженным невыразимым ужасом, присоединялся к длинной череде призраков.

Да, они тоже становились в строй, подталкиваемые невидимыми руками: тюремщики Сомс, Томсон, Хикл, заместитель директора Фишер, судья

Хаттерлей, который, будучи приглашенным Фишером, должен был сегодня присутствовать при казни.

Отделенные от таинственного строя промежутком в несколько футов, общую шеренгу продолжали шесть заключенных, ожидавших казни. Среди них Кливенс заметил Хилари Channinga.

В отличие от первой группы казненных, шестеро замыкающих процессию выглядели спокойными и даже довольными.

Внезапно, словно по команде, процессия тронулась с места. Люди и призраки, шагая медленно и торжественно, прошли в нескольких шагах от Кливенса, как будто не замечая его, и направились к выходу по центральному коридору.

Решетка, разделяющая на две части этот коридор, вымощенный черной и белой плиткой, поднялась вверх, но присоединенный к ней сигнал не сработал, когда она скользнула по направляющим.

Главные ворота медленно и бесшумно распахнулись, и Кливенс увидел за ними уличные фонари, приглушенно светившие сквозь туман.

Ворота оставались открытыми, пока медленная процессия не исчезла в тумане. Потом они закрылись, так же бесшумно.

По коридору к Кливенсу медленно приблизился призрак Брауна в черном плаще, выглядевшем сложенными у него за спиной крыльями, и в шляпе с широкими полями, низко надвинутой на глаза.

Он остановился рядом с Кливенсом и произнес загробным голосом:

— Тебе и Смитерсону крупно повезло, что вы не оказались такими же плохими, как остальные.

Привратник не увидел, как исчез призрак, потому что в этот момент почувствовал сильнейшую боль во всем теле, словно он схватился обеими руками за лейденскую банку.

Никто и никогда больше не увидел ни тюремщиков, ни заключенных, ушедших куда-то с призраками.

Судебно-медицинские эксперты, осматривавшие тело палача Дака, испытали потрясение. Его тело доставили в специальном фургоне в клинику Южного Кенсингтона. Когда служители положили труп на стол для вскрытия, они с ужасом увидели, как от него начали отваливаться большие куски кровоточащей плоти, обнажая кости скелета и черепа; вскоре на стол вывалилась масса внутренностей, испускающих омерзительный запах и разлагающихся на глазах.

Доктор Миллер сказал, что так может выглядеть тело, пролежавшее несколько дней в яме с негашеной известью…

Прошло довольно много времени, прежде чем Смитерсон и Кливенс смогли рассказать, что им довелось пережить в эту страшную ночь.

Рассказывали они шепотом, постоянно поддерживая свое мужество большими порциями горячительного.

— Вообще-то, я рад за Ченнинга, — признался Смитерсон. — А вот Дака мне ничуть не жалко.

— А вот эти… Ну, я имею в виду наших бывших коллег, Фишера и судью Хаттерлея, которых они забрали с собой… Надо признать, что это была довольно гадкая публика, — заявил Кливенс.

— Интересно, где они сейчас? — пробормотал Смитерсон.

— Об этом лучше не говорить и не думать…

И они дружно повернулись к дверям с искаженными ужасом лицами, как будто ожидали, что дверь сейчас распахнется и в бар войдет призрак в черном плаще и широкополой шляпе.

Продается дом

Напрасно те, кто судит людей, взывают к божественному милосердию. Они встретят лишь ужас и неотвратимость наказания.

Конфуций. Книга мудрости.

Я не стал бы придавать большое значение этой истории о привидениях, если бы ее не рассказал мне Данстейбл.

Дело в том, что Мейпл Данстейбл считается одним из наиболее компетентных демоноведов нашего века; а демоноведением, этой страшной, но значительно обесценившейся в наше время наукой, занимаются очень немногочисленные посвященные. Да и слава Богу!

Он сам назвал эту историю «историей о привидениях наоборот»; это выражение приводит меня в растерянность. Поэтому я оставляю ее в том виде, в котором услышал. Она также интересует меня в некоторой степени потому, что в ней упоминается, хотя и очень бегло, гримуар Штайна.

Но кто же является автором этого жуткого, подтвержденного доказательствами колдовского манускрипта, ставшего, благодаря содержащимся в нем заклятиям и формулам, общим достоянием? Обычно приводят три или четыре таинственных имени, которые ничего не сказали бы читателю, приведи я их здесь. Все, что известно, или, скорее, все, что является общепринятым, так это сведения о том, что он появился в XVIII веке в Штайне, небольшом швейцарском городке в кантоне Аппенцелль. Именно там документ был гораздо позднее обнаружен Симоном Роуледжем, последователем загадочного доктора Джона Ди, создателя черного зеркала, ставшего гордостью и несчастьем семьи Уолполов в минувшие столетия.

Послушаем, что говорит Данстейбл о гримуаре[1] Штайна:

«Автор в известной степени переработал труды Альберта Великого, «Ключ» царя Соломона[2] и «Книгу Каббалы», отбросив, как бесполезный остаток, их герметизм[3], туманность языка, даже их фантастичность, придя в итоге к ясной, четкой и жуткой квинтэссенции. Он приводит формулировки, четкие, словно алгебраические или химические формулы, не оставляя места для разночтений и ошибок. Кому принадлежал этот гримуар? Можно назвать несколько великих имен, ставших известными в истории Французской революции и наполеоновской эпопеи, а также прославившихся позднее, вплоть до нашего времени.

Окажись этот гримуар в моих руках, я не колеблясь уничтожил бы его, почувствовав приближение смерти, так как эта необычная рукопись может привести человечество к жуткому концу, причем с гораздо большим успехом, чем обычные конфликты.

Случилось так, что я знаю — в общих чертах, — о чем говорится в гримуаре. Этого для меня оказалось достаточно, чтобы лишиться покоя и душевного спокойствия, качеств, так необходимых тому, кто сталкивается

---

[1] Книга, содержащая тайные знания, описывающая заклинания и магические процедуры для вызова демонов или содержащая еще какие-либо колдовские рецепты. (*Здесь и далее — примеч. переводчика.*)

[2] «Ключ» царя Соломона» (*Clavicula Salomonis*) — это гримуар времен Итальянского Ренессанса, составление которого приписывалось царю Соломону. Представляет собой сборник заклинаний, молитв и магических формул, содержит описание талисманов, пентаклей и других магических атрибутов. Предисловием служит текст апокрифического «Завещания царя Соломона своему сыну Ровоаму». Самое раннее из известных изданий — немецкое, 1686 года.

[3] Недоступность для понимания обычными читателями.

с неведомым. Самым жутким разделом манускрипта следует, несомненно, считать ту его часть, в которой автор осмеливается посягнуть на высочайшую справедливость, побуждая человека и открыто советуя отобрать у Всевышнего божественный промысел. *Речь идет о наказании умерших!*

Это именно то, что сделал Меррик.

И Меррик, человек в высшей степени обыкновенный, не смог бы поступить таким образом, не познакомься он с гримуаром Штайна.

Впрочем, я не очень удивляюсь этому.

Флавиан Меррик был вором. Его богатство сделало из него — разумеется, совершенно незаслуженно — честного человека, но в душе он всегда оставался вором, бандитом. Упрямый, скорее хитрый, чем умный, но обладающий определенным культурным уровнем и весьма злопамятный, он оказался человеком, способным завладеть гримуаром Штайна и использовать его.

Случилось так, что я тоже был знаком с Флавианом Мерриком; могу добавить, что мнение об этом человеке знаменитого демоноведа приводит меня в замешательство.

Меррик в те времена, когда я знал его, хотя и не часто с ним встречался, был обычным человеком, авантюристом без особого размаха, тайным биржевым маклером, мелким жуликом, существом, не представлявшим особой опасности для окружающих.

Тем не менее, правосудие заинтересовалось им в связи с одним делом о подлоге и чеках без обеспечения и на несколько месяцев вывело его из оборота. Суд состоялся в небольшом городке на севере Франции, где главным президентом суда был господин Ларривьер.

В Париже или любом другом большом городе Флавиан Меррик отделался бы условным осуждением; вполне реальным могло быть и полное оправдание, настолько расплывчатые и хлипкие доказательства приводила сторона обвинения. Но нужно учитывать ментальность президента суда Ларривьера. Это был судья старой благородной школы, прямой и неподкупный, применявший закон с исключительной суровостью, для которого смягчающие обстоятельства были пустым звуком. Он исходил из принципа, согласно которому у любого обвиняемого шансы на невиновность едва достигали жалкой цифры в один процент. Он с гордостью заявлял, что за всю свою карьеру оправдал всего пятерых подсудимых, основываясь на совершенно неопровержимых доказательствах их невиновности.

Тем не менее, Флавиан Меррик со спокойной душой предстал перед строгим судьей. Он считал, что у него имеются некоторые права на благодарность с его стороны.

Президент Ларривьер, закоренелый холостяк, жил в предместье, в большом старинном доме со своими книгами и единственным горячо любимым существом: это был Фрам, старый ньюфаундленд. Однажды судья прогуливался со своим постоянным спутником вдоль канала с открытым шлюзом, по которому катился стремительный водный поток.

Фрам, гонявшийся на берегу за крысой, оступился и упал в воду. Если для любого другого пса это происшествие было бы обычным непродолжительным купаньем, то для старого Фрама оно могло закончиться трагически. Бедняга страдал ревматизмом, и задние ноги у него были частично парализованы. Попав в водоворот, он мог утонуть самым жалким образом, когда на сцене появился Меррик. Конечно, он был не слишком хорошим человеком, но любил животных и не был трусом.

Решительно бросившись в воду, он спас Фрама.

Признательный господин Ларривьер рыдал от счастья, и Меррик, не будучи простаком, отказался от денежного вознаграждения, несмотря на его солидные размеры.

Поэтому Меррик с горькой и разочарованной улыбкой покинул зал суда в сопровождении двух жандармов после того, как Ларривьер наградил его максимальным сроком в двадцать месяцев тюрьмы.

В тюрьме он с высокомерием отказывался от сигарет и лакомств, присылаемых ему Ларривьером, удивляя и разочаровывая таким образом судью, для которого благодарность и справедливость были совершенно разными понятиями. До него не доходило, что преступник Меррик и Меррик — спаситель Фрама были одной и той же личностью.

Выйдя на свободу, Меррик уехал из города, тогда как Ларривьер еще десять лет продолжал выносить приговоры, не отличавшиеся мягкостью, пока ему самому не пришлось предстать перед высшим судьей.

Старый дом на бульваре, принадлежавший Ларивьеру, был выставлен на продажу, но покупателя на это мрачное и неудобное строение на нашлось. Впрочем, в этом виноваты и наследники судьи, запросившие за дом слишком высокую цену. Дом уже начал понемногу разрушаться, когда в городе появился Меррик.

Никто не знает, из каких далеких краев он вернулся, но очень скоро выяснилось, что фортуна в последние годы ему благоприятствовала, что, конечно, не могло не вызывать возмущения у честных граждан. Тем не менее, все быстро забыли старые обиды; город торжественно отпраздновал появление нового набоба; радость достигла еще более высокого градуса, когда выяснилось, что блудный сын Меррик собирается обосноваться в городе. Правда, некоторое удивление вызвал выбор Мерриком жилья, тогда как он мог позволить себе купить самое роскошное строение.

Но он приобрел старый дом на бульваре…

Дом был приведен в порядок, хотя и без существенной перестройки.

Другим предметом удивления горожан стала странная прислуга Меррика. В один из дней с поезда сошли двое или трое приезжих с кожей цвета кофе с молоком и тут же были приняты на работу в угрюмый дом на бульваре. Это были люди молчаливые и необщительные, свирепо противящиеся любому вторжению в жизнь хозяина.

Любопытные соседи рассказывали, что слуги ходят по владениям Меррика в богатых экзотических нарядах, обмотав голову огромными тюрбанами, украшенными золотом и драгоценными камнями. Время от времени можно было наблюдать, как они совершали в саду непонятные церемонии, вероятно, имеющие отношение к восточным традициям. Но это были обычные для небольшого городка слухи, и их правдивость остается крайне сомнительной.

Однажды Меррик неожиданно покинул город вместе со своими слугами, и его дом снова был выставлен для аренды, о чем позаботился живший по соседству нотариус. Стоимость аренды была весьма невысокой, поэтому ждать нового хозяина дома долго не пришлось. Им оказался господин Лантельм, преподаватель коммунального лицея.

Люди, знавшие этого приличного, скажем даже, высокообразованного человека, члена нескольких научных обществ, не могут сомневаться в реальности событий, вскоре имевших место и описанных самим Лантельмом. Я привожу его историю без какой-либо правки.

* * *

«Мы с женой переехали в дом на бульваре первого августа, так как собирались использовать каникулы в лицее, чтобы сделать нашу жизнь как можно более комфортабельной.

В качестве прислуги мы наняли пожилую семейную пару с прекрасными рекомендациями; это были супруги Блом, уроженцы французской Фландрии. До середины сентября, то есть до начала занятий в лицее, наша жизнь протекала совершенно спокойно, ничто ни разу не потревожило нас за это время.

Однажды утром, зайдя в свой кабинет, кажется, бывший также рабочим кабинетом судьи Ларривьера, я был удивлен царившей в нем невыносимой жарой.

Обогревавшая кабинет большая печка ни разу не топилась со дня нашего переезда, потому что все время стояла достаточно теплая погода. Я посмотрел на термометр: он показывал 38 градусов. В то же время на висевшем за окном термометре было всего 18 градусов. Я расспросил жену и прислугу; все удивлялись и ничего не могли объяснить.

Несколько дней ничего нового не происходило, когда, наконец, странный феномен повторился, причем в более выраженной форме. Войдя утром в кабинет, я отшатнулся, когда на меня из открытой двери дохнуло страшным жаром: там было 45 градусов!

Мы не знали, что и предположить, — у нас не было ни одного логичного объяснения происходящему. На всякий случай я поменял местами внутренний и наружный термометры, потому что на последнем была более длинная шкала.

До очередного загадочного происшествия прошло не больше недели. На этот раз термометр показал 70 градусов!

Я обратил внимание, что в вазе, куда жена ежедневно ставила новые цветы, полностью высохла вода, а цветы тоже высохли и стали ломкими. Совершенно пересохла и чернильница на письменном столе, а листы писчей бумаги свернулись в трубочку. Служанка, вошедшая вместе со мной в комнату, внезапно в ужасе закричала:

— Хозяин, посмотрите на ковер!

Думаю, что даже Робинзон на необитаемом острове не был потрясен больше меня, увидев на песке след босой ноги; ковер в двух местах был насквозь прожжен отпечатками невероятно худой ступни — можно подумать, что это была ступня скелета…

Я склонился над отпечатком; от него исходил отвратительный запах паленого.

Я предложил подежурить в кабинете несколько ночей, но жена категорически отвергла эту идею и сказала, что хочет как можно быстрее переехать отсюда. Но старина Блом, бывший моряк и человек весьма решительный, попросил поручить наблюдение ему. Я охотно согласился с его предложением.

Он стал проводить ночи возле дверей моего кабинета, отсыпаясь днем. Начался октябрь, но странное явление не повторялось.

Я решил избавить моего бравого работника от утомительных дежурств, но он ничего не хотел слышать. В итоге его упорство было вознаграждено, если здесь можно говорить о вознаграждении.

Однажды ночью раздался стук в дверь моей комнаты; разбудил меня Блом.

— Идемте быстрее, господин Лантельм, — прошептал он. — Я почувствовал, как нагрелась дверь в кабинет. Кроме того, из-под двери просачивается слабый свет.

Он был прав: из-под двери пробивался голубоватый свет, похожий на лунный, и замочная скважина казалась бледным глазом, смотревшим с темной панели. Я толкнул дверь, и обе створки с грохотом распахнулись.

Нас заставил отшатнуться жар доменной печи; между камином и сто-

лом мы увидели высокое фиолетовое пламя, неподвижное и выглядевшее едва ли не твердым.

Оно исчезло через несколько секунд, но этих секунд нам хватило, чтобы разглядеть находившийся внутри пламени ужас.

Огонь прозрачной оболочкой окружал кошмарную человеческую фигуру, тощую, словно мумия, повернувшую к нам свирепое лицо.

Призрак сразу же исчез, но я успел узнать его, несмотря на жутко искаженное лицо: это был судья Ларривьер.

Больше этот ужас не возобновлялся.

Мир вернулся под нашу крышу; тем не менее, моя жена, как и супруга Блома, отказались оставаться в заколдованном доме. После долгих уговоров жена согласилась провести несколько недель у своей матушки в Дижоне, а служанка уехала в Лилль, пообещав вернуться, когда призраки исчезнут полностью и навсегда.

Старина Блом остался со мной, поклявшись покончить с теми, кого он называл дьяволами.

Приближался ноябрь. После ласковых теплых дней неожиданно наступили суровые холода; не успели опасть с деревьев последние листья, как в воздухе уже закружились первые снежинки.

Меня угнетала пустота в просторном рабочем кабинете; к тому же, печка плохо горела из-за слабой тяги в трубе; я постоянно мерз в комнате, где недавно на меня дохнула жаром пустыня Сахара… Поэтому предпочитал оставаться на кухне, где пылал веселый яркий огонь, а рядом находился старина Блом, молчаливый, но надежный компаньон.

Хорошо помню, что я читал тогда «Эмиля» Жан-Жака[1]… Блом дымил трубкой, сидя у огня и глядя вдаль с таким видом, словно находился на борту судна.

Внезапно я оторвал взгляд от книжной страницы и встретился глазами с Бломом.

— Вы ничего не слышите, Блом?

— Что касается слышать, господин, то я ничего не слышу, но…

Я тоже ничего не слышал, но…

Ничего не видя и не слыша, не обменявшись ни единым словом, мы оба испытывали страх, жуткий страх.

— Что-то происходит, Блом…

— Да, господин, происходит что-то ужасное.

Мы замолчали; у меня в голове не осталось ни одной мысли, так как нечто неизвестное, но невыразимо жуткое парализовало мой мозг.

Блом проговорил с большим усилием:

— Мне кажется, весь дом трясется от страха!

Действительно, я не смог бы лучше сказать о происходящем: окружавшие нас инертные предметы, лишенные души и жизни, начиная с предметов мебели и кончая кирпичами в стенах старого строения, как будто съежились от ужаса.

Большие настенные часы с маятником замолчали, огонь в печи перестал бормотать, казалось, даже свет большой электрической лампочки изменился, потому что она потеряла способность излучать его; тени предметов стали черными, словно мрак в глубине бездонной пропасти.

Внезапно на нас обрушилась чудовищная волна темного огня.

Я почувствовал, как все мои мышцы судорожно сжались, язык превратился в кусок жесткой кожи, глаза провалились в глазницы.

[1] Трактат Жан Жака Руссо «Эмиль, или О воспитании».

С огромным усилием Блом заговорил, и его голос доносился до меня словно через толстый слой ваты.

— Там, в огне, старик…

Я не видел ничего, кроме обычных предметов, хотя и отвратительно искаженных, но мне и не нужно было ничего видеть: я знал, что Ларривьер, хотя и невидимый, находится рядом с нами. Ларривьер, выкрикивавший неслышные жалобы, пытавшийся сделать нас свидетелями бесчеловечных пыток, умолявший о помощи.

Но в то же время я ощущал еще чье-то присутствие; кто-то в эти минуты пристально изучал нас взглядом, полным злобы и бешенства. Мои мысли обратились к единственному спасителю, к Богу, и я попытался перекреститься.

Невероятная боль, пронзившая все мое тело, предупредила меня, что кошмарный враждебный пришелец всеми силами сопротивлялся моему жесту.

Мое запястье, охваченное пламенем, сухо треснуло — кость переломилась, и поднятая ко лбу рука упала, словно наполненная свинцом. Вероятно, Блом подумал о том же, что и я. Я уверен в этом, потому что увидел, как он борется с невидимым противником; его рука медленно, словно она держала невероятно тяжелый груз, поднялась, и он быстро перекрестился…

Весь дом, от крыши до фундамента, задрожал; посуда в буфете разбилась с отвратительным дребезгом, оконные рамы вывалились внутрь помещения, осыпав нас обломками стекла. В то же время огонь в печи возобновил уютное бормотанье, маятник часов принялся качаться взад и вперед, а свет лампочки распустился, словно перед нами расцвел большой сияющий цветок.

Мы с Бломом, освободившись от дьявольской хватки, тут же занялись делом: нужно было погасить огонь, охвативший кухню».

* * *

На этом заканчивается свидетельство Лантельма, в тот же день оставившего дом на бульваре и попросившего перевести его в другой город.

На фасаде дома появилась в очередной раз желтая табличка; ей не пришлось долго висеть, потому что стоимость аренды была весьма невысокой.

Новым жильцом оказался господин Буассон, переселившийся в дом вместе с многочисленной семьей.

Похоже, что Буассону не пришлось страдать от гнева неизвестных сил; по крайней мере, он никогда никому не жаловался.

Буассон с трудом зарабатывал на жизнь; кроме того, ему приходилось воспитывать ораву детворы, что неизбежно создает множество проблем.

Правда, он несколько раз жаловался своему соседу, нотариусу, что в доме постоянно ощущается неприятный запах; он даже уточнял, что в комнатах пахнет серой и жженой кожей.

Его жена, полная и флегматичная женщина, здоровье которой было подорвано рождением нескольких детей, нередко обращалась к местному аптекарю за успокоительными и снотворными таблетками.

— У меня часто бывают плохие сны, — говорила она, — я постоянно вижу один и тот же сон, в котором неизвестный мне старик корчится в пламени.

Приехавшие из Гренобля Буассоны не могли узнать в этом старике судью Ларривьера, которого они никогда не видели. Впрочем, они не задер-

жались в нашем городе, так как через год получили большое наследство, заставившее их переехать в столицу Дофине[1].

Вероятно, стоит напомнить, что один из отпрысков семьи Буассонов, прощаясь со школьными товарищами, воскликнул:

— По крайней мере, мы не будем жить в доме, где из подвала постоянно доносятся дикие крики и жалобный плач!

Дом сдали в аренду только через несколько месяцев; на этот раз он достался художнику с замашками ушедшей в прошлое богемы по имени Анатоль Гренель.

Разумеется, если бы что-либо необычное случилось в доме на бульваре, Гренель, любитель кабаре, болтливый и тщеславный, как Алкивиад[2], не стал бы держать сведения об этом в секрете.

Жизнь в доме протекала спокойно, и так могло продолжаться неизвестно как долго, если бы художник не встретил однажды в Лилле на выставке своих картин жену Блома. Потерявшая некоторое время назад своего отважного мужа, бывшая служанка открыла небольшое кафе напротив выставочного зала. Гренель постоянно посещал это заведение, и когда однажды хозяйка узнала, где живет ее клиент, она рассказала ему о злоключениях профессора Лантельма.

Зерно упало на благодатную почву: Гренель в молодости увлекался оккультизмом и даже сотрудничал с журнальчиком, публиковавшим материалы о спиритизме и метапсихологии. Ему не потребовалось большего, чтобы сесть на любимого конька. Вернувшись к себе и не обнаружив ничего сверхъестественного, он решил спровоцировать потусторонний мир.

Гренель раздобыл традиционный круглый столик, поставил его посреди рабочего кабинета судьи и вызвал дух умершего, произнеся необходимые заклинания.

Оправдались самые смелые его предположения.

Не успел он произнести последнее слово заклинания, как небольшой столик взлетел на воздух, словно метеор, после чего разлетелся вдребезги, грохнувшись на пол. Внезапно возникший чудовищный призрак кинулся на осмелившегося потревожить его покой художника и избил бедолагу совершенно зверски, до потери сознания.

Придя в себя, Гренель решил извлечь из фантастической ситуации хотя бы мало-мальскую выгоду. Он отправился к нотариусу.

— Во времена прежних королей вам не удалось бы избежать ни пытки на дыбе, ни костра, — пригрозил он.

Эти угрозы, как ни странно, сильно встревожили нотариуса. Он принялся упрашивать Гренеля, чтобы тот держал язык за зубами и пообещал помощь, для чего предупредил Флавиана Меррика.

Через пару дней появился Меррик и встретился с художником.

К этому времени прошло двадцать месяцев с первого появления призрака Ларривьера.

Рассказ Гренеля отнюдь не взволновал и не удивил Меррика; напротив, в его глазах светилась радость.

— Господин Гренель, — сказал он, — вы станете свидетелем акта возмездия. Проделайте еще раз свой не слишком удачный опыт.

---

[1] Дофине — историческая провинция на юго-востоке Франции со столицей в Гренобле.

[2] Полководец и политический деятель Афинского государства (452—404 гг. до новой эры), отличавшийся легкомыслием, склонностью к распутству и необузданным своенравием.

— Ни за что на свете! — вскричал художник. — К тому же, мой хрупкий столик погиб.

— Это не имеет значения. Пригодится любой стол, пусть хоть в тонну весом!

Пачка банкнот положила конец колебаниям спирита.

Он опустил руку на массивную столешницу и неуверенным голосом вызвал дух судьи Ларривьера. Массивная столешница затряслась, стол сдвинулся в сторону, и у Гренеля возникло неприятное ощущение, словно его подбросила в воздух яростная волна.

Перед ним стоял призрак, дикий и свирепый.

Раздался ясный голос Флавиана Меррика.

— Ларривьер, — говорил он, и глаза его сверкали необычным светом, — вы осудили меня на двадцать месяцев тюрьмы. Таким образом, вы совершили одно из самых страшных человеческих преступлений — преступление неблагодарности. Владеющий знаниями, всегда превосходящими все, что знает наука смертных, я извлек вас из вечного покоя, чтобы наградить двадцатью месяцами ада. Срок вашего наказания истек. Возвращайтесь в вечный покой могилы!

Гренель услышал радостный вопль призрака, и фантом, простершийся перед Мерриком, медленно растворился в воздухе, превратившись в легкий, тут же рассеявшийся туман.

Мне остается добавить очень немногое.

Флавиан Меррик приказал снести дом на бульваре, а на его месте построить приют для бедных стариков. Его деньги обеспечили существование и обслуживание пенсионеров на многие годы вперед.

Я всегда говорил, что Меррик был нормальным парнем.

Мейпл Данстейбл, интересовавшийся исключительно гримуаром Штайна, безуспешно пытался завязать дружбу с Мерриком.

Вскоре Меррик покинул Францию и уехал в английскую Индию. Демоновед проследил его вплоть до Дели, где тот окончательно пропал.

С тех пор история Мейпла Данстейбла постепенно стала моей историей.

Я не сомневаюсь, что Флавиан Меррик не тот человек, чтобы бездумно следовать по преступному пути, на который он встал для осуществления своей мести. Но гримуар Штайна уцелел, и никто не знает, в какие руки он попадет после смерти Меррика…

Перевод с французского Игоря НАЙДЕНКОВА.

Мулк Радж АНАНД

Три обета

Пьеса

Сцена представляет собой угол веранды жилища Махатмы Ганди в ашраме Сабрамати[1] (в Ахмедабаде). По обоим концам веранды небольшие комнаты с открытыми дверями.

В большой комнате за верандой можно увидеть женщину европейской наружности, набирающую текст. Один из обитателей ашрама что-то пишет в записной книжке.

Через дверь домика в комнате справа виднеется силуэт женщины. Она сидит за прядильным колесом. Немного в отдалении двое корректоров, расположившись на веранде справа, правят текст.

Мудрец возлежит на деревянном раскладном кресле. Маленькая скромная женщина в белом домотканом сари, Кастурба Ганди, его жена, наносит на его живот тонкий слой лечебной глины. Стол слева от Махатмы завален книгами и бумагами. А на столе справа лежит много карандашей, ручек, чернильниц; а также стоит белый кувшин, покрытый увлажненной тканью, а возле него три медные чашки.

По правую сторону от него — крупный индиец, секретарь Махатмы Ганди, Махадев Десаи, с ручкой и записной книжкой, готовый записать любое слово, произнесенное учителем.

Входит Кришан Чандер Азад. Махатма указывает ему рукой на коврик. Посетитель садится, скрестив ноги не без некоторого неудобства, так как довольно трудно принять позу лотоса в жестких вельветовых брюках.

Махатма Ганди *(обращаясь к Кастурбе)*. Довольно.

Кастурба Ганди вытирает живот Махатмы мокрым полотенцем. Затем она массирует живот, легонько похлопывая ладонями по нему. Кришан Чандер Азад неуклюже складывает руки в приветствии Кастурбе. Она в это время регулирует наклон спинки кресла с помощью рычага и после уходит. Застенчивый посетитель также складывает ладони, приветствуя Махатму, который в ответ поднимает правую руку в благословении, поправляя у шеи хлопковую подушку.

Махатма поднимает глаза, смотря вопросительно на гостя поверх своих бифокальных очков. Гость еще больше смущается под пристальным взглядом Махатмы.

Ганди. Вам не жарко в вельветовом костюме?

Кришан Чандер Азад. У меня только один костюм... Я вчера приехал из Лондона.

Ганди. Даже англичане, ступая на землю Бомбея, облачаются в шерстяные альпака[2] или в одежду из хлопка! Они могут позволить себе одеться в военторге. В любом случае, почему же вы хотите выглядеть как обезьяна?

---

[1] Сабрамати (англ. Sabramati). Название ашрама, построенного на берегу одноименной реки на западе Индии в штате Гуджарат.

[2] Альпака — животное в Южной Америке, похожее на некрупную ламу (гуанако).

К. Ч. Азад (*после напряженной паузы, стараясь сохранить самообладание*). Махатма! Вы тоже выглядели как обезьяна, когда надевали сюртук, брюки с отглаженными стрелками и цилиндр! В Лондоне!..

Ганди *(улыбаясь). Теперь я не выгляжу как обезьяна*... Вернувшись домой из Южной Африки, я понял, что иностранная одежда отрывает нас от народа. А кроме того, вы не можете сидеть, скрестив ноги, в брюках... Идите и переоденьтесь в паджаму[1] и курту[2]. Махадев, одолжите ему пару...

Махадев Десаи встает, чтобы проводить Кришана Чандера Азада к комнате, расположенной в правом крыле веранды. Кастурба Ганди выходит из большой комнаты с тремя маленькими глиняными кружками в левой руке и большой глиняной кружкой в правой. Она наливает ласси[3] в кружечку и подает мужу. Потом она наливает молочный коктейль в две другие и накрывает их маленькими терракотовыми блюдечками. Из дальней комнаты выходит высохший старик в очках с толстыми линзами и справочными листами в руках. Это помощник редактора.

Помощник редактора. Бапу[4], ваши редакционные заметки... В них есть некоторые ошибки!

Ганди (*внимательно*). Прочтите мне их.

Помощник редактора читает на английском языке, несколько запинаясь. Ганди просит гранки. Он просматривает всю правку, исправляет ошибки и возвращает гранки в руки помощника.

Ганди. Выпейте ласси прежде, чем уйти, и налейте мне немного.

Помощник редактора наливает глиняную кружку и подает ее Махатме. Кришан Чандер Азад возвращается вслед за Махадевом Десаи. Посетитель закатал штаны, которые ему великоваты. Он идет, неловко улыбаясь и без особого удовольствия озирая свой наряд.

К. Ч. Азад. Я чувствую себя, как Пруфрок у поэта Т. С. Элиота, который пел: «Я буду носить мои брюки закатанными». Как говорится, не суйся в чужой приход со своим уставом! Ни один англичанин не носит дхоти. Они думают — мы нецивилизованные. Они не понимают, что в жаркой стране мы должны носить легкие одеяния. Они носят костюмы! Костюмы альпака! Если не костюмы из тонкой саржевой ткани!.. Даже в летние месяцы!.. И громоздкие сапоги! А наши бабу подражают им. Где-то я читал, что Клайв снял куртку, теплые чулки и высокие сапоги в битве при Плесси[5] ...

Ганди. Его преемники носят вечерние костюмы! Даже в летнюю жару в Ассаме… отправляясь на ужин в свои клубы на плантациях! Мы должны признать, что у них есть чувство юмора... Они смеются над собой. Мы же слишком серьезны... Может быть... Вы правы... Я прочитывал «Панч» («Punch»[6]) каждую неделю, когда был в Лондоне. Да. Они и здесь

---

[1] Паджама — брюки (*инд.).*

[2] Курта — рубашка (*инд.).*

[3] Ласси — популярный индийский напиток, молочный коктейль из йогурта с добавлением воды, соли, сахара, специй, фруктов и льда путем быстрого взбивания.

[4] Бапу — отец (*хинди*).

[5] Битва при Плесси (точнее — Палаши) — сражение у берегов реки Бхагиратхи в Западной Бенгалии, в которой 23 июня 1757 года британский полковник Роберт Клайв, представлявший интересы Британской Ост-Индской компании, нанес сокрушительное поражение войскам бенгальского наваба Сирадж уд-Даула, на стороне которого выступала Французская Ост-Индская компания.

[6] Punch («Панч») — название еженедельного юмористического журнала, издававшегося в то время в Лондоне.

также смеются... Но главным образом в закусочной, когда им поджаривают тосты. Или когда прачка прожигает платье белой госпожи...

Махатма Ганди указывает Махадеву на столик с ласси. Махадев наливает посетителю, а затем себе самому. Махатма поворачивается к посетителю.

Ганди. Чего вы хотите от меня?

К. Ч. Азад. Я хочу показать вам свой роман.

Ганди. Роман? О чем он?.. О любовной интрижке между мальчиком и девочкой? (*Старик взглянул на Азада поверх своих очков.*)

К. Ч. Азад. Нет, он о вашем виде любви...

Ганди. И в чем же заключается мой вид любви?

К. Ч. Азад. Здесь речь идет о неприкасаемом: о мальчике дворнике Бакхе.

Ганди. Вы имеете в виду хариджана[1] — мы тут не употребляем слово «неприкасаемый»!..

Махадев Десаи. Хариджане! — Божьи люди!..

Кришан Чандер Азад склоняет голову, устыдившись своей бестактности.

Ганди. Чем я могу помочь вам в работе над вашим романом?.. Со студенческих времен в Лондоне я не прочел ни одного романа. Я прочел только повесть Толстого «Смерть Ивана Ильича». Еще я читал его автобиографию «Детство. Отрочество. Юность»... и «Исповедь» — о его собственных грехах!

К. Ч. Азад. Я прочел произведение Толстого «Война и мир»...

Ганди. Я многому научился у Толстого. Он был истинным последователем Иисуса... Он верил в ненасилие.

К. Ч. Азад. Он исповедовал христианскую идею греха — тем не менее, он испытывал искушения. Всегда...

Ганди. Грех — не только христианская идея. Наши собственные шастры[2] также считают секс вне брака грехом.

К. Ч. Азад. Будучи в армии, Толстой жил распутной жизнью! И в Ленинградском[3] университете... Наш мудрец Ватсьяяна разрешает секс до брака, если мужчина влюблен в женщину...

Ганди (*повысив голос*). Ватсьяяна писал для богатых раджей и знати!

После этих слов Махатмы наступает тишина.

Ганди (*понизив голос*). Мы тут выполняем брахмачарью[4]. Никакого секса до брака! Даже в браке только для продолжения рода! Воздержание лучше... Мужчины должны сохранять свою энергию для работы и служения другим.

---

[1] Хариджан — божий человек.

[2] Шастры — трактаты по различным отраслям знания, составлявшиеся в древние и средние века в Индии на санскрите, обычно в стихах.

[3] В «Ленинградском университете» Толстой никак не мог учиться. Знаменитый город на Неве Санкт-Петербург — город святого Петра — переименовывался три раза. В 1914 он стал Петроградом, в 1924 — Ленинградом, а в 1991 снова получил первоначальное название.

[4] Брахмачарья — от слова брахма (санскрит. Великий творец Вселенной). Так называется первая ступень жизни брахмана, означающая годы ученичества и целомудренного воздержания.

К. Ч. А з а д (*после напряженной паузы*). В своей автобиографии вы написали, что вы занимались сексом в то время, как ваш отец лежал мертвым в соседней комнате.

Г а н д и. Я написал это, дабы признаться в дурном проступке! Хорошая идея: совершая проступки — исповедуйся в этом! Вы можете извлечь пользу из моей исповеди для того, чтобы больше не грешить!

К. Ч. А з а д переводит разговор на другую тему.

К. Ч. А з а д. Я хочу научиться писать так, как вы написали в рассказе о мальчике подметальщике Уке.

Г а н д и. Ука — это реальный человек — он живет в ашраме. Он научился ткачеству. И теперь уже немолодой человек. Он научил нас, как чистить уборные. Сейчас он готовит еду на кухне.

К. Ч. А з а д. Я хотел бы стать его помощником. Обучился приготовлению пищи, когда подрабатывал в Лондоне. Следовал вашему совету — «зарабатывай, пока учишься»...

Г а н д и. Аччха[1], мы научим вас нашей гуджаратской кухне! Вам придется научиться убираться на кухне! Мыть посуду!.. Вы можете показать мне ваш роман. Однако, должны принять три обета — если вы хотите остаться в ашраме…

Г а н д и проницательно смотрит на К. Ч. А з а д а поверх очков и молчит.

К. Ч. А з а д. Какие три обета?

М а х а д е в Д е с а и широко улыбается, его веселит замешательство С а х а б а.

Г а н д и. Вы не должны смотреть на женщину с вожделением!

К. Ч. А з а д. Но!.. Моя подруга... Она в тюрьме в Ирландии. Я буду мечтать о ней ночью, даже если запрещу себе думать о ней днем.

Г а н д и (*смотрит в сторону с веселой улыбкой, затем поворачивается и говорит*): Вы можете мечтать о ней по ночам, но не думайте о ней днем!

К. Ч. А з а д. Трудно!..

Г а н д и. Почему она в тюрьме?

К. Ч. А з а д. Она была сподвижницей мадам Мод Гонн в ирландском освободительном движении. Британская полиция обвинила ее в распространении оружия, когда она приехала из Ливерпуля с двумя Ирландскими парнями, у каждого из которых был пистолет.

Г а н д и. У них были пистолеты? Она любит насилие?

К. Ч. А з а д. Так утверждают британцы.

Г а н д и. Аччха! Вы можете думать о ее отваге, проявленной в борьбе за свободу Ирландии, и черпать вдохновение для своей предстоящей работы тут. Но не испытывайте плотского вожделения!..

К. Ч. А з а д (*смущенный*). Я не уверен, что можно справиться с мыслями о женщине... Я люблю ее за красоту. Еще за ее мужество... Я буду мечтать о ней всю ночь, если не буду думать о ней в дневное время!..

Г а н д и. Аччха! Вы можете мечтать о ней по ночам, но не думайте о ней днем!..

К. Ч. А з а д. А следующий обет?

Г а н д и. Вы не должны тут пить ликер!

[1] Аччха — хорошо (*хинди*).

К. Ч. Азад (*смущенно и вытирая пот с лица*). Но я бывал в пабах в Лондоне. Мы, писатели, пишем из паб-Talk. Я никогда не был пьян по-настоящему! Только однажды, когда смешал несколько напитков в недрах внутреннего храма...

Ганди (*твердо*). Вы можете пить в Лондоне — но не здесь!.. Вы найдете себя пишущим без ликера, когда опьянеете от истины!

К. Ч. Азад. Третий обет?

Ганди. Вы должны убирать туалеты раз в неделю — как и все мы: по очереди.

К. Ч. Азад. Я пришел, чтобы научиться быть таким же, как Ука. Я с готовностью буду чистить туалеты.

Ганди. Махадев, дайте ему маленький гостевой домик и предложите остановиться там!

Махадев Десаи. Где ваш багаж?

К. Ч. Азад. Я оставил его в камере хранения на вокзале в Ахмадабаде[1].

Ганди. Сходите и принесите его.

К. Ч. Азад. Махатма джи, вы могли бы попросить сторожа у ворот ашрама не ссориться с посетителями, а относиться к ним цивилизованно…

Ганди. Другие тоже жаловались… Махадев, сходите и позовите сторожа.

Махадев Десаи выходит.

Ганди. Позвольте мне дать вам «Исповедь» Толстого.

Ганди встает и идет в комнату, расположенную слева. К. Ч. Азад оглядывается вокруг сцены. Он напряжен от осознания нравственного мировоззрения Махатмы.

Ганди. Вот книга — это научит вас забыть о вашей подруге!

К. Ч. Азад. Никогда — я люблю ее!

Ганди. Все страсти заканчиваются трагедией... Лейла, Меджнун[2]!..

К. Ч. Азад. Любовь — это наслаждение, пока она продолжается... (*Смущенно. После паузы.*) Вы сами наслаждались сексом после женитьбы! И все же вы говорите — не любите!..

Ганди. Я пытаюсь преодолеть искушение! Вы с севера, где едят четыре урожая в год! И вы очень темпераментны!.. Как вас зовут?

К. Ч. Азад. Кришан Азад Чандер... И я хочу жить в соответствии с этим именем. Как Кришан я хочу быть любовью Бога. Чандер означает луна. Азад — свобода, поэтому я хочу быть свободным и работать для освобождения Индии. Так что я принял имя Азад как псевдоним. Я пишу стихи.

Ганди. Ваш Бог-любовь был также советником Арджуны[3] в Гите. Он посоветовал контролировать чувства и право любить. Позже Тантрики унизили его… Во всяком случае, покажите мне ваш роман...

Кришан Чандер Азад открывает свой портфель, нервно достает пальцами рукопись. Махатма открывает первую страницу. После пролистывания титульного листа читает первый параграф. Он улыбается и смотрит ласково на Кришана Чандера Азада.

---

[1] Ахмадабад — город на западе Индии, самый большой город штата Гуджарат, один из семи мегаполисов Индии с населением в 5,1 миллионов жителей.

[2] Лейла и Меджнун. Легендарная трагическая история о любви страстного поклонника, чья любовь к своей даме стоила ему рассудка.

[3] Арджуна — герой древнеиндийского эпоса «Бхагавад-Гита», «Махабхарата».

Г а н д и. Птица-пересмешник с удвоенной силой! Такие большие-большие слова! Вы не знаете, чем хариджане дышат, как они стонут, как говорят! Они никогда не используют таких громких слов! Вы хотите сделать их подобными доктору Джонсону!

К. Ч. А з а д (*униженно*). Я следовал методу Джеймса Джойса: поток сознания символов. Он придумал новый язык с каламбурами! Сатирические слова! Сложносоставные слова! Поэтические фразы!.. Я подумал, что если также буду использовать громкие (большие) слова, и… Если буду придумывать каламбуры, англичане подумают, что я полностью освоил английский язык... Я думал так в Лондоне! Английский друг, квакер, посоветовал мне писать просто... Уже тогда я начал переводить на английский с гуджарати.

Г а н д и. Почему бы вам не писать на родном языке?

К. Ч. А з а д. У меня нет такого языка. Конечно панджаби язык моей матери. Но Саркар[1] определил как главные языки английский и урду!.. Кроме поэтов Бхаи Вир Сингха и Дхани Рама, мало кто писал на панджаби. Только новеллист Нанак Сингх. Нет изданий на пенджаби или урду. Даже доктор Мухаммад Икбал пишет на языках урду и персидском, а не на панджаби! Никто не может зарабатывать себе на жизнь в качестве писателя на панджабе. На английском же — мой роман может быть опубликованным в Лондоне...

Г а н д и. Аччха! Пишите на том языке, который вам удобен. Но пересказывать то, что хариджане сказали! И плохо пересказывать! Переводите их речь буквально. Не используйте «те» и «эти». Прежде всего вы должны быть искренним и правдивым! Писать о жизни так, какая она есть!.. Жизнь бедных. Мало писателей писали о бедных! Только Сарат Бабу и Чанд.

К. Ч. А з а д. Я слышу! Mea culpa[2]! Если я вдруг могу использовать латинское слово. Виновен! Я буду переписывать всю книгу, больше использовать воображение... И я смогу вас шокировать, показывая брахмана, который не позволяет войти хариджанам в храм и в то же время пристает к девушке уборщице!

Г а н д и. Поговорите с Ука и другими людьми. Примите их как ваших братьев и сестер. И я буду читать ваш роман после его пересмотра.

М а х а д е в Д е с а и вернулся со сторожем.

Г а н д и. Что он сказал вам, Азад?

К. Ч. А з а д. Он сказал: «Не входи в ашрам! Сядь там, у водопроводных труб!» Когда я попросил у него стакан воды, он ответил: «Иди и купи его в магазине».

Г а н д и. Ачарья?

С т о р о ж хранит молчание.

Г а н д и. Отвечай!

С т о р о ж утвердительно покачивает головой.

Г а н д и. Аччха! Вы будете поститься день и ночь, чтобы избавиться от вашего же высокомерия. Мы закрываем двери ашрама только от преступников, а не от всех, кто приходит ко мне!..

---

[1] Прабхат Ранджан Саркар — индийский философ, гуру, основатель «Ананда Марги», социо-духовной организации, направлениями деятельности которой являютя самореализация человека и служение обществу.

[2] Mea culpa (*лат.*) — моя вина.

С т о р о ж. Я сказал, что ему назначена встреча с вами в четыре часа дня. Он пришел в три.

Г а н д и. В наших селах гости могут прийти в любое время. Но здесь по-другому! Ашрам имеет свои правила, в соответствии с распорядком дня... Но он не должен быть таким грубым... Махадев, объясните Азаду правила, принятые в ашраме... Ачарья, уходите!.. Потребуется один день, чтобы исправить вашу невоспитанность! Ганди ожидает каждого в пять часов утра для того, чтобы пойти вместе с ним на сухое ложе реки Сабрамати!

После омовения, молитвы в 6:15 утра.

Молоко или чай в столовой в 7:30 утра.

Работа до 12 часов дня.

Обед в 12:30.

Сиеста с 1.30 до 3 дня.

Ванна! Работа по дому, в кухне или в саду! Так три дня до 6:30 вечера.

Вечерняя молитва в 6:30.

Ужин в 7:30.

В 10 часов вечера погасите свет!

Махатма может уделить вам лично по полчаса два раза в неделю.

По воскресеньям вы можете свободно выходить.

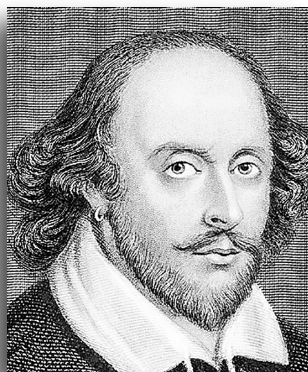
К. Ч. А з а д соединяет руки в приветствии Г а н д и и выходит с М а х а д е в о м Д е с а и.

Г а н д и. Где я могу купить паджаму и курту?

М а х а д е в Д е с а и. В Хады Бандар, недалеко от ашрама.

Перевод с английского Галины ХРИПАЧЕВОЙ.

Уильям ШЕКСПИР

Сонеты

Поэт — это человек, который знает о тебе все, независимо от того, когда и где он жил.
И. БРОДСКИЙ

Литературное наследие Шекспира и спустя столетия притягивает, словно магнит. Каждое поколение находит в нем созвучное себе. Его гениальные сонеты по праву можно назвать квинтэссенцией любовной страсти. Их энергетика и сверхсмыслы так невероятно концентрированы, что каждый, соприкасаясь с этим чудом, ловит себя на мысли: «А ведь это написано обо мне!» Это и есть особенность литературы гениальной. Шедевры живописи время от времени проходят реставрацию. Специалисты скрупулезно вычищают поздние напластования, дабы подлинный авторский слой донес «руку и замысел» творца. У меня также возникло желание с благоговением прикоснуться к величайшему сокровищу мировой литературы.

Сличив уже имеющиеся варианты переводов с оригиналом, я не могла не заметить, что (при всех их несомненных достоинствах) там многого нет. В плане содержания — это атрибуты и реалии Англии рубежа XVI—XVII веков: многочисленные банковские, мореходные, юридические, мифологические, астрономические, астрологические и алхимические термины. В плане художественной формы — часто встречающиеся в подлинниках стилистические фигуры (параллелизмы, противопоставления, анафоры и т. д.); отголосок средневековья (или первая ласточка литературы барокко?) — магия чисел; типичные для эпохи Возрождения аллюзии и образы античной литературы. А самое главное — я нигде не обнаружила переданной во всей полноте духа протестантской культуры — духовной опоры Британии той поры. Тема индивидуального противостояния (один на один) человека и Времени, человека и Смерти, человека и Страстей; воспевание свободной, мощной, сильной личности, имеющей право на счастье независимо от предрассудков и общественного мнения — вот, на мой взгляд, соль и краеугольный камень всех 154 сонетов великого Шекспира.

Наталья ИВАНОВА

Сонет № 7

Лишь юное светило на востоке
Явленьем осчастливит небеса,
В молитвенном и трепетном восторге
К нему стремятся жадные глаза.

А солнце поднимается к зениту,
Красавец лучезарный в цвете лет;
По-прежнему сердца ему открыты,
И, кажется, конца триумфу нет.

Когда же на убогой колеснице,
Как старец — в землю, солнце канет в ночь,
Брезгливо опускаются ресницы,
Предатели-глаза стремятся прочь.

В сиянье полдня помни о кончине
И о надежде старости — о сыне.

Сонет № 12

Когда часов удары я считаю
И вижу погруженье света в тьму,
И как фиалка вянет, созерцаю,
И на собольих кудрях — седину,

И вижу обнаженной и безлистной
Ту рощу, что стада спасала в зной,
Вязанки летней зелени душистой
Под инея колючей бородой.

Вопрос о красоте твоей терзает:
Ведь ты исчезнуть должен, как и все,
Ведь прелести собой пренебрегают,
Дав место новоявленной красе.

Серп времени не ведает пощад,
В предвечный час лишь дети защитят.

Сонет № 23

Актер бездарный, в страхе леденящем
Забывший на подмостках роль свою,
Иль чудище, чей яд, вглуби кипящий,
И сердце прожигал, и чешую —

Так, оробев, я напрочь забываю
Мудреный куртуазный ритуал,
И, кажется, любовь ослабевает:
Избыток мощи сам себя сломал.

Пусть взоры — сердца пылкого предтечи —
Займут места пустопорожних слов,
В них — о любви молитвенные речи
И нежности неизреченный зов.

Читай же, что гласит любовь немая:
Глазами слышь, уму любви внимая.

Сонет № 49

В то время — если время то придет,
Когда пойму, что стал тебе я в тягость,
Твоя любовь итоги подведет,
Разумно подсчитав любую малость;

В то время, когда ты чужим пройдешь,
Когда светила глаз ответят хладом,
Когда любви прошедшей не вернешь
И пустота приличий станет ядом,

В то время я постигну, наконец,
Что я убог и я тебя не стою,
И, сам себе свидетель и истец,
Сумею оправдать тебя достойно.

Отставку дав, ты был, бесспорно, прав:
Ведь у меня законных нету прав.

Сонет № 50

Как тяжело мне ехать той дорогой,
В конце которой — благость и покой,
Где сам себе, не мучимый тревогой,
Скажу: «Далеко друг твой дорогой».

Не подгоню измученную клячу,
Что тащится, везя мою печаль,
И чувствует, что я едва не плачу:
Все шире между нами бездна — даль.

Коня не подстегнуть кровавым шпорам,
Которые вонзит в него тоска,
И тяжкий стон его звучит укором,
Он ранит дух, как сталь — коня бока.

Ведь этот стон всечасно мне твердит:
Печаль грядет, а радость — позади.

Сонет № 55

Ни мрамору, ни монументов тверди
Моих могучих строк не пережить,
Но, вопреки и времени, и смерти
Ты будешь ярче пыльных глыб светить.

Когда опустошительные бойни
Дома и статуи повергнут в прах,
Не вытравят ни Марса меч, ни войны
Живую память о тебе в стихах.

Иди вперед, не испугавшись тленья, —
Тебе откроют очи и сердца
Грядушие века и поколенья!
Хвала тебе до Судного конца!

Пока ты не восстал средь пробужденных,
Живи в стихах, пребудь в глазах влюбленных.

Сонет № 60

Как волны к берегу мчат исступленно,
Так и минуты, чей размерен ход,
К концу нас приближают неуклонно,
Упорной чередой стремясь вперед.

Ползком младенец движется к расцвету,
Но лишь раскрылся зрелости венец,
Серпы затмений угрожают свету
И время уж не сеятель, а жнец.

Все подлинное пожирая жадно,
Пронзает время юности цветы
И все крушит косою беспощадно,
И бороздит чело у красоты.

Но все ж грядущих дней достигнет стих
О красоте и доблестях твоих.

Сонет № 65

Раз бронза, камень, море, твердь земная —
Все сущее в прискорбной власти тлена,
Как прелести цветка, не увядая,
Стихию поборов, быть неизменной?

О, как медовому дыханью лета
Жестоких дней преодолеть осаду,
Когда и сталь ворот, и самоцветы —
Все сокрушает Время без пощады?

Пугают размышленья эти. Время,
От гроба своего алмаз где скроешь?
Кто облегчит утрат и смерти бремя
И свергнет иго мощною рукою?

Лишь магия чернил мою любовь
Наполнит вечным светом вечных слов.

Сонет № 72

Чтоб целый мир не требовал признаний,
За что же я снискал любовь твою?
Забудь меня по смерти без терзаний —
Ты не докажешь ценность всем мою.

Хвалою станет мне не по заслугам
Лишь во спасенье сказанная ложь —
Так я оправдан буду лучшим другом:
Там горькой правды нету ни на грош.

Чтоб истине любви не пасть всецело,
Чтоб ты из-за меня лжецом не стал,
Да похоронят имя мое с телом,
Чтоб нас двоих позор не истязал!

Стыжусь стихов, что произвел на свет,
А ты — что любишь бросовый предмет.

Сонет № 92

Убей меня: навек себя похить!
Ты только мой до смертного финала —
Ведь мне своей любви не пережить,
Судьба две нити накрепко связала.

Раз так — нестрашно худшее из зол,
Коль меньшее наполнит дух покоем,
Меж тем я утешение нашел,
Что не сразить меня твоим настроем.

На волоске измены — жизнь и смерть —
Непостоянством больше не измучишь;
Любви восторг и счастье умереть —
Обрел права на два блаженства жгучих.

Ужель красы святыня без пятна?
Вино измен боюсь испить до дна.

Сонет № 113

Мои глаза — души кромешный склеп
С тех пор, как ты отобран злой судьбой,
Бессильны очи тела — я ослеп,
Хоть все же зорким и кажусь порой.

Не донесет до сердца мертвый взор
Ни птицы, ни цветка, ни ярких трав:

Встает душа очам наперекор —
И те бросают все, не удержав.

Отобразив уродство или шик,
Чудовище иль чудо красоты,
День или ночь, моря иль горный пик,
Глаз придает всему твои черты.

Тебе лишь (зреть иное нету мочи)
Душа верна, лжецами сделав очи.

Сонет № 127

Не уважали раньше черный цвет,
Зазорным было траур воспевать;
У красоты детей законных нет:
Клеймили чернотой бастардов мать.

С тех пор, как маску фальши носит сброд,
Природу лицемерно губит рок,
Краса, про имя позабыв и род,
Тьму скверны возлюбила и порок.

Любимой брови — ворона крыло,
Очей полночный траур им под стать
По девам, что без золота волос
Красы стяжали и венец, и стать.

Но так идет им эта чернота,
Что скажет всякий: «Мрак есть красота».

Сонет № 128

Ты — музыка моя! Когда играешь
На благодатнейшей из древесин,
И пальчиками звуки извлекаешь,
И слух сражает песней клавесин,

Завидую я клавишам проворным,
Лобзающим прелестную ладонь,
Но губ моих смирение притворно:
Их опаляет ревности огонь.

Чтоб их с такой же нежностью ласкали,
Они бы щепок заняли места,
Где пальцы милые твои гуляли:
Ведь дерево желанней, чем уста.

Раз деревяшки наглые так любы,
Им — пальцы, мне — для поцелуев губы.

Сонет № 132

Твои глаза люблю — меня им жаль:
Ведь ты ко мне остыла с давних пор;
Их черный траур — любящих печаль,
И состраданьем милый полон взор.

Поистине светило утром так
Не разрумянит серых щек востока,
И запада наполовину мрак
Предтеча вечера — звезды не славит око,

Как траур двух очей — лицо твое!
Набрось на сердце сумрачный покров,
Одень во тьму сочувствие свое!
Кромешный взор я вечно петь готов!

Клянусь тогда, что черный — колер страсти
И мерзки все, в ком вороной нет масти.

Сонет № 133

Проклятье сердцу, что, поправ закон,
Наносит мне и другу столько ран!
Не я один тобой порабощен:
И друга черный подчинил тиран!

Жестокая! Теперь я узник твой,
Твой плен познало и «второе я»:
Себе, ему, тебе я стал чужой —
Тройная пытка трижды — боль моя.

Упрячь меня в тюрьме груди стальной,
Но сердце друга выкупить позволь,
Плененный, сохраню его покой —
Тогда мне твой не страшен произвол.

В тебе я, как в темнице, демоница,
Томлюсь в объятиях очей зеницы.

Сонет № 147

Моя любовь — всеядная чума,
Но жаждет ненасытно до сих пор;
Стремится сохранить себя сама
Моя всепоглощающая хворь.

Мой разум — от любви лечивший врач,
Его не слушая, я стал болеть;

Им брошенный, постигну я сквозь плач,
Что страсть неисцелима, словно смерть.

Ума лишенный, я неизлечим,
Я лихорадки пламенем объят,
И дум, и речи смысл непостижим,
Когда безумца губит страсти яд.

Я клялся: ты светла, а ты — точь-в-точь
Черна, что пекло, и темна, как ночь.

Сонет № 149

Жестокая! Тебя ли не люблю?
Тебе во благо, сам себе я враг!
Тебя лишь ради сам себя гублю
И угнетаю сам себя, простак.

Кто из противников твоих мне друг?
Тем умилюсь ли, кто тебе немил?
Коль хмуро на меня посмотришь вдруг,
Не делается ль белый свет постыл?

В себе что за достоинство найду,
Чтоб гордо смог презреть тебя тотчас?
Я пред пороком ниц твоим паду,
Послушный лишь движенью черных глаз!

Причину хлада понял, наконец:
Ты любишь зорких, ну а я — слепец.

Перевод с английского
Натальи ИВАНОВОЙ.

Зинаида КРАСНЕВСКАЯ

Пантеон женских сердец

Барбара КАРТЛЕНД
(9 июля 1901 года — 21 мая 2000 года)

Леди Гамильтон, леди Гамильтон!
Ты была в моей жизни!

Всякий раз, когда думаю о Барбаре Картленд, в моей памяти почему-то сами собой всплывают слова из незамысловатой песенки, популярной лет двадцать тому назад в исполнении тогда еще молодого и энергичного Николая Караченцова. Те самые, что вынесены в качестве эпиграфа. Впрочем, никаких отсылок к одноименному кинофильму «Леди Гамильтон» с красавицей Вивьен Ли в главной роли. О нем, собственно, и поется в старом шлягере. Но у нас все гораздо проще. Дело в том, что мама будущей «королевы любовного романа» (почти официальный титул моей героини), установившей за свою долгую и плодотворную жизнь бессчетное количество всяческих литературных и прочих рекордов, так вот, мама Барбары Картленд, она действительно из рода Гамильтонов. Тех самых! Так что киношные ассоциации очень даже уместны.

Более того! Барбара Картленд, или Мэри Барбара Гамильтон Картленд, как значится полное имя писательницы, полученное ею при рождении, не просто была и продолжает быть в моей жизни. Признаюсь честно, как на духу: в далекие и голодные годы, последовавшие после развала Советского Союза, именно эта аристократка, ставшая прославленной писательницей мирового уровня, спасла меня, на тот момент безработного переводчика научно-технической литературы, пусть даже и первой категории, как значилась моя должность в трудовой книжке, можно сказать, от нищенского и полуголодного существования, за что ей нижайший поклон и вечная память. И представьте себе: никакого преувеличения! Люди старшего поколения хорошо помнят, каково это было в самом начале девяностых: работы нет, денег, естественно, тоже. А все трудовые сбережения благополучно сгорели в ходе пресловутой «павловской» реформы. Словом, полнейшая безнадега.

Но я уже, кажется, где-то писала об этом, не помню только где. Пространно делилась с читателем всякими невеселыми подробностями того, как непросто дается новый *‘start-up’* («начинай все сначала», если по-русски), когда тебе уже за сорок. Но поскольку *«хлеб наш насущный дашь нам днесь»*, то отступать было некуда, и я, вооружившись тремя томиками самых последних на тот момент романов Барбары Картленд (их привез из-за границы мой племянник, за что ему отдельный и тоже самый низкий поклон), стала методично обходить издательства города Минска, предлагая им свой незамысловатый товар. Интеллектуальный

Барбара Картленд.

продукт, выражаясь современным языком. Но об этом я тоже где-то писала, а потому обойдемся без повторений.

Скажу лишь одно. Барбара Картленд вкупе с моим дорогим племянником Владимиром Михайловичем Булойчиком не просто спасли меня от голодной смерти (оставим сей оборот в качестве пусть и затертой, но все же метафоры), но и круто развернули всю мою дальнейшую профессиональную жизнь, направив ее в кардинально новое русло. Прощайте милые моему сердцу научно-технические тексты с их мудреной тематикой и изощренной лексикой, всякие там описания изобретений, сертификаты качества, инструкции по эксплуатации, технологические карты и просто научные и теоретические статьи и рефераты. Пришлось быстро, что говорится, на ходу переквалифицироваться в переводчика художественной литературы. Им я остаюсь и поныне, несмотря на почтенный возраст. Хотя острой финансово-экономической необходимости вроде бы как уже и нет. В старости ведь всего надо меньше, в том числе и денег.

Но я, тем не менее, продолжаю переводить и переводить, потому как это ужасно интересно, увлекательно, и прочее, и прочее. Думаю, переводами я буду заниматься до тех пор, пока у меня хватит сил и желания. Ну, и заказы, разумеется! За что еще раз спасибо тебе, Барбара Картленд! Ведь именно благодаря тебе я открыла поистине безбрежный мир художественного перевода.

А что же непосредственно до самой благодетельницы, то на моем счету ныне не менее дюжины переводов романов Картленд. Все они благополучно продолжают издаваться и переиздаваться на обширных пространствах СНГ (часто без ведома переводчика). Изредка в интернете наталкиваюсь на очередной отзыв (чаще всего положительный) своих переводов. Прочитываю, самодовольно усмехаюсь и снова задаюсь одним и тем же сакраментальным вопросом. Так что же это такое? Что за феномен в современной мировой литературе создала эта безупречная леди в розовом по имени Барбара Картленд? Кстати, розовый — это любимый цвет писательницы, вполне искренне верившей в то, что именно розовое приносит ей счастье и удачу. Достаточно взглянуть на обилие ее фотографий, выложенных в сети. И снова кстати! Ведь действительно — леди! Леди до самых кончиков ногтей, без всяких там натяжек и ненужных усилий, чтобы таковой казаться.

Леди, так сказать, по самому факту своего рождения. Как тут не вспомнить весьма забавный, но уместный в этой связи эпизод из автобиографических воспоминаний Агаты Кристи! Прославленная детективщица не без юмора повествует о том, что в детстве страстно мечтала вырасти «настоящей леди». На что ее няня благоразумно пояснила своей воспитаннице, что сия участь ей никак не грозит, даже если ей повезет стать женой

какого-нибудь разорившегося графа. Потому как истинной английской леди, по словам няни, невозможно стать, ею просто нужно родиться (к слову, хорошее напоминание всем тем, кто ныне швыряется этим словом направо и налево, раздаривая его подряд почти всем представительницам слабого пола).

Но как бы то ни было, а наша героиня родилась леди. Именно леди, или «чисто английской дамой», если расшифровать сие понятие уже на русский манер. Не просто женщиной безупречного воспитания и отменного образования, полученного в одной из частных закрытых школ, которые по иронии судьбы и вопреки всякой внятной логике сами англичане упорно продолжают именовать *'public schools'*, то есть «публичные» или «общественные школы», — кстати, хороший пример для так называемого антонимического перевода, когда английское словосочетание требует толкования, прямо противоположного тому, что заложено в нем на уровне букв и звуков. Итак, элитарное образование, полученное в элитарной женской школе, плюс умение держать удар в любой ситуации и при любых жизненных коллизиях, не опускаясь до дешевого мелодраматизма или абсолютно неуместного самопиара.

К слову, именно неуемная страсть к саморекламе развела впоследствии строгую бабушку Барбару и ее сводную внучку принцессу Диану по разные, так сказать, стороны окопа. (Старшая дочка Барбары Картленд была замужем вторым браком за восьмым графом Спенсером, отцом будущей принцессы.) Общеизвестно, что Диана просто обожала романы своей, пусть и не родной, но столь знаменитой бабули. Один из таблоидов того времени даже запечатлел принцессу, возлежащую на диване и обложенную со всех сторон томиками любовных романов Картленд. Бабушка, в свою очередь, тоже демонстрировала полную приязнь к красавице внучке, судьба которой поначалу складывалась точь-в-точь как у героинь ее многочисленных опусов. Но стоило начаться раздорам в венценосном семействе, и Барбара Картленд немедленно и однозначно приняла сторону мужа Дианы, будущего наследника престола. Потому что истинной английской леди не пристало так себя вести! Ведь альфа и омега поведения всех особ, приближенных к трону, формулируются предельно просто: никакой публичности в том, что касается личных дел. Их надо уметь улаживать так, чтобы не становиться притчей во языцех, независимо от того, какая тебе выпала планида — оказаться жертвой, несправедливо обиженной героиней или совсем наоборот.

Но продолжим перечисление качеств, необходимых для настоящей леди. Конечно же, железное самообладание и воля, помогающая подниматься с колен и идти вперед вопреки всем ударам судьбы, то, что сами англичане называют умением *'to face challenges'*, плюс еще много чего другого. Достаточно перечитать стихотворение Киплинга «Если», чтобы освежить в памяти набор всего того, что нужно. Например, любовь к труду и способность работать, если нужно, не покладая рук. Все эти качества в полной мере проявились в характере самой Барбары Картленд, прожившей, повторюсь еще раз, — долгую и насыщенную событиями жизнь. Подумать только! Родилась в год смерти приснопамятной королевы Виктории, а отошла в мир иной, пережив, между прочим, и несчастную принцессу Диану, уже на стыке XX и XI веков, то есть почти в столетнем возрасте. И все же начальный этап этого векового жизненного марафона отнюдь не был усыпан розами.

Да и какие там розы! Уже на момент рождения девочки-первенца семья была практически на грани разорения. А тут и Первая мировая война

началась. Отец ушел на фронт и погиб во Фландрии в 1918 году. Молодая вдова с тремя детишками на руках (попутно замечу, что два младших брата Барбары Картленд будут воевать на фронтах уже Второй мировой войны и тоже падут смертью храбрых) перебирается в Лондон и, вопреки всем аристократическим заморочкам, могущим запугать какую-нибудь другую слабонервную даму, открывает в столице магазин готового платья. И никакого снобизма. Надо растить детей!

Юная Барбара с готовностью подставляет плечо матери, тоже отложив на потом все свои великосветские развлечения, сулившие в перспективе молоденькой хорошенькой дебютантке выгодную партию с кем-нибудь из числа изрядно поредевших представителей аристократических семейств, кому посчастливилось вернуться живым с войны. Но разве об этом сейчас надо думать?! И вот уже с 1920 года Картленд начинает самостоятельно зарабатывать на жизнь, вначале в качестве репортера светских хроник, а потом и ведущей светской рубрики в одной из старейших британских газет «Дейли телеграф».

Подумаешь! — быть может, воскликнет кто-то, дочитав до этого места. Тоже мне работа! Порхала себе из одной великосветской гостиной в другую, куда была вхожа по праву рождения, и строчила попутно заметки о туалетах дам, о фасонах шляпок на их головках, о самых последних модных тенденциях и прочей чепухе, которой обычно заполняются подобные газетные колонки. Это тебе не кирпичи на стройке разгружать!

Все так! Но ведь строчила же, а не бесцельно пялилась на прохожих из окна роскошного лимузина или купе вагона первого класса. И не просто строчила, но и пыталась сопоставить то, что увидела и подсмотрела в изысканных интерьерах роскошных особняков, с тем, что видела вокруг себя в уже обыденной, повседневной жизни. Ведь для большинства британцев жить, а точнее, выживать, в первые послевоенные годы было совсем непросто. Яркая мишура гламурной жизни (кстати, именно Барбару Картленд на Западе называют родоначальницей всего того, что ныне именуется стилем «гламур»: роскошные туалеты, бриллианты, меха, ягуары, кадиллаки, яхты… Всем этим радостям она отдала дань сполна), так вот, глянцевый блеск великосветской суеты не помешал еще совсем юной девушке разглядеть и неприглядные стороны бытия. И не просто разглядеть, но и весьма обстоятельно проанализировать их в своем самом первом романе, который был написан всего лишь в возрасте девятнадцати лет, в 1920 году. Причем на спор с одним из братьев. Довольно типичная история, не правда ли? Насколько мне помнится, точно так же на пари с сестрой взялась писать свой первый роман и Агата Кристи.

Роман увидел свет спустя пять лет, в 1925 году, под названием “JIGSAW”, тиражом всего лишь пять тысяч экземпляров. Впервые на русском языке этот роман под названием «Оттенки страсти» был издан в 2014 году в издательстве ЭКСМО. Если честно, то я, как автор перевода, не в большом восторге от столь кокетливого названия, запущенного в оборот издателями, видно, по ассоциации с нашумевшей «нетленкой» о пятидесяти оттенках серого. В моей рукописи значилось менее броское заглавие: «Превратности любви». Тоже не бог весть что, но все же лучше того варианта, который зафиксирован нынче в Википедии. Ибо там первый роман Барбары Картленд значится как «Пила, танцующая джигу».

При чем здесь пила? — воскликну я с самым искренним негодованием. Английское слово *jigsaw* действительно имеет одно из значений «пила, лобзик», но оно же одновременно означает и «головоломку» или «шараду». Пожалуй, «Шарады любви» был бы самым точным и правильным вариан-

том перевода. А Википедия продемонстрировала нам худший и совершенно бездумный образчик буквализма без учета не только содержания романа, но и всех значений английского слова, приведенных в любом мало-мальски выверенном англо-русском словаре. Так что призываю всех пользователей интернета к бдительности и еще раз к бдительности! Не стоит, дорогие мои, принимать на веру все то, что гуляет нынче по безбрежным просторам мировой паутины. Как говорится, доверяй, но проверяй.

Но если отвлечься от заглавия и вернуться к сути, то скажу коротко: первый литературный опус молоденькой дебютантки имел оглушительный успех. Воистину, после того как роман появился на прилавках книжных магазинов, начинающая писательница с полным правом могла бы воскликнуть вслед за лордом Байроном, что на следующий день она проснулась знаменитой. Между прочим, многие критики до сих пор считают, что именно этот роман Барбары Картленд остается ее самым лучшим произведением.

Так ли это на самом деле, могут сегодня оценить и наши отечественные поклонники таланта знаменитой англичанки. А я лишь отмечу, что мне, как переводчику, очень повезло, ибо работа над переводом “JIG-SAW” на русский язык была не просто «в кайф», как любят выражаться наши молодые. Она сопровождалась множеством самых неожиданных и приятных открытий, то и дело заставляя удивляться и даже восхищенно восклицать. Вот ведь, оказывается, какими глубокими могут быть размышления девятнадцатилетней девушки, думала я. И какими неожиданными, а порой и нелицеприятными, могут быть ее суждения о той среде, в которой она была взращена. Но это при условии, что юная девушка смотрит на окружающий мир незашоренным взглядом, без всяких там классовых предрассудков, сословных вкусов и привычек.

Применительно к моей героине это верно на все сто! Гламур с его белыми, почему-то обязательно белыми! — кадиллаками и жемчугами всегда занимал свое законное место в ее жизни, но при этом некая высшая правда жизни, особенно в том, что касается подробностей антуража и всяких разных мелких деталей развития сюжета, она всегда оставалась для Картленд важнейшей составляющей ее творчества. Да, правда, которую преподносит нам «королева любовного романа», она вся такая розовая и воздушная, во многом повторяющая внешний облик самой писательницы. Но это только на первый взгляд! А уже на второй ты понимаешь, что имеешь дело отнюдь не с доброй феей-сказочницей, убаюкивающей своих почитательниц и поклонниц красивыми историями о любви. О, нет! У этой женщины есть свое писательское кредо, очень жесткое и незыблемое, — более того, свои железные правила жизни, от которых сама она за все девяносто девять лет жизни не отступила ни разу. И это, как ни парадоксально, придает особую достоверность всем ее «сказочным» повествованиям. А в результате, какими бы невероятными ни были перепады в судьбах ее героинь, какими бы умопомрачительными ни были виражи приключений на дорогах их странствий в поисках любви и счастья, всем этим историям почему-то всегда веришь, причем безоговорочно. И не только потому, что они изящны, красивы, добры, оптимистичны и прочее. Нет! Романы Барбары Картленд правдивы! Правдивы в малом, а потому так легко принимаешь на веру то, что они могут быть правдивы и в большом.

Словом, во внешне незатейливых любовных романах Картленд в полной мере присутствует все то, что древние греки именовали емким словом *typos*, то есть *типическое*, а именно: те качества и признаки, те характерные черты, свойственные как людям, так и укладу их жизни, которые в сход-

ных жизненных обстоятельствах проявляются одинаково. Ну, или почти одинаково. Что ж, если автор в своем творчестве способен подниматься до высот типизации, то это уже изначально свидетельствует о его недюжинном таланте, не так ли?

В этой связи позволю себе еще одно небольшое отступление, впрочем, вполне уместное в русле нашего разговора. Лет двадцать назад я разразилась ироничным отзывом в прессе по поводу романа одной нашей на тот момент начинающей, а ныне успешной литераторши, подвизающейся на ниве именно женского романа. В издательстве, где трудились мы обе, роман дали мне для ознакомления с предложением выступить на презентации сего опуса. Само собой, от меня, как от знатока зарубежной женской прозы, ожидали супер-пупер хвалебных оценок в адрес автора. Помнится, прочитала роман и запылала праведным гневом (царапнула и даже разозлила откровенная неправда именно в мелочах и деталях, отчего общее впечатление о книге оказалось смазанным и весьма нелицеприятным). На презентацию я не пошла, а все свои претензии к автору излила в коротенькой заметке, стоившей мне мгновенного разрыва всяческих деловых отношений с данным издательством. Там на полном серьезе посчитали, что статья — заказная. Более того, что недоброжелатели и конкуренты нашей восходящей литературной звезды заплатили мне за ее публикацию.

Оглядываясь в прошлое, скажу так: напрасно я не явилась на ту приснопамятную презентацию, напрасно не выступила там и не озвучила публично все тезисы своей статьи, ибо ничего в моих вкусовых ощущениях за минувшие годы не изменилось. А ведь могла бы в доброжелательной форме посоветовать авторессе полистать на ночь глядя штук двадцать-тридцать романов Барбары Картленд, чтобы понять, как достойно писать о любви для женской аудитории, причем самой разной, начиная от высоколобых интеллектуалок и кончая продавщицами овощей в сезонных лотках.

Ну почему, спрашиваю себя в стотысячный раз, я готова поверить Картленд, даже если она отправит одну из своих героинь на самую вершину Альп и заставить ее спрыгнуть оттуда вниз ради спасения своего возлюбленного? И почему такое жутчайшее раздражение, почти на грани классовой ненависти, вызвала у меня скромная секретарша из какой-то преуспевающей минской фирмы, директор которой одаривает свою возлюбленную кольцами от Версаче и коротает с ней уик-энды в европейских столицах? Почему мне вслед за великим Константином Сергеевичем так хотелось и по-прежнему хочется кричать громко-громко, во весь голос: «Не верю!»?

Да потому и хочется, что туфта все это! Неправда, и в большом, и в малом. Хотя вполне допускаю, что даже в нынешние кризисные времена в Минске все еще остаются места, где балуются кольцами от Версаче и прочей псевдосветской ерундой. Но в целом никак не складывается воедино наш кубик Рубика. Ибо то, что реально имеет место в каком-то конкретном отдельном случае, категорически не желает подчиняться законам типизации и становиться литературой в полном смысле этого слова. Мне искренне жаль тех наивных девочек, которые зачитываются подобной беллетристикой. Уж лучше перечитать лишний раз бессмертную сказку про Золушку. Она гораздо правдивее.

Кстати, о драгоценностях. Незадолго до смерти Барбара Картленд выставила на знаменитом аукционе «Сотбис» свою обширную коллекцию бриллиантов и прочих драгоценностей. Все пятьдесят семь лотов мгновенно ушли с молотка. А сама их бывшая владелица так прокомментировала состоявшееся мероприятие:

«Бриллианты — как поцелуи, каждый из них словно ветерок из прошлого, память о встречах, улыбках, лицах. Понимаю, не очень-то романтично пускать все это с молотка. Однако где сейчас те балы, на которых в них можно появиться? И что толку квасить бриллианты в подвалах банков?»

Прислушайтесь, наши отечественные светские львицы, к этим мудрым словам истинной английской леди. Как говаривала когда-то моя бабушка, *яна мела рацыю*, эта дама в розовом.

Но вернемся к литературе. Итак, первый роман и первый серьезный успех. Тираж мгновенно был раскуплен. Последовало второе переиздание, потом третье. И пошло-поехало… Как поется в одной старой песенке, «одна снежинка — еще не снег». Вот именно! Наверное, поэтому Барбара Картленд обрушила на головы своих читателей самый настоящий снегопад из любовных нетленок.

Судите сами! После смерти писательницы ее биографы подбили статистику и огласили итоговые цифры. На счету писательницы на тот момент значилось 723 изданных произведения — рекорд, занесенный в Книгу Гиннесса. Из них 657 любовных романов, изданных во всем мире общим тиражом около миллиарда экземпляров. И это не считая всевозможных пиратских изданий, суммарный тираж которых, пожалуй, тоже приближается к миллиарду. Помимо любовных романов на счету Барбары Картленд многочисленные сборники кулинарных рецептов и полезных советов, книги о здоровом образе жизни, фанатом которого она была сама до последних дней. Плюс к этому — книги по домоводству и рачительному ведению хозяйства, автобиографические воспоминания и биографии современников. Но и эти ошеломляющие по своим масштабам цифры едва ли можно назвать окончательными. Ведь в архиве писательницы после ее смерти обнаружено более ста неопубликованных романов, которые продолжают выходить и сейчас, радуя многочисленных почитателей и почитательниц таланта Барбары Картленд по всему миру.

На сегодняшний день Барбара Картленд является, по данным ЮНЕСКО, одним из самых переводимых писателей в мире, занимая почетное седьмое место в первой десятке первых среди первых, наряду с Шекспиром, Толстым и Сервантесом. Неплохое соседство, не правда ли?

Стоит ли удивляться после этого, что Дама-Командор Ордена Британской империи (этой почетной награды Барбара Картленд была удостоена в 1990 году) является персоной с самым длинным описанием своих личностных заслуг в знаменитом справочнике *Who is Who?*

А заслуг, помимо литературного творчества, действительно немало! Всю свою долгую жизнь Барбара Картленд активно занималась общественной и благотворительной деятельностью. Не перечесть те фонды и благотворительные комитеты, в которых она состояла или которые возглавляла. Так, в годы войны, обернувшиеся для писательницы огромным личным горем (она потеряла обоих своих братьев), Барбара Картленд официально числилась командиром женщин-офицеров благотворительной службы Великобритании, которая на тот момент располагалась в Бефордшире.

Послевоенные годы ознаменовались новыми успехами на общественном поприще. Картленд колесила по всему миру, посещая страны Содружества, повсеместно организуя фонды в помощь голодающим, открывая приюты для детей-сирот, помогая чем только можно обездоленным и сирым мира сего. Так, к примеру, она приняла активное участие в подготовке закона, позволившего детям цыган учиться в обычных английских школах наравне с другими детьми, потом лично пролоббировала этот зако-

нопроект, добившись его принятия в парламенте. После чего на собственные средства основала оседлое поселение цыган на территории одного из графств. Благодарные жители назвали поселок в ее честь — Барбарвиль.

Вот такой она была по жизни, эта законодательница гламура с ее неуемной страстью к белым кадиллакам, белым соболям и белым шляпкам, но обязательно в сочетании с розовыми нарядами. Этой цветовой гамме Картленд осталась верна до конца. Все это знали, помнили и по мере сил подыгрывали вкусам стареющей матроны. Во всяком случае, галантные французы поступили именно так. Когда в 1988 году тогдашний президент Франции Жак Ширак лично вручал знаменитой англичанке Золотую медаль Парижа, то столичная мэрия закатила по этому случаю просто грандиозный прием, увенчавшийся не менее грандиозным фейерверком. Небо над Парижем расцветилось тысячами розовых роз, а среди них горели сердца, внутри которых сверкали инициалы писательницы — «*B. C.*», то есть Барбара Картленд.

Впрочем, надо отдать должное нашей истинной леди. Вкусы лавочников с их откровенной тягой ко всему внешнему, броскому, сиюминутному всегда были ей чужды. К собственной славе она относилась с чисто британской невозмутимостью, не разменивая ее на слухи и сплетни. Да и всяческие карьерные амбиции ей тоже были всегда неинтересны, в чем она разительно отличалась от другой английской леди, прозванной самими британцами «железной». Я имею в виду Маргарет Тэтчер, которая, как известно, никогда не пользовалась особыми симпатиями своих соотечественников. В отличие от Барбары Картленд с ее самым искренним и совсем не показным равнодушием к политике и власти.

Во всяком случае, когда Уинстон Черчилль, кстати, большой поклонник творчества писательницы, любивший в редкие минуты досуга почитать именно романы Картленд, предложил Барбаре Картленд войти в его послевоенный кабинет в качестве министра, та ответила ему вежливым отказом, добавив не без юмора, что она предпочла бы министерскому креслу мужа-министра или даже самого премьер-министра. Потомок герцогов Мальборо по достоинству оценил эту тонкую шутку. Более в своих беседах к теме политики они не возвращались. Да и зачем, когда в мире столько всего интересного, помимо утомительных политических интриг и скучной канцелярщины?

Столь же подчеркнуто спокойным было отношение Барбары Картленд к деньгам и всему тому, что с ними связано. Да, ее гонорары впечатляли, да, богатство позволяло ей вести тот образ жизни, к которому она привыкла. Что не мешало писательнице тратить огромные суммы на всевозможные благотворительные акции и пожертвования и при этом спокойно, почти равнодушно (во всяком случае, внешне) взирать на многочисленные пиратские посягательства на свои книги.

Помнится, в одном из интервью писательница с присущим ей благодушием поведала журналисту следующую историю, случившуюся с ней где-то в конце семидесятых — начале восьмидесятых прошлого века. Она в сопровождении внука (или внучатого племянника, уже не помню точно) прибыла в Индию для участия в очередной благотворительной акции: открытии госпиталя для бедных в Нью-Дели. Уже в аэропорту ее взяли в плотное кольцо толпы восторженных фанатов и фанаток. Сотни протянутых рук с ее книжками и просьбами об автографе. Каково же было удивление и даже изумление Картленд, когда, взяв в руки одну из книг, она увидела на обложке название своего последнего романа, еще только-только готовившегося к печати в самой Англии. Оказывается, местные предприимчивые

книгоиздатели уже успели опередить коллег из метрополии, запустив в обращение, судя по всему, немереный тираж пиратского издания вопреки всяким там *copyright.* Конечно, Картленд попеняла своему литературному агенту за недосмотр, но раздувать скандал не стала.

— Пусть читают! — вздохнула она понимающе. В конце концов, за все в этом мире приходится платить. В том числе и за собственную славу.

И все же, когда погружаешься в изучение биографии Картленд, когда читаешь о том, какой насыщенной событиями и встречами была ее жизнь, то невольно ловишь себя на мысли, что все эти события, калейдоскопически сменяющие друг друга, все ее многочисленные встречи и знакомства с сильными и знаменитыми мира сего — это лишь яркий декоративный фон для главного: ее творчества. И даже факты собственной биографии — тоже не более чем ненавязчивый аккомпанемент к ежедневному писательскому труду, которому было подчинено все остальное. Таким аккомпанементом стали в ее жизни два замужества, неудачное первое, хотя и по любви, ибо муж оказался ловеласом и пьяницей (в этом браке Барбара Картленд родила дочь, ту самую, которая впоследствии стала мачехой принцессы Дианы), и более счастливое второе, которое ознаменовалось рождением сына. Печальным событием стала смерть второго мужа, последовавшая в 1964 году.

А вообще-то дотошные биографы подсчитали, что руки и сердца юной Барбары безуспешно домогались не менее пятидесяти соискателей, но всем им было отказано по тем или иным причинам. А самая первая помолвка и вовсе была расторгнута целомудренной невестой, шокированной тем, что во время одного из свиданий жених, боевой кадровый офицер, рискнул зайти в отношениях с будущей женой несколько дальше невинного поцелуя в щечку.

Разумеется, были в жизни Картленд и обычные семейные радости: взросление детей, рождение внуков, а потом и правнуков. Семья увеличивалась, разрасталась, вплетала в себя все новых и новых членов, но все это оставалось где-то на периферии интересов самой писательницы, занятой в это самое время сочинительством очередной любовной истории.

Да, именно так! Ибо если спросят меня: так о чем это она настрочила целых шестьсот пятьдесят семь или даже все семьсот романов? — я отвечу коротко и исчерпывающе: о любви. Только о любви и ни о чем более! О той самой любви, которая, по словам Апостола Павла, *«долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестанет, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится»* (1 Кор. 13, 4—8).

Ну как тут не восхититься изобретательностью писательницы и ее поистине безграничной фантазией по части придумывания сюжетов для своих книг, выстроенных по внешне очень простой схеме: ОНА + ОН = ЛЮБОВЬ.

Именно так: ЛЮБОВЬ с большой буквы. Да и все герои хороши, как на подбор, и как правило, полностью соответствуют высокой миссии пропаганды этого высокого чувства. Они благородны, умны, бескорыстны, нравственно безупречны и, конечно, красивы. Особенно это касается героинь. Недаром в одном из своих интервью сама Барбара Картленд сказала об этом так:

«Все мои героини, за исключением одной-единственной, — девственницы. Все молоды и прекрасны. Для всех любовь — это в первую очередь

не секс, а проявление самых чистых и трепетных душевных порывов. Они никогда не станут спать с мужчиной, если тот прежде не наденет им на палец обручальное кольцо. Уж во всяком случае, не раньше 118-й страницы», — добавила она с веселым смехом.

Впрочем, в другом интервью Картленд призналась, что предпочитает держать дверь в супружескую спальню закрытой, ибо то, что касается двоих, должно между ними двумя и остаться.

Итак, главная или, как любят выражаться критики, магистральная тема творчества определена, неуемная фантазия работает с полной нагрузкой. Следовательно, вперед! К новым литературным рекордам! Вот один из них, пожалуй, самый впечатляющий. Только за один 1983 год Барбара Картленд выпустила в свет двадцать шесть новых романов. Заметьте, такую поистине фантастическую производительность труда почтенная дама продемонстрировала в возрасте восьмидесяти двух лет. Так что прославленный Гете с его «Фаустом» (творение, которое он неустанно шлифовал вплоть до глубокой старости), просто отдыхает на фоне подобных ударных темпов труда.

Что ж, самое время сделать паузу и скушать, как советует реклама, TWIX, после чего слегка приподнять завесу и заглянуть в святая святых писательницы — в ее рабочий кабинет. А его и нет! И не было! Вот диво дивное! Действительно, никакого кабинета у Барбары Картленд никогда не было. Конечно, свои самые первые опусы писательница, как и положено журналистке, отстучала на пишущей машинке, сидя за офисным столом в редакции, но постепенно, шаг за шагом, у нее выкристаллизовалась своя творческая процедура, своеобразный ритуал, который она неукоснительно соблюдала на протяжении более чем полувека.

Впрочем, подобные ритуалы имеются у многих крупных писателей. Известно, например, что Сименон, приступая к написанию очередного романа, запирался в своей комнате, и никто не смел потревожить его затворничество в течение месяца или полутора, пока длилась работа над новым произведением. Кто-то из литераторов предварительно затачивал кучу карандашей, раскладывал на письменном столе особым образом стопки чистых листов бумаги, кто-то, как Бальзак, заваривал тазиками кофе и одновременно парил ноги в других тазиках, кто-то… А вот наша героиня вела себя иначе.

Вначале она уединялась в молельне, испрашивая у Всевышнего благословления на очередной труд, затем, облаченная в розовый пеньюар, укладывалась в постель, приткнув себе под бочок очередную любимую собачку-пекинеса, (*n*-ю) по счету, с учетом долгой жизни самой хозяйки, пережившей не одного такого любимца, и… И принималась наговаривать на диктофон очередную нетленку.

Так что ж ты нам мозги пудришь! — рассерженно воскликнет иной читатель в праведном гневе своем. Какое же это творчество, а? Да это самая настоящая халтура, причем чистейшей воды.

А вот и нет! А вот и нет! — весело отвечу я на манер ребячьей присказки: обманули дурака на четыре кулака. Только вот у нас все без обмана! Действительно, большинство своих романов Барбара Картленд не написала, а начитала на диктофон. Но как начитала! Все редакторы, работавшие с ее книгами, единодушны в своем вердикте: после того как магнитофонная запись переносилась на бумагу, в авторский текст не вносилось правок. Ни единой правки! — вот он, фирменный стиль Барбары Картленд во всей его красе. Поразительно!

Поразительно, воскликну я еще раз, уже как переводчик более десятка ее романов. Ибо все романы Картленд написаны (ну, или надиктованы,

если хотите) безукоризненно красивым языком. Недаром (повторюсь еще раз!) их так любил Уинстон Черчилль. Уж кто-кто, а он-то, получивший в свое время Нобелевскую премию именно по литературе, в том числе и за высокохудожественный стиль своих произведений, знал в этом толк. Такой язык сами англичане величают не иначе, как *'the King's (Queen's) English'*. Кстати, еще одно шекспировское выражение, вошедшее в современный английский язык из его комедии «Виндзорские насмешницы», означающее буквально «язык королей». А вообще-то, это правильный, безупречно правильный литературный английский язык, на котором как раз и учат разговаривать во всяких там Итонах, Оксфордах и прочих рафинированных учебных заведениях и школах.

В свое время я всегда советовала студентам, изучавшим английский язык. Хотите научиться разговаривать на языке королей? Читайте Барбару Картленд в оригинале. И вы получите, как говорят сегодня, два в одном: узнаете, что такое по-настоящему красивый английский язык, и с удовольствием проведете несколько часов в мире не менее красивых фантазий писательницы. Хотите освоить настоящий английский язык, без всяких там кокни и прочих диалектов и сленгов? — адресую я свой вопрос, обращаясь уже непосредственно к читателям очерка. Ну так живее на поиски непереведенных романов Барбары Картленд, если таковые еще имеются.

А уж переводить романы Барбары Картленд — это одно сплошное наслаждение, доложу я вам со знанием дела. Короткие, отточенные до совершенства фразы, огромное множество аллюзий, реминисценций, остроумных каламбуров и метких острот, живые диалоги, динамичное развитие сюжета и масса самой разнообразной, но всегда интересной и запоминающейся информации, ненавязчиво разбросанной по страницам романов. Вот она, вечная и неуемная тяга писательницы к просветительству самых широких масс, включая и те слои общества, которые по ряду причин не обучались в закрытых школах и не знакомы накоротке со всякими там королями и королевами. Но не стоит забывать! Ведь у Барбары Картленд имеется и уйма книг в жанре, так сказать, нон-фикшн: многочисленные путеводители по достопримечательным местам, пособия по домоводству и прочее, в которых собраны обширные сведения обо всем на свете.

А потому, будьте уверены, если волей судьбы героиня Картленд окажется в Риме («Поцелуй в Риме»), то вам очень обстоятельно, но вполне уместно в общем контексте повествования расскажут и о фонтане Треви, и о вилле Боргезе, и о Колизее, и о других архитектурных шедеврах Вечного города. А в Мюнхене («Капризный ангел») вас познакомят со знаменитой Пинакотекой, отправят на экскурсию в прославленный замок Линдерхоф, выстроенный эксцентричным баварским королем Людвигом в посрамление Версаля. А потом вы вместе с героями книги посетите известный на весь мир пивной ресторан «Хофбройхаус» («Придворная пивоварня»), расположенный в самом центре Мюнхена, где узнаете, что такое — йодль, и послушаете, как поют свои йодли коренные жители баварских Альп. Ну, а если, скажем, события в романе разворачиваются в какой-нибудь из дальневосточных стран, то вам подробно опишут живописную бухту Гонконга, а заодно и историю возникновения этого города («Звездное небо Гонконга»), поведают об особенностях восточных чайных церемоний и о старинном искусстве настоящих китайских фейерверков.

Само собой, вас ожидают пространные исторические экскурсы, объясняющие все хитросплетения большой политики и всевозможных кулуарных интриг в ходе, скажем, Венского конгресса, вам подробно объяснят, почему так важны для Британии Фолклендские острова, расположенные на

другом конце света, и доведут до вашего сведения много чего еще поучительного, чтобы вы тоже прониклись осознанием того, что начальные строки гимна *"Rule, Britannia"* («Правь, Британия») — это отнюдь не пустые слова, брошенные на ветер несколько веков тому назад.

Ну, а уж по части обустройства быта… Политика политикой, но попутно вам сообщат, что окровавленные после поединка рубашки возлюбленного надо вначале замочить в холодной воде, а уже потом стирать, как обычно, что обивку на старой мебели можно освежить с помощью обычного нашатыря, а серебро лучше всего чистить мелом. Вас научат, как надо штопать и перешивать старые платья, мастеря из них новые туалеты, в которых не грех показаться и на людях. А еще вам расскажут, как можно освежить видавшую виды шляпку всего лишь с помощью одной искусно завязанной ленты и что лучше всего пить на ночь при первых симптомах простуды. Читаешь такие «полезные советы» и невольно вспоминаешь старую-престарую кинокомедию «Римские каникулы». Помните, как героиня этой прелестной киноленты, принцесса Анна, с горечью призналась своему возлюбленному, что, вообще-то, она умеет все: и стирать, и гладить, и готовить завтраки и обеды? Но просто ей никогда не выпадало случая опробовать все свои обширные хозяйственные знания на практике.

Иное дело героини Картленд! Все они самозабвенно стряпают, стирают, убирают, латают дыры на сюртучках своих младших братьев, перевязывают раны, останавливая кровотечение, обихаживают больных и старых, даром что многие из них особы королевских кровей. И все это они проделывают легко и непринужденно, вполне естественно, как самое обычное житейское и вполне привычное для них дело. Да и читатель воспринимает все их деяния именно так. И опять же киношная ассоциация! Самое время вспомнить, как восклицала моя тезка Зиночка из гайдаевской комедии «Иван Васильевич меняет профессию»:

— Ну подумаешь, царь! Подумаешь, Иван Грозный! И что такого?

В самом деле! И что такого? Будто царям не приятно вкушать завтраки, приготовленные для них их же возлюбленными.

Кажется, пора подводить черту под своим повествованием. Всего лишь месяц с небольшим не дожила Барбара Картленд до красивой, очень красивой даты — 99 лет. Она умерла легко, ушла в мир иной после непродолжительной болезни безо всяких мучений, не обременив никого из окружающих своими страданиями. Говорят, смерть не разрушила ее привлекательный телесный облик. Ведь до глубокой старости Картленд оставалась необыкновенно красивой дамой. Злые языки поговаривали, что своей неувядаемой молодостью писательница обязана неуемному пристрастию к БАДам и к самым разнообразным витаминам, которые она, по свидетельству близких, поглощала в невероятных количествах.

Но мне почему-то кажется, что дело здесь совсем в другом. Просто всю свою жизнь моя героиня прожила в гармонии с собой, она заставляла себя быть счастливой даже тогда, когда внешние обстоятельства не сильно способствовали этому. Словом, Барбара Картленд умела быть счастливой и при этом еще умудрялась делать счастливыми огромное множество своих читательниц, да, пожалуй, и читателей тоже. Можно сказать, что эта дама в розовом изобрела своеобразную счастьетерапию и прописала придуманные ею «таблетки счастья» миллионам и миллионам поклонников своего творчества по всему миру. Косвенно это подтверждает вот такой любопытный факт. Во время последней войны в Персидском заливе арабы в спешном порядке выпустили целых десять книг Барбары Картленд. Власти явно намеревались использовать эти романы в качестве мощного психоте-

рапевтического средства для подавления депрессивных настроений среди гражданского населения. Вот и получается, что незамысловатые женские романы тоже могут быть мощным и весьма эффективным оружием. Но это при условии, что они написаны талантливыми женщинами. Такими, как Барбара Картленд.

В одном из своих последних интервью она сама так охарактеризовала собственное творчество:

«Своими книгами я говорю всему миру: благородство, любовь, чистота — величайшие из богатств и завоеваний человечества».

Все так! — соглашусь я и добавлю с грустью: вот прошло уже шестнадцать лет со дня смерти Барбары Картленд, но вопреки известному восклицанию королевских глашатаев «Король умер! Да здравствует король!», трон «королевы любовного романа» по-прежнему пуст. Последние годы я много и интенсивно перевожу произведения современных английских и американских писательниц. Среди них есть бесспорно талантливые женщины, авторы нашумевших бестселлеров и прочие. Многие из них не боятся поднимать в своих романах всякие острые и злободневные темы, пытаются анализировать причины многочисленных социальных и семейных проблем, сотрясающих современное западное общество. Но положа руку на сердце, скажу: ни одна из переведенных книг не пролилась на мою душу бальзамом, как это было с романами Картленд, ни одна не заставила меня просто, по-человечески и даже по-обывательски, возликовать тому, что я еще жива, а следовательно, могу еще быть счастливой. Думаю, меня правильно поймут многие женщины, «подсевшие» в свое время на книги моей героини.

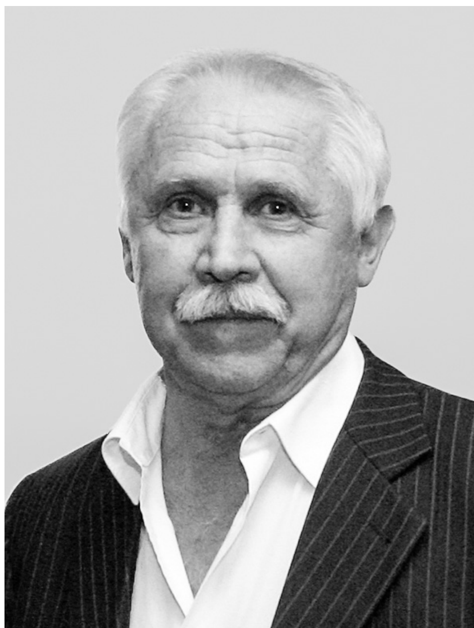
А следовательно, констатирую я, всемирный королевский трон женской прозы все еще вакантен. Дерзайте, молодые! Пишите о любви, пишите просто и доступно, легко и изящно, сказочно и правдиво. Но помните! Залогом вашего успеха должна быть не примитивность, ведущая к оболваниванию читателя, а та самая великая простота, про которую один из оптинских старцев сказал так:

«Где просто, там ангелов до ста. А где мудрено, там ни одного».

Словом, если вы научитесь писать так, как Барбара Картленд, то все у вас получится и трон будет вашим. Обязательно!

Непрерывная работа души

Георгий Марчук.

Первая встреча с Георгием Марчуком была такой. Я поднимаюсь по ступеням Дома литератора, а навстречу мне спускается среднего роста, энергичный, подвижный человек, на которого я сначала не обратил особого внимания. А он неожиданно останавливается и спрашивает:

— Зиновий Пригодич?

— Да, — отвечаю я, слегка удивившись, и присматриваюсь к человеку внимательнее: — О, вот теперь и я вас узнал. Вы — Георгий Марчук?

— Он самый, — усмехнулся мужчина. — Я вас почему остановил? Прочел в «ЛіМе» ваши заметки-рассуждения о литературе. Мне нравится ваша позиция. Готов подписаться под каждым словом.

— Спасибо… — смутился я, не ожидая похвалы из уст тогда уже известного писателя, автора двух нашумевших романов — «Крик на хуторе» и «Цветы провинции».

Мы сделали друг другу еще какие-то комплименты и разошлись. «Это ж надо… — удивлялся я позже. — Человек не только читает написанное другими писателями, но и считает необходимым сказать о прочитанном доброе слово. Нечасто такое случается…»

Прошло несколько лет. Мы с Георгием Марчуком познакомились поближе, перешли на «ты». И вот однажды он пригласил меня на свою малую родину — в Давид-Городок. Безусловно, я охотно принял это приглашение. Всегда интересно увидеть места, где писатель родился, вырос, приобрел первый опыт, где появились задумки первых произведений. Тем более что писатель — твой хороший знакомый.

Три дня Георгий Васильевич знакомил меня с давид-городокскими достопримечательностями — Замковой горой, первые упоминания о которой появляются в XII столетии, Георгиевской церковью XVII века, о которой в свое время восторженно отзывался Владимир Короткевич, братской могилой, где среди воинов и партизан Великой Отечественной войны лежат и родственники Марчука…

Посетили мы и некоторые культурно-просветительские центры современного Давид-Городка: Дом культуры (здесь Георгий Васильевич некоторое время работал на разных должностях), кинотеатр «Заря», библиотеку, среднюю школу

№ 2. И везде Марчука встречали как желанного гостя, искренне и тепло. Создавалось впечатление, что его знает и любит весь Городок.

Но поразило не только это. В последний день пребывания на гостеприимной земле, когда мы уже обошли все памятные места малой родины писателя, Марчук неожиданно предложил сходить на городское кладбище. И там, остановившись рядом с серо-бетонным памятником, Георгий Васильевич сказал вдруг ставшим глухим голосом:

— Моя мать… Она очень рано умерла. И в пять лет я остался сиротой, поскольку отец, занимаясь торговлей, почти не бывал дома. Воспитывали меня дедушка и бабушка…

В сказанном кроме щемящей тоски было столько тепла и неподдельной нежности, что у меня на глаза навернулись слезы.

С кладбища мы возвращались молча. Георгий Васильевич отдался каким-то своим мыслям, а я не хотел бередить его душу вопросами. И только уже в дороге, возвращаясь в Минск, Марчук рассказал о своем горемычном детстве. Несмотря на то, что дедушка с бабушкой любили своего внука, как могли старались скрасить его сиротство, мальчик все равно иногда чувствовал такое острое и пронзительное одиночество, что, спрятавшись где-нибудь на берегу Горыни, горько и безутешно плакал. И то ли от этого отсутствия родительской любви и ласки, то ли от нищеты, а случалось, и голодухи, что не было редкостью в те послевоенные годы, он тяжело заболел. Начались бесконечные странствия по больницам, спецсанаториям, долгая полоса отчуждения…

Прожитое и пережитое стало основой многих его литературных произведений. Самым автобиографическим, с моей точки зрения, является роман «Цветы провинции» и, может, еще «Давид-городокские каноны». Но самым сильным в художественном отношении, по мнению многих литературных критиков, является роман «Крик на хуторе», в котором писатель правдиво и ярко показал жизнь крестьянина-западника, с большой любовью нарисовал надгорынский край.

Постепенно Георгий Марчук завоевал не только широкую известность среди читателей, но и получил официальное признание. В 1996 году за сценарий к кинофильму «Цветы провинции» ему была присуждена Государственная премия Республики Беларусь. А в 2013 году писатель номинировался на самую престижную в мире литературную награду — Нобелевскую премию.

За прошедшие годы мы с Марчуком, как говорят, съели не один пуд соли, я открывал для себя новые, иногда неожиданные факты его жизненного и творческого пути. И все же оставались какие-то «белые пятна» в его биографии, в его творчестве, о которых мне хотелось бы узнать больше. И вот такой момент настал. Я пришел в его служебный кабинет, усадил энергичного, вечно занятого Георгия Васильевича за стол и почти три часа донимал его вопросами. Эта беседа, мне кажется, вызовет интерес у многочисленных поклонников таланта писателя.

Очарование малой родины

— Георгий Васильевич, ты родом из колоритных и очень живописных мест. Расскажи, пожалуйста, о своей малой родине. О ее природе, истории, культуре. Как все это повлияло на твое духовное и творческое становление?

— О своей малой родине я достаточно много рассказал в романе «Крик на хуторе», новеллах «Давид-городокские каноны» и в сказках. Да, именно в сказках, в которых всегда присутствуют и народность, и фольклор, и образ жизни. Хотя, честно говоря, выражение «малая родина» все-таки надуманное. Для меня даже моя улица рядом с бывшим костелом — целый космос. Сколько личностей самобытных, ярких, талантливых, сколько историй в каждой хате — а таких хат только на одной стороне двадцать пять и пять — на противоположной. Талантли-

вые люди, представители почти всех давид-городокских профессий жили на моей улице. Если вдуматься — да что там улица: каждая хата — свой космос. Здесь все объединены бытом, верой, народными традициями и т. д.

Мой дед был по профессии сапожником, дверь нашей хаты не закрывалась. Сельчане ехали заказывать сапоги из всех окрестных деревень. А это новости, интересная информация. Только умей наблюдать и слушать их житейские истории. Что-то меня влекло к людям, любил слушать и анекдоты, и любопытные истории, и трагические повествования, и новости из разных деревень.

Говор в Давид-Городке особенный — белорусские слова соседствуют с украинскими, русскими, польскими. Даже татарскими. Потому и культуры этих народов были близки моему сердцу.

Самодеятельность в Доме культуры была интернациональной. Однако я, будучи ведущим, не раз обращался к зрителям на белорусском языке и с радостью читал басни наших знаменитых баснописцев, которые должным образом не оценены до сих пор. Это — Кондрат Крапива, Владимир Корбан, Михась Скрипка, Эдуард Волосевич, Владимир Правосуд…

На природу в детстве, к сожалению, не обращаешь внимания. Внимание обращаешь на модную одежду, модную музыку, девушек, на новые кинофильмы. Кинотеатр «Заря» сыграл огромную, можно сказать, главную роль в моей жизни. Поэтому я рано, чуть ли не с четырнадцати лет, решил стать кинематографистом и начал целенаправленно готовиться к этой профессии. Изучал и узнавал то, что сделано талантливыми людьми за всю историю. Меня интересовало не только кино, но и вся художественная культура народов мира как таковая — от Китая до Италии. Свое, белорусское, откладывал на потом. Однако же оно присутствовало в песнях, танцах, в православных праздниках, в говоре стариков, в художественных произведениях.

Осознание себя белорусом пришло позже. Советской культуры не было, она тоже состояла из национальных культур. Были русские Михаил Шолохов, Александр Твардовский, были белорусы Иван Мележ, Максим Танк, украинцы Микола Бажан, Павло Тычина, литовец Йонас Марцинкявичюс, эстонец Андрей Упит. Каждый писал историю своего народа при советской власти, как писали историю о своем же народе при царизме Федор Достоевский, Владислав Реймант, Тарас Шевченко.

Творчество идет в одном русле с жизнью. Каждый день открываешь тайны жизни, человека, красоты, и эти открытия расширяют творческий диапазон. Если нечему удивляться, разочаровался в любви, силе добра, не создашь ничего значительного.

— Знаешь ли ты историю своего рода? Кем были твои родители? Кто еще остался из родни? Поддерживаешь ли ты связь с ними?

— Историю своей семьи, к собственному стыду, знаю не глубоко, только до XIX века. Не было традиции, как некогда у шляхты, передавать сведения о своих предках потомкам. Знаю, что прапрадед Григорий служил 25 лет в царской армии, прадед Михайло был землемером, дед Змитро — сапожником. Это что касается материнского рода. А со стороны отца знаю только, что дед Илья служил в российской армии писарем во время Первой мировой войны. Баба Настя была неграмотная, ставила крестик вместо подписи. Дед Змитро учился в церковно-приходской школе, а мать Мария окончила начальную польскую школу, великолепно владела польским языком и так хорошо пела, что всех девочек с нашей Оселицы учила петь. Отец Василий воевал с немцами во время Великой Отечественной войны, потом демобилизовался, вернулся в Давид-Городок и занимался тем, чем все городчуки — торговал в Москве семенами цветов.

Мать моя не тянулась к торговле. Она рано умерла. Воспитывали меня не столько дедушка и бабушка, сколько школа, старшие товарищи, книги, Дом культуры и Дом пионеров. Я охотно записался во все кружки самодеятельности

и вскоре стал местной звездой — артистом. Если бы не болезнь легких, то, возможно, и я торговал бы семенами цветов или работал в Доме культуры. Не было счастья, так несчастье помогло, как говорят. Подался в белый свет — сначала в диспансеры да санатории, а потом и в Минск на киностудию.

— Каким же были твое детство, юность, если ты с малых лет познал сиротскую долю?

— Каким было мое детство? Скажу одно: как и у многих — счастливым. Почему? Потому что не знаешь или не придаешь значения слову «смерть». Происходит накопление жизненного опыта, и как говорят, появляется неукротимая «жажда жизни» и опьянение жизнью. Постепенно приходит все: профессия, осуществление мечты, семья, реализация того, что заложено родителями, природой. Мне суждено было пройти такой путь — сиротство, болезнь, преодоление болезни, отчуждения, наконец писательская работа и желание заработать денег, ибо их постоянный недостаток унижал чувство собственного достоинства.

Творчество начинается с любви

— Когда ты впервые почувствовал творческий зуд? Помнишь ли свое первое произведение? Когда впервые напечатался и что это было — стихотворение, рассказ? Каким был общественный резонанс?

— Первое литературное произведение, пародию на пьесу авангардиста Бекета «В ожидании Годо», я написал в Доме культуры города Столина, где работал в 1969 году. А до этого посылал с осени 1965 года короткие информации о нашей самодеятельности в районную газету «Навіны Палесся». Когда же перебрался в Минск и в Доме культуры г. п. Березовка снимали фильм на стеклозаводе «Нёман», сочинил первую комедию из жизни давидгородчуков «Лютики-цветочки». Друзья поспособствовали: кто-то едко покритиковал, мол, деревенщина. А меня эта критика только раззадорила. И я начал участвовать в конкурсах по драматургии, проводимых Министерством культуры. Посылали одноактные пьесы под девизом, никто не знал имени автора, и сам Макаёнок — председатель жюри — присудил мне за мою пьесу поощрительную премию. Когда узнал, что это я, сказал: «Все думали, что Петрашкевич автор, он имел успех после комедии «Адкуль грэх?» — И добавил еще: — Ишь ты, какой полешук упрямый».

Когда получил хороший по тем временам гонорар — четыреста рублей (оклад министра) — сразу сел писать новую пьесу. А тут еще режиссер М. Колос в Мозырском народном театре поставил комедию «Лютики-цветочки». С моей беременной женой мы поехали на премьеру. Тот, кто увидел своих героев на сцене «живыми», тот, кто после постановки выходит вместе с актерами на поклоны, тот поймет меня. Тогда и я понял, что литература, драматургия — это мое… И началась долгая дорога блужданий по театрам, не только Беларуси, с моими пьесами. Когда режиссеры мне месяцами отказывали, я с утроенной энергией брался за новое произведение. Параллельно начал собирать материал на свой первый роман «Крик на хуторе».

— Ты с детства мечтал стать писателем? Как проходило твое творческое становление? На этом пути коллеги тебе помогали или препятствовали? У кого ты учился литературному мастерству?

— Как писатель учится? Никто не спрашивал Чехова, как он начал писать рассказы. Творческий процесс — это тайна и непостижимость. Сначала это вроде бы хобби, но со временем начинаешь понимать ответственность за слово и свое жизненное предназначение. Для чего писать? С кем ты? Чувствуешь ли в сердце родину? Любишь ли ее самоотверженно, особенно в трудные времена? Хочешь из-за собственных неудач и злости (иногда на весь мир) разрушать своими произведениями душу человека или помогать ему искать истину? К тому же, надо

учитывать способность литератора проводить анализ своей жизни в сравнении с теми героями, которых он открыл, придумал, «заставил» мыслить.

И все же… Я активнее учился у кинематографистов. Это прежде всего Ф. Феллини, С. Бондарчук, М. Янча. Брал заочно уроки и у писателей — Чехова, Шолохова, Горецкого, Голсуорси, Сервантеса, Гашека. Каждый писатель — это свой стиль, свой взгляд на жизнь и на человека. Скажем, И. Пташников и Я. Сипаков — люди одного поколения, а какие разные писатели. Вообще, писателей не сравнивают, можно сравнить произведения, написанные на одну тему. Но даже и это рискованно. «Хождение по мукам» и «Тихий Дон» — тема гражданской войны, а какие разные произведения. Мы же не сравниваем деревья — какое из них красивее — или звезды на небе. У каждого своя функция и свое достоинство.

— Когда, после чего ты почувствовал себя писателем, уверенным в своих литературных силах? Создавая художественные произведения, что выдвигаешь на первый план — фантазию или реальность жизни?

— Я понял, что умею что-то переносить на бумагу, когда пережил первую премьеру в Мозыре. Понял, что абсолютные выдумки — герои, ситуации — не спасают, а чаще выглядят искусственно, натянуто. Позже я узнал, что есть прототипы у «Людей на болоте», есть почти полсотни прототипов в «Тихом Доне», кроме Григория Мелехова и Аксиньи. Думаю, у бальзаковского Гобсека тоже был прототип. Таким образом, берется факт, правдивая биография и к ним «прилагаются» остальные персонажи. Есть прототипы во всех моих романах. В «Цветах провинции» — моя семья, жители Давид-Городка, в романе «Без ангелов» — жизнь матери моего друга, в романе «Крик на хуторе» — жизнь семьи хуторянина, в романе «Глаза и сон» — история, случившаяся в окрестностях Кореличей, в романе «Год демонов» прототипы — сотрудники одного из минских вузов.

— Пожалуй, нет ни одного жанра, в котором бы ты не попробовал (и довольно успешно!) свои силы. Творческий диапазон чрезвычайно широк: романы, повести, афоризмы, сказки, стихи… Откуда такое неутолимое желание творческого разнообразия?

— Я легко перехожу с одного жанра на другой. Завершаю роман, а в голове уже крутится сюжет пьесы, какой-то факт подсказывает сюжет новеллы, перечитываю фольклор, приезжаю на родину, посижу на берегу Горыни — просится на бумагу сказка. Афоризмы появляются редко — один, два в месяц, это самый сложный жанр. Его не придумаешь. Что-то наподобие телеграммы разума, концентрация наблюдений за людьми и философское обобщение — если удается.

— Ты написал, если не ошибаюсь, восемь романов. Но на слуху обыкновенно два — «Цветы провинции» и «Крик на хуторе». Почему так случилось? И справедливо ли это? Расскажи, пожалуйства, о судьбе своих остальных романов.

— На протяжении сорока пяти лет неустанной работы и появились десять крупных произведений разных жанров. Интернет в последние годы оживил интерес к моему роману «Цветы провинции». Романы «Без ангелов», «Глаза и сон», «Год демонов», «Крик на хуторе» «просились» на экран, но, к сожалению, нынешняя киностудия «Беларусьфильм» утратила интерес к национальной литературе, со времен СССР. Режиссеров моего поколения отстранили от работы на киностудии, а молодые хотят побольше и поскорее денег — нищие духом. Опять же, через двадцать лет оживился интерес читателей в библиотеках к романам «Без ангелов» и «Глаза и сон».

— А вот в эту цифру трудно поверить. Это правда, что ты — автор 50 пьес? О чем твои драматические произведения? Какие из них были поставлены на сцене? Какие ждут своего сценического воплощения?

— Драматургию — свою первую любовь — я люблю и не изменяю ей. Даже в зрелые годы сочинил три пьесы: мелодраму о жизни молодежи «Все будет завтра» и мелодраму из жизни современных солдат «Письма солдату», а также

сатирическую комедию «Святой грешник». Некоторые не верят, что мой багаж — пятьдесят пьес. Но это так. Из них на сцене поставлено в разных театрах Беларуси и России около двадцати, а тридцать ждут своих режиссеров.

Можно подумать: перебор — гонит вал. Однако же у Лопе де Вега было около двух тысяч пьес, у А. Островского — тридцать семь, а у А. Делендика — двадцать пять. Ничего удивительного, если учесть, что пятнадцать моих пьес — это пьесы-сказки для детских театров и театров кукол. Не стану утомлять вас названиями моих драматических произведений, скажу только, что среди них есть и две трагедии, посвященные временам Троянской войны. Это попытки выйти за пределы современности.

— Если уж зашла речь о драматургии, хочу тебя спросить вот о чем. Почему у нас так мало спектаклей, поставленных по оригинальным пьесам белорусских авторов? Говорят, у нас нет талантливых драматургов. Это правда?

— Почему мало постановок? В академиях работают педагоги, безразличные ко всему своему, родному. Они и воспитывают режиссеров, равнодушных к белорусскости, к своим писателям. Было бы Министерство культуры более мобильным, беспокоилось бы о судьбе современных драматургов, можно было бы объявить в театрах год драматургии А. Дударева, год драматургии А. Делендика, год драматургии В. Ткачева, год драматургии Г. Марчука…

Ведь это было бы интересно! Десять спектаклей по всей Беларуси, фестиваль, полностью посвященный творчеству одного драматурга — мастера школы национальной драматургии. Но спят в Министерстве культуры, а театры погнались за пошлостью, пустотой, чтобы угодить зрителям да легкие деньги заработать. Обидно. Поэтому и успокаиваю себя прозой. Вот и «Давид-городокские каноны» появились. Считаю, что тему Давид-Городка лично я для себя и для читателей закрыл, как говорится. Пусть про наш городок пишут другие, среди моих земляков есть писатели.

— У меня такое впечатление, что ты любишь в своих произведениях удивить читателя неожиданной темой, остро закрученным сюжетом, оригинальной формой. В данном случае я имею в виду твои «Давид-городокские каноны». Почему именно канон, а не новелла, рассказ, эссе, очерк? Как пришла идея этой книги? Как шла над ней работа? Как восприняли книгу земляки? В чем заключалась идея и сверхзадача канонов?

— Оказывается, не все остается в прошлом. Не отпускает от себя моя дорогая малая-великая родина. Выбрал формулу, чтобы сконцентрировать мысль, насытить философским содержанием, увидеть глазами разных героев и поплакать над неизбежностью разрушительной силы времени. Исчезает все: и доброе, и злое, и только добро стремится остаться. Канон имеет несколько определений. Мне ближе такое: диалог героя и хора. В данном контексте я — солист, а Городок — хор. И среди земляков, и даже в России, мои каноны оценили очень высоко.

— Дневник «Сладкие слезы» — еще один пример оригинальной формы. Почему ты выбрал не привычный, линейно-календарный принцип построения материала, а тематический, блоковый?

— К дневнику «Сладкие слезы» пришел неожиданно. Записывал в разные годы житейские впечатления, которые раз за разом возвращали меня в годы детства и юности. Ведь не все вошло в роман «Цветы провинции». Что-то на протяжении жизни записывал из прочитанного, потому что читал много — от Аристотеля и Платона до Пиранделло и Горького, которого очень люблю. Решил и структуру дневника такую оставить — рваная хронология. Мысли, ассоциации, воспоминания, моя душевная тревога и влюбленность в жизнь — это все как-то цементировало материал. Большинству читателей нравится такая форма. За этим вроде бы хаосом они прослеживают гармонию человеческого восприятия общества. Читают вдумчиво.

Что ищет литература

— Сердце любого произведения — конфликт. В чем ты видишь суть конфликта в литературе, рассказывающей о сегодняшнем дне?

— Человек сам по себе в чем-то очень консервативен. Как говорится, природа его мало меняется. Желание жить, любить и быть любимым, есть вкусную пищу, иметь дом и машину, яхту, утвердиться в профессии, прославиться, иметь много денег, чтобы меньше работать, не иметь врагов. Осуществлять эти желания и мечты ему помогает политическое и экономическое состояние государства. Есть и вечные конфликты. Основной — конфликт жизни и смерти. Это конфликт и социальный, и философский, и мировоззренческий. Конфликт идей и перераспределения собственности. Это очень убедительно показано в «Тихом Доне», «Людях на болоте».

— В твоем «Крике на хуторе» показан конфликт разрушения общества и личности во время кровавых событий войны. Почему тебя заинтересовал именно этот конфликт?

— Конфликт личности и общества, которое в определенном смысле лживо, кровожадно, в котором зло подчас выдается за добро, в литературе встречается довольно часто. Примеры? «Гамлет» В. Шекспира, «Горе от ума» А. Грибоедова, «Идиот» Ф. Достоевского…

Реже бывают конфликты, касающиеся исключительно души. Человек мучительно рассуждает, сравнивает, не идет на контакт с людьми и обществом, ищет истину и смысл жизни прежде всего в себе и в собственных представлениях, анализируя собственное поведение и свое мировосприятие. Ближе к такому конфликту «Обломов» И. Гончарова.

В наше время тоже возможны все конфликты, кроме конфликта, случающегося на фоне войны. В произведениях «при социализме» конфликтная ситуация нередко решалась так — отрицательного героя перевоспитывали в положительного. Но разве же Мышкин у Ф. Достоевского не перевоспитывает своими поступками и своей духовностью остальных? Разве герой Леонова в фильме «Джентльмены удачи» не перевоспитывает воров и дармоедов? Однако эти произведения не умирают, и мы их не списываем, как нереальные и лживые.

Есть и бытовые конфликты. Но надо иметь очень зоркий глаз, чтобы написать на их основе «Короля Лира». Один говорит, что жизнь — это ежедневные несколько шагов к смерти, а другой говорит: жизнь — это каждый день несколько шагов к пусть себе и недолгой радости любви, рождения детей, осуществления желаний. Вот и конфликт между идеями. Какой конфликт, скажем, в фильмах Чаплина? Конфликт между бедностью и богатством, между жизнелюбием, романтизмом и расчетливостью, рационализмом, а отсюда и вечная отчужденность людей. Человек — и причина, и основа конфликтов.

— Кто, по твоему мнению, в нашей литературе недооценен или, наоборот, упоминается незаслуженно часто?

— Во времена Советского Союза писатели, независимо от силы таланта, стояли «в очереди» к званиям, лауреатству, выходу книг в Москве. Кому-то помогала должность. Секретари Союза могли, да так и делали, издавать три книги за год — по-белорусски, по-русски в Москве и по-русски в Минске, а еще тот же текст печатали в журналах «Полымя», «Нёман», «Дружба народов». Соответствующий получали и гонорар. Вот почему мое поколение входило в литературу с большим трудом. Считаю, что тогда, как и сегодня, существовала групповщина. Кто не за Брыля, тот против Брыля, кто не с Березкиным, тот против Березкина. Так оставались в тени И. Пташников, Я. Сипаков, В. Адамчик, М. Дукса, К. Камейша. Давайте исправлять старые ошибки и недочеты: обращать внимание на действительно высокохудожественные произведения, пропагандировать их, доносить до читателя.

— На творчество каких писателей ты рекомендовал бы обратить внимание? Есть ли в литературе произведения, которые, скажем так, ошеломили тебя?

— Мы можем гордиться романами Л. Левановича, В. Гниломедова, произведениями русскоязычного писателя Н. Ильинского. Произвел впечатление последний роман Н. Чергинца «Операция «Кровь», а также творчество детского писателя из Вилейки, учителя Виктора Кожуры. Я за то, чтобы мы, писатели, хвалили на людях произведения коллег, те произведения, которые, безусловно, заслуживают доброго слова. К сожалению, исчезла связь читатель—писатель. Не пишут больше читатели письма благодарности писателям.

— Театральные зрители больше, чем читатели, особенно детская аудитория, хорошо знакомы с творчеством вашей дочери Натальи Марчук. А каково твое отношение к ее произведениям?

— Это другое поколение. Действительно, ее новогодняя пьеса-сказка «Тетушка Простуда и Новый год» вот уже восемь лет идет на сценах разных театров Беларуси и России. Это — несомненный успех. Пьеса отмечена «Золотым Купидоном» — премией Союза писателей.

Жаль, что подростки и молодые люди не знакомы с прозой Натальи Марчук — четыре фантастических, иронических романа ждут своего часа в одном из издательств. Из-за этого я немного переживаю. Может, ей тоже суждено пройти этот путь не торопясь. Она достаточно самостоятельна. Мы так и договорились — она будет рассчитывать на свои силы и возможности. Я наблюдаю со стороны, как она учится пробивать свои произведения. Здесь нужна еще и удача. Надеюсь, у нее все получится.

— А можно ли человека научить писать, стать писателем?

— Можно. Большинство в это не верит. Мол, надо иметь талант от природы. Мой друг, известный хирург, земляк, доктор медицинских наук, написал замечательную автобиографическую повесть «Мой путь». Постигать надо законы литературы, по которым строится, скажем, сюжет повести или новеллы… Все остальное идет от жизни и только. Учиться надо самостоятельно. Зорко всматривайся в жизнь людей и общества, природы и космоса. Читай классические произведения, учись у классиков. Повторы невозможны. Потому что твои произведения будут повествовать о твоем времени, твоем состоянии души (если ты поэт) и о твоих героях.

В основном сюжеты выстраиваются вокруг драматического факта в жизни людей, и этот факт по-разному сказывается на поведении героев. Подбирай слова и запиши непосредственно историю выбора. Когда Ф. Достоевскому не хватало собственного опыта, он заимствовал сюжеты из газет. Л. Толстой ходил в суды, А. Чехов слушал рассказы своих пациентов, Гоголю подсказывал сюжеты Пушкин и т. д. Читай классиков о том, как они начинали и как самостоятельно учились, и тогда у каждого человека, склонного к писательству, что-то да получится.

— Будем считать твои слова пожеланием начинающим авторам.

— И еще совет им. Они должны понимать, есть ли у них в душе родина. Без родины, заботы о ней, без использования родного языка не будет национального писателя никогда, может вырасти искусственный космополит, который будет подражать другим.

— Следишь ли ты за развитием литературы и искусства в мире? Что радует, что огорчает?

— Огорчает привычка к человеконенавистничеству, к цинизму, к отрицанию библейских ценностей. Огорчает «привычка» к войне, нежелание осознать жизнь как время, подаренное Богом. И на этих идеях базируются, к сожалению, некоторые художественные произведения. Некоторые творцы не только прославляют зло, но и гордятся этим.

Я понял одно — жажда богатства, как выясняется, не имеет границ. Но мир велик. Бедных значительно больше, их очень много. И счастлив каждый народ

по-своему. Кому-то достаточно окунуться в святую реку Ганг, кому-то присутствовать на службе в православном храме, кто-то от разочарования уходит в монастырь, кто-то едет во французский Лурд к святой Бернадетте и с молитвой просит совета. Эмоции восторга по силе своей идентичны эмоциям от восприятия картины Боттичелли «Рождение Венеры» и «Бурлаки на Волге» И. Репина.

Великие не соревнуются между собой, они своим гуманистическим творчеством украшают мир и после своей смерти. Они как пророки — не позволяют нам опустится до животного уровня.

Поиски нравственности

— Лев Толстой когда-то предсказывал, что будущее не за художественной, а за мемуарной, документальной литературой. Сбывается ли это предсказание?

— Я частично уже ответил на этот вопрос. Даже у Достоевского образ князя Мышкина был подсказан ему жизнью — доктором Гаазом. Якуб Колас писал о том, что сам пережил. Документальная литература несет свою миссию, а художественная — свою. Документальная литература — это, если сравнивать — сольный концерт пианиста, а художественная — это концерт симфонического оркестра.

— В литературе последнего времени стало модно употреблять ненормативную лексику. У тебя тоже есть попытка ее использовать. Кажется, в новелле «Новый пост», где сантехник высказывается слишком вольно. Насколько оправданна такая вольность в художественном произведении?

— В моих произведениях герои ведут себя так, как диктует им характер, обстоятельства. Признаюсь, я сторонник классической мировой литературы. Писатель должен уважать себя и своего читателя. Я далек от эпатажа. Можно и нужно быть оригинальным без пошлости и ненормативной лексики в своих произведениях.

— Возвращаясь к проблемам морали и нравственности, хотелось бы спросить, не беспокоит ли тебя тот факт, что отношения людей в обществе очень напряженные? Люди нервные, готовы в любой момент взорваться злобой. Я уже не говорю о дорожных конфликтах, которыми полнятся телеканалы в России. А у нас?

— Полностью разделяю твое мнение. Смотрю, может быть, субъективно, но из множества субъективных точек зрения складывается общая картина. Наше поколение шестидесятых — это исключительно проявление эмоций. Мы вошли в капитализм, имея в сознании клише социалистической идеологии. Было очень много нравственных ограничений — и это хорошо, когда они работают на общее благо. Не ходи, не тронь, не делай, не говори, жди, когда разрешат. И вдруг — свобода. Писатели дописались до мата и мерзостей на страницах своих опусов. Хорошо, что хоть Россия опомнилась и запретила это. По привычке один делает замечание другому, а тот уже свободен и считает это замечание унижением.

Молодые поняли, что без нахальства, напора и отстаивания своих прав ничего нельзя добиться. Хотя законы наши их и защищают. Хочется перед ровесниками выглядеть независимыми, богатыми, имеющими связи наверху. Говорят, что половина студентов в столице приезжают на занятия на собственных автомобилях. А другие, победнее, этого не имеют. Таким образом из-за этого ныне обозначился социальный конфликт, характерный для капитализма, — между богатыми и бедными. Государство должно контролировать уровень зажиточности граждан, особенно в социальной сфере.

— Существуют разные методы работы над произведением. Первый — кропотливый сбор материала, долгое его обдумывание, а потом мучительное, медленное написание и многоразовая, иногда кардинальная правка.

И второй — как только материал собран и обдуман, сразу же быстро, на одном дыхании пишется произведение. А как творческий процесс протекает у тебя?

— Мой творческий процесс — непрерывная работа души. Либо я обдумываю новое произведение, либо я осмысливаю действительность и поведение людей, духовное состояние общества. На историческое произведение, безусловно, собираю материал. Так, например, досконально изучал историю Полоцка конца XV — начала XVI столетий, когда писал драму о молодых годах Ф. Скорины. Причем изучал все — от названия должностей до одежды.

— В одном из интервью ты сказал: «Все лучшее я уже написал». Что это значит? Нет уже желания написать роман о нашем сложном и чрезвычайно интересном времени? Или углубиться в историю, где нас еще ожидает великое множество открытий? Или эти слова были вызваны каким-то временным творческим кризисом?

— Не отказываюсь от слов, что «все лучшее я уже написал». Во-первых, возраст не позволяет по восемь-десять часов работать ежедневно, как было в течение сорока лет творческой работы. Во-вторых, сразу охватить наше время, скажем так, тяжеловато. Хотя, казалось бы, и конфликтов хватает, и общество быстро делится на богатых и бедных. Необходимо время, чтобы присмотреться, а писать, чтобы первым ухватить насущные проблемы, — я не из тех ремесленников. Все привык делать основательно и на хорошем художественном уровне. Желание еще написать и новеллы, и сказки, и пьесы есть, но не хватает ни времени, ни сил. Дай Бог реализовать на сцене то, что лежит в портфеле.

— В 2012 году ты номинировался на Нобелевскую премию. К сожалению, премию получить не удалось. Ты очень расстроен из-за этого?

— Конечно, расстроился, но не особенно. Вот, неожиданно сочинил тексты песен, работаю с композиторами. Это совсем новый для меня жанр. Меня пессимизм охватывает буквально на несколько часов, а потом закаленный жизненными обстоятельствами характер протестует и пессимизм сменяется оптимизмом и желанием работать. Не присудили Нобелевскую премию, скажем, в этом году, будем надеяться и штурмовать дальше, но вдумчиво и осторожно.

— Недавно ты получил престижную российскую премию имени И. Гончарова. Что это за премия?

— Это не российская, а международная литературная премия. Присуждается раз в год в нескольких номинациях. Мне присудили премию в номинации «Мастер художественного слова». Критерий — преданность реалистической прозе, правде жизни и правде ощущений. Читают произведения эксперты, члены жюри. Среди них — профессора, преподаватели высших гуманитарных учебных заведений, известные писатели. Получить такую премию, конечно, престижно и почетно.

Своим путем

— Давай поговорим вот о чем. Как ты считаешь, в чем заключается главная задача, важнейшая миссия литературы: развлекать, образовывать, воспитывать? Художественное произведение — это средство самовыражения писателя или источник познания жизни народа, человеческой души?

— Современная белорусская литература идет своим путем. Здесь и приверженность традициям реализма, и поиски жанров, эксперименты со словом, сюжетом. Время — это сито, только лет этак через двадцать можно будет говорить о том, что из нынешних произведений осталось. Гегель говорил, что путь литературы — это пересказ сюжета и только. Однако рождаются в нашей, слава Богу, очень поэтичной стране молодые поэты, прозаиков и драматургов появляется меньше. Ищут себя — и очень талантливо — писатели в литературе для детей.

— Что можно сказать о современной белорусской литературе: она в поиске новых горизонтов, новых открытий или находится в определенном творческом кризисе?

— Судьба белорусской книги, безусловно, тревожит. Еще пятнадцать лет назад, когда я работал директором издательства «Мастацкая літаратура», мы били тревогу. Тиражи начали уменьшаться, понизилось количество читателей белорусской литературы. Стоимость книг начала невероятно возрастать. Раньше я сам покупал книги, а теперь почти не приобретаю. Спасает теперь нашу литературу школа.

Мы в Союзе писателей озабочены снижением интереса к нашим книгам у покупателей. В библиотеках еще читают. Создаем поэтические клубы, проводим вечера в Доме литератора, идем на телевидение, на радио… Ибо для того, чтобы любить книгу, надо сначала ее прочитать. Исправить ситуацию можно только общими усилиями — и государства, и средств массовой информации, и усилиями интеллигенции и писателей. Духовность народа как волны, как отливы и приливы. О ней надо беспокоиться постоянно.

Приобщили людей к мысли посредством телевидения, что доллар всему голова, что надо бросить родину, искать где лучше, как будто есть где-то дармовой рай, что следует забыть о своем, о патриотизме, — и духовность превращается в меркантильность и космополитизм. Люди перестают жить своим умом, утрачивают чувство Родины, им неинтересна не только родная литература, а все искусство вообще — и музыка, и живопись, и театр.

Начали издеваться над словом «идеология». А ведь без духовного начала, которое закладывается еще в детстве, трудно «очеловечить» человека. Бываю в школах, на предприятиях, в армейских подразделениях — есть уважение к писателям. Талантливые произведения, общественная позиция придают авторитет каждому произведению, каждому писателю.

— Если уж мы затронули эту тему, то давай раскроем ее шире. Есть мнение, что писатель, к какой бы партии или национальности ни принадлежал, в своих произведениях, на встречах с читателями является, кроме всего прочего, еще и идеологом. Так ли это?

— Чтобы ответить на твой вопрос, сошлюсь на то, что я прочел в Конституции Российской Федерации. Так вот, в этом важнейшем документе записано, что у наших соседей имеет место идеологическое разнообразие и что никакая идеология не может быть утверждена в качестве государственной или обязательной. Если под идеологией понимать систему общественно значимых идей и ценностей, то мне кажется, что сегодняшняя Конституция России закрепляет запрет на ценности и идеи, которые поддерживаются на уровне государства. Теперь русские люди осознали унижение русскости, которое происходит на протяжении последних двадцати лет. По-видимому, будут внесены коррективы и в этот вопрос. Там обсуждают проект «Основы государственной культурной политики». Использование мата запретили — первая ласточка. Кроме значимости должна быть и польза для общества от идеологии. Мы в Беларуси очень осторожны в отношении любых крайних проявлений того или иного явления. Например, для меня самая высокая идеология — это патриотизм, любовь к своей родине и гордость за ее достижения.

— Как известно, сегодня у нас два Союза писателей. И, к сожалению, между ними нет надлежащих творческих связей. Более того, время от времени вспыхивают неприятные публичные перепалки. Ты считаешь такое положение нормальным или здесь можно изменить что-то к лучшему?

— Публичных перепалок, в частности в последние два года, между Союзом белорусских писателей и Союзом писателей Беларуси я не наблюдал. Наоборот, имели место слабые, хотя иногда и ядовитые, необоснованные обвинения членами нашего же Союза писателей Беларуси нашей организации в клановости, закрытости, каких-то литературных интригах. Мы — творцы одной страны и

должны к развитию духовности в обществе прилагать одинаковые усилия. Здесь к месту слова Чехова «Литература должна служить во благо общества».

Некоторые радикалы превращают критику просчетов власти и общества в ненависть ко всему и всем. Как тебе известно, наши журналы, газета «ЛіМ» охотно и очень часто печатают произведения представителей Союза белорусских писателей. Но когда отдельные деятели заявляют, что белорусский язык не развивается, что понятия родины не существует, мы с этим согласиться не можем. В драку вступать не будем, однако будем доносить до народа противоположное мнение. По мне, так пусть будет хоть пять творческих союзов, с разными творческими задачами, только бы не позорили Родину и не подталкивали к войне всех против всех.

— Новаторство в литературе — вещь необходимая. И даже полезная, если поиск нового, оригинального ведется на основе традиций. Удается ли нашей литературе сохранять эту разумную гармонию?

— Трудно сказать, что новаторство базируется на основе традиций, чаще оно выступает как протест против традиции. Пожелание новаторам: удивляйте так, чтобы мы поверили и сопереживали вашим героям. Новаторство ради новаторства никому не приносило успеха. Если писатель не ощущает свободу творчества, то какой это писатель? Разве же власть Сталина, Хрущева, Брежнева мешала говорить правду Шолохову, Распутину, Мележу, Быкову, Рубцову?

Свободу контролирует совесть. Слово открыто. За ним не спрячешься. Когда вылезает русофобия, белорусофобия, пренебрежительное отношение к простому люду, все это прослеживается в твоих произведениях. Это не литература, а пасквили, авторы которых прикрываются свободой творчества. За каждым словом — поклеп и на народ, и на историю.

— Когда-то писателей называли инженерами человеческих душ. И в этом была доля истины. И не только была, но, на мой взгляд, и остается, потому что кто, как не писатель, стоит ближе всего к человеку с его радостями и болью, с его заботами и чаяниями? Все твое творчество — яркий пример настойчивого углубления в микро- и макрокосмос белоруса, постижения его души, характера, его, как ныне говорят, менталитета. И к какому выводу ты в конце концов пришел?

— Отвечу кратко. Бытует несколько резких характеристик белоруса. Излишне толерантный, равнодушный, безразличный, осторожный, аполитичный. Однако же нельзя одним понятием охватить всех. Народ разный и в определенных обстоятельствах по-разному проявляется. Мне ближе такая характеристика: меланхолия. В моих произведениях около тысячи персонажей. Но все они разные, как мне кажется.

Позиция или оппозиция

— Писатель и политика. Как это взаимосвязано, и должна ли вообще существовать эта взаимосвязь?

— Каждый писатель в своих произведениях политик. Что-то разоблачает, что-то сравнивает, ищет точки опоры, подсказывает, где спасительный путь. Если выступает как публицист, то хочешь не хочешь, а будет политиком. В наше время политика более или менее открытая, и мы видим, что ею многие интересуются, потому что от нее зависит не только благосостояние, покой, уверенность в завтрашнем дне (пусть и небольшая), но и сама жизнь.

— Говорят, что писатель всегда должен быть в оппозиции к власти…

— Быть в оппозиции к власти? К какой власти? Если власть нарушает конституцию, свое слово должен сказать и писатель… А горлопанить на каждом шагу, чтобы заметили, что я, мол, постоянно в оппозиции к любой власти, — по-моему, смешно.

Существуют определенные государственные и общественные ценности, которые проверены временем. Скажем, обеспечение неприкосновенности жизни, право на образование, на сохранность собственного имущества, на медицинскую помощь… Это ведь все на плечах власти. Так как же быть ко всему этому в оппозиции? Отказаться от всего? Пустить на самотек? Гёте когда-то писал: «Лучше меньше свободы, а больше порядка».

— Вопрос на засыпку. Человек — хозяин своей судьбы или он все же фатально зависит от неких высших сил?

— Судьба человека зависит от степени свободы общества, от степени образованности личности, ее культуры, от условий, которые создает государство для реализации желаний и целей свободы. Есть люди, которым везет, и никто не знает, почему одним везет, а другим не везет. Церковь предлагает веру в Бога, которая укрепляет душу человека и делает его добрее и надежнее. Если считать себя существом, которым кто-то руководит из космоса, — а это ныне модно, — тогда плыви по воле случая: того, что суждено, не миновать. Я всегда говорю при встрече старое, но меткое: бережного Бог бережет. Будь осторожен во всем: и в словах, и в делах, жизнь очень коротка и хрупка.

— Ну, если ты такой опытный, то ответь еще на один вопрос. Как ты относишься к теории Дарвина о том, что человек происходит от обезьяны?

— Теория Дарвина… И она что-то дала разуму. В школе я задал вопрос: если человек происходит от обезьяны — хорошо, процесс идет… Так почему следующий отряд обезьян не переходит в человеческое состояние? Учительница биологии похвалила за вопрос, но не ответила. От человека многое еще скрыто. Но за последние сто лет во всем наблюдается мощный рывок. Говорят, что обнаружили уже волны, оставшиеся от большого взрыва в космосе. А что было до взрыва — как узнать? К сожалению, большинство людей на планете это не интересует, интересует, как побыстрее разбогатеть, как утолить голод, как спастись от войн, которые не утихают. Так что человечеству еще постигать и постигать Бога.

— Ты веришь в существование НЛО, в жизнь на других планетах?

— Хочется верить.

— И еще один вопрос вопросов. В разное время разные люди разных вероисповеданий отвечали на него по-разному. Ты веришь в бессмертие?

— Можно ответить с подтекстом — и да, и нет. Каждый писатель этот вопрос решает сам для себя. Сколько существует разумное человечество — все же оно при всех конфликтах и войнах, самоуничтожении, разрушении личности с помощью алкоголя, наркотиков остается разумным — столько оно возвращается к этому вопросу. Еще Сократ говорил: там, после смерти, в иной жизни, сохраняется лучшее, что было в этой. Ф. Достоевский так и не нашел ответа. А Чехова, как врача, мало интересовало движение жизни после смерти. Он только сетовал: «Все проходит, нас не будет, и будут другие ужинать, смотреть на сад вишневый, но это уже будут другие, а не мы». Как врач он понимал — биологическое разрушение не остановить.

Христианство и другие религии всю концепцию веры строят на лучшей жизни, вечной, после смерти. Эта аксиома помогает многим людям держать свои страсти в рамках требований морали и нравственности. Некоторые религии верят в переселение душ и в возвращение душ в новых поколениях. Для некоторых рай — это наша жизнь, такого принципа придерживался грек Эпикур и его последователи. Для иных рай наступит сразу после ухода из этой жизни.

Безусловно, человек не успевает за свою короткую жизнь утолить жажду счастья на нашей чудесной планете, ему жаль расставаться и с небом, и с природой, и с людьми… Хочется надеяться, что Бог, разум мировой, могучая цивилизация что-то делают с геном человека после его исчезновения с земли. Каждый живет с надеждой. Творец, его недремлющее око — и нравственное начало, и надежда.

Я живу с надеждой, но во мне присутствует и определенная доля скепсиса. Когда-то мой дед, обычный сапожник, не лишенный желания пофилософствовать, особенно после чтения Евангелия, любил повторять: «Из пыли пришли, в пыль вернемся». Не знаю, ответил ли я тебе, скорее всего — нет. Потому что пока и наука не сказала слова «да».

Продлить жизнь человеку можно. Мафусаил в Библии жил аж 660 лет. Но бессмертие души — очень трудный и пока что неразрешимый вопрос. Как можно представить себе расстояние в миллиарды световых лет? Вот и бессмертие — путешествие туда на самолете. Ученые утверждают, что умирающая звезда излучает нитрины, которые в триллионы раз меньше атомов. Может ли это представить наш приземленный разум? Не знаю.

— Часто ли ты перечитываешь Библию, Евангелие?

— Когда-то я прочел от А до Я Ветхий Завет и понял, что это написано или придумано для еврейского народа. Истории и правила поведения. Моисей, его учение сильно тем, что он провозгласил законы и правила. Христос сказал, что этого недостаточно для человека. Он утвердил основу основ — любовь. Закон — это отношения человека и общества, а любовь — это отношения человека и человека, отношение человека ко всему живому. Будут духовность, любовь — он, человек, не будет нарушать и закон.

Законы у разных народов могут быть разными, а любовь к себе подобным у всех одинаковая. В Евангелии уже другое повествование о жизни. Божественный роман. Люблю слова священников, которые они произносят иногда в конце службы: «Радуйтесь, радуйтесь, радуйтесь жизни, несите бремя друг друга, любите друг друга».

Но хочется знать и точку зрения, выводы ученых о расширении Вселенной, о рождении новых звезд. Правда, и это иногда угнетает, когда говорят, что все равно — через несколько миллиардов лет — всем конец. И так вдруг становится тошно. Неужели исчезнут гениальные произведения писателей, художников, композиторов? Вывод: люби все вокруг, люби свое, гордись, восхищайся и другим порекомендуй восхищаться.

— Читаешь твои произведения, особенно роман «Цветы провинции», «Давид-городокские каноны» и понимаешь, что автор охвачен ностальгией по Давид-Городку. Это чувство не отпускает тебя многие годы. Все ли, что ты хотел сказать о родине, уже сказал?

— Это своеобразная болезнь души — ностальгия. Может, потому что я довольно редко приезжаю на свою малую родину и определенное время жил ожиданием, что там ко мне вновь вернется ощущение полета, радости, свободы… Но все чувства утопают в тоске по тем временам, которые уже никогда не вернутся. Прошло время и все забрало с собой. Разве что только дома, деревья еще кажутся родными и близкими, но и они постарели, крыши покосились, молодые семьи здесь не живут. И от этого становится горько и тоскливо.

В такие минуты хорошо понимаешь Гераклита: «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку». Я воспел в своих произведениях любовь к людям, к городу и хотел бы, чтобы тот, кто их прочтет, тоже любил свою родину, украшал и чтил ее — новыми домами, новыми храмами, новыми садами, чтобы рождались дети как лучшее украшение земли. Кстати, подобные чувства, связанные с ностальгией, переживают и мои знаменитые земляки, когда посещают Давид-Городок. Это — писатель Владимир Глушаков, поэт Михаил Шелехов, хирург, доктор медицинских наук Григорий Рычагов…

— Знаю, что ты теперь целыми днями занят на работе в Союзе писателей. Вечерами умудряешься еще что-то писать. А удается ли что-нибудь читать? Если удается, то чему или кому отдаешь предпочтение? Например, какую книгу ты читаешь теперь?

— Читаю газеты, журналы, слежу за молодой поэзией, прозой, читаю произведения, которые присылают на наши конкурсы в Союз писателей Беларуси, читаю газеты «ЛіМ», «Звязду», иногда газету «Культура», не читаю российские политические газеты, читаю «Литературную газету России». Очень редко — не хватает времени — перечитываю что-нибудь у Чехова, Морица, Акутагавы, фольклор народов мира. Научился читать несколько книг параллельно. Не читаю фантастику и детективы и не увлекался ими никогда в жизни. Содержание таких книг мне пересказывает жена, она следит за этими жанрами. Открыл для себя трех поэтесс: Л. Кебич, А. Легостаеву и О. Шпакевич.

— Что ты ценишь в людях и что не принимаешь?

— В людях ценю самостоятельность мышления, рассудительность, доброту, незлобивость, твердость, смелость. Не приемлю зависти и хитрости за спиной, двурушничества, лжи, тупого упрямства и нежелания прислушаться к мнению другого.

— Друг — это кто? Много ли у тебя друзей?

— Друзей много, но надежных очень мало. Друзья-одноклассники, к сожалению, умерли очень рано. Многих одолел эгоизм.

— Прости, пожалуйста, но хочу задать тебе один, может, не совсем корректный вопрос. Твои не-друзья иногда говорят, что ты пошел на должность в Союз писателей, чтобы решить прежде всего свои личные дела. Что ты им можешь ответить?

— В Союз писателей не «идут». Меня на съезде избрали в правление, а правление выдвинуло в секретари. Что касается использования своего положения, то я скажу, что издаю свои книги в частных издательствах, а три книги (первую книгу дневника, киносценарии и либретто оперетты) издал за свой счет тиражом в сто экземпляров. В 2013 году только издательство «Белорусская энциклопедия» выпустило, наконец, полностью, в двух книгах, роман «Крик на хуторе». Это издание я ждал, не поверите, почти тридцать лет. Не должность помогает издавать, а талант и спрос на книгу у читателей.

— Счастье. В чем оно?

— В чем, спрашиваешь, счастье? Оно и в том, чтобы дождаться выхода романа, которого так долго ждал. И в том, когда что-то напишется новое, стоящее внимания. Но прежде всего счастье — жить! И жить с Богом в душе, рядом с любимой, с семейными радостями, с любовью к родине, с благодарностью солнцу за тепло — еще большее счастье, чего и всем желаю.

— Как бы ты определил смысл человеческого существования?

— Смысл человеческого существования в том, чтобы осуществить свои мечты и желания, утвердить себя, быть полезным обществу, чтобы не порочили при жизни и не проклинали после смерти. «Созидай с Созидателем и созерцай созидаемое». Как говорят у меня на родине, трудись на совесть, и успех найдет тебя.

— А что добавляет государство к счастью личности?

— Много чего. Государство до сих пор — высшая форма организации общества, этноса. Подчинение закону сохранения нравственных основ, забота о людях, о Родине и ее защита, забота о жизни. Дольше всех удерживается во власти тот лидер, который способен учесть интересы всех граждан и мобилизовать силы на решение первоочередных задач и преодоление бесконечных проблем. Если все это в стране осуществляется — человек чувствует себя комфортно и счастливо.

— О чем мы с тобой еще не поговорили?

— Поговорили о многом. Достаточно, чтобы не утомлять читателя и не повторяться. Дай Бог здоровья, а там жизнь подскажет и новые вопросы, и новые ответы.

Беседовал Зиновий ПРИГОДИЧ.

Перевод с белорусского Ирины КОЧЕТКОВОЙ.

Антон АЛЕШКО

Из дневника военного врача

1942—1945 гг.

* * *

Всякое выпадало на долю военного врача. Случалось и так, что кроме основных служебных обязанностей — операций, лечения раненых, больных, приходилось заниматься и тем, чем в мирное время занимаются совсем иные службы, а никак не военврачи. В критических ситуациях приходилось принимать единственно правильное решение.

Однажды во время боев за освобождение Беларуси произошел такой эпизод. На наш аэродром сел француз из авиаполка «Нормандия—Неман». Самолет както неуверенно бежал по взлетной полосе. Я понял, что с летчиком что-то случилось. Вместе с авиационными техниками побежал к машине.

И вдруг самолет вспыхнул. Из кабины на землю тяжело вывалился охваченный пламенем французский летчик. Все вместе — летчики, авиационные техники, военврачи — мы быстро погасили вспыхнувшую одежду, оказали медицинскую помощь. Это был командир эскадрильи Лефевр, которому вскоре было присвоено звание Героя Советского Союза.

Вспоминается мне и такой случай. Однажды после одного из обходов раненых я направился к своей палатке, которая находилась недалеко от взлетной полосы. Вдруг заметил, что самолет командира 3-й авиаэскадрильи М. А. Ануфриева, который недавно приземлился, снует по полосе. «Наверное, ранен», — подумал я и бросился к самолету, вскочил на плоскость и выключил зажигание. Летчику оказал первую медицинскую помощь, а затем он был отправлен в госпиталь.

По приказу командования М. Ануфриев провел дальнюю разведку, попал под жесткий огонь вражеской зенитной артиллерии, был тяжело ранен. Однако отважный летчик нашел в себе силы долететь до своего аэродрома. После посадки он потерял сознание. Но все же очень важные на то время сведения о дислокации войск противника были добыты!

Служба военврача на фронте была нелегкой, небезопасной еще и потому, что авиационный полк, как правило, размещался на аэродромах подскока — это значит в нескольких километрах от линии фронта. Аэродромы часто бомбили.

Все эти боевые эпизоды, примеры отваги наших воинов в борьбе с фашистами очень помогали мне в работе над новым романом, который я назвал «Дороги без следов».

4.IV.42. Встал с пригорка и направился с мешком на аэродром. Попалась машина. Хорошо. Думаю сегодня быть в городе. Как оно получится — будет видно. Нужно баню дать для полка. Также надо пойти поговорить. Сегодня пасмурный день, не похож на вчерашний, теплый. Холодно. Когда здесь начинается

весна? Кто его знает. Сегодня суббота, а завтра Пасха. Я, когда узнал об этом, очень удивился — рано. Вот почему, когда мы шли по Арзамасу, старушки направлялись в церковь. А я не мог понять, в чем дело…

Антон Алешко.

6.IV. Встал рано. Несколько часов торчал в продовольственном отделе. Ждал талонов. Поел и завалился спать… Каждую ночь вижу сны. То я воюю, то бомбардировщики гоняются за мной. Наверное, что-то новое будет… Читаешь газеты о событиях на фронте, сводки и думаешь: что же будет весной? Ох и бои будут! Будет, наверное, поставлено на карту все… Только бы не врасплох, как в июне, захватили. Было очень обидно… Вчера Долгов сказал, что академия выехала в Самарканд. И вообще, все, что я оставил в Ленинграде, — пропало.

Литейный пробит бомбой, психоневрологическая клиника разбита. Во двор фармакологии упала бомба. В детскую поликлинику попала. И все это в одном квартале.

9.IV. Вчера утром летчики поехали в Чебоксары. Там будут летать. Остальные остались здесь, и машины будем получать здесь. Был в городе. Для документа нужно фото — сфотографировался. […] фотограф сказал: «Принесете пирамидон, может, быстро сделаю фото, а так не раньше восьми дней…» Я живу в одной комнате с Медведевым. Он до войны служил в Латвии. Много рассказывает.

А я? Выучился — ничего не видел, а закончил учебу, сразу рванул на фронт. Здесь тоже много не увидишь. Так же и Шура, и Валерик. Что мы видели? Только собрались в дорогу — и вот тебе на. Ничего не имели — ничего и не осталось, все пропало… Вот и подумай — кому была жизнь, а кому?..

Что весна еще покажет? Очень о ней много говорят немцы. Правда, наши тоже не боятся. На днях был Всеславянский митинг в Москве. Колас на нем выступал. А вчера в городе по радио выступал Лыньков. Читал рассказ. Плохо было слышно — не слушал я…

13.IV. Сегодня дежурил на старте: летали ПЕ-2, «дугласы» и У-2… Вчера первый раз услышал пение жаворонка. Он напомнил годы детства. Сегодня рано шел на аэродром и снова слышал пение — как серебряный звоночек заливался в небе.

19.IV. Утро было светлым и хорошим. В полдень поднялся ветер. К вечеру стало прохладнее. Ходил в выездное. Сегодня слышал пение скворца. Снег почти растаял. Земля оголилась черная-черная и клейкая, как смола.

* * *

Недавно видел сон: Ленинград, Выборгская сторона. Был где-то около инфекционной клиники. Налет. Бомбардировка. Намучился. Все мимо. Бросали зажигательные, от них по спине ударяло, как песком.

* * *

В Чебоксарах кто-то из наших разбился. Кто — еще неизвестно.

* * *

Сейчас пишу рассказ. Половину написал…

19.VI. Встал рано по поводу иммунизации. День обещает быть неплохим. Наверное, сегодня полк вылетит… Поругался с начштаба. Пообещал его сдать в психиатрию как сумасшедшего. Разговаривал с командиром, комиссаром. Словом, стоим на подмазанных колесах и вот-вот тронемся в дорогу…

22.VI. Не вылетели и сегодня: погода не пускает. Сегодня годовщина с начала войны. Уже год, как я был вместе с Шурочкой, год, как видел ее, дорогушу. Где она теперь? Я давно потерял надежду на то, что она жива. Иногда пробивается сомнение: вот бы все обошлось, а вдруг она жива? А Валерик? Сын мой, сын! Отец твой носится, где надо и где нельзя. Что будет дальше — неизвестно.

24.VI. Вечером добрался до Арзамас-2. Утром выехал в Москву.

27.VI. Стоим в Москве.

28.VI. Были в Серпухове, вернулись в Москву. Утром шел дождь. Мы ехали в метро с Курского вокзала на Киевский. Сидим и ждем поезда на Калугу. Едем в Зубово, оно недалеко от Юхнова.

29.VI. Остановились на станции Тихонова Пустыня. И правда пустыня. Станция разнесена в дым. Элеватор разбит. Походили по станции, ни одного целого дома… Вокруг ямы от бомб. Обедали в столовой. Повар сказал, что 5-го был налет. Сбросили 99 бомб. Семь человек убили, в том числе и доктора. Сегодня мимо станции пролетел один бомбардировщик. Наверное, разведчик… Настроения нет… Жарко…

Прибыли на ст[анцию] Потанино. Это последняя станция. Вышли. Ни одного целого дома: развалины и обломки. Я подумал, что здесь шли сильные бои. Оказалось совсем другое. Когда заняли наши, немцы целый месяц бомбили. Сидели возле дома, а одна бабуля и говорит:

— Немцы у нас были два месяца и двадцать дней.

— Наверное, все забрали?

— Нет… У нас были немцы хорошие. Австрийцы.

Только поговорили, как на станцию летит Ганс. Зенитка как дала, пулемет помог. Он сменил высоту и скорость. Свернул и улетел…

30.VI. Деревня Зубово — одно название. Ни одного целого дома. Все выгорело. Природа что надо. А для меня, белоруса, одно удовольствие…

1.VII. Хламово. Уже второй день стоим на реке Теча возле села Хламово. Погода отвратительная. Льют дожди. Леонов и Востоков упали на У-2. Санитарной машины не было близко, и другой не нашли. Летал на место аварии на У-2. Летел, первый раз оторвавшись от земли. На разворотах немного подмывало, а так ничего…

3.VII. Вчера утром был сбор руководства. Ругали почти всех. Говорили и насчет доктора.

— Не следишь за здоровьем летчиков, не знаешь, как они отдыхают, спят. Люди ложатся на землю, а разве так можно? Если и дальше так будет, откомандирую, — сказал командир…

Комиссар Талдыкин, шатаясь на худых ногах, рассказывал, как мы, врачи, наблюдали Востокова:

— Какая теперь стала беспомощная медицина. Собрались три врача, смотрят, щупают, отойдут и не знают, есть перелом или нет.

Талдыкину не комиссарить, а быть лекарем, может, тогда не болели б люди…

* * *

Чуть рассвело, а я на ногах. Туман повис сонно над лентой реки, а на взгорке замаскированные машины ревут моторами. Техники пробуют моторы. Так начинается день. Скоро послышится стальной гул чужого мотора, и, присмотревшись, можно увидеть черный силуэт самолета-разведчика. Вид у него такой: всегда ходит высоко, за облаками. Через некоторое время доносится гул канонады. Это бьет артиллерия на переднем крае. Так продолжается почти целый день.

Наблюдения играют большую роль. Например, я заметил, что если над солнцем стоит венец — хорошей погоды не будет. Об этом я догадался, когда мы были около Одоева прошлой осенью, в Арзамасе — этой весной и вчера утром. Сказал: будет дождь и холод или сегодня, или завтра. Вчера был дождь и сегодня идет…

Разведка донесла, что по смоленской дороге идут эшелоны с цистернами. Неужели применят химию? Приказано носить противогазы…

5.VII. Сегодня прекрасный день. Погода хорошая. Правда, аэродром мокрый и вязкий, как вымоченная овчина. Я упал на колени. В сапогах хлюпает, словно в маслобойке. С самого утра полеты. Вылетали много раз. В районе Белево скопление войск. Мочалин сказал, что надо вешать осколочные бомбы — много живой силы. Еще не вернулся Степуренко. Гребенщиков говорил, что он пикировал на зенитки несколько раз, а Степуренко остался. Только что прошел над аэродромом Ю-88. Белый. Через несколько минут прошел еще один. Майор посмотрел в бинокль.

— Ю-88… Ах, черт… Надо поставить дежурное звено…

7.VII. Какой сегодня прекрасный день! Чистые облака, не забрызганные войной и горем, плавают в голубом просторе. Иногда задумаешься, и только настойчивый стук БС из кустов и свист ветра от пуль над аэродромом напоминают о войне. Трава зеленая и пышная, как постель дорогой… Лег бы и заснул. Запускают моторы, взлетают самолеты. По дороге пылит БМЗ. Жизнь бежит…

Полк провел несколько воздушных боев. Комиссар Любимов сбил МЕ-109. Да так дал, мимо только обломки летели. Бил разрывными. Кожур сбил «Юнкерс-88», прилетел домой и сел «на живот». «Забыл выпустить шасси», — пояснил летчик. Полк сбил шесть самолетов. Баринову отрезали плоскость, и он пошел в «штопор». Успел выпрыгнуть с парашютом, только над своими ли?..

8.VII. Сегодня ранили комиссара Любимова. Пуля пробила кабину, ударила в ракетницу, отскочила и ударила в боковую часть правого бедра. Наверное, там и осталась. Выходного отверстия нет. Жалко, что нет рентгена. Так бы посмотрел — и пожалуйста…

Перед посадкой я отошел в 1-ю эскадрилью. Вижу, пошла санитарка. И я хотел идти за ней. Не пустили — садились самолеты. Я отвез Любимова в лазарет. Вернулся. Меня встретил майор, посмотрел злыми глазами.

— Я буду ходатайствовать о снижении вам звания. Вы сколько получаете процентов надбавки?

— Пять.

— Я их скощу, — так и сказал.

— Товарищ майор… — было заикнулся я.

— И говорить не хочу, — был его ответ.

Скорее бы приехал начсандив. Я бы ему все рассказал, может, перевел бы куда-нибудь. Майор не знает, что должен делать у него в части врач. Я же не обязан сидеть в санитарной машине, на это есть дежурный фельдшер. Мне нужно и насчет бани договориться, и в 1-ю, и во 2-ю эскадрилью зайти. Столовую надо проверить. А когда же я все успею, если буду сидеть в «санитарке»? Тем более, он меня прогнал с командного пункта. Сам себе противоречит. Скорее бы от него перевестись. Я всегда работал в полках, где меня уважали. А если с ним не сошлись, так можно и разойтись.

17.VII. Вчера от нас уехал начсандивизии. Был у нас в полку два дня. Я ему все показал и рассказал. Целый ряд мероприятий запланировали. Видно, умный человек, и главное — человек!..

* * *

Наши дела стали хуже. Немец уже в Воронеже, где я начинал свою медицинскую науку. Отдадут или нет?

Только собрался идти в деревню, как со стороны Зубово послышался рев моторов. Присмотрелся. Три бомбардировщика и два истребителя шли над трактом… Самолеты немного пролетели и стали пикировать. Даже видно, как сбрасывали бомбы. Зенитка била без остановки. Разрывы белели далеко сзади самолетов. Несколько раз ухнула земля. На дорожке, около командного пункта, со свистом упали осколки зенитных снарядов.

* * *

Сегодня получил часть химпакетов. Долго был в Хламово. Сидел на крыльце санчасти. Подошла женщина с ребенком.

— Доктор есть?

— Что?

— У сына болит…

— Покажите…

У сына стоматит. Я посмотрел, сказал, что надо делать. Женщина пошла, но вскоре вернулась.

— Где вы живете?

— Постоянного места нет…

— Если хотите молока, — заходите, коровка у меня есть.

— Что вы?! Бог с вами…

* * *

Над извилистой рекой вербы пышно подняли свои чубы, поседевшие на солнце. Глядятся в зеркало реки. Неслышное течение. От пеньков, песка и чертового мостика веет миром и спокойствием. Эх, пойти бы далеко в лес и забыть про все. Может, тогда не горлопанили бы…

20.VII. Был жаркий день. Дымка застилала все вокруг. В небе стоял гул вражеских самолетов. Вечером меня вызвал командир дивизии. Прихожу. Он сидит за столом и просматривает содержимое моей сумки. Предупредил, что в полк прибывают девушки.

— Смотри, чтобы не было больных и беременных. Остальные меня не интересуют.

Получив приказ, я вышел. Хороший человек командир дивизии полковник Баранчук!..

26.VII. С самого утра начала летать «королевская» авиация. Не понял, в чем

дело. Потом приехал Заболотный из дивизии, и часов в десять я узнал, что наши летят за Можайск на какую-то операцию. Подробностей не знаю. Знаю лишь одно, что это хорошее дело. Собрался с силами, дал как следует, а потом можно перебираться и на другой участок…

8.VIII. Вчера ходил в штаб дивизии, который разместился в Красновидово. Когда-то здесь была усадьба барона фон Мекка. По словам главного врача, ее немцы не сожгли, потому что не успели.

Сдавал пакеты в стройотделение. Проторчал там дотемна, а в отделении никого не было. Ходил в лазарет, разговаривал с Грачевым — Героем Советского Союза. С ним был еще один раненый. Грачев совсем простой человек. Маленький, щуплый и не гордый. Это только потом мне сказали, что он Герой. Такими должны быть все!..

В темноте добирался до Глазово. Встретил Попова, и мы пошли вместе. Дождь […] прихватил, мы спрятались в будке часовых. Вздремнули. Вечером немцы сбрасывали бомбы недалеко от аэродрома.

Вчерашние бомбы упали где-то в километре от нас. Наверное, немцы сбрасывали их по расчету. Сегодня вызвал командир Вахров.

— Почему до шести не сдал пакеты?

— Никого не было в стройотделении.

— Выговор…

Целый день льет дождь. Все раскисло, хлюпает. Негде склонить голову. В сапогах мокро. Везде мокро. Ну и непогода!

Сегодня получил новую нагрузку: следить за доставкой продовольствия, за ночлегом людей.

С фронтов ничего обнадеживающего. Немец лезет и лезет на юге. У нас, на Западном, идут вперед, хотя и неспешно. Наши уже под Сычевкой, недалеко от Ржева, под Зубцовым. Если отрежут этот район — Вязьма будет нашей. Потом пойдем на Смоленск.

9.VIII. Ночь. Шумит монотонно лес. Я заснул. Подхватился из-за шума и плеска по крыше моего шалаша. Пока дошло, что случилось, ливень уже кончился. Я повернулся на другой бок под мокрым одеялом, накрылся с головой. Пытался заснуть. Долго лежал. Тишина. Кажется, что кто-то ходит вокруг шалаша, слышны шаги. Послышался выстрел. Я поднялся. «Может, десант?» — подумал. Так можно заснуть и навсегда, надежной охраны нет. Наверное, спят. «Что я могу сделать? — думаю. — Отобьюсь своим пистолетом?»

Лежу. Успокоился. Потом сам детализировал свой страх.

— Это просто не отдохнула нервная система. Сильно взвинчена. Вот и стало разное казаться.

В синюю зазубренную тучу на горизонте втиснулся желток заходящего солнца. Лучи мажут тучу на востоке. Там вспыхнула разноцветная яркая радуга.

Дым с сигнального пункта застелил весь аэродром, а елки, казалось, покрылись инеем. Холодок прополз по спине. Дорога бледная, выполосканная дождем, пропала в высокой траве. Мы идем на аэродром…

Сегодня утром полетела шестерка наших. Не вернулось звено: Сачко, Волков, Гребенщиков. Один взорвался в воздухе, один будто бы спланировал, а третий — неизвестно где делся. Среди летчиков началось волнение. Ничего не пьют и не едят. Заговорили ребята… Надо думать!..

17.VIII. Дождь… Дождь… Все залило. Вчера ходил на минное поле. Подорвался Подолякин. Сегодня будут хоронить.

Сегодня снимаюсь и лечу в Хламово. Перелетаем все.

Хламово. Здесь все иначе. Земля суше, чем в Глазово. Грязи на аэродроме,

естественно, нет. Пошел в санчасть. Встреча с людьми прошла весело. Говорили и смеялись. Все были довольны, что я приехал. Так и вечер наступил.

18.VIII. Встал рано. Через несколько часов перелетели все наши. Так начались жизнь и работа в Хламово.

19.VIII. В полдень дошло, что будем перебираться. Перебазироваться так перебазироваться. К четырем быть готовыми. Собрались и вечером выехали в сторону Юрьево. Ехали всю ночь. Заблудились. Приехали утром, только не в Юрьево, а в Железинки.

20.VIII. Ознакомился с Железинками. Грунт твердый, сухой. Аэродром, ничего себе. Ознакомился с санчастью. Ничего хорошего. Скучно. Хочу спать, умираю…

23.VIII. Хороший сегодня день. Синева неба высоко-высоко. Вдалеке синий туман трясет темной гривой над лесом. А там поплыли Илы. Уже воюем два дня. Позавчера был налет на Сещинский аэродром. Цапкин мне рассказывал о том, что сам видел, как два самолета взлетели от взрыва. Уничтожено около 50 самолетов. Там, наверное, не успел ни один подняться.

Санчасть здесь не обустроена. В одной комнате живут хозяева, а во второй размещаются амбулатория и лазарет. Грязно и полно мух.

29.VIII. Сегодня очень жаркий день. По улицам Железинки болтаются пятнистые петухи и куры. Гудят мухи. Плачут дети. Словом, жизнь идет…

10.IX. Курово (за Калугой). Из Железинок переехали в Хламово. Сняв сапоги, я посмотрел вокруг, а дневника нет.

— Потерял!..

Однажды идем в Хламово, а Ропотяк и говорит:

— Ты потерял дневник?

— Я.

— Приедем в Курово, отдам…

И вот он снова у меня.

Вчера выехали из Хламово. Были в Калуге. Гористый город. Ночевали у Охлобинина. Старушка отдала нам кровать.

— Спите, детки. Гитлер, гад, затеял войну.

Спали хорошо. Утром приехали в Курово. Кругом грязь. Располагаемся. Мироновский рассказал о гибели Григория Михайловича Бегуна — 3 сентября в Горелово. Сгорел. Там же, в Горелово, и похоронили.

11.IX. Познакомился со старшим врачом Лопновым. Интересный человек. […] Глаза живые, выразительные. После разговора с ним понял, что он очень грамотный человек.

Вечером мы встретились. Лопнов играл на скрипке. Я слушал этюды, и мне было не до войны, далеко улетели от нее мысли под звуки скрипки.

14.IX. Сегодня отправил людей в дом отдыха. На одном дыхании написал рассказ «Тело». Какой он получился, посмотрим…

19.IX. Был в санчасти. Трехлетнему Вите вправляли парафимоз. Очень плакал. Дали хлорэтиловый […].

23.IX. Сегодня солнечный день с легким ветерком. К нам прибыл новый командир полка капитан […]. Был сбор всего полка. Говорили коротко.

Лес пожелтел. Опадает листва. И такое разноцветье вокруг — глаза устают. Сегодня выступал цирк. Посмеялись от души…

24.IX. Поднялась полная красная луна. Ветер усилился. Дорога белой полосой вилась в конце деревни. По улице пронеслись машины. Куда-то переезжал мотобатальон. Небо застелили темные тучи, накрапывает дождь.

27.IX. Надумал поехать в Кольцово. На самом деле: там молодые летчики, нужно их осмотреть, оформить санкнижки. Собираюсь после обеда лететь, только как мы усядемся с Долгушевым в У-2? Можно сделать некоторые выводы насчет Курово. Грязная деревня, больше напоминает небольшой хлев. Однако люди живут. Девушек и женщин — хоть отбавляй. Я только наблюдал, об активности не может быть и речи…

Вчера лег и долго ворочался в постели. Не спалось… В нашем доме ночевали шоферы. Один рассказывал:

— В финляндскую войну одному оторвало ногу. Узнала жена и, проведав его в госпитале, не захотела больше с ним жить. «Тогда давай поцелуемся в последний раз», — сказал раненый. Жена нагнулась. Муж вместо поцелуя откусил ей кусок щеки. После этого они стали жить вместе…

6.X. Дует сильный ветер… Высушивает серую землю. Зеленая трава аэродрома вымочена дождем, высушена солнцем, сломана ветром и теперь напоминает поседевшие волосы. Утром стелется туман.

Дует ветер… Березовый бор желтый-желтый. Сбрасывает лист под ноги и шумит. Солнце еще греет…

Завтра часть наших вылетает. Я, кажется, остаюсь здесь. Надоело, давно надо сменить место…

7.X. Утром возле столовой встретил Лобынцева.

— Я вас искал. Наш командир разбился.

Я быстро пошел в штаб. Овегушев говорил с Воронцовым про гроб. А мне сказал, что самый маленький солдат покидает свой адрес. Что поделаешь? Нужно было, когда приехали, найти квартиру и доктору, а то он скитается где попало. Руднев где-то около Серпухова разбился. Вошел в штопор и не вышел. Нет у нас командира полка. Нет… Кого сейчас назначат?.. Кого бы ни назначили, а лучшего не будет. Не пришлось с ним поработать. За ним полетели на самолете. Я жду на аэродроме…

* * *

Что там, дома?

Сколько раз я думал о родном доме, сыне, Шуре. Кажется, ночью бы вылетел на У-2, сел на окраине — посмотрел на дом, на своих. Тогда душа бы и успокоилась, даже если бы и застал там одно пепелище.

Тяжелое время сейчас мы переживаем — если выдержит Сталинград до зимы и начнется второй фронт, то есть надежда, что зимой можно будет побывать в Беларуси. А если нет — то кто его знает, где придется сложить голову и при каких обстоятельствах. Вот она жизнь!..

12.X. Все полки вылетели на фронт в район Ржева. Из нашего полка взяли эскадрилью и присоединили к 242-й. Мы остались здесь. Был несколько раз у Боброва.

— Подожди. Как только будут расформировывать, дам телеграмму Затилову и оставлю в дивизии.

Мы, наверное, переберемся в Курово. Что будет?

14.X. Сегодня Покрова… Вспоминаю слова Якуба Коласа:

Папасеш каровы
І будзеш дома на Пакровы...

Вот они Покрова. Чем сейчас занимаются дома?..

22.X. Иду в Поливаново к Боброву. От него поеду на курсы повышения квалификации по хирургии в Калугу. Что будет дальше?

24.X. Калуга. Приехал сюда позавчера вечером. Сразу отправился на Плеханова, 33 — ночевать. А вчера весь день искал, где бы определиться на курсы. Попал в ПЭП[1]. Они почти целый день промариновали. Даже удивились, что такие курсы будут. Звонили в санотдел. Вечером прикомандировали меня к ППГ[2]. К ведущему хирургу я не попал. Его уже не было. Пойду сегодня.

Калуга сильно разрушена, много сожжено домов. Магазинов нет. А если они и есть, то в них пусто. В ПЭПе сидят одни […] или им подобные. Обмундирование на всех скрипит, гимнастерки габардиновые, сапоги новые. А у меня левый сапог разошелся, и я не знаю, что буду делать. Зайду сегодня в 20-й РАБ. Может, получу…

27.X. В Калуге ничего не достал. В ППГ работы нет: раненых нет, а если и поступают, то очень мало. Калугу я осмотрел как надо. Город больше разрушен от берега Оки. Словом, Калуга отметилась во время оккупации. С немцами очень возились…

13.XII. Сегодня прочитал «Фауста» и «Радугу» Ванды Василевской. Повесть так себе… Мало правды. Расписывает сцену родов в мороз. Интересно, как бы она рожала на морозе? Словом, пишет…

Второй день оттепель. Падает мокрый снег. Завтра думаю попасть в Осташево. Познакомился с врачом 651-го БАО[3] Болотиным. Жить можно. У старшего врача 198-го ИАП[4] яркий маникюр с грязью под ногтями…

3.I.43. Новый год встретил впустую. Был с больным у рентгенолога в Волоколамске.

На улице тепло. Идет мокрый снег. Наши окружили немцев под Сталинградом. Трофеи, трофеи…

21.I. Вчера закончил повесть «Вихри войны». Прошло двадцать дней с тех пор, как я начал ее. Надо как-то съездить в Москву и «сосватать».

31 февраля будут введены новая форма и погоны. Врачей уже подравняли до общевойсковых званий. За два месяца приказано провести переаттестацию. Начинается… Дадут какого-нибудь капитана медслужбы — и на нем будешь ехать, как на ишаке. Не радует ни первое, ни второе. По сроку службы в действующей армии я должен быть врачом I ранга, но все это затирается. Так оно и дальше будет. Побудешь в одном полку — жух в другой, и пошел…

Один налил в термос водки и положил под подушку.

— Кто выпил водку?

---

[1] ПЭП — пересылочный эвакуационный пункт.

[2] ППГ — походно-полевой госпиталь.

[3] БАО — батальон аэродромного обслуживания.

[4] ИАП — истребительный авиационный полк.

— Мы. Думали, вода — и ночью выпили…

Так было в Арзамасе.

С фронтов хорошие известия. 19-го прорвали блокаду Ленинграда. Идет наступление на Ростов.

24.I. Ночь такая светлая, что иногда даже боишься своей яркой тени. Снежинки блестят большими алмазами на белом полотне. А небо, подсвеченное холодом, напоминает горячий июньский день. Сегодня в шесть часов утра пришел домой. Иду и на подъеме останавливаюсь. Ноги подкашиваются, плечи разваливаются на части. Ездил в 4-й отдел санотдела 29-й армии. Зашел в палатку, осмотрелся, достал рецепты и отдал аптекарше.

— Прошу…

Особа, скользкая, как маринованный гриб, взяла в руки рецепт и повернулась к свету.

— Подумаешь…

— Без «подумаешь» приготовить все, сейчас же.

На мое замечание — в ответ сто слов от аптекарши, я ее сразу обрубил. Жаль, что не было шомпола. […] Несколько раз — и все стало бы на свои места. Потом вернулся в отдел. Начальник и помощник, один на вид брезгливый, и морда неприятная, все время бурчал. Второй будто смазан вазелином, […] говорил, растягивая слова. Между ними сидел писарь, малокровная и на вид дурноватая особа.

— Ну и собрались…

— Автоматчика сюда!

Был в кабинете еще один человек, высокий. Лица я его не видел. При каждом слове старшего в тени печки он казался тенью, не человек, а сплошное — смирна-а! Господи, что было в этом кабинете, когда они узнали, что в палате упала бутыль и 20 литров водки вылилось. Ура! Ура! Гвалт!

Уже известно, что Воротников едет в учебную бригаду. На его место назначен Мерзеликин. Особа казенная и шкурная. Если быть под таким начальником, то лучше куда-нибудь капитаном медицинской службы…

Когда был в ИАП, видел одну девушку-летчицу, которая прибыла из-под Вязьмы. В январе прошлого года она там упала и все это время жила у учительницы. У нее спрашивали: почему не пошла в партизанский отряд?

— Не было там настоящих партизан… Были только немецкие шпионы и чуть не засыпались…

* * *

На Смоленщине наши уже вышли на Днепр. Я думаю, что слухи о том, что фронт движется, доходят до родного дома… Что сейчас делают мои дорогие Шура, Валерик, мама? Живые ли они? Я на Западном — и обязан идти по родной земле…

19.III. Опять в деревне Острово. В августе я сюда приходил из Железинок за сывороткой. Сегодня чуть свет встал с лавки весь замерзший (где ночевал, идя от станции Кудринская) и пошел. Под ногами стоял хруст льдинок. Казалось, что иду по толченому стеклу. Штаб на аэродроме, люди живут в землянках. Познакомился с командиром гвардии майором, его заместителем и начстроем. Не буду спешить с выводами. Время покажет, какие здесь люди. Вот он, 523-й ИАП. Воюют на ЛА-5. Летчиков мало, машин еще меньше…

1.IV. День туманный. Грязи по уши. На полях только в ложбинах еще белеет снег. Весна. Первого жаворонка я слышал 22 марта. Зимой стояли в таких живописных местах, а весной чуть ли не в чистом поле.

Жизнь моя в новом полку еще не обозначилась. Живу с пилотами 2-й аэ. Начальство находится где-то на окраине. Работы в полку много, а внимания на нее мало кто обращает. Писем я не получаю. Уже забыл, как их получать… Вот так и живу.

В Островах увидел первую амбулаторию, пародию на медицинское учреждение. Присесть негде, ни одной табуретки. Старший врач Чмыхалов и рангом ниже — мелочные люди… А если послушаешь разговоры работников санчасти — диву даешься:

— Я приказал… Приказ… Так исполняют приказ?..

13.IV. Синий туман стелется по черным горбам полей на западе. Летние белые облака плывут по небу, плывут вдаль, туда, где мой дом. Есть ли он? Живые ли Шурка и Валерик?.. Может, нет… Может, убили варвары…

19.V. Я уже два месяца в этом полку. Живу одиноко. На аэродром село много самолетов. Встретил Фериери, Губернаторова и других. Наверное, мы переедем в Волосово. Все давно позеленело. Стояли теплые дни. А сегодня холодно. Сумрачно…

20.V. Прошел дождь. Мы взлетели на У-2. Колышет, как в коляске. Пересекли железку. В лесу войска, войска… В одной ложбине по нам чуть не ударили залпом человек сто. Я замахал руками. Тогда они поднялись и помахали нам вслед. Сели.

Волосово. Волосово — большая деревня, вся разграблена и ни одного окна. Людей — ни души. Ночевали в деревне… Встали ни свет ни заря. Ночью был дождь, а сейчас погода улучшилась. Холодно.

23.V. Вчера целый день лил дождь. Ночью невыносимо холодно. Дом, в котором мы ночевали, напоминал собой решето. Под назойливую капель я заснул. Сегодня ветер и солнце.

Соловьи поют не умолкая. Лес вокруг густой, колышет кроной на ветру. На западе — гром артиллерии. Слышна бесконечная канонада…

26.V. Дождь лил-лил и устал. Сквозь разрывы высоких, как стога, белых дождливых облаков выглянуло солнце. Жаворонок залился в песне. Земля, как губка, натянула воды и пищит под ногами. Так и сидим тихо. Вся наша задача и заключается в том, чтобы сидеть незаметно под самым носом у немцев. Генералу этот аэродром понравился, и он сказал, что если линия продвинется вперед — обязательно сделает на этом месте центральный аэродром. Бьют пушки… Особенно ночью.

Вокруг пусто.

Здесь я встретил И. И. Кокаева, бывшего начальника санслужбы 784-го БАО. Старый добряк, но все еще пыжится и посматривает поповским глазом на женщин. Невыносимый бабник…

6.VI. Полошково. Лето… Расцвело все что только могло. Зелень вобрала все что можно было из землицы. Прислушаешься, и кажется, слышно, как сосет зелень соки…

11.VI. …Три МиГа из-за Москвы гнали «Хейнкеля-III». Уже опустили его с шести тысяч до трехсот. Летят и подкручивают усы:

— Мы его сейчас положим.

Возле Подольска повстречались «харрикейны». Один развернулся и сбил «Хейнкеля-III». МиГи сели и не могут сдержаться.

— Столько гнали. Пусть теперь летят. Ты гони, а они перехватывают…

7.VII. Дерягино. Второго июля переехали на новое место и попали в 651-й БАО. Старший врач здесь уже другой, остальные те же. Встретили хорошо.

5-го началось наступление немцев на Орловском, Курском и Белгородском направлениях. Пока ничего не известно, но немцу дали хорошо…

15.VIII. Получили почти все машины. Сразу растерялись.

— Людей маловато.

На душе как-то тяжело, и непонятно, откуда что взялось, что этому причиной…

На дворе дождь, а шинель кто-то украл… Думаем идти вперед.

8.X. Сидим на шоссе недалеко от Рославля. Испортилась машина. Вчера ремонтировали два раза. Вокруг один и тот же рисунок: сожженные деревни, угнанные в плен люди. Однако всюду говорят одно: если бы не наши, немцы давно убежали бы. Жандармы, полицаи выдавали наших людей. С пленными расправлялись, как со скотиной. Многие жили с немцами, у многих есть уже маленькие «фрицы». На варшавском шоссе взорваны все мосты. Вдоль дороги могилки, огороженные белыми березовыми прутами. Там, где жили немцы, все сделано из березы: забор, ворота, лавки.

Снова сидим на дороге. Я вспоминаю, что приблизительно в этом месте мы отдыхали в июле 1941 года, когда я работал в комиссии по мобилизации в Смоленской области. Тогда стоял жаркий летний день, полный тревог и разочарований. Тяжело было сказать, что произойдет через час. Могли налететь самолеты и разбить все. Шоссе тогда пустовало, поблескивая черным гудроном на солнце. Сейчас по ней сильное движение. Телеграфные столбы спилены, подорваны. Мостов нет. Идут и едут в разные стороны люди. Знакомых нет, да и сложно их здесь встретить. Назойливо крутится вопрос:

— Застану я дома своих? Живые они или нет?

И на душе тяжело-тяжело…

Шаталово. Осталось одно название от городка. Все взорвано… Обслуживает 177-й БАО. Дежурит Шура Петкевич.

Наш дом еще далек, далек…
Он там, за боем, там, за дымом,
Он там, где тлеет уголек
На пепелище нелюдимом.
Он там, где, нас уставши звать,
Босая, на жнивье колючем,
Все плачет, плачет, плачет мать,
Все машет нам платком горючим…

(*К. Симонов. «Возвращение»*)

16.X. Самолеты все добили. Сегодня полетели на «дугласе» в Москву за новыми.

В голове пусто, как никогда. Жители со мной. Каждый — темная капризная республика. Шерстнев — болтун и обжора. На женщин падок, как муха на струп, без разбора. Борташ, думает, что пуп полка. Иванов ничего не думает. Нужно писать, писать, но нет условий. Потом…

7.XII. Хламово. Поужинал и топлю печь. В столовой принимают вещи и другое. За это время мы проехали много. Были в Прикуповце, Поломе (рядом Бел. Горки), потом переехали сюда. Подобной ямы и черт не знал. Ничего нет. Негде и палки вырвать. Да ладно. На старте дежурит Марья Михайловна, в три обхвата молодица.

— Ты откуда?

— Из Балашова.

— А фамилия?

— Балашова.

Ничего не прибавишь.

4.XII. Зима сильно пристегнула нас к Хламово. Отсюда нескоро вырвешься. Снег падал несколько раз, таял, шел дождь. Вчера весь день мело. Сегодня распогодилось, взялся мороз. Наверное, будет зима, несмотря на то, что снег налез во все щели. Зима… Зима…

12.XII. Даниловка. Переехали на аэродром Ржавка и окончательно зазимовали. Обслуживает 72-й БАО.

18.V.44. Смоленск. В эту ночь был налет. Понес меня черт ночевать возле железной дороги. Три часа сыпались на голову бомбы, и ни одна не попала… Вышел я из подземелья — и будто второй раз родился…

6.VI. Подошел Свитченок к санитарной машине и сказал:

— Новость. Открылся второй фронт… Правда…

Бывает одиночество такое,
Что хочется хоть собственную тень
Потрогать молча на стене рукою.
(*К. Симонов*)

11.VI. Сегодня хороший день. Вечером потянуло холодком. Здесь меняются батальоны, спать будем на досках. Недалеко проходит железная дорога. Один за другим идут эшелоны… Машины, танки… Сейчас напряженное время. Воздух, кажется, сгустился до отказа, скоро должен быть взрыв. А если будет, дай Бог побыть дома и посмотреть, что до чего. Мы сидим и ждем, куда прикажут вылететь.

Сегодня утром вышел на аэродром, а потом весь день не находил себе места. День какой-то был такой, что чувствовалась пустота и внутренняя легкость. Казалось, подует ветер — и полетишь пушинкой. Не было твердой опоры. А почему так?

18.VI. Шубки. Приехали в Шубки. Деревня пустая. Живем в палатке. Аэродром пыльный и горбатый. Под вечер над деревней появился У-2 и пошел в петлю. При выходе на полном ходу у самолета оторвался хвост, и он камнем пошел в землю. Побежали к нему. Разбился Негров…

22.VI. Три года идет война. Три года… Вспоминается один день 1941 года. Ясный, теплый, действительно летний день, такой, как и три года назад.

Какая тишина!

Летали весь день на разведку. Должна была начаться война, ну, приблизительно в эти три-четыре дня.

Написал новеллу «Песня» на литературный конкурс в «Сталинский пилот».

23.VI. Началось наступление.

24.VI. Война в самом разгаре. Тучи самолетов идут и идут. А ночью — еще больше гудят и наши, и немецкие самолеты. Ночь холодная. Спал не больше двух часов.

Неужели мы не сможем быстро попасть на новую границу? Тогда попрошусь домой: посмотрю хоть одним глазом. Если бы было куда ехать, за три года можно было взять три раза отпуск.

27.VI. Тихое утро. Туман и пыль расстелились в ложбинах. Война идет быстро. Наверное, скоро продвинемся вперед, так как отсюда далеко доставать.

28.VI. День жаркий. Настоящее лето. Пыль стоит на километр в высоту. Наши разведчики почти не долетают до немцев. Надо двигаться вперед. Очень устал, хочется отдохнуть. На душе какая-то пустота.

30.VI. Жаркий день. Ветер. Пыль лезет сквозь окна и запудривает все вокруг. Кажется, нет ни одного места, где не было бы пыли. Попробуешь, трещит на зубах. События на фронте вселяют оптимизм. Уже заняты Осиповичи, Свислочь. На нашем участке дело несколько затормозилось. Сидим мы здесь вынужденно, а надо идти вперед.

2.VII. События развиваются с молниеносной скоростью. Наши были под Бобруйском, забрали Осиповичи, а вчера, первого числа, передали: Слуцк—Погост. Сегодня утром я пошел на радиостанцию: заняты Красная Слобода, Копыль, Греск. Встает вопрос: что с моей местностью? Целая она или сожжена… Вчера написал три письма домой. Две ночи подряд путались разные сны. Сегодня во сне видел надпись на бумаге: «Шура вышла замуж…»

Вообще на душе какая-то темнота, непонятность. Томит неизвестность. Что там дома? Кто живой? Есть ли живые? Шура, Валерик?..

Ждем «дуглас» для перелета в Докудово. Мы остались уже в глубоком тылу. Как дела в Беларуси, потом посмотрим. А пока стоим на колесах... Жить в Шубках окончательно надоело. Выселенные жители возвращаются и лазают по аэродрому. Только смотри, кому-нибудь точно отсекут голову пропеллером.

О чем бы ни говорил, а мысли мои далеко отсюда. Я думаю, что моя деревня сожжена. Ветер разносит сизый пепел. Старчицы, может, и остались. А кто там живет? Может, Шура там, а Валерик где? Если жив — пятый год ему. Это уже возраст! Не узнает отца, если встретимся. Очень интересно знать, что и кто дома. При первой возможности надо будет слетать домой, хоть на несколько часов.

2.VII. На «дугласе». За окном мелькает рожь, выбитая земля аэродрома белеет под нами. Под ногами дрожит пол. Вот уже повисли в воздухе и легли на курс. За нами поднялись два Яка для сопровождения. Под широким крылом плывут поля и лес. Перелетели линию бывших окопов, вскопанных снарядами. Под нами лежали торфяники ровными грядками. Снова лес, поле, деревни… Поля засеяны полосками единоличников. На деревенских улицах людей мало.

5.VII. Жаркий день. Пыль и дым… Появляются три фрица. Два босиком, один в лаптях. Вот такие они, даже фантазия Ефимова не может показать в карикатуре фрица 1944 года.

Летчики пошли пострелять в лесок. Стали в ряд и начали бить в мишень. Через три минуты выходят из леса двенадцать немцев:

— Дай плен…

Насмешка истории. Три года назад мы бежали от немцев. Теперь они бегут…

6.VII. Ясный день. Высота миллион на миллион километров. Утром к нам прилетели самолеты сталинской дивизии. На них вечером насели фрицы. Всю

ночь отбивались, а утром взлетели и начали штурмовать… Какое сейчас там положение?

7.VII. Сталинцы вновь вылетели в Минск. Сегодня командир ездил к Хрюкину, потом летал в Радошковичи. Наверное, мы перелетим туда. Сегодня я решил сходить на речку. Первый раз в этом году искупался, потом собирал землянику. А день жаркий как огонь. В лесу душно, приторно пахнет смолой. Только немного дует ветерок и спасает от самовозгорания.

Я наблюдал за летчиками, техниками, а мысли были далеко-далеко, в Старчицах. На душе было какое-то раздвоение и беспокойство. Последние дни я сплю мало. Днем никак не могу урвать часок. А между тем для пополнения сил надо бы поспать, отдохнуть.

11.VII. День сгорел. Было 15 решений. Часть вылетела в Лиду, а нас отправляют в Ручицы, за Молодечно. По дороге застала молния — четверо вернулись. Так и пробежал день в подготовке к переезду.

12.VII. На американском «дугласе». Вечером на западе поднялась туча. Подул ветер. Вылетели самолеты на новое место, но вернулись, так как впереди была гроза. Пришел «дуглас». Мы незаметно взлетели. Под широким крылом плыли поля, леса и завивались реки. Шли прямо на тучу. Пересекли Березино. Над городом я заметил, что идет дождь. В щель в окне залетали брызги воды. Мы все дальше вклинивались в стену дождя. Над лесом стоял синий дым, поднимался седой туман. Внизу плыли поля, обмытые дождем, блестели мокрые дороги. Дождь и дождь… То слева, то справа прорезали стену дождя блестящие молнии. Наконец впереди показалась […]. Мы направились туда. Сели возле леса на площадку. Здесь много Яков.

Ручицы. В одну сторону Сморгонь, в другую — Вилейка. Новоселки и Ручицы сожжены. Красивая природа, белорусская. Вечером пошел дождь. Чуть приподняли палатку и заснули.

15.VII. Микунтаны. Вчера летал на «дугласе» в Микунтаны. Вместо целых лесов здесь уже попадаются отдельные квадратики. Кроме деревень попадается много хуторов. Имения и фольварки сохранились полностью. Редко попадаются сожженные деревни. Живут здесь исключительно поляки…

21.VII. Сегодня ночью шли наши самолеты. Стонала земля. Ночью началась перестрелка. Несколько трассирующих пуль стукнули по крыше гумна, где мы спали. Я слез и перешел в дом. Утром выяснилось, что это на наш дозор нарвалась группа фрицев.

26.VII. Почти месяц, как из дому ничего нет. Жду каждый день, однако пусто и пусто… На самолете не достать… Что там? Наши воюют… Уже летали на Кенигсберг, Тильзит. Мне кажется, что здесь погода хуже, чем в тех местах, где были раньше. Вчера была холодная ночь, сегодня теплее. Уже сегодня начали жать рожь. Ячмень и другие культуры слабые.

Ночью частая перестрелка. А в лесах много шастает фрицев.

30.VII. Тихое хмурое утро. Ступишь шаг, и он гулко отзывается в лесу. Из далеких хуторов слышны голоса петухов. Сонно на стоянках. Я жду «дуглас». Побрился, почитал. Наконец пришел. Мы садимся и выруливаем на старт. Пилот дает газ, и мы побежали. Снизу слышно, как гремит под колесами земля. Я сижу с правой стороны и смотрю в окно. Мелькает клевер. Пробежали взлетную полосу,

мелькнули наша КП, стоянки… Правое крыло поднялось, и мне показалось, что мы оторвались. Не успел я как следует посмотреть на землю, как с правого бока что-то треснуло и мы куда-то полетели. Я левым плечом и головой стукнулся кому-то в спину и прилег. Мешки, чемоданы и приборы перемешались с людьми. Была доля секунды, когда я, лежавший, ждал еще сильнейшего удара, крови, а может, и повреждения.

Прошел миг. Я поднял голову. За окном колосья ржи. Я подхватился — и в дверь. Выбежал в поле. Трещит под ногами камыш, рожь…

— Не взорвется? Не будет гореть?..

— Пилот…

Пилот высунул голову из рубки. Страх перекосил его загорелое медное лицо. Я посмотрел в левую сторону. Стабилизатор проломлен, левого крыла нет. Двор, гряды табака и ржи перемешаны и сдвинуты под самолет. У дома покосилась крыша на левую сторону, а сени и хлев будто перепугались армады самолетов и отскочили подальше, разломавшись по углам. На улице стояли перепуганные жители дома. Мы вытащили все свое из самолета.

— Прилетели!

— В Моздок я больше не ездок!

— Нога болит…

— Руки не чувствую… Колено!..

— Зубы выбил!

Я перевязал раненых. Поехал на КП. Лег на сено и стал думать. В высоте виднелись макушки тонких сосен. Они не шевелились.

Через некоторое время я обдумал все, что случилось. Еще один волосок — и был бы конец. Я побыл в деревне, и у меня появилась какая-то злость. Мне захотелось сесть на самый быстроходный самолет и полететь.

Второй «дуглас» прилетел вечером. Сели и еле-еле оторвались в конце взлетного поля…

Алитус (Алита). Районный городок. На правом берегу Немана аэродром. Берега обрывистые, высокие. Внизу течет бурный, быстрый Неман. Непроизвольно вырвались слова Я. Коласа:

Гэй ты, Нёман, наша рэка,
Поіш ты і корміш нас...

Наверное, там, вверху, в Беларуси, он и лучше, и богаче. Здесь, если честно, на песке он мало кормит. Зато много немцев напоил до самой смерти. Мы сидим на берегу, а «Нормандия» напротив.

Только сейчас я вспомнил вчерашний момент. Мы летим, а к самому крылу пристроился француз на Яке и, как на рисунке, идет, усмехается, поднимает руку. А «ячок» разукрашенный. Потом он рванулся вперед и пошел с набором вверх.

2.VIII. Из дома нет писем… Это начинает беспокоить!

Стемнело. Появился самолет над аэродромом. По нему начали стрелять. Он развернулся и сбросил бомбы. Прошел еще раз и сбросил маленькие бомбы… Словом, два самолета сгорели. Мы тем временем спрятались в кустах, а после подались в поле.

3.VIII. В лесу поймали двух фрицев и с ними девушку — русскую. Она из Брянска. И что с ней делать?

5.VIII. Ура! Ура! Ура!

Сегодня получил письмо из дома. Пишет мама, Шура. Собирался написать мне и Валерик, но куда-то пошел гулять. Алесь дома, Алена дома, нет только Виктора. А где он? Мне писали в 1942 году, что он пропал без вести. Мне все не верилось, что он погиб. Однако все может быть.

Шура недовольна тем, что я не писал ей, а писал только домой. На самом деле я писал сразу на три адреса. Неважно, что она не получила; важно то, что сейчас знает мой адрес. Какая она сейчас? Какой сын? Когда немного поутихнет, тогда, может, поеду в отпуск.

13.VIII. Понемногу проясняется, как дома. Шура живет у соседей, так как наш дом сгорел. Алесь живет у мамы…

16.IX. Наконец нас разъединили с «Нормандией». Мы выезжаем на новое место. Прощание. Машины быстро перевезли нас. Мариямпольское шоссе очень оживленное.

Винцы. Среди хуторов притаился луг. Это аэродром. Мы пошли осматривать помещения. Здесь живут литовцы как у Христа за пазухой. Война, а им что с гуся вода.

Мы идем на аэродром. Наши взлетают, а с запада идут два «фока». Они развернулись и пошли в атаку. Промахнулись, а нашим хоть бы что! Немец пошел еще раз в атаку. Наши полетели за Неман. Потом выяснилось, что наших пощипали. Я шел и думал, какие лопухи эти вчерашние немцы.

Холодно. Ночью еще холоднее. Темно. Звезды, как бобы, рассыпались в небе. На западе вспыхивают зарницы, бьет артиллерия. Я засыпаю под гул машин на шоссе.

1.X. На этом аэродроме обжились так, будто год на нем стоим. Встает вопрос об отпуске. Сегодня, наверное, поедем на подскоки в Чехово. Погода как назло стоит хорошая. Хозяин-литовец на ломаном русском сказал:

— В прошлые года в эту пору шли дожди и вокруг было болото. А сейчас на удивление сухо.

У нас есть «Мессершмитт 109Г-6». Пильщиков летал на нем, вылетали и другие…

2.X. «Отчеты печатаемые имеют не больше связи с действительностью, чем самые невероятные арабские сказки с обычными случаями из повседневной жизни на Востоке» (Бальфур).

«Ведь, конечно, было бы большим несчастьем, если бы союзники на заключительных этапах борьбы были лишены того сорта воинственного гения, при помощи которого ефрейтор Шикльгрубер в столь значительной мере содействовал нашей победе» (Черчилль).

15.X. Ишланджи (8 км зап[падней] Мариямполя). Вечером собрались в одной комнате. Пильщиков сказал:

— Завтра начинается поход в Вост[очную] Пруссию, чтобы окончательно расправиться с немцами.

Поговорили и разошлись. Стемнело. Сразу пошла наша АДД. Три часа стонала земля от рева моторов. На горизонте в ряд висели фонари, как на каком-то неведомом проспекте. Темную даль пронизывали разноцветные бусы трассирующих пуль и снарядов. Как близкий горизонт, так и даль по всей линии фронта вспыхивали ослепительными зарницами от взрывов бомб. Прожекторы без перерыва крутили лучами, кивали, дрожали на месте или, как мяч, перерезали высоту неба.

Ночь звездная… Холодно…

Мы живем у хозяина, он немного говорит по-русски. Сегодня рассказал нам стихотворение, которое учил еще в школе: «Петушок, петушок, золотой гребешок…» У хозяина две дочки. Они не говорят по-русски. Но поют красиво. У одной высокое приятное контральто, а у второй — мелодичное сопрано. Давно я не слышал таких песен. Их бы голоса да на нашу землю. Какой бы был урожай!

Вчера получил письмо от Шурки. Она уже в Слуцке. Работает завучем в детском доме. Что это за должность, мне непонятно… Плохо одно: живет […]. Последнее мне не нравится, совсем не нравится, что она живет с Шуркой. Из письма видно, что она там старается изо всех сил и обивает все пороги насчет квартиры. Дай бог ей найти квартиру и жить по-человечески.

Сейчас два часа ночи, и я, понятное дело, могу мечтать и в мечтах вспоминать все что хочу. Я поймал себя на том, что никак не могу представить, какая сейчас Шурка, а тем более Валерик. Она мне кажется такой, какой я ее впервые встретил в Лапичах. Почему так? На этот вопрос не могу дать ответ. Никто не знает и никто не узнает, как хочется побыть наедине, в семейной тишине. А когда будет отпуск?

Что такое Ишланджи? Полоска среди хуторов возле дороги. Какой черт тут делал аэродром, трудно сказать…

18.X. Вчера в 9.30 задрожала земля. «Бог войны» заговорил. Началось наступление. За один день прошли до Кибартая.

21.X. Значки. Переехали в Значки. Сразу попал к генералу Попову. Поговорили и разошлись.

23.X. Разговаривал с командиром по поводу отпуска.

27.X. Летал с командиром в Бирштаны. Полет был с рисунками.

Ура! Ура! Еду завтра домой.

Подготовка к публикации Валерия АЛЕШКО.

Антонина ШИНКАРЕВА

«Ирисы» Стожа

Витебчанин Михаил Стож — основатель первого частного книжного издательства в Иркутске

Судьба порой преподносит людям удивительные сюрпризы, внося в их жизнь неожиданные коррективы. Уроженца города Витебска двадцатилетнего Михаила Стожа в Сибирь привела железная дорога, как и многих жителей европейских губерний Российской империи того времени. Строительство и дальнейшая эксплуатация Транссибирской магистрали, на которой в 1900 г. открылось сплошное движение от Санкт-Петербурга до Владивостока, требовали большого количества рабочих и служащих. В Иркутске, например, к 1898 г., когда в августе окрестности огласил гудок паровоза первого поезда, уже появился железнодорожный район в Глазковском предместье, быстро застраиваемый добротными домами из сибирской лиственницы, и даже одна из улиц стала называться Могилевской. Там селилось немало белорусов, рабочих депо и прочих железнодорожных служб. Половину дома у машиниста паровоза В. К. Усевича длительное время снимал и М. Стож.

Михаил Евстигнеевич Стож, как следует из автобиографических заметок в одном из его изданий, родился 12 января 1880 г. в городе Витебске. Дед, Степан Семенович Стож, служил фельдфебелем в Витебском внутреннем гарнизоне. Отец, Евстигней (Асигней) Степанович, зажиточный ремесленник, желая видеть сына на более высокой социальной ступени, выбрал для него духовное поприще — определил Михаила в Витебское духовное училище, однако, не окончив курс, он был отчислен. Более успешным для него все-таки стал уже проторенный путь через семейное дело и ремесленное училище. Вместе с отцом в детстве Михаил немало поездил по своей губернии, бывая и в соседних, а то и в более дальних краях. А в юности, как он сам писал о себе, пришлось бывать и за границей. Возможно, тяга к путешествиям и определила дальнейшую судьбу Михаила Евстигнеевича Стожа.

После окончания ремесленного училища в 1897 г. Михаил уехал из Витебска в Ашхабад, на Закаспийскую железную дорогу, где работал, занимая различные технические должности, а в 1900 г. отправился в Сибирь, где в Иркутске, на Забайкальской железной дороге имелась подходящая вакансия.

Дорога в Иркутск для Михаила оказалась непростой — в поезде он сильно заболел. Недуг затянулся надолго, и обещанное место на Забайкальской железной дороге оказалось занятым. Пришлось подыскивать другую работу. В декабре 1900 г. Стож начинает регулярно издавать раскладные листки расписания движения поездов, удобные для пассажиров, недорогие, но дающие прибыль, — ранее они печатались лишь в газете «Иркутские губернские ведомости». Так начинает свою деятельность в Иркутске первое частное издательство М. Е. Стожа «Ирисы».

Некоторое время спустя Стожа все-таки приняли на железную дорогу. Работал на разных должностях: был конторщиком, агентом по продаже билетов, письмоводителем, агентом по движению, весовщиком, слесарем, поездным осмотрщиком, заведующим скорого поезда, в ревизорской службе, но и свою работу, связанную с издательством, не оставил.

Первая типография в Иркутске появилась в 1785 г., а к началу XX века в городе уже насчитывалось более десятка типографий и литографий, и в общей сложности было выпущено почти полторы тысячи наименований книжных изданий. Имелись издающие организации и общества (в т. ч. старейший за Уралом Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества), печатающие кроме книг свои «Записки», «Известия», «Труды» и «Отчеты». Но тем не менее, до начала XX века специализированного книжного издательства как предприятия в городе не было. Местные типографщики предпочитали просто выполнять заказы частных лиц или учреждений на различную печатную продукцию, неважно, книга это, газета, журнал, театральная программа, конторские бланки, этикетки или билеты. Сдерживающим фактором для развития издательского дела в Иркутске являлись и цензурные ограничения, и отсутствие в городе постоянного штатного цензора. Для печатания книг кроме определенных типов изданий различных обществ и учреждений требовалось получить разрешение в столице, что значительно увеличивало время выхода книги и удорожало издания.

Проехав всю страну по железным дорогам, Михаил Стож сумел увидеть, чего не хватает, как сказали бы сейчас, в железнодорожном сервисе только что построенного Транссиба. К первоначальной потребности пассажиров и потребителей услуг дороги в справочной информации, начиная от расписания движения поездов, различных тарифов, правил, инструкций, постепенно добавилась коммерческая информация и просто познавательная и даже развлекательная. По делам службы Стож много бывал в разъездах по Сибири и Дальнему Востоку. Общительный по натуре, наделенный смекалкой, наблюдательный, Михаил Евстигнеевич принадлежал к тому типу людей, которые умеют видеть и свою выгоду, и общественную пользу, глядя несколько дальше других. Не смущаясь отсутствием собственной типографии, в Восточной Сибири лишь Стож осмелился выступить с фирменной маркой книжного издательства. Для него это было коммерческим делом и возможностью реализовать свои творческие наклонности.

Сведения о Михаиле Евстигнеевиче отрывочные, еще требуют дополнительных разысканий. Впервые его деятельность, издателя и служащего железной дороги, была кратко представлена в Музее истории вагонного депо станции Иркутск-Пассажирский на рубеже 70—80-х гг. XX в. краеведом И. И. Козловым. В период с 1989 по 2010 гг. о книгоиздательстве М. Е. Стожа «Ирисы» опубликованы статьи А. П. Шинкаревой в сборниках и в альманахе в Новосибирске, Иркутске и Петербурге. Помещены краткие сведения о Стоже как издателе открыток в альбоме-каталоге С. И. Медведева «Иркутск на почтовых открытках» в 1996 г., его же большая статья с каталогом открыток М. Е. Стожа вышла в 2009 г. в журнале «Филокартия».

Начинал М. Е. Стож не на пустом месте, учел опыт других. Массовая и недорогая, выгодная издателю литература в стране имелась. Примером для Стожа, что очевидно, послужили в первую очередь издания бывшего князя В. А. Долгорукова, сумевшего извлечь из своей сибирской ссылки немалую выгоду. С 1895 г. он издавал в Томске популярный ежегодный «Путеводитель по всей Сибири и азиатским владениям России», а с 1899 г. добавил еще и выходивший раз в два месяца «Дорожник по Сибири и Азиатской России». В этих книгах давалось описание всех путей сообщения, местных минеральных вод, представлялись народности

Сибири, рассказывалось о достопримечательных местах, помещался и литературный материал. Нельзя не увидеть схожесть с этими изданиями «Спутников» и «Путеводителей» Стожа. Программы их во многом совпадают, хотя Стож, начав немного позднее Долгорукова, не повторяет и не копирует его, а вдохновившись этим и другими примерами (подобные издания выходили во многих городах), работает в силу своих способностей и возможностей. В том, что Стож был знаком с деятельностью Долгорукова, с его «Дорожником», убеждает и «Словарь сибирских поэтов, писателей и ученых», изданный Стожем, — князю посвящена пространная статья, дополненная фотографией.

Первоначально стожевское предприятие называлось «Издательство спутников и путеводителей по Сибири», и задачи его вполне объяснялись названием. Железная дорога в Сибири была еще в новинку, люди не переставали удивляться и ахать, но серьезному пассажиру и путешественнику мало просто ехать, он еще хотел знать о тех местах, которые мелькали за окном вагона. Предприимчивый человек, каковым и оказался Стож, видел здесь широкое поле деятельности.

Во время служебных поездок Стож собирал сведения о дороге, о станциях, примечательных местах Прибайкалья и Забайкалья. Интересный материал затем использовался в многочисленных «Спутниках». В Научной библиотеке Иркутского государственного университета сохранилось восемнадцать наименований различных изданий М. Е. Стожа, среди них несколько «Спутников». Самый ранний из сохранившихся, «Спутник пассажира по сибирским железным дорогам», изданный в 1903 г. на 116 страницах с иллюстрациями. Также сохранились «Спутник по Забайкальской железной дороге» 1910, 1911 гг., «Спутник по железным дорогам Сибири и Дальнего Востока» 1911, 1914, 1916 гг. и т. п. В частных собраниях есть издания за другие годы.

Кратко они именовались «Спутники Стожа». Выходили дважды в год, приуроченные к сезонным сменам расписания поездов, начиная с 1900 и по 1917 гг. Издавал Стож и различные «Путеводители» — по железным дорогам, по окрестностям Иркутска, по курортам и лечебницам края. В «Спутниках» и «Путеводителях» пассажир находил не только расписание движения всех поездов с приложением карт и схем, временем нахождения в пути, иногда календари, но и извлечения из железнодорожных и таможенных правил, всяческие практические советы и наставления, адреса-справочники по городам, рекламы и объявления и даже «легкое и полезное чтение» со стихами и прозой. Прочесть можно было и всякие занимательные истории, происходившие в этих краях, легенды, предания, описания стихийных бедствий, курьезные случаи. Читателю предлагались небольшие очерки по истории Сибири, начиная с появления казаков на берегах Иркута, Ангары, Байкала, рассказывалось, например, как и кем был основан Иркутск, как из острога он превратился в большой губернский город. Путник знакомился с Иркутском, его памятниками, храмами и другими примечательными местами, узнавал о численности населения, о состоянии торговли, промышленности, читал об учебных заведениях, банках, больницах, о театре и городских

садах, гостиницах, ипподроме и циклодроме, о библиотеках и музее. Издатель также подробно предлагал пройтись и по окрестным станциям и селам, знакомил с особенностями городов, расположенных по железной дороге. Эти небольшие книжки пользовались популярностью у пассажиров.

М. Е. Стож являлся автором, составителем и редактором своих изданий. Он приводил, на его взгляд, наиболее интересные и увлекательные легенды и подлинные исторические факты. Очень подробно рассказал, например, о небывалом землетрясении на Байкале в новогоднюю ночь с 1861-го на 1862 г., когда кренились здания, «купол церкви обрушился внутрь», трескалась земля, и байкальская вода, выйдя из берегов, топила целые низинные степи с бурятскими поселениями, образуя новые заливы. С большим увлечением прочитывались, конечно, и такие истории, как поход загулявшего нерчинского начальника Нарышкина из Забайкалья на захват Иркутска в 1775 г., все его чудачества во хмелю, закончившиеся арестом и отправкой на дознание в Петербург.

Издавая свои «Спутники» и «Путеводители», Стож научным поиском не занимался, брал сведения из различных известных источников, популяризировал их, хотя и не всегда удачно и умело.

Издания иллюстрировались портретами известных людей, видами природы, станций, прилегающих селений, «типами» сибиряков. И позволяли пассажиру не только коротать путь-дорогу, но и знакомиться с Сибирью.

В местных газетах иногда печатались краткие отзывы о деятельности издательства Стожа, свидетельствующие об успешности задуманного предприятия. Естественно, выдержки из положительных отзывов перепечатывались в разных выпусках «Спутников». Вот отзыв из газеты «Иркутские губернские ведомости» за 1903 г. (№ 3560): «Только выпущен в продажу третий выпуск изданного г. Стожем — Спутника по Забайкальской железной дороге с расписанием сезонного, зимнего движения поездов, действующим по 18 апреля 1904 г. Ввиду дешевизны «Спутника», дающего за 10 коп. еще и премию — иллюстрированную бланку открытого письма, предъявлять строгих требований к книжке не приходится».

Появлялись отзывы не только в иркутской печати. Томская газета «Утро Сибири» в 1910 г. отметила качество издания. В нем говорилось, что «Спутник» М. Е. Стожа по Забайкальской железной дороге, недавно выпущенный, разошелся весь в первом издании. «Справочник составлен очень толково, издан изящно при недорогой цене — всего 10 коп.», — сообщала газета. О расширении содержания, дополнениях свидетельствует еще один отзыв 1910 г., уже в читинской газете «Забайкальская новь»: «Вышел вновь переизданный и дополненный «Спутник» М. Е. Стожа по Забайкальской железной дороге. Книжка небольшая и недорогая (10 коп.), издана прилично. В книжке имеются некоторые сведения о станциях, промышленных и других более или менее значительных пунктах в окрестностях дороги».

Популярность «Спутников» подтверждается и рекламными текстами. Так, в «Иркутских губернских ведомостях» за 1904 г. (№ 3610) читаем: «Не трудно убедиться, стоит только купить «Спутник пассажира за 10 коп. по Забайкальской железной дороге или за 20 коп. по всем сибирским железным дорогам, в безусловной практичности и толковости издания, сколько предусмотревшего все потребное для едущих, столько и желательное для торгово-промышленного мира Сибири — производителей и торговцев, крупных и мелких, которые желают наиболее целесообразно и разумно распространить сведения среди обширного круга потребителей о своем деле. «Соперничать с нашим «Спутником пассажира» не в силах иные «Путеводители»‥, хотя бы они не только раздавались даром, но даже сулили плату за то, что их возьмут в руки. Даром мы совать экземпляры направо и налево не будем, но к каждому «Спутнику» прилагаем ПРЕМИЮ. Обращаться в Иркутске на ул. Саломатовскую, 42/16, к издателю М. Е. Стож». Судя по

стилю, текст объявления, скорее всего, составлен супругой издателя Диной Стож. В некоторых рекламных объявлениях она подписывалась как ответственная издательница, с автографом.

В одном из объявлений «ответственная издательница» объясняла популярность «Спутников М. Е. Стожа» (расходящихся, как она писала, в огромных количествах) тем, что за низкую цену (уже 20 коп.) они дают расписание всех поездов по Сибирской железной дороге, сжатые сведения о попутных населенных пунктах и курортах Забайкалья; объявления торговцев, промышленников, заводчиков, мастеровых, содержателей гостиниц и пр.

Реклама и объявления занимали достаточно места во всех изданиях Стожа — это и понятно, рыночные механизмы он усвоил неплохо. К тому же, рекламируя других, не забывал напоминать о преимуществах сотрудничества со своими изданиями. В одном из рекламных текстов в очередном «Спутнике» он пояснял: «Кто помещал свое объявление в «Спутнике», тех нечего убеждать, что реклама полезна не менее для торгово-промышленного мира, чем и для потребителей, часто беспомощных перед вопросом, — где, что и как приобрести всего выгоднее из первых рук. «Спутник» издается не первый год, и спрос на него растет; «Спутник» так прочно утвердился, что серьезных соперников у него нет. «Спутник» свободен от всякого ненужного балласта (книжка карманного формата), почему увидите его в руках большинства грамотных путешествующих. Такса за размещение объявлений прежняя: страница впереди текста — сорок руб., позади текста тридцать руб., части страниц по арифметическому расчету меньше».

Книжки Стожа, небольшого формата, в шестнадцатую долю печатного листа, размером 17—18 см по высоте, — расходились весьма успешно. Продавались они не только в Иркутске и других крупных городах, но и на значительных станциях и даже в поездах. Отделение и контора издательства находились также и во Владивостоке, специальный агент по приему рекламы и объявлений имелся в Москве, что говорит об успехе поставленного дела.

Издатель предусмотрел и желание пассажира отправлять с дороги весточку, делать пометки — в «Спутниках» оставлялось несколько чистых страниц для записей. Нередко к ним прилагались бесплатно и в виде премий «открытые письма» — «приветы» с видами Иркутска и других мест, они также издавались М. Стожем и в долгом пути были как нельзя кстати. Использовалась и перекрестная реклама — покупателю открытых писем бесплатно в виде премий предлагались «Спутники», как сообщалось в тексте на оборотной стороне некоторых открыток. Здесь мы наблюдаем и вклад Стожа в развитие достаточно нового еще явления — приучение населения к широкому применению в быту открытых писем. Получив открытку бесплатно, поняв ее удобство как средства связи, уже непременно захочется купить новые. Сегодня открытки Михаила Евстигнеевича, как и других дореволюционных издателей, — свидетельства времени, документы, ценность которых будет только возрастать. К тому же, это начало массовой культуры, потока визуальной информации о крае.

В каталоге С. И. Медведева «Иркутск на почтовых открытках» представлено шесть серий видовых открыток Стожа, напечатанных в Санкт-Петербурге в 1903 г. Более подробно С. И. Медведев представляет открытки, издаваемые М. Е. Стожем, в журнале «Филокартия», указывая 31 изданную им открытку.

В «Спутниках» помещались отзывы местной печати о его художественных открытых письмах. В газете «Восточное обозрение», № 41 за 1904 г., отмечено: «М. Е. Стож издал 5-ю серию открытых писем с видами по преимуществу Иркутска; есть один вид из окрестностей нового города Мысовска и вилюйских гольцов. Снимки очень удачны и новы. Особенной отчетливостью отличаются: общий вид Иркутска, раскрашенный ручей у Мысовска, вокзал и Иерусалимское кладбище».

В отзыве «Иркутских губернских ведомостей» (1904, № 3656) обращалось внимание на то, что «распространение употребления иллюстрированных открытых писем вызывает и усиленное их издательство. Так, недавно М. Е. Стожем выпущена новая серия иллюстрированных открыток, из которых особенного внимания заслуживает общий вид г. Иркутска, вилюйские гольцы, г. Чита со стороны железной дороги и женский монастырь, иркутская мечеть, музей, вокзал, иркутские Благовещенская и Иерусалимская церкви. Выполнение рисунков — безукоризненное и очень художественное, как сделанный в окрестностях Мысовска “Ручей”».

Именно эту серию из 24 открыток, выполненных в технике фототипии, напечатанную тиражом в 1000 экземпляров в Германии, С. И. Медведев считает наиболее интересной для филокартистов. Он сообщает: «Особенно хочется отметить, что все без исключения сюжеты в серии оригинальные, никто из последующих издателей открыток эти фотографии не использовал. Большинство фотографий можно отнести к первоклассным по выбору точек съемки и художественной выразительности. Облик некоторых зданий и сооружений Иркутска и Читы сохранился только на открытках этого издания. С большой долей уверенности можно назвать автора всех фотографий для стожевских открыток, это — известный иркутский фотограф Дмитрий Николаевич Мамонов, с которым Михаил Евстигнеевич был хорошо знаком». Об этом свидетельствует и статья в одном из «Спутников» Стожа, в которой сообщается, что М. Е. Стож и Д. Н. Мамонов познакомились в пути — ехали в Иркутск одним поездом. И помещен один из адресов М. Е. Стожа в Иркутске — Жандармский переулок, 6, а это дом Мамонова и его фотостудия.

С несколькими открытками Михаила Стожа произошло примечательное событие. В 1903 г. он выпустил серию видовых открытых писем, напечатанных в Германии, в т. ч. посвященных декабристам: «Дом декабристов в Чите», «Часовня, построенная декабристами» и прочее, по 1000 экземпляров каждого. Эти открытые письма были конфискованы Главным управлением по делам печати в петербургской таможне».

В деятельности Стожа-издателя были моменты, за которые его поругивали, и не без причин. Например, в адрес издательства Стожа раздавалось немало упреков как современников, так и литературоведов советского периода в связи с переизданиями книг. На титульных листах часто указывались, как считается, завышенные цифры издания — восьмое, десятое, а то и двадцатое. На этот факт обращал внимание и профессор В. П. Трушкин в своей работе «Пути и судьбы: Литературная жизнь Сибири. 1900—1920 гг.».

Известный ученый М. К. Азадовский высказал свое предположение по поводу стожевских переизданий — набор сохранялся в типографии, и по мере продажи книг они допечатывались еще, выдаваемые за новое издание, менялся лишь титульный лист. Скорее всего, это ошибочное мнение, т. к. своей типографии у Стожа не было, а длительное хранение уже готового набора для любой типографии затрудняло бы ее производственный процесс.

Как было на самом деле, сейчас трудно судить. Но справедливости ради заметим, что книги М. Стожа, судя по всему, расходились достаточно успешно и переиздавались, хотя, возможно, и не по десять-двадцать раз, — о чем свидетельствуют имеющиеся в библиотеках и частных собраниях экземпляры книг издательства «Ирисы», разные не только по выходным данным, но и по количеству страниц, наличию дополнений, изменений. Надо отметить, что частичное отсутствие выходных данных, особенно года издания, для стожевских книжек было характерным признаком, это и осложняет определение точного количества переизданий. Кроме того, в нарушение законов о печати, не всегда есть данные о типографии, где печаталась книжка.

Порою, движимый интересами коммерции, Стож, не затрудняясь издательской этикой, меняет названия книг, хотя их содержание кочует из одной в другую целыми статьями. Он объединяет разные части и переиздает, что порой не обходится без курьезов. На обложке «новой» книги без всякого разделения, без знаков препинания даются два прежних названия, и получается некий гибрид. Таким образом поступили с двумя книжками стихов молодого иркутского поэта Александра Оборина «Пленные» и «На вольном просторе Сибири», объединив их названия в один заголовок, хотя это два различных, совершенно самостоятельных цикла стихов о пленных солдатах и лирика о природе.

Супруга издателя с удовольствием и кокетством посвящает читателя в кухню книгоиздания: «Издательство «Ирисы» начало выпуск отдельных книжек произведений сибирских авторов с моих стихов. Первая моя книжка вышла под заглавием «Смерть музы», в течение нескольких месяцев энергичной работы она едва была распродана. Тогда-то и выступила на сцену изобретательность М. Е. Стожа. Он добавил к заголовку «Ужасы войны» и… получилось новое название книжки: «Смерть музы и ужасы войны». Книжка пошла весьма успешно и теперь выдержала десять изданий».

При знакомстве с издательством «Ирисы» создается впечатление, что еще одной причиной, заставлявшей М. Е. Стожа заниматься издательской деятельностью, были стихотворные опыты его жены. И название издательства придумано супругой, в память о ее детском прозвище «ириска», образованном по девичьей фамилии Рысс-Петрова, как сообщала о том сама поэтесса в дневнике, изданном в 1916 г. издательством М. Стожа «Ирисы».

Позднее Варвара Феодосьевна, также уроженка Беларуси, носила фамилию Капуста, а выйдя замуж за Михаила Евстигнеевича, стала именоваться Диной Стож. Издатель в своем «Словаре сибирских поэтов, писателей и ученых» сообщает, что первые ее произведения были напечатаны в 1907 и 1908 гг., в литературно-сатирическом журнале «Балагур», выходившем в Иркутске, «и в других изданиях». Правда, Михаил Евстигнеевич скромно умалчивает, что как «Балагур», так и «другие издания» в данном случае издавал он сам.

Стихи Дины Стож, порой неуклюжие, графоманские, без всякого чувства слова и ритма, в основном печатал только муж, другие иркутские журналы и газеты ей отказывали. За это Дина Стож, имея в руках собственное издательство и, естественно, возможность высказаться, сполна воздавала своим обидчикам, перемежая стихи прозой, призывая на головы всех прочих литераторов и издателей всяческие кары, вплоть до закрытия их печатных органов. И тогда «эти гордые фанфароны придут ко мне с приниженной головой и будут лизать порог моего дома».

Без «стесненья, опростясь», как она сама писала в одном из своих опусов, посвященных коллегам по перу, Дина Стож занималась и редакторской деятельностью. До 1916 г. включительно издательство «Ирисы» выпускало литературно-сатирический сборник «Сибирский пересмешник», скатывающийся все ниже и ниже в этическом плане, являясь прообразом современной «желтой прессы». Иркутский журнал «Сибирская летопись» в разделе библиографии в 1916 г. резко охарактеризовал этот «литературно-художественный и общественно-сатирический повременник»: «Давно уже нам не приходилось держать в руках ничего более пошлого и непристойного. Тут и дифирамбы тому или иному начальнику, и маленькие, трусливые выпады против недругов, и… безграмотный хлам и сплетни или сенсации о женщинах, достойные остроумия сутенера. Не верится, чтобы редактором этой гадости была действительно женщина. …Кстати, в середине «повременника» …произведения нескольких скромных, но ничем себя не скомпрометировавших журнальных работников. Спрашивается, каким же обманным путем вовлечены они в это совершенно недвусмысленное издание».

Не менее острую оценку в том же 1916 г. дал иркутский литературный журнал «Багульник» в разделе «Сибирский календарь»: «В Иркутске под редакцией г-жи Дины Стож вышел № 1—2 литературно-художественного повременника «Сибирский пересмешник». Сборник представляет собою наиболее безграмотное из всего, что г-ном Стожем до сих пор выпускалось».

Конечно, М. Е. Стож издавал не только книги своей жены. Среди авторов издательства «Ирисы» неоднократно выступал известный в ту пору ботаник А. Ф. Шрейбер. Отдельными книжками напечатаны его работы «Лекарственные растения Сибири и Дальнего Востока», затем вышла его книга «Падение пушного промысла в Сибири и России» и другие. Предлагались читателям новые книги и самого М. Е. Стожа: «Иллюстрированный путеводитель по Забайкальской железной дороге», «Иллюстрированный Спутник по Сибири и Дальнему Востоку, выпуск XXXVII, с картами». В рекламах сообщалось о печатании новых книг М. Е. Стожа «Миллион верст по Забайкальской железной дороге», «Записная книжка Спутника М. Е. Стожа от Урала до Байкала». В научной библиотеке Иркутского госуниверситета среди нескольких сохранившихся его книжек имеется второе небольшое издание 1916 г. с иллюстрациями «Иркутск до первого губернатора».

Стож задумал издание серии «Сибирская библиотека», куда, по его планам, должны были войти книги как известных, так и начинающих сибирских авторов. Так, в «Ирисах», в этой серии кроме нескольких книжек Дины Стож увидели свет первые сборники стихов молодых авторов, до той поры лишь дебютировавших в иркутской и порой в столичной периодике.

Был издан сборник стихов «Сибирская ширь» Николая Летунова, поэта-самоучки из крестьян. Первые его стихи опубликовали петербургский журнал «На берегах Невы», сборники «Ветви», «Имморели» и другие.

Мы уже говорили о книгах стихов А. Оборина «Пленные» и «На вольных просторах Сибири», вышедших в издательстве Стожа также в серии «Сибирская библиотека», № 4. М. Стож познакомился с А. Обориным в 1914 г., как пишет в предисловии сам издатель, и молодой автор получил возможность активно заниматься творчеством. А. К. Оборин станет широко известен в Иркутске в 20-е годы своей литературной и общественной деятельностью как поэт и журналист, сотрудник областной газеты «Власть труда».

Надо признать заслугу Михаила Евстигнеевича и в том, что он напомнил читателю изрядно забытое имя замечательного сибирского поэта-романтика первой половины XIX в. Федора Бальдауфа. В 1911 г. Стож издал лучшую поэму Бальдауфа «Авван и Гайро», или «Тунгусская повесть». В «Словаре сибирских писателей, поэтов и ученых» она представлена Стожем как вещь, при жизни автора не изданная и напечатанная в Иркутске впервые, с сохранившейся случайно рукописи, в отдельном издании. Однако известно, что впервые поэма была опубликована в книге «Воспоминания бывших питомцев горного института» в 1873 г. в Санкт-Петербурге. Вполне возможно, что в Иркутске эту книгу просто не знали

или изрядно подзабыли. Располагал М. Е. Стож автографом Ф. Бальдауфа или нет — это вопрос открытый.

Двумя изданиями в издательстве «Ирисы» вышла книга ссыльного большевика Н. Насимовича-Чужака «Сибирские поэты и их творчество».

Особо следует отметить уникальный по замыслу и воплощению, интересный сборник «Как воспет Байкал в стихах и прозе», редактором и составителем которого выступил М. Е. Стож. Он первым сделал попытку собрать воедино все образцы поэтического творчества о Байкале. Читатель мог познакомиться здесь с произведениями как известных российских поэтов, так и с творчеством сибиряков. Конечно, сборник далеко не полный, но он послужил примером и основой для создателей последующих сборников о Байкале. В частности, вышедших в 1938, 1957, 1960 гг. Фактически почти все стихи из сборника М. Е. Стожа вошли в более поздние книги о Байкале.

Пожалуй, самое значительное по замыслу и значению издание Стожа — биобиблиографическая работа «Словарь сибирских писателей, поэтов и ученых». На семидесяти страницах очень мелким шрифтом Стож рассказывает кратко или по возможности полнее почти о трехстах деятелях сибирской словесности и науки конца XVIII — начала XX вв. и даже иллюстрирует текст фотографиями некоторых из них. «Словарь» имел успех, переиздавался несколько раз, причем с дополнениями — об этом можно судить, сравнивая различные издания, имеющиеся в Иркутске, в Научной библиотеке госуниверситета и в частных собраниях. При всех недостатках, отмечаемых современниками, в том числе случайном отборе имен, неполноте и неточности библиографических справок, иногда скорее биографических, «Словарь» был хорошо принят читателями. Это, видимо, можно объяснить тем, что никакой другой работы подобного плана в пределах Сибири не было. Впервые Стож попытался объединить имена литераторов и ученых края, а уж как это получилось — вопрос другой. Не остался «Словарь» незамеченным и критикой.

Одна из рецензий вышла в иркутском журнале «Сибирская летопись» (1916 г., № 6—8): «...Обращаясь к «Словарю», заметим, что это издание следует отнести к разряду наименее безграмотного из того, что господином Стожем уже выпущено. Отдельные библиографические заметки составлены довольно сносно, но системы, к сожалению, никакой. Много библиографических упущений, многое только намечено, биографии подменены кое-где характеристиками и т. д. Словом, это не «Словарь», а скорее черновой к нему набросок, требующий, вдобавок, серьезной переработки. И все же потребность в словаре так велика, что и такому вот изданию приходится пожелать распространения».

Досталось «Словарю» Стожа и от М. К. Азадовского, выступившего с резко отрицательной характеристикой в красноярском журнале «Сибирские записки» (1917 г., № 6).

Современники видели недостатки «Словаря» Стожа, и тем более они хорошо заметны для нас. Так, некоторые писатели и ученые, достойные памяти потомков, остались без внимания, зато попали малозначащие имена. В сведения, которые приводит М. Е. Стож, закрались и неточности, в частности, в датах, в названиях трудов и органов печати. Есть замечания по исполнению книги — имена приводятся без системы, вначале принятый алфавитный порядок вдруг сменяется то ли хронологическим, то ли еще каким-то, ведомым одному издателю. К тому же нет ни указателя имен, ни оглавления, что значительно усложняет поиск нужного материала. Но ведь мы не ругаем крестьянина, впервые поднимающего сибирскую целину в таежных дебрях, в незнании агротехники… А для Иркутска М. Е. Стож многое делал впервые.

В дальнейших планах издательства предполагалось продолжить издание «Словаря». Планировались еще три части: художники, скульпторы; компози-

торы, музыканты и артисты; строители, архитекторы и общественные деятели. Таким изданиям в наше время не было бы цены. Но эти замыслы не осуществились — работа требовалась кропотливая, а время было сложное, шла война, вскоре развернулись события Февральской и Октябрьской революций.

Несмотря на категорическое непризнание «Словаря» М. К. Азадовским — «Результатом явилась полная непригодность книжки. В своем теперешнем виде она не может служить даже материалом для дальнейших работ в этом направлении» — время рассудило иначе. «Словарь сибирских поэтов, писателей и ученых» остается в активе нашего литературоведения, сибирские исследователи пользуются им и сегодня, причем издание стало библиографической редкостью, несмотря на все стожевские переиздания.

Время от времени разные издания «Словаря» М. Е. Стожа упоминаются в работах исследователей в советский период. «…К словарю Стожа приходится обращаться и поныне как к первоисточнику», — пишет профессор В. П. Трушкин, знаток сибирской литературы начала XX в. За этим замечанием стоит немаловажная деталь — биографические данные и краткие сведения о деятельности и творчестве некоторых сибирских писателей и ученых, к которым проявляют интерес современные исследователи, сохранились только в «Словаре» Стожа.

Во всех библиографических указателях по сибирской литературе, вышедших как в XX, так и в XXI в., есть ссылки на издания М. Е. Стожа.

Книги издательства «Ирисы» имели и свое лицо — их даже внешне легко было отличить — все одного формата, обложки с элементами модерна в оформлении. На обложке книги — фирменный знак издательства: восходящее солнце, парящий орел держит картуш с датой основания издательства, а на всю ширь орлиных крыльев — название издательства.

Еще одна особенность — все стожевские книги набирались мелким шрифтом, порой трудным для чтения. Издатель не заботился о полиграфической культуре, но несмотря на это, продукция его расходилась весьма успешно. Особые нарекания можно высказать по художественному оформлению некоторых книг — иногда это полнейший винегрет из фотографий, портретов, пейзажей, виньеток, орнаментов, профессиональных рисунков известного в Сибири художника К. Померанцева и каких-то неумелых художеств, напоминающих творения на полях тетради скучающего на уроках школяра.

В опубликованном «Отрывке из дневника» супруги издателя дается характеристика и некоторым качествам М. Е. Стожа-предпринимателя: «Издательской изобретательности от М. Е. Стожа нельзя отнять, но, как редактор, он странен, капризен и щепетилен до невозможности! Он любит вносить в сочинения авторов свои поправки. Но не дай Бог заметить ему в произведении *авторскую* отсебятину: авторский лист уничтожался из-за одного слова… Конечно, издательство несло от этого убытки. Это не секрет: все хорошо знают, как в типографии Серебренникова по пустяшному делу было уничтожено 13 тысяч одного издания. Он отказался от своего вознаграждения, но его каприз восторжествовал!»

Всегда броско, порой на всю страницу, давалась реклама — как и любое издание той поры, книги Стожа заполнены ей, порой в ущерб тексту и содержанию. Это и понятно: реклама давала деньги.

Сказывалась и общая слабая издательская культура, присущая тому времени, — в Сибири еще только формировался профессиональный издатель уровня П. И. Макушина в Томске. Многие издания М. Е. Стожа отличались бессистемностью. Материалы подбирались по неведомому принципу, в текст какой-либо статьи вдруг вклинивались, разделяя ее, то стихи, чаще Дины Стож, то побасенка или легенда. Художественный, образный язык, например, описание Ангары или Байкала, сменялся вдруг официальным перечислением учреждений, а рассказ о достопримечательностях — правилами проезда по железным дорогам.

Но при всех недостатках эти издания были нужны, заполняли существующий пробел в массовой культуре, несли определенные познавательные функции и своего читателя вполне устраивали.

Обратимся еще раз к рецензии в «Сибирской летописи»: «Издания Стожа принято считать макулатурой, и это на три четверти правильно. Но… в то время, как так называемая «хорошая» книга в Сибири лежит в пыли, «макулатура» Стожа растет и растет, и это вовсе уж не такой «миф» — все эти «пятые» и «десятые» издания, как любят утешать себя рецензенты «хороших» газет.

…Пока хорошие интеллигентные господа, сидя сиднем в кабинете, мечтают для мужика о «Белинском и Гоголе», мужик исправно тянется к глупому «Милорду», который подан ему вовремя, под нужным соусом и в данную минуту <…> мужику ближе и нужнее.

Пока «хорошие» сибиряки мечтают о том о сем, является предприимчивый Стож и, уяснив назревшую потребность сибирского читателя или же путника по железной дороге в том или ином издании, незамедлительно приступает к таковому, а то и анонсирует его за полгода, за год…

Но согласитесь, что принципиально все эти издания совершенно нужны и что макулатурный Стож делает тут только дело, которым бы давно нужно было заняться его многоученым критикам».

М. Е. Стож и после революции некоторое время продолжал начатое дело. Он прожил в Иркутске до 30-х гг. С 1918 г., хотя издателем уже не назывался и издательство «Ирисы» ушло со сцены, деятельность свою не забросил, выпускал книги как автор в государственных издательствах. Сохранились его некоторые книги: «Летопись Сибири и предания старины. 1581—1925»., «Декабристы в Сибири». В следующем, 1926 г., М. Е. Стож выпустил «Путеводитель по Иркутску и его окрестностям в связи с великим рельсовым путем». Многие статьи в его книгах повторяют прежние издания, лишь несколько измененные и дополненные сообразно времени.

Под фамилией М. Стогов Михаил Евстигнеевич в 1925 г. издал еще книгу «Сибирь и пушные звери». Судя по всему, события революции и гражданской войны обошли его стороной, в первую русскую революцию он оставался, по крайней мере внешне, лояльным к существующему строю. Он не был замечен в каких-либо антиправительственных делах, нигде в его изданиях не проявился хотя бы малейший революционный дух, его издания ни разу не закрывали и не запрещали. Есть, правда, один нюанс. В каталоге Научной библиотеки ИГУ к произведениям М. Е. Стожа отнесена и публицистическая брошюра: М. Стогов, «Кому нужны погромы?», написанная на сибирском материале, изданная в Петрограде после февральской революции 1917 г. издательством «Земля и воля», имеющим отделение в Иркутске. Изначально каталог библиотеки составлялся известнейшим в Иркутске деятелем дореволюционного и советского книжного дела Н. С. Романовым, хорошо знавшим М. Е. Стожа и его творчество.

Очевидно, Стож принял как должное и новый советский строй. Однако в сибирской литературно-издательской, писательской среде такая его лояльность к

ушедшему режиму сказалась достаточно скоро. Отношение к нему в двадцатые годы это показывает вполне определенно. Стожу припомнили и коммерческий успех его изданий, и нападки его супруги на других сибирских литераторов. Благовидный предлог найти было несложно. Объяснение ситуации находим в пятитомнике «Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока». «В 1926 г. Сибкрайлитом были запрещены произведения М. Е. Стожа, старого иркутского автора, неприязнь к которому <…> была свойственна литераторам из "Сибирских огней"». Вспомним, что в этот период Сибкрайлит, как и Главлит в целом, вершил все литературные и цензурные дела руками своих краевых партийных организаций через местные отделы печати. Возглавляла Сибкрайлит до 1927 г. «женщина-писатель Р. И. Кронгауз — сотрудница «Сибирских огней», одна из членов-учредителей Сибирского союза писателей. <…> В ответ на запрос ВЦИК «о причинах запрещения» Р. И. Кронгауз не нашла других аргументов, кроме эмоционального объяснения, что М. Е. Стож «весьма наглый, бездарный писака, заполнивший книжный рынок макулатурой».

Упоминание о Стоже совершенно иного плана есть в книге В. В. Данилевского «Русская техника» (Л., 1948 г.), в примечаниях к главе «Русские крылья», где он пишет о русском механике И. И. Ползунове: «Весной 1941 г., прочитав мою книгу об И. И. Ползунове, М. Е. Стож, работавший в это время в Витебске, прислал мне выписки, сделанные им в архиве Спасской церкви в Иркутске». Выписки М. Е. Стожа содержали запись народного предания о полетах И. И. Ползунова на чешуйчатых крыльях, сделанную в XVIII в. дьячком Спасской церкви в Иркутске.

Здесь напрашиваются два вывода: после запрещения печататься в Иркутске М. Е. Стож возвратился в родной Витебск, и второе — к своим изданиям он относился достаточно серьезно, как автор, брал не только известные материалы, но и сам работал в архивах, выискивая интересные сведения.

Конечно, Стожа едва ли можно причислить к издателям-просветителям. Скорее следует согласиться, что он более подходит к отряду «культуртрегеров», людей активных, предприимчивых, но все же не обладающих тем широким кругозором и той степенью культуры, образованности, которые отличают истинных просветителей. Тем не менее, значение подобных деятелей в общественной жизни края остается заметным явлением.

г. Иркутск

Искусство суждения

Людмила СКИБИЦКАЯ

«Сюжеты» белорусско-русского порубежья

Олег Ждан — старейший из русскоязычных авторов Беларуси, прозаик, драматург, сценарист. Обстоятельства рождения писателя (родился в Смоленске) можно рассматривать как фактор, во многом определивший тематику его произведений, поскольку Смоленск — та часть России, в которой существенны историко-культурные «знаки» белорусской традиции. Российские журналы охотно публикуют прозу Олега Ждана, поскольку ее тематико-проблемное поле, особенно произведений последнего времени, сосредоточено на постижении тенденций развития русско-белорусских отношений. В данной статье остановимся на цикле малой прозы писателя с характерным названием «Надо терпеть: сюжеты белорусско-русского порубежья» (2008).

В произведении представлена особая фактологическая база, иллюстрирующая мозаику отношений русских и белорусов в последнюю четверть ушедшего века. Показательна при этом авторская позиция: Олег Ждан стремится устранить предполагаемые лакуны в рецепции «русского» читателя, обусловленные историко-культурными обстоятельствами (языковыми различиями в том числе).

Событийный ряд произведений цикла относится к последнему десятилетию ушедшего столетия, когда формировался феномен «порубежья», отдельные аспекты которого попытался осмыслить писатель в анализируемом цикле. Повествованию свойственна ретроспективность, поскольку дистанция, отделяющая художественное и историческое время, составляет примерно десять лет, в течение которых наметившиеся в 90-е годы тенденции должны были проявиться достаточно отчетливо.

В то же время ретроспективность имеет необычный характер: автор-повествователь использует особую форму рассказа о прошлом, подобную бывальщине — жанру, функционирующему в фольклорной прозе. Так назывались устные рассказы о недалеком прошлом, истинность которых удостоверял рассказчик или кто-нибудь из свидетелей-современников. Для бывальщины характерна локальная приуроченность; фабула формируется границами «слухов» и «молвы», отсюда присутствие в ее сюжете вымысла и домысла, а также композиционная открытость формы, предполагающая вариативность функционирования. Указанные признаки фольклорного жанра проявляются в структуре рассказов цикла Ждана, поскольку изображенная историко-культурная ситуация детерминирует органичность такой формы.

«Белорусско-русское порубежье» в художественной концепции автора — это специфическая пространственно-временная модель, подаваемая «глазами» белоруса, чаще повествователя, нередко и персонажа. В номинации «порубежье» заложено несколько смысловых уровней: это и временная граница (конец XX — начало XXI веков), и ментальная характеристика («русские» — «белорусы»), и аксиологическая составляющая, в которой очевидно стремление автора сопоставить ценностные приоритеты родственных народов.

Цикл состоит из одиннадцати рассказов («эпизодов»), сюжеты которых построены на изображении отдельных фрагментов жизни человека преимущественно в бытовом плане. Однако за воспроизведением часто курьезных бытовых ситуаций автор-повествователь стремится к обнаружению небытовых закономерностей жизни человека в ситуации «порубежья». В этом отношении прежде всего характерен рассказ, давший заглавие циклу.

Цикл «Надо терпеть» представляет собой сложное смысловое образование, в котором, по сути, уже заявлена «национальная» составляющая. «Надо терпеть» — это ключевое понятие авторской концепции в произведении. Повествование в этом тексте организовано «точкой зрения» старого человека, по особенностям речи которого можно определить его национальность. О том, что он «белорус», свидетельствуют отдельные лексемы типа «качак» (уток), «грошей» (денег) и т. д.

Старик подводит итоги жизни, ретроспективно излагает обстоятельства поселения в городе. «Другая» (городская) жизнь обескураживает старого человека, как и крутоватый нрав невестки, которую он боится почти так же, как и его собачка. Рефреном повторяется в монологе персонажа заглавное сочетание «надо терпеть». Оно мотивирует необходимость жить в чуждом урбанистическом пространстве, где нет ни «хатки», ни «яблоньки», ни «собачки» — знаков прошлой, деревенской, жизни: «Что ж, сам виноват. А собачка не виновата. Как ей объяснить, что там была деревня, а тут город? В городе совсем другая жизнь... Надо терпеть...»

Стиль жизни в городе воспринимается как чуждая среда, в которой попираются вековые устои. Для старика удивительным является, например, то, что никто не торопится бросить голодной собаке кусок хлеба: «Если постоять около магазина, кто-нибудь даст. Стоит и глядит. Дают. Ну а не дадут... Что делать? Город. Надо терпеть…» Однако рядом с отторжением уживается в персонаже любознательность к новому миру и новым людям. Настороженное отношение к суровой невестке соединяется с ребяческим желанием посмотреть, как ей (невестке. — *Л. С.*) будет без него плохо: «Интересно, что скажет, когда помру. Может, слава богу, а может, поплачет. Она любит плакать. Кино по телевизору смотрит — плачет. Иванка напьется — плачет. Думаю, сперва обрадуется, скажет Иванке — гляди, твой готов. А когда придется самой вставать рано... Не, не заплачет. Упорная. Скажет Иванке: чего лежишь, поднимайся, пьянтос. Не, помирать не хочу. Пока поживу, интересно мне… Надо терпеть». На этом заканчивается монолог-рассуждение старого человека, осознающего в качестве закона жизни лаконичное и мудрое «надо терпеть».

Мы оцениваем этот императив как ментальную характеристику белоруса, так как рассказ выступает частью цикла и именно в цикловом образовании получает подобную мотивацию. Характерно, что в данном сочетании отсутствует ирония, которая закреплена фольклорной традицией (анекдот). «Надо терпеть» — это выстраданная истина, обретенная эмпирическим путем, но одновременно осознаваемая как характеристика целого этноса, представителем которого является персонаж Ждана (неслучайно он остается безымянным).

Герой следующего рассказа «Батрак» — «неплохой человек по имени Янка», а «батраком» его прозвала жена за ежедневный труд с раннего утра до позднего вечера. История этого персонажа напоминает фольклорные рассказы: об этом свидетельствует эпическое формульное начало («Жил в этом городе неплохой человек…»); повествует о Янке тот, кто был (или хочет таким казаться) очевидцем происходящего. Как и в фольклорном жанре, в рассказе приведены отдельные эпизоды из жизни персонажа, как правило, воссозданные в юмористическом тоне. Таков, например, финальный эпизод, по структуре напоминающий анекдотическую модель: «Однажды он привез мне несколько телег навоза — сегодня многие знают, сколько стоит эта радость дачников. Впрочем, везде по-разному.

Я и спросил: сколько? Янка долго критически вглядывался в меня и, наконец, сказал: «Нисколько. Мне для хорошего человека г... не жалко».

Жизнь этого человека подана в русле традиционной для белорусской литературы крестьянской тематики. Труд для белорусского крестьянина всегда был главной ценностью, оттого, когда от Янки ушла жена, забрав с собою домашний скот, «батрак» растерялся: «Вдруг — впервые в жизни — оказалось, что делать Янке нечего. По вечерам он одиноко стоял на перекрестке, покуривая дешевые сигареты, поглядывая в ту сторону, где теперь жила бывшая жена».

По сравнению с аксиологией данного персонажа ценности героя по имени Леха Русский, который появляется в двух рассказах цикла («Ха-ха!» и «Семейная верность»), сформированы иными обстоятельствами, историко-культурными в том числе.

Называя героя «Русский», автор актуализирует достаточно распространенную в белорусских деревнях традицию именовать так тех людей, кто либо родом из России, либо долго проживал в соседней стране. Между тем в речи персонажа нет языковых элементов, свидетельствующих о том, что родной язык для него — русский. Вероятнее всего, герой родом из России. Повествователь, говорящий от имени «народа», именно так воспринимает, например, поступок Лехи: он «продал мотоцикл, бензопилу, женину золотую цепочку, рогами упирался все лето — кому дрова попилить-поколоть, кому забор-крышу поправить, тестя с тещей раздел догола…» — ради «сильно помятого «Гольфа». В сопоставлении с действиями домовитого, хозяйственного (хотя и пьющего) Янки особенно отчетливо осознается размах и удаль, с которыми действует Леха.

Вслед за покупкой автомобиля у Лехи вызревает новое решение — заняться извозом. Но осуществиться замыслу помешал характер героя: за превышение скорости его остановил инспектор ГАИ, «однако Леха не остановился. Даже поддал газу». Через десяток километров снова остановили инспекторы, но «Леха наш снова поддал газу, руководствуясь русской пословицей «Семь бед — один ответ». Наконец, в третий раз машину и незадачливого водителя остановил патруль с автоматчиками. По мере нарастания бахвальства персонажа клиенты, которых он за «двойную» плату подвозил, становились все тише, потому что предполагали печальный финал поездки. После пребывания в участке Леха вышел с мокрой головой и спиной, «будто его там из шланга поливали», однако это не умерило его бахвальства: «Ха-ха! Времени нет, а то б я им… Ха-ха!»

Такое же поведение демонстрирует персонаж и при поездке в Смоленск с целью продать яблоки (чтобы отдать долги за мотоцикл). Цель поездки имеет историко-культурную мотивацию: «у россиян денег больше». Находясь на рынке, Леха столкнулся с рэкетирами, попытавшимися обложить его «налогом». Рэкет — явление, характерное для 90-х годов ушедшего столетия не только для России, но и для всего постсоветского пространства. Однако для персонажа Ждана подобное явление внове: «Ты что, не понял? — спросил Леху сосед. — Это ж рэкетиры. Они со всех берут по десять тысяч». — «Рэкетиры? — удивился Леха. — Что ж ты мне сразу не сказал? Я б им... Ха-ха!»

В отношении к персонажу со стороны повествователя доминирует ирония, но еще и восхищение вольным движением его жизни, потому что завершает рассказ показательный фрагмент: «Между прочим, рэкетиры здесь больше не появились. Побоялись. Леха был настроен решительно, аж зубами скрипел. Правда, когда собрался ехать домой, увидел, что шины они ему прокололи. А если б он заметил их? Ха-ха!»

В сюжете рассказа «Семейная верность» этот же персонаж попадает в пикантную ситуацию, нечаянно став причиной раздора в семье своего друга. Повествование о Лехе Русском «напрашивается» на продолжение, ибо в такую структуру характера укладываются многие сюжетные ходы.

В повествовании о Лехе Русском в несобственно-прямой речи персонажа Жданом повторяется тот же прием, которым организована структура речи героев-«белорусов». Так, Леха вспоминает, что «винен» приятелю деньги, — автор тут же поясняет русскому читателю: «то есть должен».

Бесшабашность, широта натуры, грандиозность авантюр и их провалов роднят этот персонаж с шукшинскими героями, традиционно воспринимаемыми как воплощение национальных русских черт. Многие сюжетные линии в повествовании Ждана перекликаются с рассказами русского новеллиста. Конечно, есть смысл говорить не о заимствовании, а скорее о сходной жизненной основе персонажей Шукшина и Ждана, а также типе авторской эмоциональности прозаиков, который актуализировал подобный тип персонажа. Сопоставительный анализ произведений «Больше не пью» (О. Ждан) и «Как помирал старик» (В. Шукшин) демонстрирует как сходные, так и отличительные моменты в мировосприятии писателей.

В основе сюжета обоих текстов — уход из жизни стариков. Шукшинский Степан, «чуя», по словам соседа, свою смерть, прощается с людьми, «проговаривает» завещание детям, чтобы уйти из бренного мира без долгов. Повествование о старике исполнено драматизма, который часто «перебивается» юмористическими элементами: «Старик закрыл глаза и медленно, тихо дышал. Он, правда, походил на мертвеца: какая-то отрешенность, нездешний какой-то покой были на лице его.

— Степан! — позвала старуха.

— Мм?

— Ты не лежи так…

— Как не лежи, дура? Один помирает, а она — не лежи так. Как мне лежать-то? На карачках?»

Реальное время рассказа занимает всего один день. Повествователь фиксирует три важнейших этапа дня: «старик с утра начал маяться», «до полудня он терпел», «Егор пришел вечером…». Утренняя «маета» сопровождается ретроспективной отсылкой, указывающей на давность недуга («Слаб он был давно уж, с месяц…»). Полдень в структуре рассказа — переломный момент, потому что именно к полудню старик понимает, что с ним происходит: «До полудня он терпел, ждал: может, отпустит, может, оживет маленько под сердцем — может, покурить захочется или попить. Потом понял: это смерть». Наконец, вечер — развязка событий. Время между полуднем и вечером и составляет сюжетное развитие произведения. Вследствие такой временной организации локальная история одной человеческой смерти приобретает другой масштаб: временные координаты — «утро», «полдень», «вечер» — соотносятся с этапами человеческой жизни, это символическая проекция жизненного цикла человека.

Название рассказа Олега Ждана внешним образом контрастирует с заголовочным комплексом текста В. Шукшина: вместо эпического «Как помирал старик» предложено анекдотическое сочетание «Больше не пью». В рассказе повествуется о смерти «маленького, тихого, щуплого» человека с детским именем Иванка.

Ждан предлагает более широкую ретроспективу в рассказе: он вводит историю взаимоотношений Иванки, всю жизнь пьющего, но тихого человека, и его жены Маши, терпеливо дожидающейся пьяницу мужа, ухаживающей за ним, что вызывает постоянное недоумение у окружающих. Между этими двумя людьми существовала такая сильная привязанность, которая не поддавалась логическому объяснению. Автор-повествователь в качестве причины называет любовь, причем причина эта имеет «народное происхождение», отсюда синтаксическая неправильность формы: «А все просто: какая-то такая любовь».

Любовь присутствовала и в жизни шукшинских старика и старухи, но автор не акцентировал на этом внимания, потому что фокус изображения был наведен

на жизненный итог персонажа, торжественность прощания человека с миром и людьми.

В рассказе О. Ждана смерть старика по имени Иванка дается в ряду важнейших событий его жизни. Поэтому временная организация произведения у Ждана иная: эпизод смерти только констатируется, а преимущественное внимание отдается мотивации подобного ухода. Много раз данное обещание «больше не пью» исполнил Иванка только в финале своей жизни, когда «…ррраз! — жизнь закончилась. Инфаркт это называется…».

В других рассказах цикла Олега Ждана воссоздаются бытовые эпизоды, в них автор исподволь, не акцентируя, воссоздает реалии жизни человека на «рубеже», который раньше таким не был. Характерно начало рассказа «Крещение», в котором актуализирован план прошлой жизни — когда границ не было: «Однажды появилось объявление, что на реке Вихре состоится крещение. На первомайские демонстрации в последние годы не собиралось столько, сколько собралось в назначенном месте. Может, дело как раз в том, что люди наши привыкли несколько раз в году собираться вместе. Общинность. Что в России, что в Беларуси. А если все по домам — какой праздник?» Последняя реплика прочитывается в более широком пространственно-временном плане: «по домам» противопоставлено «празднику», когда все вместе. Оттого и собираются на крещение, как на зрелище, отовсюду: и смоляне, и могилевчане, и русские, и белорусы, находя повод быть вместе.

С едва ощутимой укоризной включает автор в текст произведений белорусские «знаки». Например, в рассказе «Пожалеешь!»: «Будет «пальцем пханая» к Новому году. В Беларуси не надо объяснять, что это такое: колбаска собственного изготовления». Или в рассказе «Баня» появляется фрагмент, похожий на плач: «— А Чернобыль? — напомнил кто-то. — Бедная наша Беларусь. Немцы на нас, поляки на нас. Пока до России дойдут, всю Беларусь вытопчут. А теперь еще Америка». Ветер исторических перемен не принес персонажам Ждана особой радости: разорвались нити, которые связывали сердца и души.

В целом доминируют в повествовании белорусская топонимика, образы, имиджи, в которых, однако, органично присутствует «Россия», «русские». Бинарность мышления белоруса, имеющая историко-культурную детерминацию, приглушена автором, потому что «чужое» давно уже осознается как вариант «своего».

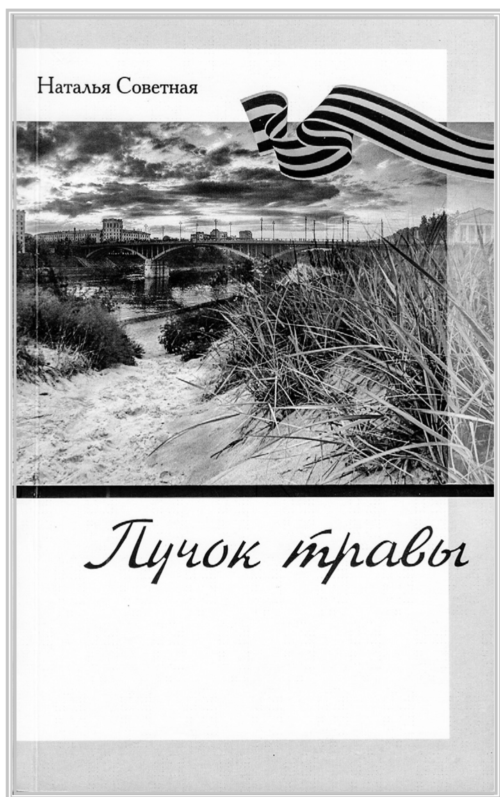
Писатель не претендует на исчерпанность темы, подчеркивая мозаичность («эпизоды») повествования, но одновременно и акцентирует «открытость» его (цикловая природа). Такого рода цикловые образования становятся характерной приметой белорусской современной литературы — и русскоязычной, и белорусскоязычной (например, «Хаос» Г. Марчука).

Цикл Олега Ждана повествует о недалеком прошлом, напоминая современнику об истоках нынешнего времени и складывающихся отношений между русскими и белорусами. Основной смысл рассказанных историй, на наш взгляд, состоит в том, чтобы утвердить в сознании читателя (и русского, и белорусского) мысль о необходимости преодолевать «рубежи» — временные, пространственные, духовные — через «терпение». Это понятие в цикле наполняется высоким нравственным содержанием: «перетерпеть» можно что-то временное, преходящее.

С точки зрения рецензента

До и после войны

Всякий автор, садясь за написание книги, словно неосознанно творит молитву, повинуясь внутреннему голосу. Насколько удается писателю оплодотворить слово силой своего духовного воздействия, настолько определяется в последующем качество книги, ее влияние на ум и душу читателя. Но и этого недостаточно… Юный Мережковский решился показать тетрадь своих стихотворений Федору Михайловичу Достоевскому. Ждал, как водится, похвалы. Достоевский молчал. И только перед расставанием произнес: «Чтобы писать хорошо, надо страдать. Страдать надо». Этим разбор и завершился.

Вероятно, даруя талант, одновременно Всевышний испытывает нас жизненными трудностями, страданиями. Этот эпизод порой вспоминается при появлении очередного залетного знаменитого автора, которого, увы, иногда объявляют ни больше ни меньше, как «живым классиком». Но ведь этим титулом при жизни не принято величать писателя, это дело истории, ей одной дано подобное право, какими бы способностями автор ни обладал — за крайним исключением. В противном случае самому писателю должно быть не по себе. Пройдут годы, и кто-то в новом времени спросит: кто же это такой «мудрый» наделил модного рыночного пиита или прозаика титулом «классик»? Бывает и обратное. Писатель-художник без значительного успеха при жизни неожиданно обретается, получает признание через годы после ухода.

Но довольно очевидных суждений. Перед нами изданная в Санкт-Петербурге книга Натальи Советной «Пучок травы». Пишет автор много, словно торопится. Торопится, потому что герои произведений — ее школьные учителя, которые уже стоят на краю жизни. Надо успеть, пока они живы, отдать ученический долг, одарить благодарностью, выразить любовь, поздравить их, переживших Великую Отечественную войну, с Победой. Наталья Советная сделала все вовремя. В книгу «Пучок травы», состоящую из двух разделов, вошли повести и рассказы, посвященные учителям — детям войны, и литературно-критические статьи, очерки,

в которых речь тоже идет о героическом периоде нашей страны — войне 1941—1945 годов. Сама книга посвящена 70-летию Победы, и ее актуальность бесспорна. Сегодня мы вновь проходим через множество испытаний. Идет битва за правду истории, которую пытаются исказить, пытаются отнять у нас одну из величайших побед — над фашистской Германией.

Тема патриотизма и мужественно перенесенных страданий определяет основной нерв книги «Пучок травы». В ней неразрывны исторические события, бедствия и авторское моление за несломленных людей. Наталья Советная пишет о земляках. Что же нового удалось сказать писательнице о войне? Зачем она пишет о судьбах простых людей? Но разве не важно знать, помнить, каким было предшествовавшее поколение? И автор словно опасается, что с уходом из жизни этих простых и в то же время героических людей снизится качество человека. Она спешит запечатлеть их писательским словом. Так мало остается тех, кого можно сравнить с пучком травы на родной земле. Не всякому ведь выпадают столь тяжкие страдания, не всякому дана и способность вчувствоваться в чужую боль и рассказать о ней. Автор убеждена, что недооценка важности патриотизма чревата последствиями более чем серьезными. Она сетует: «Как изменилось время! Сейчас платят не только репетиторам, но даже родственникам, друзьям… за помощь. Понятие любви к ближнему потерялось, теперь помощь — это способ получить плату… Сегодня подвезти попутчика на машине, поднести женщине тяжелый чемодан, помочь соседям на огороде выкопать картошку, не ожидая за это денег, — такая редкость. Результат от таких перемен странный: любви среди людей меньше, и денег не прибавляется».

Да, действительно так. И кому же, как не писателю, нужно говорить об этом, тем более что нравственный вопрос в наше время занимает умы многих. Антон Павлович Чехов когда-то обмолвился: «Для того, чтобы человек стал лучше, надо показать, каков он есть». А он, нынешний-то человек, горд, заносчив, уверен в том, что ему ведомо все — и особенно все триста способов добывания денег…

Особняком в книге предстает тема войны в Афганистане, войны, не похожей на прежние, как бы переходной между Великой Отечественной и распадом Союза, за безопасность которого погибали наши воины. В очерке «Выбор Сани Коваленко» Наталья Советная публикует дневники борттехника вертолетов капитана Коваленко Александра, с которым довелось учиться в одной школе. Писательница повествует: «Ждала Татьяна (жена капитана. — *Г. П.*) вместе с сыном Женечкой, пока служил Александр в Афганистане, пока тушил Чернобыльский реактор… пока помогал людям. Была у капитана Коваленко любимая присказка: «Значит, мы там нужны!» А в дорогу он обязательно запасался блокнотом для писем, тетрадкой для дневниковых заметок…»

Письма и дневники бережно отредактированы писательницей, снабжены пояснениями, которые даются в сносках. Не вспоминается ничего схожего, написанного о загадочной и странной во многом Афганской войне.

«…Обменяли главаря банды на нашего солдата, который полтора года воевал против нас в банде. Сволочь! Приговорили к вышке…»

«…Денисов сгорел в вертолете. Они высадили десант демократов, а когда взлетели, произошел взрыв левого двигателя. Пуска ракет никто не видел. Предполагают диверсию…»

«…Танюша, милая, насчет того, что на фотографии я грустный, так здесь веселого мало. Одиннадцатого и тринадцатого числа были трауры по погибшим ребятам…»

«…Когда искали генерала Власова, был сбит еще один афганский МИ-8 с нашими советниками. Все попали в руки душманов. Их порубили на куски! Страшная смерть…»

Александр Коваленко совершил 30 рейсов к горящему чернобыльскому

реактору, видел, как вертолеты с экипажами погибали — их буквально затягивало в адскую воронку радиоактивного огня.

Во втором разделе книги, который носит название «Одна судьба», кроме очерка об Александре Коваленко размещены литературно-критические работы Н. Советной, связанные с темой Великой Отечественной войны. Автор отдает должное летчику-испытателю, генералу авиации, известному белорусскому писателю Анатолию Сульянову, ученому и руководителю научной работой летно-испытательного центра в Ахтубинске полковнику Анатолию Стефашину, ленинградским блокадникам, героям книги «На всех была одна судьба» писателя Александра Скокова (Санкт-Петербург).

Читая, невольно задумываешься о том, что их судьбы — судьбы детей, подростков предвоенного и послевоенного времени, схожи своими трудностями. То же сельское бездорожье, те же глушь, бедность… Вспоминается изречение Чернышевского о том, что «прекрасное есть жизнь» с ее бедами, трудностями, неудачами. И — взлетами в последующем. Не приобщены ли и мы все к страданиям самой Вселенной? Не втянуты ли в ее программу, не часть ли ее организма? Видимо, так устроен порядок мироздания, что без неудач, срывов, бед нам не обойтись. И если они выпадают в судьбе, стало быть, зачем-то нужны. Не затем ли, чтобы не проникали в душу греховные пороки, а дух проявлялся бы жаждой святого? Такие люди становятся примерами для последующих поколений. Таковы герои книги «Пучок травы» писательницы, дважды ставшей победительницей, лауреатом литературного конкурса Белорусского Экзархата и газеты «Воскресение» (2008, 2014), награжденной Правлением СП России медалью «Василий Шукшин», кандидата психологических наук, магистранта Русской гуманитарной христианской академии (Санкт-Петербург) Натальи Советной, обладающей даром сострадания, имеющей богатый жизненный опыт. Во все времена так: прежде чем стать писателем, надобно побывать мучеником и (или) иметь сострадательную душу.

Право, не это ли самое имел в виду Федор Михайлович Достоевский, беседуя с юным автором?

Геннадий ПАЦИЕНКО

С точки зрения рецензента

Матанализ пьянства

Первое чувство, которое возникает, когда знакомишься с книгой Антона Кулона «Синяя книга белорусского алкоголика» (Минск, Харвест, 2013), — удивление. Да разве алкоголизм имеет национальную природу? И почему синяя? Когда-то наш классик Владимир Короткевич написал новеллу о Северной Африке и назвал ее «Синяя-синяя», помня о стране с глазами-озерами. А тут — намек на болезнь, распространенную, увы, во всем мире, на ее печальные симптомы. Представляются некие одутловатые лица «синюг»… Синие-синие, как перемерзшая птица счастья — курица из советского стола заказов.

Книга жестокая, правдивая, искренняя. Удивление вызывает и вялая реакция на нее со стороны критиков. Белорусскоязычная версия, появившаяся в 2012 году, «зацепила» Ганну Кислицыну, Галину Корженевскую. Русскоязычная, появившаяся в издательстве «Харвест», подняла некоторую волну в Сети. И это все. А меня произведение, которое действительно стало выдающимся литературным событием, заставило взяться за перо в 2016 году и написать эту, как мне кажется, все еще своевременную рецензию.

Как театр начинается с вешалки, так книга начинается с обложки. Как представил себе ее содержание художник? Графин с кристально прозрачной жидкостью и стакан, наполненный ею же. Ломоть хлеба, соленый огурец на тарелке. Гроздья рябины на заднем плане. Довольно аппетитный натюрморт, напоминающий знаменитую «Селедку» художника Кузьмы Петрова-Водкина.

«Пить или не пить? Отчего люди пьют? Отчего пил я?» — по-гамлетовски начинает свое повествование автор, спрятавшийся под псевдонимом Антон Кулон. «Пить — это хорошо или плохо?» И с поразительным парадоксализмом отвечает на этот вопрос: «Пить — это хорошо. Пить вино, пить пиво, пить водку — это очень приятно, вкусно, это кайф, это драйв, это… настоящая жизнь!.. Что может быть приятнее ощущения в руке бокала, наполненного пивом, этим божественным напитком, этой чудесной золотистой жидкостью, покрытой густой ажурной пеной, которая поднимается к краям бокала, вспучивается белоснежной шапкой и постепенно оседает, распадаясь на лопающиеся и исчезающие пузырьки».

Хорошо!

Но почему про это «хорошо» столько нехорошего проговорилось в мировой и отечественной литературе? В Беларуси антиалкогольная литерату-

ра создала свое течение и свой жанр. Про «пианство» с осуждением писал поэт и монах Симеон Полоцкий еще в XVII веке, в XIX пьянство решительно осуждал поэт-морализатор Ян Чечот, а в эпоху белорусского «нашенивского» Возрождения пошла целая череда антиалкогольных пьес — «Дважды пропили» Каруся Каганца, «Антось Лата» Якуба Коласа, «Отрава» Максима Горецкого… И уже во второй половине XX века появляются пьесы «Тревога» Николая Матуковского, «Порог» Алексея Дударева. Пьянство изображалось как национальная драма.

Антон Кулон пишет не столько драму, сколько художественное исследование в прозе. Своего рода матанализ пьянства. Во многом его повествование близко полузабытой повести Виля Липатова «Серая мышь». Напрашивается другое название для книги белорусского автора: «Синяя мышь». Разница в том, что Антон Кулон пишет как бы о себе. Сегодня, в контексте литературного процесса нетрудно идентифицировать настоящую фамилию автора — загадка авторства есть тайной Полишинеля. Но будем двигаться в пределах анализируемого текста и увидим, что нарратор — человек с физико-математическим высшим образованием, с ученой степенью, рефлексирующий интеллигент, сам прошедший всеми стезями пути, именуемом пьянством и алкоголизмом.

Сделаю оговорку. Критики относят произведение Антона Кулона к жанру «нон-фикшн», хотя у меня есть серьезные претензии к этому самому жанровому определению. В последнее время придумали множество модных дефиниций для давно существующих жанров. Например, «фэнтези» — это то же самое, что старая-старая литературная сказка. Уж позвольте мне судить, так как я сам работаю в этом жанре. А «нон-фикшн» — не что иное, как документальная литература. А литература — это всегда вымысел, даже если это дневники, исповедальная проза. Всегда существует дистанция между автором и героем, даже если сочиняется «Исповедь» Жан Жака Руссо или Льва Толстого. Таким образом, «нон-фикшн» — это «фикшн», иллюзия. Антона Кулона никогда не существовало, а существует произведение, написанное от его имени.

Почему люди пьют? Не только потому, что от пития им хорошо. «In vino veritas» — название первой части исследования пьянства. Герои Кулона, как правило, интеллигентные люди, физики и лирики времен застоя, пьют потому, что не находят истины в идеологически выверенном советском обществе. «Слишком трезвые стали», — изрек герой пьесы А. Дударева «Порог» философ-алкоголик Андрей Буслай. Пивнушки, четко отмеченные на топографическом пространстве книги, эти «тошниловки», извините, «рыгаловки», «аквариумы», «Ясень», «Молодежное», «Телевизор», «Бермудский треугольник» стали для пьющих интеллигентов своего рода дискуссионными клубами. Тут собирались и спорили обо всем на свете — от категорического императива Канта до проблем кибернетики и антисоветизма — поэты, инженеры, художники, да и вообще все несогласные с нивелированным развитем общества. Эти пункты пития и опохмела вспомнят многие бывшие студенты, принадлежавшие к поколению Антона Кулона. «Добро пожаловать в страну Алкоголию!» — с ироническим радушием приглашает автор.

Автор повествования мог бы припомнить, что еще в кровавые 1930-е годы, когда были физически уничтожены все официальнае литературно-художественные объединения, когда любой сбор творческих людей угрожал для них арестом, ссылкой или расстрелом, нашлась группа творческих людей, которая объединилась под вывеской «ТАВІЗ» — «Таварыства аматараў выпіць і закусіць». Собирались и разговаривали на запрещенные темы — о литературе и политике, а в качестве маскировки на столе всегда стояла выпивка и закуска…

Поэтому вопрос — была ли у белорусов литературная богема? — на сегодня можно считать риторическим. Была. И в 1920-е, и в 1930-е, и в другие годы. Только легче ли им было от этого?

Герои книги Антона Кулона — реально жившие творческие, незави-

симо мыслящие люди. Я говорю «жившие», потому что все они ушли из этого мира. Антон Кулон чувствует себя последним из могикан. В алкоголе они искали свою истину, но за все в этой жизни приходится платить, в том числе и за возможность независимо мыслить.

Житие интеллектуалов, даже пьющих, далеко от заурядного. Антон Кулон рассказывает массу историй об интеллигентах, и эти истории напоминают средневековые фатеции. Писатель прямо в редакции пишет рассказ, который попадает в свежий номер, а аванс тут же приносит в жертву Его Величеству Опохмелу. Другой приходит в пивнушку и пытается утолить жажду физическую глотком вина, но не может поднести стакан ко рту, так как мешает Его Величество Тремор. Третий, не имея ночлега, каждый вечер сам себя сдает в вытрезвитель. Четвертый претендует на попадание в Книгу Гиннесса, опрокидывая в пивнушке «Ясень» за раз двадцать бокалов пива (за гонорар, полученный в журнале «Маладосць»). Этакий Гаргантюа по части пития.

Еще об одном:

«Он ночевал на вокзале, в котельных, в общественных уборных… на чердаках, в подъездах, ходил в ужасных лохмотьях, небритый, немытый, вонючий.

И вместе с тем писал великолепные рассказы».

Это об одном из белорусских писателей хемингуэевского типа и о возможности совмещения порока и таланта.

Я, между прочим, вспоминаю высказывание одного белорусского поэта: «На пьяную голову серьезные вещи не пишутся. Можно сотворить эпиграмму, альбомный стишок, дрындушку, но не настоящее произведение».

Наверное, настоящая литература творится не благодаря пьянству автора, а вопреки ему, в состоянии внутренней борьбы.

Многим известны художественные открытия писателя-легенды Михася Стрельцова, небезызвестна и его жизненная драма. Писатель называет его другом, как, впрочем, и остальных своих героев, и, как о друзьях, пишет о них искренне, не скрывая ничего.

Все это, между прочим, известные люди, попавшие в «Гісторыю беларускай літаратуры» в 4 томах, 6 книгах. В первую очередь писатели, затем художники, ученые, в той или иной степени отторгнутые временем и обществом или сами не вписавшиеся в эпоху и общество. На странице 39-й вы найдете перечень этих имен, оформленных как некролог.

Интеллектуалы давно научились умению отделять поведение творческих людей и давно простили слабости Сергея Есенина, Александра Фадеева, Эрнеста Хемингуэя, Владимира Высоцкого, Анатоля Сыса за их произведения. Этический момент повествования Антона Кулона в ином. Он пишет жесткую правду о жизни своих друзей, зашифровывая их имена в псевдонимах и криптонимах, а иногда и не утруждая себя этим.

Они все ушли, в большинстве не достигнув шестидесяти лет, с горечью сообщает летописец алкогольной эпохи в развитии советского общества. Главной причиной их ухода автор считает именно алкоголь, хотя в эпоху экологического кризиса могут быть и иные причины.

Этот моральный ригоризм и предельная откровенность письма уже вызывали сомнения в среде критиков.

На все сомнения автор отвечал жесточайшей требовательностью в первую очередь к своему я-герою, последнему из могикан алкогольной команды, которому удалось уцелеть. Он не выпячивает доверчивость и беззащитность души своего героя, которые виной тому, что к нему тянулись пьянчужки. К собственным дарованиям герой относится с иронией. «Ты, Антон, хороший человек! Плохие люди не могут так хорошо и честно петь», — говорит ему один из знакомых.

Однако повествователь более строг к своему «я-герою». «Я — алкоголик», — говорит он сам о себе. И далее:

«Где-то в конце прошлого тысячелетия, во второй половине 90-х годов я неожиданно поймал себя на мысли: «Моя жизнь напоминает существование человека на войне. Выйти из очередного запоя — это как вернуться живым из тяжелого боя».

И ран на моем теле было немало.

Еще в армии мне по пьяной лавочке сломали нос.

Во время учебы в аспирантуре была сломана челюсть.

Дважды случались переломы ключицы. Причем теперь даже неизвестно: одной и той же или это все-таки были разные ключицы».

«Посеченный, порубанный», как казак из украинских дум. Лаокоон, изнемогающий в роковых объятиях удушающего его зеленого змия.

«Синяя книга белорусского алкоголика» изобилует не только бытовыми, но и медицинскими реалиями, среди которых понятия «абстинентный синдром», «делириум», более чем странный термин «уланология», банальный «опохмел» и прочие. Прописывается своеобразная алкогольная азбука жизни. Алкоголизм в понимании автора не столько порок, сколько болезнь, за какие-то грехи поражающая не самых худших представителей человеческого общества. Временами книга напоминает собой медицинский справочник, холодно и обстоятельно повествующий о разных стадиях развития алкоголизма как болезни, о возможности или невозможности остановить процесс. Автор предлагает даже простейший тест: как определить, алкоголик вы или нет? Не забывает автор привести и знаменитую формулу алкоголя: C2H2OH.

А вот развернутая формула запоя: «Он возникает неожиданно, как первая любовь в семнадцать лет, как зимний снег в начале мая, как ненавистный патруль во время самоволки в армии, как появление сверхновой звезды в созвездии Козерога. Ходил человек, ходил, работал, растил детей и любил жену, писал диссертацию и выступал на международных конференциях по ядерной физике, и вдруг — бац! Запой!»

Текст иллюстрируется фотографиями, подчас поучительного, подчас иронического содержания.

Все, что я знаю об авторе и о чем могу догадываться, говорит о его дотошности, точном физико-математическом разуме и о настойчивом желании докопаться до первопричин. Поэтому его книга вполне могла бы читаться как матанализ пьянства — проблемы, с которой он хорошо знаком. Если бы не его несомненные писательские достоинства, которые часто разрушают схему...

Но иногда в тексте просматривается и нарочитая дотошность, как в этом, например, описании борьбы персонажа одного фильма с алкогольным тремором: «Он берет в левую руку один конец полотенца, а второй перебрасывает через шею и хватается за него правой рукой, в кисти которой он сильно сжимает стакан с водкой. Дальнейшие действия такие: левая рука медленно опускается вниз, что одновременно вызывает движение другого конца полотенца вверх, и таким образом правая рука со стаканом также движется вверх — пока не достигнет жаждущих уст». Конечно, в фильме это выглядит смешнее.

Можно сказать, перефразируя высказывание Максима Горецкого о Кирилле Туровском, что физик в писателе сражается с лириком.

Человек с точным мышлением, автор каким-то математическим инстинктом познал каноны, при помощи которых воссоздается человеческое падение и воскресение.

В классическом виде — это нисхождение в ад, прохождение через чистилище и восхождение в эмпиреи, где герой получает райское блаженство и созерцает Бога. Путь, который проделал герой «Божественной комедии» Данте Алигьери.

Но интересная вещь эти законы литературы. Как правило, плохое в ней отличается многообразием и образным богатством. Зло изображать проще, добро труднее, идеальное почти невозможно.

Эпизоды, изображающие пьяную белорусскую богему, брызжут искрами, как шампанское в хрустальных бокалах. Тут жизнь проявляется в самых разнообразных формах, она повсюду, тут звучит раблезианский смех. Чем глубже круги алкогольного ада, тем настойчивей смех сменяется страхом. Образы приобретают гротесковый и жутковатый характер.

Вот развеселый эпизод «Радуница на Военном кладбище», когда герой с приятелем-поэтом «примостились рядом с Павлюком Трусом и Кузьмой

Чорным и разложили свою нехитрую закуску — нарезанные сальце, хлеб, лук. Достали две поллитровки вина, откупорили и принялись поминать лучших сынов Отечества. Настал тот спокойный, щемящий момент общения с мертвыми, какой бывает только на кладбище и только в определенное время…». Появляются «ангелы» — хранители порядка, осведомляются о том, являются ли Павлюк Трус и Кузьма Чорный ближайшими родственниками поминающих, и уводят их в ближайший опорный пункт…

А вот кинорежиссер Галя Матвеева, которую желание земной любви и счастья тянет в мужскую пьяную компанию, делает ШП («швой парень» на жаргоне тех времен), главная добытчица денег на выпивку, описанная с симпатией и юмором. Раскрывается загадка добытчицы Гали Матвеевой: она собирает деньги в подъездах будто бы на похороны умерших людей. За мошенничество получает срок. А потом автор/герой встречает ее в Амстердаме, в совершенно иной ипостаси.

Показан коллега повествователя, несостоявшийся кандидат наук, который в 1990 году ушел в запой за неделю перед защитой, и ученый мир так и не узнал, что означает тема «Интерполяция и экстраполяция почти периодических случайных процессов». Почти как в известном кинофильме «Сто грамм для храбрости».

А в последние круги алкогольного ада герой погружается уже один, без проводников, покинутый друзьями, и переживает настоящую жуть. То, о чем повествует автор в разделе «На хмельных дорогах» («Сакартвело», «Год спустя, или долгий путь в Европу»), пересказать трудно. Описанные сцены пьянства напоминают то картины Иеронима Босха, то откровения Генри Миллера.

Но вот начинается очищение, прокладывается нелегкая дорога к трезвости. «Каждый может бросить пить, но некоторым это удается сделать при жизни», — говорит Антон Кулон, радуясь за «некоторых» и сожалея об ушедших.

Не помогли бы ни кодировка, ни подшивание, ни членство в сообществе анонимных алкоголиков, если бы, как считает автор, не сложный путь рефлексии, внутреннего самоусовершенствования, в данном случае — путь к Богу. «Для меня трезвость — это только пропуск в Храм», — признается герой.

Он — тот единственный из своей команды, которому удалось такой пропуск получить.

Читатель радуется его удаче, готов сопереживать радость восхождения в эмпиреи трезвости. Правда, не сможет не отметить, что в описании этого восхождения больше дидактики, морализаторства, рецептов, чем образного богатства, красок земного бытия. Наверное, действуют те законы литературы, о которых было сказано выше. Да и в отношении автора к победе его героя над собой проступает горечь.

Победа над собой в войне, которая длилась годы и годы.

Литературный герой за эти годы не открыл теории относительности, не получил Нобелевской премии (но это не удалось и тем многим, кто пребывал в трезвости).

Однако важным открытием следует считать то художественное исследование пьянства, результатом которого явилась эта книга, своего рода роман прошлого века, значение которого в том, что автору есть о чем рассказать и от чего предостеречь.

Всем известен синдром ипохондрии читателя медицинской энциклопедии. Как и герой романа «Трое в лодке (не считая собаки)» Джерома К. Джерома, такой читатель обнаруживает в себе все существующие в мире болезни, кроме разве что родильной горячки. Если читатель Антона Кулона просто заподозрит в себе симптомы описанной им болезни и задумается, уже тогда можно считать, что книга написана не зря.

Хотя, по большому счету, книга эта все-таки не столько о пьянстве, сколько о жизни, разнообразие которой писатель, наделенный поразительной наблюдательностью и даром повествователя, смог передать.

Автору, как свидетельствует его высокая творческая активность, есть еще что сказать и о чем написать.

Петро ВАСЮЧЕНКО

С точки зрения рецензента

Круговорот души

Судьба народа, как многим кажется, волнует только политиков, философов, историков, писателей и публицистов. Но это только кажется. Судьба народа и страны волнует прежде всего сам народ. Несомненно, в разных социальных группах — по-разному и волнует, с разной степенью ответственности за личную и всей страны судьбу. Иначе, если бы все были дружными циниками, лишенными способности сопереживать, волноваться, тревожиться, отслеживать взаимосвязи личного благополучия и благосостояния общества в целом, тогда, пожалуй бы, и не было страны.

Роман Валерия Казакова «Черный кот» (Минск: Харвест, 2016) — повествование, соединившее в себе разные времена. В центре книги — совсем молодой офицер госбезопасности. По сути, мальчишка, который еще не может быть зрелой, самостоятельной личностью. Тем более, как считают некоторые, само понятие самостоятельности человеку служивому не может быть свойственным вообще. Но вот лейтенант Скарга (умеют же придумывать фамилии!) — человек со стержнем. Волею обстоятельств, а также благодаря личному интересу к истории молодой человек оказывается главным в поиске оставленного в Беларуси архива вражеских спецслужб. Как оказалось в конце поиска, архив очень даже непростой. Неожиданный, можно сказать, архив. Самое ценное в нем — досье на завербованных фашистами агентов, на прислужников вермахта, которых на освобожденной от фрицев земле остались в 1944-м тысячи… Поверить в это сложно. Но предположим, что это так…

Вот эти абзацы:

«…Это же все надо проверить, кто живой — допросить, если подтвердится сотрудничество, к суду привлечь, — отыскав какую-то коробку, как бы между прочим бросил Егор Кузьмич.

— Да ладно, кому надо с этим старьем возиться? Я же говорю: они уже все перед Богом отвечают.

— Один ответ другому не помеха. Сами померли, так детки-внуки имеются, вот и глянем, далеко ли яблоко от яблоньки откатилось. Чем дышат и какие должности, посты занимают ближайшие родственники изменников Родины. Правильно ли у них все в анкетах указано. Ну-ну! — Он наугад вытащил карточку, слегка сощурился и

продолжил: — Так, говорите, гражданин Пузанчук, ваш почивший отец — ветеран войны, белорусский партизан? Герой? А вот и нет, любезнейший! Батя твой — Пузанчук Мильхей Богданович, расчетчик бугновского райпо, являлся в годы Великой Отечественной войны агентом «Абвер Минск-2», позывной «Язь», пароль для связи такой-то, ну и так далее. И закрутится колесо. Или вот, смотри, Федор Спапиша, я знал его, орденоносец, командир партизанского отряда, его именем улица в городке, под которым он воевал, названа, стихи ему классики советской литературы посвящали, а здесь значится: агент «Вепрь». Тут, если каждый из нас пороется, он знакомых, а может, и родню свою отыщет…»

Егор Кузьмич — ветеран, который, будучи свидетелем, участником многих событий, стал для молодого лейтенанта добрым помощником в поиске правды.

«…— Во всех трех ящиках, по моим подсчетам, — перебил его старый шифровальщик, тридцать одна тысяча четыреста сорок три карточки. Особняком вот эти два пенала стояли. Да и карточки здесь от этих отличаются. Видите, — вытащил он прямоугольник, — карточка пересечена красной полоской, орлы другие и печати тоже.

— Дай глянуть, — оторвавшись от своей коробки, попросил Егор Кузьмич. — Таких мне никогда в руках держать не приходилось, только описание читал. Это карточки агентов службы безопасности рейха. Это люди СД, за этим кровь и кровь. Это надо внимательно пересмотреть, а то ведь на воинских кладбищах могут лежать, как герои. Рядом с теми, кого предавали…»

Но прежде чем найти архив-картотеку, Скарга прошел непростыми дорогами. Его поиск связан не только с войной, не только с желанием раскрыть историю малоизвестной организации националистического подполья «Черный кот». У молодого человека за это время столько всего произошло, что у иного столь ярких событий не будет целую жизнь. «Отбил» девушку у бдительных милиционеров, познакомился с ее родственниками. И ее познакомил со своей бабушкой… Раскрыл тайну одного семейного архива и семейного клада, подтолкнул опытного фанатика-музейщика к раскрытию радзивилловских тайн…

Скарга в романе Валерия Казакова похож на некую художественно-философскую пружину, всех заводящую, всех заставляющую не только что-то делать, но и думать, раскрывать свою душу.

«Черный кот» — привлекательное название, наживка для любителей остросюжетных детективов, которые позволяют отдохнуть и мозг напрягают разве что в редких случаях. Но с «Черным котом» все гораздо сложнее.

Писатель интригу оставляет в стороне и много страниц уделяет осмыслению ушедшего и важного времени. Без обращения к которому нельзя разобраться в себе нынешних. И поэтому, наверное, не менее значимой фигурой в романе предстает новоиспеченный родственник Скарги — фермер Казимир Сапица. Он, как и большинство героев произведения, — человек думающий, с богатым воображением, желающий разобраться во всех перипетиях не только нашего государственного обустройства, но и в том, как, по каким законам выстраиваются отношения между Беларусью и Россией, которым суждено жить вместе, быть родными и близкими.

Может быть, потому и страстно доказывает родственнику из России (мужу свояченицы) свое (и, пожалуй, выстраданное размышлениями последних десятилетий) убеждение, свое понимание разных вещей: «…Ты тут мне в прошлый раз пытался доказать, что мы все колхозники и во главе с колхозником колхозное государство строим. Может, оно так с вашего бугра и видится. Колхоз-то хоть народу объяснить можно, он к этому привычный. А как ты объяснишь ваши потуги построить развитой капитализм под неусыпным руководством вашего КГБ, или как оно там у вас называется? Или вы вслед за обезумевшей от вседозволенности Европой откроете границы черной Африке и фанатичной Азии? А ты знаешь, зачем их тысячами, этих несчастных, к нам в Европу гонят с родных мест? То-то же! Мне вот со своего селянского пригорка видится такая картина: кому-то уж больно

понадобились в тех краях земли и то, что в этих землях скрыто. На хрен им на этих богатствах такое огромное, безграмотное и безмозглое стадо? В Европу их! А европейских рабочих вахтами на освоение целинных просторов опустевших земель. Пока гансы, поли, себастьяны и педры на рудниках и промыслах горбатятся, их бабы и дочки чумазеньких нарожают. Те лет за десять-двадцать школы и колледжи позаканчивают — и вперед, в вахтовую цепочку. — Казимир замолчал. Лицо его стало грустным, казалось, он сам удивился сказанному, а смысл произнесенных слов только начал доходить до его сознания.

— Вот ты и заложил тираду! — искренне восхитился москвич. — С положением на Западе — я с тобой полностью согласен, нам бы только с нашими узбеками и таджиками не наступить на те же грабли. Чего замолк?..»

Николай — московский родственник Казимира Сапицы, наверное, ведь тоже хочет во всем разобраться. Ведь и его положение, благосостояние находится в прямой зависимости от решений власти, от ее позиции по всем вопросам. Но вот только разнятся они между собой — сегодняшние белорус Сапица и россиянин Николай. Не забыть бы им о своей «обреченности» быть вместе…

Писатель не упрощает, не стремится сделать кого-то из них лучше или хуже. Да, иногда ловишь себя на мысли, что в спорах героев как-то уж много политики. Но ведь по-другому и быть не может. Роман обретает философское звучание. И тем самым «Черный кот» контрастно отличается от многих произведений современной белорусской прозы. Все-таки и за «Черным котом», и за другими книгами белоруса Валерия Казакова, живущего в Москве и пишущего на русском языке, — иная школа, иные уроки. Нет, не сомневаюсь, что Валерий Николаевич — внимательный читатель Ивана Мележа и Янки Брыля, Ивана Пташникова и Анатоля Кудравца, что он хорошо знает современную литературу Беларуси и читает Юрку Станкевича, Альгерда Бахаревича, Бориса Петровича, Алеся Бадака, Людмилу Рублевскую, но «все у него по-другому»… Читая «Черного кота», я вспоминал пространность и одновременно философскую лаконичность произведений Леонида Леонова и Захара Прилепина, Анатолия Рыбакова и Юрия Козлова, Юрия Нагибина и Романа Сенчина… Сравнения всегда кажутся неправильными. И не ради сравнений я отвлекся от монолога Казимира Сапицы. Просто подумал о литературе как отражении народной жизни во времени. У разных народов — и жизнь разная, и отражение не обязательно должно быть похожим… Беды в этом большой нет. Прибавило бы это понимания друг друга, понимания того, что очень уж мы близкие, пусть и каждый из нас со своим историческим опытом.

«… — Ты веришь, Коля, у нас проще, — расправив двумя пальцами свисающие седые усы (можно напомнить, что у москвича Николая «красивый, слегка тронутый сединой комсомольский вихрь». — *К. Л.*) и переведя дыхание, продолжил Казимир. — У нас как в Америке: знаешь ты закон, не знаешь, знаешь язык, не знаешь, совершил преступление — в тюрьму, а то и к стенке. Ударил мента — в тюрьму, его сюда народ и президент поставили, чтобы от разных идиотов нормальных людей оберегать. А чего ты хотел? Может, как у вас или у хохлов, злу не сопротивляться? Ай-ай, что о нас наши продвинутые соседи скажут! А в Европах этих, в Америках особенно, сунься к полицаю, просто пальцем зацепи, не палкой по голове, а мизинцем ткни — и все, тебя тут же кончат. Хорошо, если газом траванут или отметелят, а то и застрелят на месте!..»

Разные люди, разные мнения сходятся в романе, который «закрутился» вокруг стремления разгадать тайну «Черного кота». Но вся эта разность — естественный взгляд на нашу действительность. Впечатление такое, будто писатель загорелся желанием высказаться вдруг и по всем наболевшим вопросам сразу. И ответы еще хочет найти на все вопросы, что волнуют не только лично его, но и его современников… Но ведь по-другому в настоящей литературе не может и быть?!.

Кирилл ЛАДУТЬКО

Литературное содружество

Туркменистан. Белорусская тема

Недавние поездки в Ашхабад (2009, 2012, 2014 года) восстановили в памяти многие события второй половины 1980-х годов. По большому счету и событиями те эпизоды вряд ли можно назвать. Разве что — так, небольшие штрихи из личной жизни. Но жизнь, пусть себе и рядового журналиста, всегда носит характер общественный, всегда связана с теми социальными явлениями, которые происходят вокруг, побуждают современников к тем или иным преобразованиям. Со мной происходило то, что некогда так образно выразил Фернан Бродель: «Время липнет к его мысли, как земля к лопате садовника». Знакомство с новым городом, новыми людьми, открытие ранее неизвестной пустыни и осмысление других природных ценностей — все это притягивало будто магнитом, заставляло бежать за фактами и совсем по-другому их оценивать, нежели бы я делал это в Украине, где учился до Туркменистана, или в нашей родной Беларуси…

Конечно же, и меня (тогда корреспондента, ответственного секретаря солдатской многотиражки) волновало все, что происходит вокруг. Хотелось быть причастным к многим событиям культурной, литературной жизни поначалу совсем незнакомых Ашхабада, Туркменистана. Так определялось, пожалуй, основное направление, которое и охарактеризовать не так просто. Но если постараться определить его кратко: это направление — литературная журналистика, т. е. журналистика о литературе, о писателях и книгах. Когда я некоторые свои изыскания разных лет, посвященные изучению контактов белорусской литературы с другими национальными литературами, объединил в историко-литературный сборник, то в отношении жанра собранных материалов, в отношении книги услышал такую подсказку: «Литературоведческая публицистика…». Так высказалась о книге «Братэрства» кандидат филологических наук Валентина Ивановна Локун…

А в Ашхабаде, туркменской столице, у этого направления, у этой устремленности вырастали два крыла. Первое — внимание к туркменской национальной культуре в разных ее проявлениях, аспектах. И второе крыло — белорусская тема. Тогда, в безынтернетный век, без электронной переписки, поддерживать, укреплять второе крыло было невероятно сложно. Но я старался… Бесценную помощь в этом плане мне оказали туркменские журналисты — более опытные коллеги из республиканских и местных изданий. Признаюсь, чьи-то имена я уже забыл и, наверное, не смогу восстановить в памяти. С кем-то встречался, может быть, всего лишь несколько раз. А со многими писателями, книгоиздателями дружил годами. Кто-то, слава Богу, живет и здравствует поныне…

1985 год. Август. В Ашхабад мы с женой приехали, как сейчас помню, 20 августа. С трудом нашли ночлег в гостинице МВД, недалеко от Русского базара. И уже со следующего дня я — на службе. В редакции солдатской мно-

готиражки «За Родину». Дивизия самая что ни есть «литературная»… Во-первых, в соединении служило немало офицеров, прошедших Афганистан. А это значит, что у них не единожды были встречи с писателями, публицистами: Александром Прохановым, Николаем Ивановым, Виктором Верстаковым, Михаилом Михайловым, Николаем Бочаровым и другими, кто не боялся летать в Афган, «за речку» и писать о героях не издалека… А во-вторых, истоки легендарного соединения уходили к 357-й стрелковой дивизии, которая была сформирована в Удмуртии и сражалась с гитлеровцами в Беларуси, Латвии, Литве. Народный писатель Удмуртии Михаил Лямин, прошедший с соединением через самые драматические испытания, написал о своих земляках, о дивизии книгу «Четыре года в шинели»…

Первые дни знакомлюсь с воинскими подразделениями. У нашей 61-й учебной мотострелковой дивизии в Ашхабаде — три городка. Еще один — в районном центре Теджен, почти за 300 километров от столицы. Ищу темы, которые должны стать заметками, корреспонденциями, репортажами, статьями. И как-то так случается, что не могу обойтись без приобретенного ранее белорусского творческого багажа.

Еще в отпуске, приехав в июне 1985-го в свою родную Затитову Слободу на Минщине, я повстречался с Сергеем Михайловичем Новиком-Пеюном. Встречался с поэтом, которому уже было едва ли не 79 лет, в Минске на улице Куприянова. Западнобелорусского патриота и мастера художественного слова я «открыл» для себя поначалу заочно. Будучи курсантом Львовского высшего военно-политического училища, я как-то на побывке в Минске купил его поэтический сборник. Имя для меня новое. Удивился, что есть такой поэт. Прочитал предисловие Олега Антоновича Лойко. Прочитал саму книгу. Многие стихотворения, оказывается, были написаны в фашистском концлагере Колдычево под Барановичами. Как итог — написал и опубликовал в многотиражной газете училища рецензию «Беспрецедентная лирика». И «белорусскую тему» в Ашхабаде начал утверждать именно с рассказа о поэте и узнике фашистского концлагеря Сергее Михайловиче Но-вике-Пеюне. В многотиражной газете «За Родину» 8 сентября вышел материал «Он и в застенке стихи писал». Кстати, статью перепечатала и газета «Фрунзевец», которая находилась в столице Узбекистана — Ташкенте, являвшемся еще и «столицей» Краснознаменного Туркестанского военного округа.

В 1960—1990-е годы в Туркменистане жил и работал уроженец Беларуси — журналист и поэт Михась Карпенко. Сначала — в Красноводске. Затем редактировал областную газету «Ташаузская правда». В Ашхабаде выходили и его книги стихотворений. Рецензию на одну из них — «Красный колос» — я и отправил в Беларусь. Материал увидел свет в областной газете «Магілёўская праўда» 20 июня 1986 года. А на Могилевщине — родное село Михася Карпенко: деревня Максимовка. Так началась наша дружба с Михаилом Федотовичем. И с газетой «Ташаузская правда», которой он руководил. На страницах областного партийного издания я рассказывал в основном о туркменской теме в русской литературе. Были опубликованы материалы, посвященные русскому поэту Николаю Тихонову (автор «Баллады о гвоздях» сроднился с Каракумским краем еще в 1930-е годы), Науму Гребневу, Дмитрию Хренкову, другим поэтам, прозаикам. Много писал о переводах произведений туркменских писателей на русский язык. Заглядываю в «библиографическую память». Только 1986—1988 годах (из Ашхабада я уехал в апреле 1988-го) «Ташаузская правда» опубликовала мои рецензии на книги народного поэта Туркменистана Каюма Тангрыкулиева, Аллаберды Хаидова, Нуры Байрамова, Бердыназара Худайназарова, Ораза Куванжалиева, Нарк-

лыча Ходжагельдыева, Биби Ораздурдыевой и других художников слова.

И конечно же, меня волновало любое проявление, любой штришок в связях Беларуси и Туркменистана, белорусской и туркменской культур, литератур. Вот заголовки публикаций тех лет: «В белорусском архиве», «Трогательная и сильная правда», «Горячая память», «Туркмения — в его памяти»… В «Ташаузской правде», «Вечернем Ашхабаде», газетах «Знамя Октября», «Октябрын ялкымы» («Свет октября»), литературно-художественных журналах «Ашхабад», «Совет эдебияты» («Советская литература»), газете «Эдебият ве сунгат» («Литература и искусство») я рассказывал о творчестве, книгах белорусских писателей Аркадия Мартиновича, Николая Калинковича, Василя Ткачева, в разные годы живших и работавших в Туркменистане. О романе Аркадия Мартиновича «Не ищи следов своих» я рассказал читателям «Ташаузской правды» и «Эдебият ве сунгат». Книга, которую в Ашхабад прислал сам автор с дарственной надписью, впечатлила меня. В центре повествования — судьба фронтовика, ветерана, вспоминающего свои военные годы. Герой оказывается в Туркменистане, Небит-Даге военного времени. Во многом сюжетные линии, композиция произведения держались на размышлениях, лирических отступлениях главного героя. Мне даже тогда наивно казалось (всего только мечталось), что и я потом, через много лет, напишу свой «роман памяти» об Ашхабаде, о возвращении в «свой Ашхабад». Понятно, что уже не напишу… Но и сейчас, перечитывая те давние статьи, «живу романом памяти», думаю о том, сколько всего в нашей жизни взаимосвязано, переплетено. И моя служба в Туркменистане, мои тех лет открытия нового края (страны!) и его народа теперь воспринимаются как эмоциональная перезагрузка сознания. И я с волнением думаю о возвращении героя Аркадия Мартиновича в свою военную юность. Даже стараюсь по-новому взглянуть на роман, перечитать его и попытаться пройти стежками-дорожками Аркадия Мартиновича.

В те ашхабадские годы я много писал о творчестве уроженца Брестской области писателя-документалиста Николая Калинковича, жившего и работавшего в Ашхабаде в 1979—1984 годы. В туркменской столице в 1980-е были изданы его книги «Не обрывается земная связь», «Имя мое — Свобода», «Возвращение рассветной рани…». Была подготовлена еще одна — «Не должен неизвестным быть солдат». К сожалению, не знаю, увидела ли она свет. Николай Калинкович и во второй половине 1980-х не единожды наведывался в Ашхабад. Как мне помнится, мы с ним встречались не менее четырех раз. Как правило, приезжал он на неделю-две. Работал в ашхабадском архиве. Встречался с редакторами издательств, заходил в редакции газет и журналов. Вместе с ним мы побывали на квартире у народного писателя Туркменской ССР замечательного прозаика Валентина Федоровича Рыбина. «Государи и кочевники», «Море согласия», «Закаспий» — эти и другие романы издавались многотысячными тиражами и в Ашхабаде, и в Москве. Николай познакомил меня с Сейитниязом Атаевым, Амандурды Джанмурадовым, Курбаном Чолиевым, Нарклычем Ходжагельдыевым и другими туркменскими писателями, переводчиками. В «Ашхабад» (литературно-художественный журнал, который выходил в столице Туркменистана на русском языке) Николай Калинкович предлагал и свой документальный роман о революционных событиях, гражданской войне в Туркменистане — «Керкинский бастион». В 1985—1987 годах (потом несколько реже) мы много переписывались с Николаем Николаевичем. Все это — знакомство с книгами, встречи, письма — и послужило основой для многих моих публикаций о Николае Калинковиче в туркменской периодической печати. В газетах

«Вечерний Ашхабад», «Ташаузская правда», «Эдебият ве сунгат», «Дзержинец» (газета Среднеазиатского пограничного округа, редакция находилась в туркменской столице на проспекте Свободы), «Фрунзевец» опубликовал рецензии, интервью, статьи, в которых шла речь о творчестве земляка. В журналах «Ашхабад» и «Совет эдебияты» были напечатаны рецензии на его книгу «Возвращение рассветной рани». В своих историко-документальных, публицистических книгах Николай Калинкович описал немало интересных судеб, связанных с Беларусью и Туркменистаном. Будучи выпускником факультета журналистики Белорусского государственного университета, он старался поддерживать связи со своими однокурсниками, коллегами по учебе и работе в белорусской печати. Старался и в Минске выступать с материалами своих исторических, краеведческих поисков. В Беларуси вышли его книги «Полесские дни Александра Блока», «Лунинец». Была подготовлена к печати документальная повесть о Брониславе Тарашкевиче — «Ніколі, браткі, не забудзем!..».

Еще одна яркая личность, писатель, который в значительной степени сформировался как мастер художественного слова именно в Ашхабаде, Туркменистане. Если я попал в газету «За Родину» в 1985 году, то он, лейтенант Василь Ткачев, — в 1973-м. В Минске увидела свет его детская книга «Хитрый Даник». А в Ашхабаде Василь Ткачев написал большинство рассказов для своей будущей книги «День в городе». Особенно ярко выраженным «туркменским» казался рассказ «Казан». В 1980 году Василь Ткачев уже уехал из Ашхабада в Беларусь. Но в городе остались жить его знакомые, друзья. Среди них — радиожурналист Владимир Грачев (родом из Волковыска), брат Василя Юрьевича — Михаил Ткачев, с которыми я познакомился и подружился. О Василе Ткачеве, белорусском писателе, сформировавшемся в Туркменистане, написал для «Ташаузской правды», уже покинув Ашхабад. Статья называлась «Туркмения — в его памяти» и была опубликована в газете 7 сентября 1988 года.

Уехав из Ашхабада в апреле 1988 года, я все-таки старался не порывать связь с туркменской периодикой. В особенности с литературно-художественными изданиями. Но, конечно же, заниматься историко-литературным, литературно-краеведческим поиском на расстоянии было достаточно сложно. И все-таки я не мог сидеть сложа руки. Переписывался с туркменскими писателями Касымом Нурбадовым, Керимом Курбаннепесовым, Каюмом Тангрыкулиевым, Национальной библиотекой Туркменской ССР. Результатом этой работы стали публикации в «Совет эдебияты», журнале «Яшлык» («Юность»). Уже потом, в 2000-х, когда я встречался в Ашхабаде с Агагельды Алланазаровым, Касымом Нурбадовым, Атаджаном Таганом, туркменские писатели дружно, в один голос советовали мне собрать выступления в печати на тему белорусско-туркменских литературных связей и выпустить их отдельной книгой. Кто знает, может быть, такую книгу еще и осилю…

Мой Ашхабад 1985—1988 годов подвигнул к работе над раскрытием этой темы и для белорусской литературно-художественной периодики. О тех же Михасе Карпенко, Николае Калинковиче, Василе Ткачеве я написал для «Магілёўскай праўды», «Гродненской правды» (раньше газета «Гродзенская праўда» носила название на русском языке), для «Літаратуры і мастацтва», «Звязды»… Меня интересовал буквально каждый факт внимания к белорусской литературе со стороны туркменских писателей. Вышла в газете «Эдебият ве сунгат» большая подборка публикаций, посвященных Беларуси, — я сразу же писал об этом в Беларусь. И сейчас помню из той подборки «Поэму о стыде и гневе» Пимена Панченко в перево-

де народного поэта Туркменистана Керима Курбаннепесова, лирические эссе Янки Брыля в переводе Какабая Курбанмурадова. Главным редактором газеты тогда был публицист, киносценарист, литературовед Какалы Бердыев. Его имя внесено в белорусскую персональную энциклопедию «Янка Купала». Издал народный поэт Туркменистана Каюм Тангрыкулиев книгу переводов детской поэзии «Веселые качели», куда включил и стихотворения белорусских авторов, — я тоже пишу об этом в одну из белорусских газет.

Стремление иметь полный архив по теме белорусско-туркменского литературного побратимства принесло свои плоды. За годы собрался именно настоящий архив материалов, накопились записи в журналистских блокнотах и тетрадях. И уже в конце 1980-х, когда жил на Кубе, со страниц газеты «Голас Радзімы» рассказал о соприкосновении Керима Курбаннепесова с Беларусью: материал «Талант дружбы» был опубликован 14 сентября 1989 года.

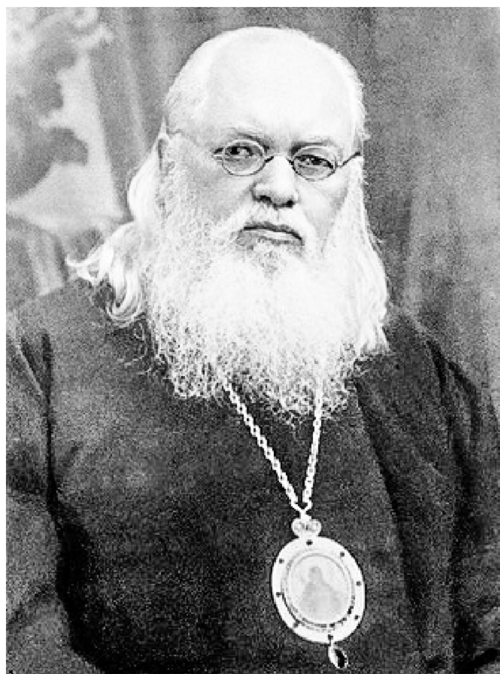
Ашхабад, Туркменистан, туркменская литература — и сейчас это географическое и культурное пространство представляется мне родным и близким. По-прежнему я пишу письма своим друзьям в Ашхабад. По-прежнему всегда с большим интересом устремляюсь в Ашхабад по первому же приглашению. Мне и сегодня важно знать, что нового, какие интересные произведения выходят из-под пера Атамурада Атабаева, Касыма Нурбадова, Агагельды Алланазарова, Атаджана Тагана, Нобаткули Реджепова, Комека Кулиева, Бягуль Аннабаевой… Знаю, что и у них есть интерес к белорусской литературе, белорусскому художественному слову. Знаю, что и они понимают: жизнь и мир обретают безграничность, если народы и страны, люди искусства и культуры тянутся друг к другу.

Алесь КАРЛЮКЕВИЧ

Имена

Белорусская родословная Святителя Луки

Святитель Лука.

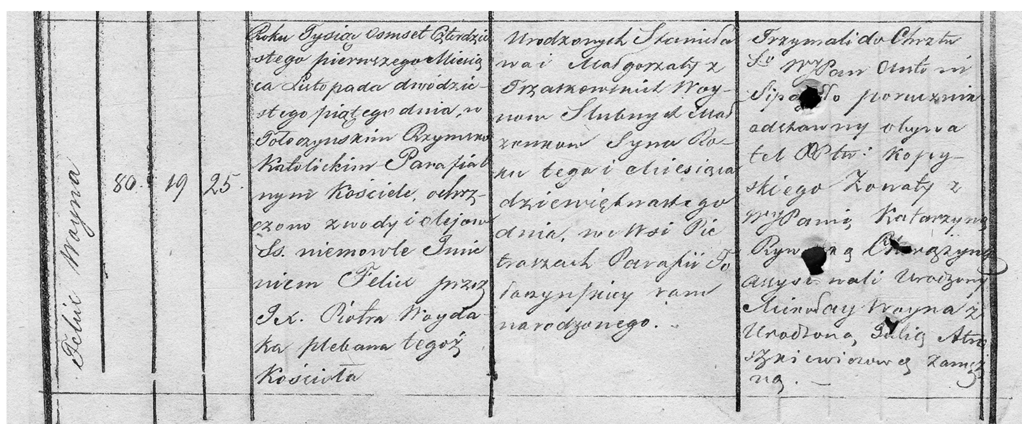
Имя Святителя Луки Войно-Ясенецкого, видимо, известно многим. Доктор медицинских наук, профессор, ученый, богослов, архиепископ. В 1996 году причислен Православной Церковью к лику святых. Вот что о нем говорит Википедия: «Архиепископ Лука (в миру Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий; 27 апреля (9 мая) 1877, Керчь — 11 июня 1961, Симферополь) — епископ Русской православной церкви, с апреля 1946 года — архиепископ Симферопольский и Крымский, российский и советский хирург, ученый, автор трудов по анестезиологии, доктор медицинских наук, профессор; духовный писатель, доктор богословия (1959). Лауреат Сталинской премии первой степени (1946)».

К этому еще можно добавить: человек, прошедший тюрьмы и ссылки, в самые тяжелые и опасные времена свидетельствовавший о вере — в те времена, когда за свои убеждения можно было поплатиться не только свободой, но и жизнью.

Когда мне ранее доводилось слышать или читать о Святителе Луке, всегда до боли знакомой, родной, белорусской, казалась его фамилия — Войно-Ясенецкий. Но как следовало из его биографии, родился он в Керчи, а потому мог быть и из украинской, и из польской шляхты. Однако, не так давно, на глаза мне попалась статья, в которой говорилось, что отец его, Феликс Станиславович, — католик, родом из Беларуси, из Сенненского уезда Могилевской губернии, и что родился он в 1841 году. Что называется, сам Бог велел заглянуть в наш исторический архив. И небезуспешно. Нашлись записи о рождении Феликса Станиславовича и о бракосочетании его родителей — Станислава Войно и Малгожаты Тржасковской, которые и хочется представить широкой публике. (Пусть читателя не смущает то, что в записях фигурирует

Толочинский костел.

Felix Woyna 80 19 25

Roku Tysiąc Osiemset Czterdziestego pierwszego Miesiąca Listopada dwudziestego piątego dnia, w Tołoczyńskim Rzymsko Katolickim Parafialnym Kościele, ochrzczono z wody i Olejem Ś. niemowle Imieniem Felix przez X. Piotra Woydaka Plebana tegoż Kościoła

Urodzonych Stanisława i Małgorzaty z Trzaskowskich Woynow Słubnych Małżonków Syna Roku tegoż i miesiąca dziewiętnastego dnia, we Wsi Pietraszach Parafii Tołoczyńskiey rano narodzonego.

Trzymali do Chrztu Ś. W.W. Pan Antoni Sipajło porucznik odstawny obywatel Pow: Kopyskiego Żonaty z W. Panią Katarzyną Rywińską Chorążyną Assystowali Urodzony Mikołay Woyna z Urodzoną Julią Atroszkiewiczową zamężną.

Метрическая запись о рождении Феликса Войно.

только одна часть фамилии — Войно. Такие вещи довольно часто встречаются в шляхетских метриках.)

Выписка из метрической книги Толочинского костела о родившихся за 1841 год.

«Когда? Где? Кто? Кем? И только водой или и святым елеем крещен?

№ 80. Тысяча восемьсот сорок первого года месяца ноября 25 дня в Толочинском римско-католическом приходском костеле крещен водой и елеем святым ребенок именем Феликс ксендзом Петром Войдаком, плебаном того же костела.

Каких родителей? Когда? В какой парафии? И где родился?

Благородных Станислава и Малгожаты из Тржасковских Войно законных супругов сына того же года и месяца 19 дня в деревне Петрашах[1] Толочинской парафии рано утром.

Кто крестные? И кто при крещении присутствовал?

Держали при крещении святом ясновельможный пан Антоний Сипайло, отставной поручик, обыватель Копысского повета, женатый, с вельможной ясной пани Катериной Рывинской, хоружиной, ассистировали благородный Николай Войно с благородной Юлией Атрошкевичевой, замужней» (*перевод с польского*) (ф. 1781, оп. 30, д. 161, л. 10 об.).

Выписка из метрической книги Вядецкого[2] костела о бракосочетавшихся за 1841 год.

«Когда? Где? Кто? И по скольким заповедям либо по разрешению брак благословил?

№ 1. Лета Господня тысяча восемьсот сорок первого февраля второго дня в костеле парафиальном римско-католическом Вядецком викарий ксендз Юзеф Юшкевич по оглашении трех заповедей, из которых первое двадцатого января, второе оглашение двадцать седьмого января, третье второго февраля, в присутствии людей, собравшихся на богослужение.

Каких именно новобрачных, какого рода, сословия, возраста и парафии оба?

Благородный Станислав Войно, юноша, двадцати лет, парафии Толочинской, с благородной Малгожатой Тржасковской, девицей, парафии Вядецкой, двадцати лет, из деревни Новой Белицы[3], с согласия обеих сторон письменного и внешнего, и по

[1] Петраши — деревня Высоко-Городецкой волости Сенненского уезда Могилевской губернии (ныне — Витебской области Толочинского района Волосовского сельсовета).

[2] Вядец — село Ульяновичской волости Сенненского уезда Могилевской губернии (до 1969 года деревня Витебской области Сенненского района Ульяновичского сельсовета).

[3] Новая Белица — село Ульяновичской волости Сенненского уезда Могилевской губернии (ныне — Витебской области Сенненского района Белицкого сельсовета).

сделанном экзамене о препятствиях к браку и не открывшихся из них никаких, через новобрачных на этот союз обоюдное согласие, через обмен знаками взаимными выраженными.

Каковы имя и фамилия обоих родителей новобрачных и кто свидетели?

Благородный Юзеф сын Казимира из Войно, Кароль сын Франтишка из Тржасковских, Кристина из Родневских […] при свидетелях, веры достойных […] поручике войск российских Ромольде Круковиче» (*перевод с польского*) (ф. 1781, оп. 30, д. 366, л. 7).

В Старосельском[1] костеле за 1841 год находим еще одну важную запись — о бракосочетании Габриэля Войно (брата Станислава) и Гонораты Хрептович, — где можно видеть имя матери Станислава, прабабушки Валентина Феликсовича: в графе о родителях указаны — Юзеф сын Казимира и Марианна из Соколов Войно; родители невесты — Фортунат сын Михаила и Фортуната из Кацюцевичей Хрептовичи (ф. 1781, оп. 30, д. 162, л.14).

Таким образом, родословная Святителя Луки на сегодняшний день выглядит так:

Казимир

↓

Юзеф + Марианна Сокол

↓

Станислав (примерно 1821) + Малгожата Тржасковская

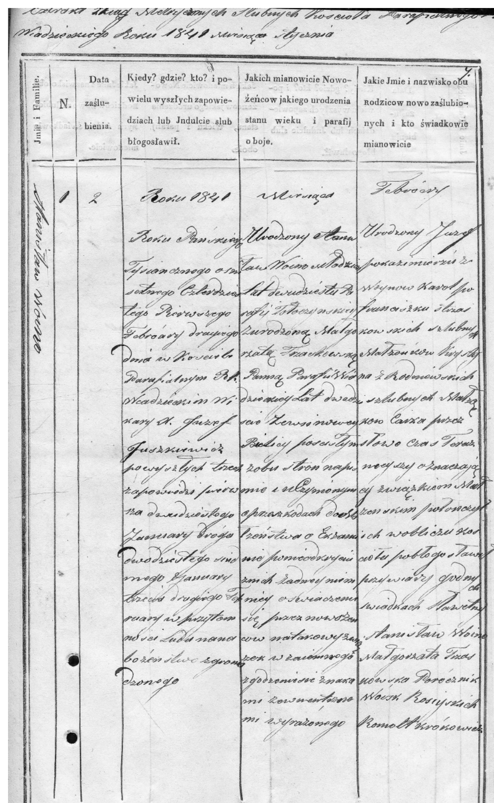
↓

Феликс (1841) + Мария Дмитриевна Кудрина

↓

Валентин (Святитель Лука) (1877)

О своем отце Валентин Феликсович в автобиографии писал следующее: «Мой отец был католиком, весьма набожным, он всегда ходил в костел и подолгу молился дома. Отец был человеком удивительно чистой души, ни в ком не видел ничего дурного, всем доверял, хотя по своей должности был окружен нечестными людьми. В нашей

Jmię i Familie.	N.	Data zaślubienia.	Kiedy? gdzie? kto? i po wielu wyszłych zapowiedziach lub Jndulcie slub błogosławił.	Jakich mianowicie Nowożeńcow jakiego urodzenia stanu wieku i parafij o boje.	Jakie Jmie i nazwisko obu rodzicow nowo zaślubionych i kto świadkowie mianowicie

Метрическая запись о бракосочетании Станислава Войно и Малгожаты Тржасковской.

православной семье он, как католик, был несколько отчужден.

Мать усердно молилась дома, но в церковь, по-видимому, никогда не ходила. Причиной этого было ее возмущение жадностью и ссорами священников, происходившими на ее глазах […]

Религиозного воспитания я в семье не получил, и если можно говорить о наследственной религиозности, то, вероятно, я ее наследовал главным образом от очень набожного отца».

Отрадно знать, что Святитель Лука — наполовину белорус. А еще — хочется верить, что подобные случаи способствуют преодолению вражды и недоверия между католиками и православными.

Наталья КАЗАПОЛЯНСКАЯ

---

[1] Староселье — деревня Бобрской волости Сенненского уезда Могилевской губернии (ныне — Минской области Крупского района Игрушковского сельсовета).

АВЛАСЕНКО Геннадий Петрович. Родился в 1955 г. в д. Липовец Ушачского района Витебской области. Окончил биологический факультет Белорусского государственного университета. Автор нескольких книг для детей и взрослых. Живет в Минске.

БОГДАНОВИЧ Ирина Эрнстовна. Родилась в 1956 г. в г. Лида Гродненской области. Окончила историко-филологический факультет Гомельского государственного университета и аспирантуру при Институте литературы им. Я. Купалы АН Беларуси. Автор поэтических сборников «Чаравікі маленства», «Фрэскі», «Вялікдзень», «Сармацкі альбом», «Душа лістападу», монографий «Янка Купала і рамантызм», «Авангард і традыцыя: беларуская паэзія на хвалі нацыянальнага адраджэння» и др. Живет в Минске.

КЛИМКОВИЧ Сергей Владимирович. Родился в 1972 г. в г. Борисов Минской области. Окончил Литературный институт им. М. Горького. Автор книг «Танцует осень», «Одиночество в раю», «Шаг в никуда», «Обитель Неспящих», «Забвение сердец», «Тяжелые времена», «Секрет Полины», «Прогулка к небесам» и др. Живет в Минске.

КЛАКОЦКИЙ Алексей Викторович. Родился в 1981 г. в Бобруйском районе Могилевской области. Окончил Белорусскую государственную сельскохозяйственную академию (г. Горки). Печатался в журналах «Нёман» и «Новая Немига литературная». Живет в Минске.

ЛУЧИЦКИЙ Михаил Александрович. Родился в 1972 г. в Минске. Окончил Санкт-Петербургскую государственную академию физической культуры им. П. Ф. Лесгафта. Печатался в республиканских периодических изданиях. Живет в Минске.

ЗЛОТНИКОВА Ольга Сергеевна. Родилась в 1987 г. в Минске. Училась в Белорусском государственном университете культуры и искусств. Автор трех книг поэзии. Победитель республиканского литературного конкурса молодых поэтов в г. Бресте, лауреат второго поэтического международного фестиваля «Дорога к храму». Живет в Минске.

РЭЙ Жан (Раймон Жан Мари де Кремер). Родился в 1887 г. в Генте (Бельгия). Учился в Гентском государственном педагогическом училище. Классик бельгийской школы «странного рассказа». Автор 1500—1600 рассказов и романов, около 5000 репортажей и статей. Умер в 1964 г. в Генте (Бельгия).

АНАНД Мулк Радж. Родился в 1905 в г. Пешавар (Бенгальское президентство, Британская Индия). Один из пионеров англоязычной индийской прозы, получивший широкую известность за рубежом. Учился в колледже Халса в Амритсаре (Индия), затем в университетском колледже Лондона (Англия). Автор многочисленных романов и рассказов. Лауреат Международной премии Мира. Умер в 2004 г. в г. Пуна (Индия).

ШЕКСПИР Уильям. Родился в 1564 г. в г. Стратфорд-на-Эйвоне (Англия). Учился в стратфордской «грамматической школе». Один из самых знаменитых драматургов мира, автор по крайней мере 17 комедий, 10 хроник, 11 трагедий, 5 поэм и цикла из 154 сонетов. Умер в 1616 г.